INTERNATIONAL LAW JOURNAL

2026, Том 9, № 5

Подписано к публикации: 04.08.2026

Главный редактор журнала

Шадже Азамат Мухамчериевич
доктор юридических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Абшилава Георгий Валерьянович *(РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор*
Авакян Рубен Осипович *(Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор*
Айбатов Магомеднаби Магомедмирзоевич *(РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор*
Белоцеркович Денис Валерьевич *(РФ, г. Хабаровск) – кандидат юридических наук, доцент*
Бирюков Павел Николаевич *(РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор*
Василевич Григорий Алексеевич *(Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор*
Васильев Сергей Владимирович *(РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор*
Васильев Федор Петрович *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор*
Глебов Игорь Николаевич *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор*
Громов Владимир Геннадьевич *(РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор*
Джалилов Эльвис Алимович *(РФ, г. Тольятти) – кандидат юридических наук, доцент*
Жамулдинов Виктор Николаевич *(Казахстан, г. Павлодар) – кандидат юридических наук, доцент*
Захарова Светлана Александровна *(РФ, Екатеринбург) – кандидат юридических наук, доцент*
Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович *(Казахстан, г. Астана) – доктор юридических наук, профессор*
Кириллова Ирина Александровна *(РФ, г. Курск) – кандидат юридических наук, доцент*
Коваленко Вадим Николаевич *(РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор*
Кожевников Олег Александрович *(РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент*
Коршунова Ольга Николаевна *(РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор*
Лазарева Лариса Владимировна *(РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор*
Машовец Асия Океановна *(РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, доцент*
Мельников Николай Николаевич *(РФ, г. Орёл) – доктор юридических наук, доцент*
Минязева Татьяна Федоровна *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор*
Миронов Анатолий Николаевич *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор*
Михайлова Екатерина Владимировна *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник*
Мишина Наталья Вячеславовна *(РФ, г. Москва) – доктор политических наук, доцент*
Мустафаева Айтен Инглаб *(Азербайджан, г. Баку) – доктор юридических наук, профессор*
Небратенко Геннадий Геннадьевич *(РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор*
Николайченко Виктор Викторович *(РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор,*
Остапович Игорь Юрьевич *(РФ, г. Барнаул) – доктор юридических наук, доцент*
Пешкова Христина Вячеславовна *(РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор*
Сумачев Алексей Витальевич *(РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор*
Халифаева Анжела Курбановна *(РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор*
Числов Александр Иванович *(РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор*
Файзиев Шохруд Фармонович *(Узбекистан, г. Ташкент) – кандидат юридических наук, доцент*
Флоря Евгений Константинович *(Молдова, г. Кишинев) – кандидат юридических наук, доцент*
Шатковская Татьяна Владимировна *(РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор*
Шошин Сергей Владимирович *(РФ, г. Саратов) – кандидат юридических наук, доцент*

«International Law Journal» включен в перечень ВАК с 25.12.2020г.,
Единый государственный перечень научных изданий (ЕГПНИ) - «Белый список» с 09.09.2025г., Elibrary.ru
Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-78049 от 4 марта 2020г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2658-5693 (online)

E-mail: law@dgpu-journals.ru
Сайт: https://ilj-journal.ru

© International Law Journal, 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Содержание

Сафин Т.И.
Опровержение презумпции вины, установленной пунктом 10 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» 6-12

Воронова О.Н., Гирюшта С.А.
Некоторые вопросы применения презумпции причинения существенного вреда имущественным правам при доказывании субсидиарной ответственности 13-18

Загребаева Е.В.
Правовая неопределенность статуса «временно исполняющий обязанности единоличного исполнительного органа» как лица, заинтересованного в совершении сделок 19-24

Маслов Г.А.
Условия применения института существенного изменения обстоятельств для изменения (расторжения) долгосрочных договоров по гражданскому праву России 25-35

Разяпова С.Э., Сазанкова О.В.
Реализация социальной функции наследственного права 36-42

Карпов К.А.
Финансово-правовое регулирование рынка ценных бумаг в Эфиопии 43-48

Пикунова А.А.
Проблемы защиты секрета производства в международных сделках 49-57

Дьякова Л.С., Коноваленко О.Л.
Историко-правовой аспект развития медиации в российском гражданском процессе 58-64

Любимова Г.М.
Административно-криминообразующая повторность при квалификации автотранспортных преступлений, предусмотренных ст. 264.1-264.3 УК РФ: отечественный и зарубежный опыт 65-71

Потребич А.В.
Договорные модели распределения гражданско-правовых рисков в обязательствах на рынке ценных бумаг 72-80

Алексеева М.В., Рыбак С.В.
Искусственный интеллект в сфере государственного управления: правовой статус и модели юридической ответственности 81-88

Иванова С.В., Рыбак С.В.
Административно-правовое обеспечение экологического управления в государствах БРИКС 89-95

Ясакова В.Е., Кузбагарова Е.В.
Роль документации промышленной безопасности при проведении строительно-технической экспертизы зданий на опасных производственных объектах 96-100

Середа С.П.
Институт пробации в Российской Федерации: системные дефекты правового регулирования и концептуальные подходы к их преодолению 101-107

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Швец А.В., Швец И.А.
Кодификация международного космического права в условиях фрагментации правопорядка: вызовы и перспективы 108-114

Глотов И.Д.
Противодействие злоупотреблениям кредиторов как способ защиты законных интересов должника в деле о банкротстве 115-121

Головинов А.В., Головинова Ю.В.
Конструкции территориального самоуправления в политико-правовой мысли М.И. Альтшуллера 122-126

Карпов А.С.
Изменение обвинения при прекращении уголовного преследования судом в отношении военнослужащих в порядке статьи 28.2 УПК РФ 127-134

Мирова М.А.
Субъект права на самоопределение: понятие «народа» в международном праве 135-143

Башкин И.В.
Негосударственные акторы в системе международно-правового регулирования киберпространства: роль технических стандартов и модели co-regulation 144-150

Тервонен Н.Э.
Актуальные проблемы понятийного аппарата в области криминалистического исследования холодного оружия 151-157

Вагидов Т.Я.
Компенсация за нарушение исключительных прав на товарный знак и злоупотребление правом при обращении в суд 158-163

Бессараб Н.С., Макаров М.И., Тюлюбаева С.А.
Право интеллектуальной собственности и биопечать in situ 164-169

Порошков В.А.
Свойство следования за вещью как признак вещных прав 170-175

Пустомолотов И.И.
Юридическая ответственность как инструмент правового воздействия 176-185

Тимошин Д.И., Подъячева А.А.
Проблемы правового регулирования и функционирования закупок по части 12 статьи 93 Федерального закона № 44-ФЗ при недостаточности характеристик в КТРУ 186-192

Джулакян А.Ю., Литвинова С.Ф.
Многомерная природа цифровых финансовых активов как фактор совершенствования правового регулирования 193-200

Магомедова Е.А., Еремичева А.С., Печенцова Е.С., Зайцева М.А.
Школа правовых знаний как инструмент преодоления правового инфантилизма детей и молодежи 201-206

Осина А.А.
Пределы усмотрения третейского суда при проведении письменного разбирательства 207-212

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Скопа В.А.
Философия права в воззрениях славянофилов: самобытный взгляд на юриспруденцию 213-218

Васильев А.А., Пономарева Е.В.
Правовые последствия инцидента с рейсом KE007: трансформация принципа суверенитета в международном воздушном праве 219-223

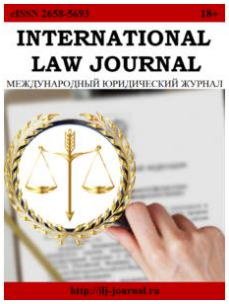
Порохин В.И.
Концессионное соглашение как предпринимательский договор 224-230

Середа С.П.
Проблемы квалификации преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: соотношение специальных и общих норм 231-236

Арташина И.А., Дудина В.Ю., Жулькова Ю.Н.
Экспериментальный правовой режим в обеспечении технологического суверенитета Российской Федерации 237-246

Кузнецов А.Н., Шукри Д.С.
Отдельные аспекты правоприменения исключений статьи 12h Регламента Совета (ЕС) № 833/2014 247-252

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.7
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-6-12

Опровержение презумпции вины, установленной пунктом 10 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»

[1] Сафин Т.И.,
[1] Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Аннотация: *в данной статье автор рассматривает фактические возможности выгодоприобретателя, в отношении которого законом установлена презумпция наличия влияния на должника, по опровержению презумпции вины (в делах о привлечении к банкротной субсидиарной ответственности). В случаях извлечения выгод сверх обычных рыночных показателей установлена неподъемность бремени доказывания для такого выгодоприобретателя, поскольку в данной категории споров все доказательства составляются лицами, которых правопорядок подозревает в совершении деликта (и суд относится к таким доказательствам критически в связи с наличием у делинквентов возможностей по их фальсификации и нерыночностью условий сделки, обогащающей выгодоприобретателя и приводящей к банкротству должника). На примере сделок с предпочтением, а также сделок по выводу активов должника на подконтрольные конечному бенефициару компании показано, что правопорядок не дает участникам гражданского оборота ориентиров относительно того, какими конкретно доказательствами презумпция вины выгодоприобретателя может быть опровергнута, при этом легализация подобного перечня создавала бы риск фальсификации оправдательных доказательств. Рассмотрены факторы объективного характера, влияющие на внутреннее убеждение суда при оценке доказательств невиновности выгодоприобретателя, а также положение добросовестного приобретателя бизнеса, не участвовавшего в первичной сделке по выводу активов. Автор приходит к выводу, что презумпция вины, продекларированная в абзаце 1 пункта 10 статьи 61.11 Закона о банкротстве, фактически является неопровержимой, а ответственность таких выгодоприобретателей – безвиновной, в связи с чем предлагается законодательно закрепить ее основание на «концепции риска».*

Ключевые слова: *субсидиарная ответственность, опровержение «презумпции вины», выгодоприобретатель, контролирующее должника лицо, дискреция суда, рыночность условий сделки*

Для цитирования: Сафин Т.И. Опровержение презумпции вины, установленной пунктом 10 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 6 – 12. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-6-12

Поступила в редакцию: 7 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

Refutation of the presumption of guilt established by paragraph 10 of article 61.11 of the Federal law "On insolvency (bankruptcy)"

[1] Safin T.I.,
[1] Saint Petersburg State University of Economics

Abstract: *in this article, the author examines the actual possibilities of the beneficiary, in respect of whom the law establishes the presumption of influence on the debtor, to refute the presumption of guilt (in cases involving bankruptcy subsidiary liability). In cases of extracting benefits beyond the usual market indicators, the burden of*

proof for such a beneficiary has been established to be unbearable, since in this category of disputes all evidence is compiled by persons whom the law and order suspects of committing a tort (and the court treats such evidence critically due to the delinquents' ability to falsify them and the non-market nature of the terms of the transaction, enriching the beneficiary and leading to bankruptcy of the debtor). Using the example of preference transactions, as well as transactions transferring the debtor's assets to companies controlled by the ultimate beneficiary, it is shown that the legal order does not provide participants of civil turnover with guidance as to what specific evidence may rebut the presumption of the beneficiary's guilt, while the legalisation of such a list would create a risk of falsification of exculpatory evidence. The objective factors influencing the inner conviction of the court when assessing evidence of the beneficiary's innocence are considered, as well as the position of a good faith acquirer of a business who did not participate in the initial asset-transfer transaction. The author concludes that the presumption of guilt declared in paragraph 1 of clause 10 of article 61.11 of the Bankruptcy Law is in fact irrebuttable, and the liability of such beneficiaries is strict, and therefore it is proposed to establish by law that such liability is based on the «risk concept».

Keywords: *subsidiary liability, refutation of the "presumption of guilt", beneficiary, controlling debtor, discretion of the court, marketability of the terms of the transaction*

For citation: Safin T.I. Refutation of the presumption of guilt established by paragraph 10 of article 61.11 of the Federal law “On insolvency (bankruptcy)”. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 6 – 12. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-6-12

The article was submitted: May 7, 2026; Approved after reviewing: June 10, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

Устанавливая субсидиарную ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов, пункт 10 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) констатирует ее виновный характер, а также презумпцию вины. В сделках, которые могут быть квалифицированы как вывод активов должника, на практике возникают проблемы с опровержением этой презумпции, когда выгоды от такой сделки превышают обычные рыночные показатели.

Рассматривая случаи погашения ранее возникшего долга, важно отметить, что кредиторы не всегда воспринимают такое предоставление от потенциального банкрота как действие противоправное (несмотря на наличие в Законе о банкротстве статьи 61.3 об оспаривании сделок с предпочтением). «Типическое поведение кредитора, управомоченного, совсем иное, нежели того, кто получает что-либо ему не причитающееся», пишет Л.И. Петражицкий [8]. Как правило, кредиторы стараются истребовать и охотно принимают просроченный долг, сообразуясь с римской максимой «цивильное право написано для деятельных» (D.42.8.24) [5]. «По взгляду римскихъ юристовъ, – подтверждает К.И. Малышев, – въ полученіи платежа проявлялась похвальная бдительность кредитора, въ отличіе отъ небреженія другихъ кредиторовь о своихъ интересахъ. Востребованіе платежа было бы наказаніемъ заботливаго хозяина въ пользу нерадивыхъ кредиторовь» [7]. Этот подход находит свое отражение в банкротной практике Верховного Суда РФ, который в Определении СКЭС ВС РФ от 10.04.2023 N 309-ЭС22-24243 поддержал одного из 150 граждан (единственного обратившегося в суд), добившегося заключения «договора участия в долевом строительстве», подчеркнув, что «[т]акой результат мог быть достигнут вследствие правомерной активности кредитора при защите своих прав» (Определение СКЭС ВС РФ от 10.04.2023 N 309-ЭС22-24243). Как писали римляне, «первому по времени – предпочтение в праве». В терминологии, используемой Верховным Судом РФ применительно к банкротной субсидиарной ответственности, это «нормальный (сложившийся) режим хозяйствования», когда, «оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота» (Определения СКЭС ВС РФ от 23.08.2021 N 305-ЭС21-7572; от 21.10.2019 N 305-ЭС19-9992; пункт 2 "Обзора судебной практики ВС РФ N 2 (2016)" (утв. 06.07.2016 Президиумом ВС РФ)). Потенциальная реституция кредиторов не останавливает, поскольку она лишь приводит стороны в первоначальное положение, при котором кредитор имеет право требования к должнику-банкроту. Риска возникновения субсидиарной ответственности такие кредиторы для себя не видят, поскольку объективно они не являются «контролирующими должника лицами» (далее – КДЛ). В настоящей статье будет показано

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

наличие таких рисков (ввиду получения данными кредиторами реальной выгоды и фактической невозможности опровержения ими презумпции вины в доведении должника до банкротства).

Материалы и методы исследований

Отдельно следует отметить, что не все специалисты по банкротному праву поддерживают позицию о возможности привлечения к субсидиарной ответственности при заключении сделок, по которым кредиторы должника-банкрота получают удовлетворение в ущерб интересам других кредиторов. Так, Е.Д. Суворов полагает, что «законодатель, как представляется, по ошибке использовал категорию сделок с предпочтением как презюмирующих доведение до банкротства. Такая ошибочность заключается в том, что оказание предпочтения ни при каких условиях не может создать дополнительного (непредвиденного) ущерба для должника, это всегда исполнение его собственного обязательства» [13]. С данной правовой позицией согласиться сложно. Во-первых, оплата должником номинала своего долга может лишить его остатка оборотных средств, необходимых для текущей деятельности, что усугубит риск наступления банкротства (как и передача по отступному ключевого актива может остановить коммерческую (производственную) деятельность должника). Во-вторых, неблагополучное финансовое положение находящегося в предбанкротном состоянии должника de facto снижает рыночную стоимость долга. В таких условиях разумный должник (обязанный учитывать интересы всех своих кредиторов) не платит «по номиналу» одному из них, а, как минимум, может ставить вопрос о дисконтировании долга (в рамках общего плана по выходу из кризиса). На необходимость анализа ликвидности права требования (в спорах о совершении сделок с предпочтением) обращает свое внимание и Верховный Суд РФ (Определения от 08.02.2023 N 305-ЭС21-8027(7); от 08.02.2023 N 305-ЭС22-20515).

Официальная статистика последних лет свидетельствует о том, что в процедурах банкротства непривилегированные кредиторы получили лишь 6% от долга. Это означает, что кредитор, получивший в счет ранее возникшего долга 100% встречного исполнения (по сделке с предпочтением), выгоду получил. И эта выгода на 94% превышает обычные рыночные показатели (является «сверхвыгодой»). Подтвердить свою невиновность такой кредитор теоретически может через представление доказательств того, что он «действовал согласно обычным условиям гражданского оборота» (абзац 2 пункта 10 статьи 61.11 Закона о банкротстве), «при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота» (абзац 2 пункта 1 статьи 401 ГК РФ). Практические проблемы с таким доказыванием связаны с тем обстоятельством, что правопорядок не дает участникам гражданского оборота ориентиров, какими конкретно доказательствами презумпция вины такого выгодоприобретателя может быть опровергнута. Защищая невиновных лиц, в реальности должника не контролирующих (и потому не подлежащих привлечению к банкротной субсидиарной ответственности), в абзаце 3 пункта 7 Постановления Пленума от 21.12.2017 N 53 "О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве" (далее – «Постановление N 53») Верховный Суд РФ дает лишь один пример искомого доказательства, но он касается только сделок рыночных (и потому не распространяется на вышеуказанный пример извлечения «сверхвыгоды», где от потенциального банкрота получено 100% долга).

Результаты и обсуждения

Для соблюдения абзаца 2 пункта 10 статьи 61.11 Закона о банкротстве и абзаца 2 пункта 1 статьи 401 ГК РФ извлекшие «сверхвыгоды» выгодоприобретатели должны заблаговременно обеспечить себя необходимыми доказательствами (как пишет Б.В. Попов, «запасаясь своевременно доказательствами совершаемых правовых актов, [идти] навстречу интересам правосудия, подготовляя торжество ему в смысле выяснения истины в будущем возможном процессе») [9]. Однако на практике правопорядок не дает выгодоприобретателю перечня доказательств (достаточных для опровержения презумпции вины), поскольку легализация такого списка позволит недобросовестным выгодоприобретателям и совершившим незаконные или недобросовестные действия руководителям должника (подпункт 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве) фальсифицировать подобные доказательства. Этот риск реален в силу того, что доказательства по подобного рода спорам исходят от самих ответчиков, привлекаемых к субсидиарной ответственности (заинтересованных в появлении оправдательных доказательств, как реальных, так и сфабрикованных). В данном случае неприменим подход, согласно которому участникам гражданского оборота сообщается перечень косвенных доказательств, каждое из которых (само по себе) не является основанием для освобождения от ответственности, но «в совокупности и взаимосвязи» с иными юридическими фактами из перечня может быть признано обстоятельством, свидетельствующим о

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

невиновности ответчика (подобный подход представлен, например, в пунктах 5, 6 Постановления Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 N 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды»).

Безусловно, в вопросах установления перечня допустимых и достаточных доказательств, закон не может претендовать на исчерпывающий и абсолютный охват всех жизненных ситуаций [2]. Как писал Аристотель, «всякий закон [составлен] для общего [случая], но о некоторых вещах невозможно сказать верно в общем [виде]» [4]. Следует согласиться с Г.Ф. Шершеневичем в том, что дефиниции в законе – вещь совершенно бесполезная [14]. С.В. Сарбаш отмечает, что «[в]сякое понятие чего-то идеального условно. Как говорил известный римский юрист Луций Яволен Приск, omnis definitio in iure civili periculosa est – всякая дефиниция в гражданском праве опасна» [10]. Но по справедливому замечанию К.И. Скловского, «в дефиниции, пожалуй, важна не она сама, а лишь ведущие к ней пути» [11]. И такие ориентиры правопорядок должен участникам оборота давать.

По схожей ситуации проблем с доказыванием Б.В. Попов отмечает, что лицу «немыслимо даже предвидеть, каких только доказательств не потребуют от него на суде…». «За пределами человеческого предвидения никто не может быть осторожным» пишет Б.С. Антимонов, разъясняя, что «[н]еосторожность понятие негативное – отсутствие должной осторожности. Это понятие немыслимо без своего антипода – понятия должной заботливости» [3]. Последнее, как известно, является критерием невиновности, установленным в абзаце 2 пункта 1 статьи 401 Гражданского кодекса РФ.

В отсутствие четкого понимания, какие доказательства невиновности выгодоприобретателя являются в российской юрисдикции убедительными и достаточными, при вынесении решений суды руководствуются «своим внутренним убеждением», как принципом свободной оценки доказательств, предусмотренным частью 1 статьи 71 АПК РФ. На это убеждение влияют следующие факторы объективного характера, вытекающие из положений подпункта 3 пункта 4 статьи 61.10 и подпункта 1 пункта 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве: (а) выгода получена в размерах, превышающих обычные рыночные значения; (б) выгода получена из действий директора должника, который вопреки требованиям пункта 3 статьи 53 ГК РФ действовал во вред должнику незаконно или недобросовестно; (в) выгода настолько велика, что повлекла за собой банкротство должника; (г) законодатель подозревает выгодоприобретателя в совершении деликта, поскольку установил презумпцию его влияния на должника; (д) Конституционный Суд РФ презюмирует в подобного рода спорах не только вину, но и противоправность, предлагая ответчику «представить доказательства правомерности своего поведения» (Постановление Конституционного Суда РФ от 21.05.2021 N 20-П, Постановление Конституционного Суда РФ от 07.02.2023 N 6-П, Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2024 N 656-О, Определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 N 1288-О); (е) «Извлечение выгоды из явно неразумного поведения контрагента» Конституционный (пункт 3.3 Постановления Конституционного Суда РФ от 15.01.2026 N 1-П) и Верховный (Определение СКЭС ВС РФ от 06.08.2018 N 308-ЭС17-6757(2,3)) Суды РФ квалифицируют как поведение недобросовестное; (ж) абсолютно неправдоподобным выглядит предположение, что «сверхвыгодные» условия сделки (фатально вредящей должнику) будут предложены должником лицу постороннему.

Оценивая все вышеизложенные обстоятельства в совокупности (как того требует часть 2 статьи 71 АПК РФ), суд будет исходить из минимальной вероятности того, что лицо, извлекшее за счет должника «сверхвыгоду», невиновно в банкротстве последнего. В подобных делах суд будет относиться «критически» ко всем доказательствам невиновности выгодоприобретателя, поскольку: (а) они составлены самим выгодоприобретателем, а также делинквентом-«директором должника» и не подтверждены независимыми (заслуживающими доверие суда) источниками доказательственной информации; (б) свидетельства таких ответчиков явно уступают в доказательственной силе объективным и бесспорным доказательствам экономического и фактического характера (подтверждающими получение «сверхвыгоды» за счет банкротства должника через деликт его директора).

Все вышеизложенные факторы имеют ключевое значение в спорах лиц, извлекающих «сверхвыгоды» за счет впадающего в банкротство должника (независимо от добросовестности выгодоприобретателя). Это означает, что презумпция вины, продекларированная в абзаце 1 пункта 10 статьи 61.11 Закона о банкротстве, фактически является неопровержимой, а ответственность таких выгодоприобретателей – безвиновной. В этой связи необходимо законодательно закрепить, что ответственность таких выгодоприобретателей основывается на «концепции риска» (когда обязанность по оплате реестра кредиторов должника возникает вследствие самого факта извлечения «сверхвыгоды» безотносительно виновности выгодоприобретателя). Закон не должен оставаться пустой декларацией, вводя участников гражданского оборота в заблуждение относительно реальных возможностей реализации их прав. «Не надо

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

забывать, что право существует не ради самого себя, не для торжества отвлеченной идеи, а ради живых людей, ввиду насущных интересов жизни», справедливо отмечает Г.Ф. Шершеневич. «Искать границы гражданских прав естественно прежде всего в законе», пишет М.М. Агарков [1].

Применение (в спорах о виновности лиц получивших «сверхвыгоду») института презумпции представляется необоснованным, поскольку она должна уравновешивать доказательственные возможности спорящих сторон, а не перемещать бремя доказывания, возлагая заведомо неисполнимую обязанность по опровержению презумпции. Рассуждая категориями римских юристов, можно утверждать, что «невозможное не является (предметом) обязательства» (D.50.17.185) [6]. Это не тот случай, о котором пишет Б.В. Попов, где «ограниченность человеческих средств нахождения истины делает возможными случаи, когда факты истинны и действительны, между тем не могут быть доказаны заинтересованным лицом. Non jus tibi deficit, sed probatio». В рассматриваемом нами примере с извлечением «сверхвыгоды» выгодоприобретатель в принципе не может при заключении сделки собрать доказательства, которые гарантированно убедят суд в его невиновности.

Проблемы с опровержением презумпции вины наглядно выражены в примерах с выводом активов должника «конечными бенефициарами» на подконтрольные им компании (дефиниция «конечный бенефициар» применяется Верховным Судом РФ в спорах о привлечении контролирующего лица к банкротной субсидиарной ответственности (см., например, пункт 21 «Обзора судебной практики N 2 (2018)» от 04.07.2018)). Если бизнес должника экономически рентабелен, интересам конкурсной массы отвечает его реализация в банкротной процедуре «единым лотом» через «продажу предприятия» или «замещение активов» (статьи 110, 115 Закона о банкротстве). В попытке сохранить бизнес за собой конечные бенефициары (имея статус КДЛ) нередко выводят его на подконтрольную компанию. Пунктом 23 Постановления № 53 такой КДЛ привлекается к субсидиарной ответственности даже при рыночности условий выводящей активы сделки, признавая ее «значимой» и «существенно убыточной», как лишающей должника потенциального будущего «весомого» заработка (но только когда прекращение ведения бизнеса должника находится в причинной связи с данной сделкой, а не с другими экономическими проблемами должника). В отношении субсидиарной ответственности самой компании (на которую переведен бизнес) существующее положение дел нельзя признать с правовой точки зрения оптимальным. С одной стороны, противоправно стремясь снять риск этой ответственности, конечный бенефициар будет заинтересован в «субъективной добросовестности» руководителя компании, не информируя ее о фраудаторном характере сделки по выводу активов (что теоретически должно исключать вину компании и присвоение ей статуса КДЛ). С другой стороны, эффективность подобных попыток конечного бенефициара de facto сводится на нет презумпциями подпункта 3 пункта 4 статьи 61.10 и абзаца 1 пункта 10 статьи 61.11 Закона о банкротстве, согласно которым (а) компания является КДЛ, поскольку извлекла выгоду от приобретения прибыльного бизнеса и при доказанности обстоятельств совершенного конечным бенефициаром деликта практически невозможно опровергнуть презумпцию наличия влияния на должника со стороны компании-выгодоприобретателя, аффилированной с «конечным бенефициаром»-делинквентом (например, при субординации Верховный Суд РФ презюмирует, что компания, подконтрольная конечному бенефициару, контролирующему должника, «в силу аффилированности не могл[а] не знать о том, что [должник] находится в ситуации имущественного кризиса», предполагая «согласованность действий» компании и должника (пункт 4 «Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц», утв. 29.01.2020 Президиумом ВС РФ)); (б) вина компании презюмируется, поскольку не доказано обратное (невозможность предоставления компанией убеждающих суд доказательств вытекает из вышеуказанного факта аффилированности). Проблема усугубляется в ситуациях, когда конечный бенефициар продает компанию (на которую переведен бизнес должника) постороннему добросовестному лицу. Это может произойти (а) в процессе реализации конечным бенефициаром замысла по сокрытию собственного имущества от кредиторов (включая случаи его привлечения к субсидиарной ответственности за вывод активов должника) или (б) в процедуре банкротства конечного бенефициара. Не участвуя в первичной сделке по выводу активов, такие непричастные к деликту приобретатели бизнеса имеют еще меньше доказательственных возможностей, чем конечный бенефициар, в связи с чем их потенциал по опровержению вышеуказанных презумпций вины и «наличия влияния компании на должника» сводится к нулю [12]. В результате правопорядок получает (а) добросовестного приобретателя, заплатившего рыночную цену за бизнес, который безо всякого эквивалентного предоставления будет изъят и продан в пользу кредиторов должника (это субсидиарная ответственность компании-выгодоприобретателя в деле о банкротстве должника); и (б) конечного бенефициара, обогатившегося за счет продажи бизнеса. Как

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

отмечает Верховный Суд РФ, такой подход «делает безрисковой и оставляет безнаказанной противоправную деятельность лиц», выводящих активы должника (Определение СКЭС ВС РФ от 14.11.2022 N 307-ЭС17-10793(26-28)), что в терминологии того же суда «стимулирует недобросовестное поведение контролировавших должника лиц, злоупотребивших конструкцией юридического лица во вред его кредиторам» (Определение СКЭС ВС РФ от 04.08.2025 N 302-ЭС24-490(2,3)). Конституционный Суд РФ добавляет, что «приоритет защиты интересов независимых кредиторов тем более актуален в ситуации, когда юридическое лицо служит прикрытием для действий контролирующего его физического лица» (Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2024 N 11-П).

Выводы

Вышеизложенное подтверждает потребность в более тонкой законодательной настройке и балансировке вопросов соотношения прав участников гражданского оборота (с учетом фактической невозможности опровержения презумпции вины лицами, получившими «сверхвыгоды» за счет должника, впадающего в банкротство).

Список источников

1. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. М., Статут. 2012. Т. 2. 535 с.
2. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., Статут. 1999. 958 с.
3. Антимонов Б.С. Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР. Москва, Государственное издательство юридической литературы. 1950. 276 с.
4. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М., Мысль. 1983. Т. 4. 830 с.
5. Дигесты Юстиниана. Т. VI. Полутом 2. М., Статут. 2005. 563 с.
6. Дигесты Юстиниана. Т. VII. Полутом 2. М., Статут. 2005. 564 с.
7. Малышев К.И. Исторический очерк конкурсного процесса. Санкт-Петербург, Типография товарищества «Общественная польза». 1871. С. 455.
8. Петражицкий Л.И. О мотивах человеческих поступков, в особенности, об этических мотивах и их разновидностях. С.-Петербургъ, Типографія Э.Л. Пороховщиковой. 1904. 75 с.
9. Попов Б.В. Распределение доказательств между сторонами в гражданском процессе. Харьков, Типография и литография М. Зильберберг и С-вья. 1905. // СПС «Гарант».
10. Сарбаш С.В. Элементарная догматика обязательств. М., Статут. 2016. 336 с.
11. Скловский К.И. Работа адвоката по обоснованию и оспариванию добросовестности в гражданский спорах. Москва, ЛексЭст. 2004. 61 с.
12. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 6-е изд. М., Статут. 2023. 894 с. // СПС «КонсультантПлюс».
13. Суворов Е.Д. Субсидиарная ответственность по обязательствам несостоятельного должника. М., Статут. 2020. 207 с.
14. Шершеневич Г.Ф. Избранное: в 6-ти т. М.: Статут. 2017. Т. 2. 704 с.

References

1. Agarkov M.M. Selected Works on Civil Law: in 2 volumes. Moscow, Statut. 2012. Vol. 2. 535 p.
2. Alekseev S.S. Law: ABC – Theory – Philosophy: An Experience of a Comprehensive Study. Moscow, Statut. 1999. 958 p.
3. Antimonov B.S. The Importance of the Victim's Guilt in a Civil Offense. All-Union Institute of Legal Sciences of the Ministry of Justice of the USSR. Moscow, State Publishing House of Legal Literature. 1950. 276 p.
4. Aristotle. Works: in 4 volumes. Moscow, Mysl'. 1983. Vol. 4. 830 p.
5. Digests of Justinian. Vol. VI. Half-volume 2. Moscow, Statut. 2005. 563 p.
6. Digests of Justinian. Vol. VII. Half-volume 2. Moscow, Statut. 2005. 564 p.
7. Malyshev K.I. Historical Essay on the Competitive Process. St. Petersburg, Printing House of the "Public Benefit" Partnership. 1871. P. 455.
8. Petrazhitsky L.I. On the Motives of Human Actions, Particularly on Ethical Motives and Their Varieties. St. Petersburg, Printing House of E.L. Porokhovshchikova. 1904. 75 p.
9. Popov B.V. Distribution of Evidence between the Parties in Civil Proceedings. Kharkov, Printing House and Lithography of M. Zilberberg and St. Petersburg. 1905. SPS "Garant".

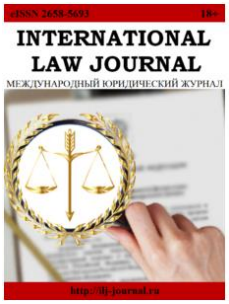
10. Sarbash S.V. Elementary Dogmatics of Obligations. Moscow, Statut. 2016. 336 p.
11. Sklovsky K.I. A Lawyer's Work on Substantiating and Challenging Good Faith in Civil Disputes. Moscow, LexEst. 2004. 61 p.
12. Sklovsky K.I. Property in Civil Law. 6th ed. Moscow, Statut. 2023. 894 p. SPS "ConsultantPlus".
13. Suvorov E.D. Subsidiary Liability for the Obligations of an Insolvent Debtor. Moscow, Statut. 2020. 207 p.
14. Shershenevich G.F. Selected Works: in 6 volumes. Moscow, Statut: 2017. Vol. 2. 704 p.

Информация об авторе

Сафин Т.И., аспирант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, talgat.safin.1998@gmail.com

© Сафин Т.И., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.736.4
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-13-18

Некоторые вопросы применения презумпции причинения существенного вреда имущественным правам при доказывании субсидиарной ответственности

[1] Воронова О.Н., [1] Гирюшта С.А.,
[1] Белгородский университет кооперации, экономики и права

Аннотация: *автором проанализирована актуальная судебная практика по применению подпункта 1) пункта 2 и пункта 3 статьи 61.11 Закона о банкротстве, взаимосвязанные практикообразующие положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.25 № 42, изучен предмет доказывания по соответствующим основаниям.*

Изучены положения судебных актов ВС РФ и сведения ЕФРСБ, на основе которых был сделан вывод о том, что участникам на практике требуются постоянные разъяснения конкретных правовых ситуаций для правильной их квалификации.

Выводы настоящей статьи могут использоваться в качестве «дорожной карты» при рассмотрении споров о привлечении к ответственности по подпункту 1) пункта 2 и пункту 3 статьи 61.11 Закона о банкротстве.

Ключевые слова: *баланс интересов, объективное банкротство, законодательная презумпция, вред от сделки, существенность вреда, субсидиарная ответственность контролирующих лиц*

Для цитирования: Воронова О.Н., Гирюшта С.А. Некоторые вопросы применения презумпции причинения существенного вреда имущественным правам при доказывании субсидиарной ответственности // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 13 – 18. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-13-18

Поступила в редакцию: 8 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

Some issues of applying the presumption of significant damage to property rights in proving subsidiary liability

[1] Voronova O.N., [1] Giryushta S.A.,
[1] Belgorod University of Cooperation, Economics, and Law

Abstract: *the author analyzes current judicial practice regarding the application of subparagraph 1) of paragraph 2 and paragraph 3 of Article 61.11 of the Bankruptcy Law, the interrelated practice-forming provisions of Resolution No. 42 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 23, 2025, and examines the subject matter of proof on the relevant grounds.*

The author also examined the provisions of judicial decisions of the Supreme Court of the Russian Federation and information from the Unified Federal Register of Bankruptcy Information, concluding that, in practice, participants require constant clarification of specific legal situations to correctly qualify them.

The findings of this article can be used as a roadmap when considering disputes regarding liability under subparagraph 1) of paragraph 2 and paragraph 3 of Article 61.11 of the Bankruptcy Law.

Keywords: *balance of interests, objective bankruptcy, statutory presumption, harm from a transaction, materiality of harm, subsidiary liability of controlling persons*

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

For citation: Voronova O.N., Giryushta S.A. Some issues of applying the presumption of significant damage to property rights in proving subsidiary liability. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 13 – 18. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-13-18

The article was submitted: May 8, 2026; Approved after reviewing: June 10, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

В рамках настоящей статьи рассмотрены некоторые особенности и характерные свойства применения презумпции, предусмотренной пп. 1) п. 2 и п. 3. ст. 61.11 Закона о банкротстве.

Банкротное законодательство изобилует разнообразием правовых презумпций, предусмотренных как нормами права, так и судебной практикой [9]. Необходимость их введения и широкого применения продиктовано изначальным существенным смещением баланса прав участников процесса и неравными возможностями по сбору доказательств и доказыванию.

В основе такого неравного баланса (конфликта) между должником и кредитором расположен, в широком смысле, законный интерес кредитора в побуждении должника в лице его контролирующих лиц действовать согласно закону и без злоупотреблений, и противоположное незаконное намерение контролирующих лиц действовать в своих интересах, выходящих за пределы правовых рамок, часто со злоупотреблением.

Конкретно это обстоятельство состоит чаще всего в том, что КДЛ намного ранее даты подачи заявления о признании должника банкротом предопределяет риск банкротства.

Одним из действенных механизмов противодействия такому противоправному поведению являются опровергаемые презумпции.

Смысл презумпции состоит в том, что вероятность презюмируемого обстоятельства существенно выше, чем обратного, а также, что при отсутствии презумпций на заявителей будет возлагаться неоправданно чрезмерное бремя доказывания тех обстоятельств, которые предполагаются. С началом введения и применения презумпций о вине в доведении до банкротства многие учредители, директора, работники обществ стали не до конца осознавать всю серьезность ситуации банкротства и риски, которым они подвергаются, токсичность взаимоотношений с потенциальным банкротом. Практически все подобные и многие другие лица могут на длительное время стать невольным участником банкротного процесса, когда конкурсный управляющий будет обращаться с заявлением об оспаривании сделок или привлечении к субсидиарной ответственности [4].

Сталкиваясь с темой банкротства, приходит понимание ее практически неисчерпаемости. Чтобы не стать жертвой банкротства контрагенту должника, его руководству необходимо обладать знаниями не только банкротного, но и корпоративного, гражданского законодательства, множества сопутствующих и затрагиваемых правоотношениями отраслей и институтов.

Закон в любом случае относительно абстрактен, однако на практике (в процедурах банкротства – тем более) систематически возникают ситуации, требующие в некотором роде правотворчества. Банкротное право не может быть просто втиснуто в сухой текст закона, по этой причине можно утверждать, что все участники банкротного процесса (стороны, судьи) пытаются развивать это право. Именно поэтому выходят ежегодные обзоры судебной практики по конкретным ситуациям в делах о банкротстве с разъяснениями путей их решения, правильных правовых подходах, и именно это предопределяет вынесение именно по делам о банкротстве самых интересных судебных актов.

Целью исследования выступает изучение сущности субсидиарной ответственности по причине совершения сделок, повлекших существенный вред имущественным правам кредиторов.

Задачами работы являются выполнение анализа правоприменительной практики, овладение данными статистики, фиксация аргументации общих рекомендаций по выявлению оснований для привлечения к (или защиты от) субсидиарной ответственности по заявленному основанию.

Гипотеза состоит в классификации и группировке данных по заявленному основанию привлечения к субсидиарной ответственности, что позволит углубить имеющиеся знания и понимание предмета доказывания.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие методы: индукция, дедукция, анализ, синтез, статистический и сравнительный метод, метод анализа научных документов.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Эмпирическая база исследования представлена мнением ученых, нормативными правовыми актами, научной и правовой литературой.

Согласно данным ЕФРСБ по итогам 2025 года число заявлений и ответчиков в заявлениях по данным из сообщений АУ, без фин. организаций составили в 2024 г. – 6247, 2025 г. – 5075. Число привлеченных к субсидиарной ответственности лиц в 2024 г. – 2637, 2025 г. – 3303. Суммы ответственности из решений по данным из опубликованных АУ актов, без фин.организаций (статус решения –привлечен или привлечен частично) в 2023 г. – 370,0 млрд. руб., 2024 г. – 331,6 млрд. руб., 2025 г. – 535,9 млрд. руб. [7].

В Президиуме Верховного Суда Российской Федерации в первом полугодии 2025 года рассмотрена по экономическим спорам в порядке надзора 141 жалоба.

СКЭС ВС РФ рассмотрено в кассационной инстанции – 10 713 жалоб и представлений.

В 2025 года в СКЭС ВС РФ рассмотрено 10 713 кассационных жалоб на судебные акты, принятые арбитражными судами [8].

Статистика указывает на то, что экономические споры продолжают занимать существенный объем рассматриваемых судами дел, несмотря на тенденцию снижения поданных заявлений, которая связана с усложнением и детализацией законодательства, разъяснением обязанности внесения госпошлины за подачу заявлений. Имеет место также рост суммы ответственности, а также числа привлеченных ответчиков, что происходит благодаря подробной регламентации статуса контроля над должником.

Результаты и обсуждения

Из содержания пп. 1) п. 2 и п. 3. ст. 61.11 Закона о банкротстве в предмет доказывания входят такие явления как: совершение самим КДЛ, либо пользу КДЛ, или по поручению, а также одобрение сделок; нанесение совершенными сделками вреда; весомость вреда правам кредиторов [6].

При доказывании совершения сделки заявителем представляются, как правило, первичные документы: договоры, протоколы собрания, решения участника. Суды будут изучать совокупность сделок, потому как хозяйственная деятельность не ограничивается совершением единственной операции, лишь в этом случае с очевидностью будет следовать умысел виновного лица.

Второй из обстоятельств доказывания, как правило, устанавливается теми же первичными документами, заключением финансовой (экономической) экспертизы, отчетом об оценке рыночной стоимости по сделкам. Явление причинения вреда объективируется в уменьшении активов или росте обязательств в любых их обличиях. Вред выражается цене, существенно отличающейся от рыночной в худшую сторону, сделка, в результате совершения которой должник утратил возможность продолжать осуществлять одно или несколько направлений хозяйственной деятельности, приносивших ему ранее весомый доход [5].

В случае отсутствия вреда от сделки основания для удовлетворения иска будут отсутствовать [10].

Наибольшую сложность при доказывании из всех составляющих пожалуй представляет третий пункт. К числу сделок с существенным влиянием на должника относятся, в частности, сделки должника, значимые для него (применительно к масштабам его деятельности). При этом следует учитывать, что значительно влияют на деятельность должника, например, сделки, отвечающие критериям крупных сделок (статья 78 Закона об акционерных обществах, статья 46 Закона об обществах с ограниченной ответственностью и т.д.) [2].

ФНС России считает, что необходимо считать существенным вредом вред, причиненный сделками с активами на сумму сделки, эквивалентную 20–25 % общей балансовой стоимости имущества должника (п. 4.1.1. Письма ФНС России от 16 августа 2017 г. № СА-4–18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ»).

Поскольку в основе презумпции лежит оценка наличия именно существенного вреда, то в обратном случае суды могут отказать в привлечении к субсидиарной ответственности, но взыскать убытки [11].

Относительная точка была поставлена Верховным Судом РФ, разъяснившим, что для оценки признака существенности судам необходимо сопоставить размер неудовлетворенных требований кредиторов с размером потерь от сделок [12].

Судом производится оценка существенности влияния действий КДЛ на положение должника путем проведения проверки на наличие причинно-следственной связи между такими действиями либо бездействием и последствиями, которые фактически привели к объективному банкротству [13].

Для ответчика ситуация состоит в обратном, им должны быть представлены доказательства разумности и целесообразности сделки или несущественности вреда относительно реестра требований кредиторов. Особое внимание необходимо уделить раскрытию данных, подтверждающих что такого рода сделка является типичной, распространенной, позволяет достичь конкретной цели предпринимательской деятельности.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Вышеизложенные обстоятельства доказывания применяются по ст. 61.11 Закона о банкротстве, введенной 29.07.2017 г. [1] применяется уже почти 10 лет, судебная практика достаточно определенная, за исключением вариаций совершения таких сделок. Оставался не до конца решенным вопрос об правильной оценке размера субсидиарной ответственности, заявителями и судами допускались ошибки при оценке размера и того, какие долги общества охватываются понятием «непогашенные требования кредиторов к должнику».

С дополнением ПП ВС РФ от 21.12.2017 № 53 главой «Размер субсидиарной ответственности» и некоторыми дополнениями уже существующих пунктов, процессуальных вопросов пробел был устранен [3]. Данные дополнения по большому счету распространяются на оценку размера субсидиарной ответственности по всем пунктам ст. 61.11, 61.12 Закона о банкротстве. Однако применительно к заявленному предмету анализа пп.1) п.2 и п. 3 указанной статьи Закона о банкротстве интерес представляют некоторые позиции.

В пункте 22(1) был продублирован и расширен уже устоявшийся в судебной практике постулат о необходимости устанавливать факт участия каждого конкретного ответчика в причинении вреда, при этом одинаковая должность ответчиков не может автоматически свидетельствовать об одинаковом использовании своих полномочий во вред должнику или о принадлежности к одной группе [4].

В пункте 22(2) было детализовано правило о взыскании с ответчика убытков, в случае если его действий по совершению убыточной сделки было недостаточно для доведения до объективного банкротства.

В пункте 26(7) было введено новое правило о том, что в ситуации невозможности погашения требований кредиторов из-за совершения очевидно невыгодной сделки, которая была одобрена частью кредиторов должника (в том числе независимых), имевших исчерпывающую информацию об условиях такой сделки и ее целях, требования указанных кредиторов не включаются в размер ответственности. Фактически это отказ в удовлетворении требований для недобросовестных участников гражданского оборота, которыми могут быть не только аффилированные, но и независимые кредиторы.

Указанные разъяснения существенно повышают возможность точной оценки правовой ситуации для применения к ней соответствующих норм права.

Выводы

Результат проведенной работы по изучению судебной практики демонстрирует, что презумпция пп.1) п.2 и п. 3. ст. 61.11 Закона о банкротстве является реально действующей и позволяет увеличить поле для маневра со стороны заявителя, а также расширить субъектный состав из числа лиц, которые могут быть привлечены к субсидиарной ответственности, применять более гибкий механизм по оценке суммы субсидиарной ответственности не только в зависимости от реестра требований, но и от роли в доведении до банкротства конкретного ответчика.

Более углубленная детализация фактических ситуаций, которые в банкротном процессе имеют значение, разъяснение официального взгляда на нее со стороны суда, безусловно способствует большей определенности при рассмотрении конкретных обособленных споров, а также обеспечивает вынесение законного и обоснованного судебного акта. Это достигается путем прямого применения нормы, а не общей оценки абстрактного описания такой ситуации в законе на предмет соответствия в действительности.

Вместе с тем, и без того многообразное банкротное законодательство со множеством исключений из общегражданских правил, опровергаемых презумпций, иным стандартом доказывания и распределением бремени доказывания продолжает усложняться путем представления правовых подходов по уже фактически конкретным ситуациям. При таком масштабировании подробного регулирования будет неудивительным, если правоприменителю придется пользоваться искусственным интеллектом для поиска нужной нормы. Стремление в детализации случаев для более правильной квалификации понятно и осязаемо – в банкротном процессе продолжают проявляться противоречивые ситуации, в которых сложно ориентироваться только на закон, поскольку баланс интересов сторон, публичного и частного может быть неочевидным и состоять в несущественном отличии правового регулирования.

Пока что по большей части в обозначенном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 2025 г. лишний раз только продублированы уже устоявшиеся подходы со ссылкой на применимые статьи гражданского и банкротного законодательства, усложняющиеся случаи хозяйственной деятельности должника требуют от пропорционально усложняющегося банкротного законодательства ясного ответа на вопрос о том, какими из более простых и составных норм следует руководствоваться в их логической и системной совокупности.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

По мнению автора в целях систематизации взглядов Верховного Суда РФ на конкретные ситуации предлагается фиксировать указанные положения правоприменительной практики о субсидиарной ответственности при банкротстве как это происходит и сейчас – в ежегодных Обзорах судебной практики ВС РФ, а не в общих разъяснениях применения законодательных норм. Это позволит не захламить разъяснения к нормам, тем самым объективируя их и оставляя «над правовой ситуацией, и с другой отграничить конкретные прецеденты.

Список источников

1. Федеральный закон от 29.07.2017 N 266-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" // Собрание законодательства Российской Федерации, 2017, N 31 (ч. 1). Ст. 4815.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 (ред. от 23.12.2025) "О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве" // [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. Правовая система. Дан. М., 2026.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 N 42 О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 года № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, N 43, ст. 4190

4. Баркалова Г.И., Наумов Я.В. Субсидиарные ответчики при банкротстве: ключевые аспекты и последствия // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. № 7 (106). 2025. С. 2 – 3.

5. Воронова О.Н., Гирюшта С.А. Юридическая природа субсидиарной ответственности при банкротстве // International Law Journal. 2025. Т. 8. № 2. С. 121.

6. Наумов Я.В. Финансовые операции должника, направленные на погашение долга, в рамках дела о банкротстве расцениваются как сделки с предпочтением // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 10. С. 317.

7. Банкротство в России. Статистический бюллетень Федресурса. Итоги 2025 года. (URL: https://download.fedresurs.ru/news/СтатбюллетеньбанкротствоФедресурс.pdf)

8. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в первом полугодии 2025 года административных, гражданских, уголовных дел, дел по разрешению экономических споров и дел об административных правонарушениях (URL: https://www.vsrf.ru/documents/statistics/34611/)

9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суду Российской Федерации от 6.07.2017 г. № 308-ЭС17-1556 (2) по делу № А32 19056/2014 // [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. Правовая система. М., 2026.

10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.03.2017 № 301-ЭС17-1485 по делу № А79-4818/2011 // [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. Правовая система. М., 2026.

11. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 19.09.2019 № Ф02-3306/2019 по делу N№А58-1600/2015 // [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. Правовая система. М., 2026.

12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.09.2019 г. № 305-ЭС19-10079 по делу № А41-87043/2015 // [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. Правовая система. М., 2026.

13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20.07.2017 № 309-ЭС17-1801 по делу № А50-5458/2015 // [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. Правовая система. М., 2026.

References

1. Federal Law of 29.07.2017 N 266-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" and the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses". Collected Legislation of the Russian Federation. 2017. N 31 (Part 1). Art. 4815.

2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.12.2017 N 53 (as amended on 23.12.2025) "On Certain Issues Related to Bringing Persons Controlling the Debtor to Liability in Bankruptcy". [Electronic resource]. ConsultantPlus: reference. Legal system. Data. M., 2026.

3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.12.2025 N 42 On Amendments to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 21 December 2017 N 53 "On Certain Issues Related to Bringing Persons Controlling the Debtor to Liability in Bankruptcy". Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. N 43. Art. 4190

4. Barkalova G.I., Naumov Ya.V. Subsidiary Defendants in Bankruptcy: Key Aspects and Consequences. Scientific and Practical Electronic Journal Alley of Science. No. 7 (106). 2025. P. 2 – 3.

5. Voronova O.N., Giryushta S.A. Legal Nature of Subsidiary Liability in Bankruptcy. International Law Journal. 2025. Vol. 8. No. 2. P. 121.

6. Naumov Ya.V. Financial transactions of the debtor aimed at debt repayment are assessed as transactions with preference in bankruptcy proceedings. Current Issues in the Humanities and Natural Sciences. 2014. No. 10. P. 317.

7. Bankruptcy in Russia. Statistical Bulletin of the Federal Resource. Results for 2025. (URL: https://download.fedresurs.ru/news/Статбюллетеньбарство2025Фэдресур.pdf)

8. Review of statistical data on the consideration by the Supreme Court of the Russian Federation in the first half of 2025 of administrative, civil, criminal cases, cases on the resolution of economic disputes and cases of administrative offenses (URL: https://www.vsrf.ru/documents/statistics/34611/)

9. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 6, 2017, No. 308-ES17-1556 (2) in case No. A32 19056/2014 [Electronic resource]. ConsultantPlus: reference. Legal system. M., 2026.

10. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 21, 2017 No. 301-ES17-1485 in case No. A79-4818/2011 [Electronic resource]. ConsultantPlus: reference Legal system. M., 2026.

11. Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District dated September 19, 2019 No. F02-3306/2019 in case No. A58-1600/2015 [Electronic resource]. ConsultantPlus: reference Legal system. M., 2026.

12. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 30, 2019 No. 305-ES19-10079 in case No. A41-87043/2015 [Electronic resource]. ConsultantPlus: reference Legal system. M., 2026.

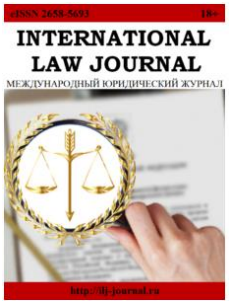
13. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 20, 2017 No. 309-ES17-1801 in case No. A50-5458/2015 [Electronic resource]. ConsultantPlus: reference Legal system. M., 2026.

Информация об авторах

Воронова О.Н., кандидат юридических наук, доцент, Белгородский университет кооперации, экономики и права

Гирюшта С.А., аспирант, Белгородский университет кооперации, экономики и права

© Воронова О.Н., Гирюшта С.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 346.2
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-19-24

Правовая неопределенность статуса «временно исполняющий обязанности единоличного исполнительного органа» как лица, заинтересованного в совершении сделок

[1] Загребаева Е.В.,
[1] ООО «ПСБ Страхование»

Аннотация*: в настоящей статье автором проанализированы нормы федеральных законов о сделках, в совершении которых имеется заинтересованность (далее – сделки с заинтересованностью). Установлено, что перечень лиц, заинтересованных в совершении сделок (далее – перечень заинтересованных лиц), сформирован путем перечисления конкретных должностей (исполнительный директор, заместитель ЕИО, заместитель председателя и проч.). При этом временно исполняющий обязанности единоличного исполнительного органа (далее – ВрИО ЕИО) не указан в перечне заинтересованных лиц, то есть не уделено правовое значение факту заключения таким лицом сделки.*

Ключевые слова: *временно исполняющий обязанности единоличного исполнительного органа, единоличный исполнительный орган, единый государственный реестр юридических лиц, лицо, заинтересованное в совершении сделки, юридическое лицо*

Для цитирования: Загребаева Е.В. Правовая неопределенность статуса «временно исполняющий обязанности единоличного исполнительного органа» как лица, заинтересованного в совершении сделок // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 19 – 24. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-19-24

Поступила в редакцию: 10 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

Legal uncertainty regarding the status of the temporary acting sole executive officer as a person interested in transactions

[1] Zagrebaeva E.V.,
[1] Limited liability company «PSB Insurance»

Abstract: *in this article, in the context of the conducted research, the author analyzes the provisions on interested-party transactions (hereinafter referred to as interested-party transactions) contained in federal laws. It has been determined that the list of interested persons (hereinafter – the list of interested persons) is structured by enumerating specific positions (executive director, deputy of the sole executive officer, deputy chairman, and others). At the same time, the temporary acting sole executive officer (hereinafter – Interim SEO) is not indicated in the list of persons interested in entering into a transaction – that is, no legal significance is attached to the fact that such a person enters into the transaction.*

Keywords: *temporary acting sole executive officer, sole executive officer, unified state register of legal entities, person interested in the transaction, legal entity*

For citation: Zagrebaeva E.V. Legal uncertainty regarding the status of the temporary acting sole executive officer as a person interested in transactions. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 19 – 24. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-19-24

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

The article was submitted: May 10, 2026; Approved after reviewing: June 11, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

Оперативное руководство деятельностью юридического лица обеспечивается его исполнительным органом (единоличным или коллегиальным), который в силу указания законов, содержащих нормы о сделках с заинтересованностью, для всех организаций включен в перечень лиц, заинтересованных в совершении сделки [1-12]. Будучи волеизъявляющим органом, ЕИО наделен широкими полномочиями. Законодательством предусмотрены случаи, когда допускается образование ВрИО ЕИО с полномочиями, тождественными полномочиям ЕИО. Так, на основании решения органа управления страховой организации назначается ВрИО ЕИО на период согласования с органом страхового надзора его кандидатуры в качестве ЕИО [13, 16]; о чем вносится запись в единый государственный реестр юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ). После получения согласования Банка России ВрИО ЕИО утверждается в должности ЕИО страховой организации.

В то же время в любой организации на период командировки, болезни, отпуска или при иных временных обстоятельствах возникает необходимость делегирования полномочий ЕИО (при сохранении за ним статуса работника организации) иному лицу – ВрИО ЕИО. В таком случае изменения в ЕГРЮЛ не вносятся, поскольку ВрИО ЕИО лишь на определенный срок замещает ЕИО. Указанная ситуация наделяет ВрИО ЕИО возможностью оформлять от имени организации сделки в собственных интересах, однако на условиях, явно не соответствующих интересам юридического лица. В условиях конфликта интересов сделка с заинтересованностью объективно способна причинить юридическому лицу вред иной, чем прямой вывод активов [14]. Ключевой вопрос заключается в следующем: признается ли ВрИО ЕИО заинтересованным в совершении сделки лицом, принимая во внимание, что объем его фактического воздействия на организацию сопоставим с полномочиями самого ЕИО при формировании воли юридического лица? Таким образом, наличие или отсутствие записи о ВрИО ЕИО в ЕГРЮЛ не влияет на его возможность заключать сделки от имени организации в своих интересах, что свидетельствует о его фактической заинтересованности (не предусмотренной законом). Возникает правовая неопределенность в правоприменении, поскольку иного критерия заинтересованности, кроме формального статуса ЕИО, законы, содержащие нормы о сделках с заинтересованностью, не устанавливают. Указанный вопрос и связанные с ним риски актуальны для юридических лиц любых организационно-правовых форм: наличие исполнительного органа (и, следовательно, ситуация временного возложения его полномочий на иное лицо) предусмотрено в каждой организации. В то же время если ВрИО ЕИО выступает как «представитель» контрагента (стороны сделки), то в силу указания норм ряда законов он упомянут заинтересованным лицом [1, 4-6, 9, 12].

Материалы и методы исследований

Предметом исследования послужили нормы о сделках с заинтересованностью Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – ФЗ об ООО), Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее соответственно – ФЗ об АО, АО) и аналогичные нормы других федеральных законов. В статье использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. Новизна и практическая значимость статьи состоят в предложенном подходе к определению заинтересованности ВрИО ЕИО, учитывающем его фактическую заинтересованность.

Результаты и обсуждения

Порядок назначения ВрИО ЕИО на период командировки ЕИО, его болезни, отпуска и при иных временных обстоятельствах Гражданским кодексом РФ не определен. Такой порядок может быть установлен уставом, например, на основании приказа председатель правления АО на период своего отсутствия назначает члена правления ВрИО ЕИО [15]. Для АО член правления в силу ФЗ об АО включен в перечень заинтересованных лиц [5]. Поэтому в приведенном примере при наличии соответствующего основания для АО сделка будет признаваться сделкой с заинтересованностью, а ее условия подпадут под контроль органов управления. Особую актуальность закрепление в уставе порядка назначения ВрИО приобретает для финансовых организаций в силу установленного для них требования уведомлять Банк России, как о назначении ВрИО ЕИО (а равно и об отпуске ЕИО), так и о прекращении указанного временного исполнения обязанностей ЕИО [16].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Приведем другой пример: ЕИО на основании приказа на период своего отсутствия назначает своего заместителя ВрИО ЕИО [17]. Подобно предыдущему случаю заместитель ЕИО признается заинтересованным лицом в силу закона, но лишь для ряда некоммерческих организаций [1, 2, 12]. Поэтому указание коммерческой корпорацией в своем уставе порядка передачи полномочий на период временного отсутствия ЕИО его заместителю свидетельствует о выведении совершенной сделки ВрИО ЕИО (при наличии соответствующего основания) из-под особого порядка совершения сделок с заинтересованностью. Суды допускают передачу полномочий ЕИО в качестве ВРИО ЕИО своему заместителю [21].

В то же время указание в законе конкретной должности, скажем, «заместитель директора» [1, 2, 12] позволяет таким организациям путем переименования этой должности в другую («бизнес-лидер», «советник директора», «руководитель направления», «главный бухгалтер»), при сохранении фактической заинтересованности сконструировать сделку с заинтересованностью таким образом, чтобы формально она не потребовала одобрения. Данный факт нашел отражение в правоприменительной практике. Так, должность «директор отделения» не указана в Федеральном законе от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» в перечне заинтересованных лиц [3]. Суд признал это лицо аффилированным, а сделку недействительной, как совершенную без согласия собственника имущества унитарного предприятия [18]. Наряду с этим существует и противоположный аспект проблемы, связанный с тем, что перечень заинтересованных лиц является открытым: «иных должностных лиц» [7]. Поскольку в рамках конкретного правового спора суд наделён возможностью расширительного толкования данного понятия, при чем пределы такого толкования определяются выработанной им правовой позицией по делу. Заинтересованное лицо должно признаваться таковым не в силу формального включения должности (и их перечисления) в перечень заинтересованных лиц и путем перечисления должностей, а вследствие наличия у него фактической правовой возможности влиять на волеизъявление организации при заключении сделки, что означает его право самостоятельно определять параметры такой сделки, исходя из собственной выгоды. Если же перечисление должностей в перечне заинтересованных лиц сохранять, то с оговоркой и такой привязкой: «лицо, заключающее сделку».

Закрепление в уставе порядка назначения ВрИО ЕИО является оптимальным, т.к. его отсутствие способно привести к сложностям в правоприменении. Суды допускают назначение исполняющего обязанности по причине временного отсутствия директора, как «при сохранении им статуса работника, так и вакантной должности директора» [19]. Приведем два других подобных примера: назначение ВрИО директора позволяет обществу «вести документооборот компании в штатном режиме и реализовать нормальную деятельность хозяйствующего субъекта» [20]. В другом деле суд отметил: издание ЕИО акта о назначении ВрИО ЕИО является достаточным основанием для возникновения у этого лица полномочий действовать от имени общества [21]. Для представительства интересов организации во внешних отношениях ВрИО ЕИО (назначенному на основании приказа) необходима также доверенность. Поскольку при ее отсутствии к ВрИО ЕИО переходят лишь функции, связанные с «обеспечением производственного процесса и трудовых отношений, но не предоставляющие права представлять общество во внешних отношениях» [22]. За самим ЕИО в период назначения им ВрИО ЕИО сохраняются полномочия по совершению сделок [27]. В указанный период полномочия ЕИО не прекращаются автоматически, поэтому совершение сделки ЕИО не является основанием для признания ее недействительной [28, 29, 30]. Тем самым, ЕИО в период своего временного отсутствия сохраняет статус лица, включенного в перечень заинтересованных лиц [1-12].

Действующее законодательство устанавливает перечень заинтересованных лиц сугубо формально, а именно – через перечисление конкретных должностных позиций (например, исполнительный директор, заместитель ЕИО, заместитель председателя), через родственные связи, контролирующие лица и проч. При этом текст норм законов, устанавливающих перечень заинтересованных лиц, изложен в первоначальной редакции таких законов [1-12]. Единственным исключением здесь следует обозначить замену конструкции «аффилированные лица» в ФЗ об АО, ФЗ об ООО на понятия «контролирующее» и «подконтрольное» лицо [32]. Однако правовое значение не придается самому факту заключения сделки лицом (в частности, ВрИО ЕИО) и признанию его заинтересованным лицом. В связи с чем указанный факт получил самостоятельную оценку в правоприменительной практике. Суды, рассматривая споры о признании сделки недействительной, признают ВрИО ЕИО заинтересованным лицом. Так, «в совершении оспариваемого договора имелась заинтересованность Козловского Н.В., временно исполнявшего обязанности директора Предприятия и одновременно являвшегося участником Общества» [23]. Другой пример. Суд признал дополнительное соглашение к трудовому договору сделкой с заинтересованностью Волкова В.Н., он являлся членом наблюдательного совета, а также занимал должность в органах управления, что подтверждается протоколом заседания наблюдательного совета об утверждении кандидатуры Волкова В.Н. ВрИО генерального директора [24,

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

25]. Однако в последнем примере исполнение обязанностей ВрИО ЕИО совмещалось с членством в наблюдательном совете, что является самостоятельным основанием для признания лица, заинтересованным в совершении сделки. Таким образом, признание ВрИО ЕИО заинтересованным лицом судом возможно, но зависит от фактических обстоятельств конкретного спора.

Выводы

На основании вышеизложенного следует сделать следующие выводы. Перечень лиц, признаваемых заинтересованными в совершении сделки, должен быть исчерпывающим и установленным законом, что будет способствовать выработке единых критериев сделок с заинтересованностью. В любой организации на период командировки, болезни, отпуска и при иных временных обстоятельствах объективно возникает необходимость делегирования полномочий ЕИО (при сохранении им статуса работника организации) иному лицу — ВрИО ЕИО, и объем его фактического воздействия на организацию сопоставим с объемом полномочий самого ЕИО при формировании воли юридического лица. Поэтому ВрИО ЕИО подлежит признанию заинтересованным в совершении сделки лицом, при этом правовое значение должно приобретать не установленный действующим законодательством перечень конкретных должностей (например, исполнительный директор, заместитель ЕИО, заместитель председателя и другие), а наличие у такого лица полномочия заключать сделки от имени организации, содержащих нормы о сделках с заинтересованностью.

Список источников

1. Ч. 1-3 ст. 16 Федерального закона от 03.11.2006 № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях» // СЗ РФ. 2006. № 45. Ст. 4626.

2. П. 1 ст. 27 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

3. П. 1 ст. 22 Федерального закона от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» // СЗ РФ. 2002. № 48. Ст. 4746.

4. Ч. 1 ст. 12^{14} Федерального закона от 03.08.2018 № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах» // СЗ РФ. 2018. № 32 (ч. I). Ст. 5083.

5. П. 1 ст. 81 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

6. П. 1 ст. 45 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

7. Ч. 1 ст. 29^{1} Федерального закона от 01.12.2007 № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6078.

8. Ч. 1 ст. 29 Федерального закона от 13.07.2015 № 215-ФЗ «О Государственной корпорации по космической деятельности "Роскосмос"» // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. 1). Ст. 4341.

9. Ч. 2 ст. 17 Федерального закона от 03.07.2016 № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. I). Ст. 4169.

10. П. 6 ст. 15 Федерального закона от 19.07.1998 № 115-ФЗ «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)» // СЗ РФ. 1998. № 30. Ст. 3611.

11. П. 4 ст. 38 Федерального закона от 08.12.1995 № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» // СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4870.

12. Ч. 1 ст. 26 Федерального закона от 17.07.2009 № 145-ФЗ «О государственной компании "Российские автомобильные дороги" и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 009. № 29. Ст. 3582.

13. П. 7.2 ст. 32.1 Закона РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // Российская газета. № 6. 1993.

14. Загребаева Е.В. Правовое регулирование сделок, совершаемых юридическими лицами в особом порядке: монография / под ред. О.В. Гутникова. М. Проспект. 2024. с. 101.

15. П. 25.4 Устава АО «СОГАЗ» (ред. № 8). https://www.sogaz.ru/investor/ustav/

16. П. 2.12 Положения Банка России от 27.12.2017 № 625-П «О порядке согласования Банком России назначения (избрания) кандидатов на должности в финансовой организации …» // Официальный сайт Банка России http://www.cbr.ru/. 2017

17. П. 15.8 Устава ПАО «Интер РАО» запись в ЕГРЮЛ от 17.06.2025 за ГРН № 2257718395944. https://www.interrao.ru/

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

18. Решение Арбитражного суда Московской области от 29.11.2010 по делу № А41-14489/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

19. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 29.01.2019 по делу № А35-8845/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

20. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 02.03.2021 по делу № А63-20283/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

21. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 17.02.2022 по делу № А40-226956/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

22. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.03.2018 по делу № А49-5320/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

23. Постановление Федерального Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17.09.2009 по делу № А56-15572/2008 // СПС «КонсультантПлюс».

24. Постановление Десятого Арбитражного апелляционного суда от 12.08.2019 по делу № А41-74341/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

25. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.09.2019 по делу № А41-76023/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

26. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 04.10.2016 по делу № А40-86504/15-10-678 // СПС «КонсультантПлюс».

27. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.11.2020 по делу № А41-107987/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

28. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.10.2017 по делу № А40-27524/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

29. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14.01.2010 по делу № А12-6003/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

30. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 12.01.2010 по делу № А32-408/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

31. Федеральный закон от 03.07.2016 № 343-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об акционерных обществах" и Федеральный закон "Об обществах с ограниченной ответственностью" в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4276.

References

1. Parts 1-3 of Art. 16 of the Federal Law of 03.11.2006 No. 174-FZ "On Autonomous Institutions". Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 45. Art. 4626.

2. Clause 1 of Art. 27 of the Federal Law of 12.01.1996 No. 7-FZ "On Non-Commercial Organizations". Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 3. Art. 145.

3. Clause 1 of Art. 22 of the Federal Law of 14.11.2002 No. 161-FZ "On State and Municipal Unitary Enterprises". Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 48. Art. 4746.

4. Part 1 of Art. 1214 of the Federal Law of 03.08.2018 No. 290-FZ "On International Companies and International Funds". Collected Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 32 (Part I). Art. 5083.

5. Clause 1 of Art. 81 of the Federal Law of 26.12.1995 No. 208-FZ "On Joint-Stock Companies". Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 1. Art. 1.

6. Clause 1 of Art. 45 of the Federal Law of 08.02.1998 No. 14-FZ "On Limited Liability Companies". Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 7. Art. 785.

7. Part 1 of Art. 291 of the Federal Law of 01.12.2007 No. 317-FZ "On the State Atomic Energy Corporation Rosatom". Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 49. Art. 6078.

8. Part 1 of Art. 29 of the Federal Law of 13.07.2015 No. 215-FZ "On the State Corporation for Space Activities Roscosmos". Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 29 (Part 1). Art. 4341.

9. Part 2 of Art. 17 of the Federal Law of 03.07.2016 No. 236-FZ "On Public-Law Companies in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 27 (Part I). Art. 4169.

10. Clause 6 of Art. 15 of the Federal Law of 19.07.1998 No. 115-FZ "On the Peculiarities of the Legal Status of Joint-Stock Companies of Employees (People's Enterprises)". Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 30. Art. 3611.

11. Clause 4 of Art. 38 of the Federal Law of 08.12.1995 No. 193-FZ "On Agricultural Cooperation". Collected Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 50. Art. 4870.

12. Part 1 of Art. 26 of the Federal Law of 17.07.2009 No. 145-FZ "On the State Company "Russian Highways" and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation. 009. No. 29. Art. 3582.

13. Clause 7.2 of Art. 32.1 of the Law of the Russian Federation of November 27, 1992 No. 4015-1 "On the Organization of Insurance Business in the Russian Federation". Rossiyskaya Gazeta. No. 6. 1993.

14. Zagrebaeva E.V. Legal regulation of transactions concluded by legal entities in a special manner: monograph. edited by O.V. Gutnikov. M. Prospect. 2024. P. 101.

15. Clause 25.4 of the Charter of JSC SOGAZ (as amended No. 8). https://www.sogaz.ru/investor/ustav/

16. Clause 2.12 of the Bank of Russia Regulation dated 27.12.2017 No. 625-P "On the procedure for approving by the Bank of Russia the appointment (election) of candidates to positions in a financial institution ...". Official website of the Bank of Russia http://www.cbr.ru/. 2017

17. Clause 15.8 of the Charter of PJSC Inter RAO, entry in the Unified State Register of Legal Entities dated June 17, 2025, under State Registration Number 2257718395944. https://www.interrao.ru/

18. Decision of the Arbitration Court of the Moscow Region dated November 29, 2010, in case No. A41-14489/2010. SPS ConsultantPlus.

19. Resolution of the Arbitration Court of the Central District dated January 29, 2019, in case No. A35-8845/2017 // SPS ConsultantPlus.

20. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated March 2, 2021, in case No. A63-20283/2019. SPS "ConsultantPlus".

21. Decision of the Arbitration Court of Moscow dated February 17, 2022, in case No. A40-226956/2021. SPS "ConsultantPlus".

22. Resolution of the Eleventh Arbitration Court of Appeal dated March 29, 2018, in case No. A49-5320/2017. SPS "ConsultantPlus".

23. Resolution of the Federal Arbitration Court of the Northwestern District dated September 17, 2009, in case No. A56-15572/2008. SPS "ConsultantPlus".

24. Resolution of the Tenth Arbitration Court of Appeal dated August 12, 2019, in case No. A41-74341/2018. SPS "ConsultantPlus".

25. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated September 23, 2019, in case No. A41-76023/2018. SPS "ConsultantPlus".

26. Decision of the Arbitration Court of Moscow dated October 4, 2016, in case No. A40-86504/15-10-678. SPS "ConsultantPlus".

27. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated November 19, 2020, in case No. A41-107987/2015. SPS "ConsultantPlus".

28. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated October 4, 2017, in case No. A40-27524/2016. SPS "ConsultantPlus".

29. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated January 14, 2010, in case No. A12-6003/2009. SPS "ConsultantPlus".

30. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated January 12, 2010, in case No. A32-408/2009. SPS "ConsultantPlus".

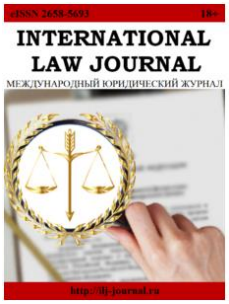
31. Federal Law of 03.07.2016 No. 343-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Joint-Stock Companies" and the Federal Law "On Limited Liability Companies" in Terms of Regulation of Major Transactions and Related-Party Transactions". Collected Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 27 (Part II). Art. 4276.

Информация об авторе

Загребаева Е.В., кандидат юридических наук, независимый эксперт Минюста России, начальник управления корпоративной работы ООО «ПСБ Страхование», руководитель центра корпоративной работы ООО «ПСБ Страхование жизни», руководитель проектов ПАО «Банк ПСБ», ek.zagrebaeva@yandex.ru

© Загребаева Е.В., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.43
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-25-35

Условия применения института существенного изменения обстоятельств для изменения (расторжения) долгосрочных договоров по гражданскому праву России

[1] Маслов Г.А.,
[1] Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития РФ

Аннотация: *в работе подробно рассмотрен институт существенного изменения обстоятельств в гражданском судопроизводстве. В частности, особое внимание уделяется доктринальным основам института и современному правовому регулированию, что связано с расширением соответствующей судебной практики из-за наступления «эпохи неопределенности» в международных отношениях. Цель исследования состоит в проведении анализа системы критериев, влияющих на решение судов об изменении или расторжении договора в связи с существенным изменением обстоятельств, нормативного содержания и доктринальной основы такой системы. При проведении анализа автор опирался на формально догматический, историко-правовой и сравнительно-правовой методы. В результате изучения нормативно-правовых документов, правоприменительной практики и научной литературы автор приходит к выводу, что на настоящий момент договор понимается как стабильная, но не абсолютная правовая конструкция, допускающая изменения лишь в строго определённых и законодательно ограниченных обстоятельствах. К этим условиям с отдельными оговорками относятся непредвиденность наступления определенных обстоятельств, их объективная непреодолимость, существенный дисбаланс интересов и несправедливость распределения договорного риска. При этом суд стремится выступить не разрушителем договорных связей, а инструментом их справедливой адаптации к изменившейся реальности.*

Ключевые слова: *договорное право, существенное изменение обстоятельств, расторжение договора, изменение договора, защита прав участников оборота, экономическая эффективность, дисбаланс интересов, непредвиденность, непреодолимость, договорный риск*

Для цитирования: Маслов Г.А. Условия применения института существенного изменения обстоятельств для изменения (расторжения) долгосрочных договоров по гражданскому праву России // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 25 – 35. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-25-35

Поступила в редакцию: 10 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

Conditions for applying the institute of significant change of circumstances to modify (terminate) long-term contracts under Russian civil law

[1] Maslov G.A,
[1] All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation

Abstract: *this paper provides a detailed examination of the concept of a material change of circumstances in civil proceedings. Particular attention is paid to the doctrinal foundations of this concept and contemporary legal regulation, which is associated with the expansion of relevant judicial practice due to the advent of the "era of uncertainty" in international relations. The purpose of the study is to analyze the system of criteria influencing court decisions to modify or terminate a contract due to a material change in circumstances, as well as the regulatory content and doctrinal basis of such a system. In conducting the analysis, the author relied on formal dogmatic, his-*

torical-legal, and comparative-legal methods. Having studied regulatory documents, law enforcement practice, and scientific literature, the author concludes that a contract is currently understood as a stable, but not absolute, legal structure, allowing for changes only in strictly defined and legally limited circumstances. These conditions, with certain reservations, include the unforeseen occurrence of certain circumstances, their objective insurmountability, a significant imbalance of interests, and an unfair distribution of contractual risk. At the same time, the court seeks to act not as a destroyer of contractual relations, but as an instrument for their fair adaptation to the changed reality.

Keywords: *contract law, significant change of circumstances, termination of contract, modification of contract, protection of rights of participants in the transaction, economic efficiency, imbalance of interests, unforeseen circumstances, force majeure, contractual risk*

For citation: Maslov G.A. Conditions for applying the institute of significant change of circumstances to modify (terminate) long-term contracts under Russian civil law. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 25 – 35. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-25-35

The article was submitted: May 10, 2026; Approved after reviewing: June 11, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

Статья 8 Конституции Российской Федерации гарантирует единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств (капитала), поддержку конкуренции и свободу экономической деятельностина территории Российской Федерации. Данный конституционный принцип лежит в основе любой рыночной экономики, включая российскую, юридически обеспечивая благоприятные возможности для человеческого самопроявления, стимулирования предпринимательства, развития экономической системы и удовлетворения потребностей общества за счет индивидуального вклада его членов. Одновременно с этим положения Конституции Российской Федерации, например, статей 34 и 35, уравновешивают свободу экономической деятельности с требованиями справедливости и ответственности за соблюдение прав и интересов других членов общества.

Баланс между справедливостью, ответственностью и свободой обеспечивают, в частности, нормы российского гражданского законодательства. Так, положения статьи 309 Гражданского кодекса Российской Федерации закрепляют основной принцип обязательственного права «договоры должны соблюдаться надлежащим образом» (от лат. *pactasuntservanda*), который позволяет кредитору полагаться на действия должника в части надлежащего исполнения принятых должником обязательств и требовать судебной или внесудебной защиты при отступлении последним от ожидаемого поведения. В результате такой юридической презумпции добросовестного поведения должника обеспечиваются юридическая сила правовой конструкции сделки и договора, правовая защищенность интересов кредитора и, как следствие, стабильность гражданского оборота.

Стремясь к порядку и безопасности, любая система, включая правовую, пытается обеспечить статичность взаимосвязей между ее субъектами, что не всегда возможно в конкретных обстоятельствах. Глобальные события последних лет особенно подчеркнули, насколько существенное влияние крупные социально-экономические потрясения, например, кризисы, военные конфликты, торговые и санитарно-эпидемиологические ограничения, способны оказать на общественные отношения. Особенно усилились риски возникновения отрицательной общественной реакции и недоверия во взаимоотношениях между отдельными лицами, группами и слоями населения, странами [17, с. 5].

В описанных реалиях развитие национальных правовых систем требует выработки подходов, прибегнув к которым сторона договорных отношений может защитить свои интересы в условиях, когда дальнейшее исполнение принятых обязательств невозможно или крайне обременительно из-за влияния внешних непредвиденных обстоятельств. Именно таким инструментом и является правовой механизм статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации. Проблема заключается в том, что, несмотря на долгую историю становления правового института, а также широкую распространенность аналогичных правовых норм в зарубежных правопорядках, российская правоприменительная практика не выработала устоявшегося подхода к оценке системы критериев (условий) необходимых для применения соответствующих правовых норм. Следствием этого является широкая доля усмотрения, не позволяющая лицу, чьи интересы затронуты существенным изменением обстоятельств, полноценно полагаться на данный правовой инструмент для защиты собственных интересов.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Актуальность исследования обусловлена необходимостью описать подходы к применению критериев (условий), оценка которых является ключевым аспектом принятия решения об изменении или расторжении договорных отношений сторон ввиду вмешательства «внешнего» фактора. Российской Федерации и иных социально-экономических потрясений.

Цель исследования_заключается в проведении анализа той системы критериев, на которые обращают внимание российские суды при принятии решений об изменении или расторжении договора в связи с существенным изменением обстоятельств, нормативного содержания и доктринальной основы такой системы.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составляют формально догматический, историко-правовой и сравнительно-правовой методы. В основе работы, помимо действующего законодательства и доктрины, положен анализ практики, сложившейся в «эпоху неопределенности», то есть после начала международных торговых воин между Соединенными Штатами Америки и Китаем, введения недружественных ограничительных мер в отношении.

Результаты и обсуждения

Истоки установленного Гражданским кодексом Российской Федерации законного отступления от принципа стабильности договорных отношений (от лат. *pactasuntservanda*) восходят к европейской правовой традиции, а точнее – к части учения об ограничениях воли на сделку (от лат. *clausularebussicstantibus*). Данная юридическая доктрина предусматривает, что стороны договора в момент его заключения молчаливо предполагают, что воля сторон на сделку, формируемая при определенных жизненных обстоятельствах, утрачивает юридически связывающую силу при изменении таких обстоятельств в дальнейшем. Поскольку, как отмечает Д.В. Дождев, воля на сделку формируется здесь и сейчас, то она зависит от контекста и не может связывать лицо, давшее обещание, при изменении условий ее заключения. Данная идея признает объективное ограничение влияния воли сторон сделки на ее юридический эффект: «отношение равенства, устанавливаемое юридической сделкой, формализует не только ожидаемое поведение сторон, но и учитываемые возникающим правоотношением обстоятельства, в которых призвано разворачиваться такое поведение … правоотношение защищает стороны от игры случая, превращая исходящие из неорганизованной природной сферы явления в условия формальной связи, упорядочивающей социальное бытие участников в рамках предусмотренной сделкой цели» [18, с. 105].

Первоначально доктринальное осмысление данной мысли было дано в рамках римского права. Древнеримские цивилисты полагали, что все возможные жизненные обстоятельства должны приниматься во внимание сторонами в момент заключения договора. Единственным признаваемым основанием расторжения договора, помимо обоюдной воли сторон, являлась фактическая или юридическая невозможность его исполнения. Однако уже в работах Марка Туллия Цицерона встречаются иллюстрации ситуаций, допускающих отступление от данного принципа, например, если собственник меча, передавший его на хранение, позднее признается невменяемым, что дает разумные основания не возвращать собственнику его вещь [21, с. 149]. Как отмечает А.И. Горячева, в аналогичных ситуациях основанием для отказа является именно возникшие в ходе исполнения договора обстоятельства, ставящие кредитора и третьих лиц в опасность при дальнейшем исполнении обязательств. Аналогичный подход отражен в трудах Луция Аннея Сенеки, писавшего, что любое обязательство предполагает подразумеваемое обещание должника выполнить данное обязательство, но только при условии, что он будет находиться в положении, остающимся неизменным с момента возникновения обязательства. Однако как должник, так и кредитор обязуются обеспечить неизменность таких обстоятельств, а также сделать все возможное для сохранения взаимной выгоды от договора [17, с. 8-9].

Сменив эпоху «древнеримского процветания», Средневековье принесло с собой экономическую неопределенность, в условиях которой развитие правовой концепции допустимых отступлений от принципа стабильности договора замедлилось. Средневековая правовая доктрина рассматривала договор как святую клятву, и, хотя в отдельных случаях правоведы принимали во внимание зависимость договора от постоянства обязательств, имевших место на момент его заключения, именно в данный период принцип *pactasuntservanda* стал ведущим в договорном праве. Такая обязательная сила договорного обязательства обеспечивалась подразумеваемым (молчаливым) условием, что лицо (должник), давшее обещание, выполнит его.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Однако уже в период Возрождения доктрина *clausularebussicstantibus* получила новое развитие: Гуго Гроций, рассматривая договор в качестве комбинации обещания и его предоставления партнеру, сформировал подход, ограничивающий договорные обязательства двумя условиями, а именно – дефектов воли сторон договора и изменением фактической ситуации, вступающей в противоречие с волей сторон договора. Данные условия также рассматривались в качестве «молчаливого» положения, подразумеваемого в момент заключения договора, и, следовательно, влекущего расторжение договора при наступлении. Однако уже в трудах Августина Лейсера был сформулирован компромиссный вывод о том, что при изменении обстоятельств договорные условия могут быть адаптированы к новым реалиям без необходимости расторгать договор [18, с. 154].

В результате исторического развития в правовых системах большинства стран континентального права сформировалось мнение, согласно которому стороны договора несут риски того, что исполнение договорных обязательств может стать существенно более невыгодным для них ввиду действия «внешнего фактора», который не учитывался ими при заключении договора. Однако данное обстоятельство не является основанием для изменения или расторжения договора, если только такой «внешний фактор» не привел к столь фундаментальному изменению обстоятельств, что дальнейшее исполнение обязательств является существенно обременительным для должника.

Современное применение института существенного изменения обстоятельств строится на *гипотетическом тесте*, предусмотренном пунктом 1 статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации. Абзац 2 пункта 1 данной нормы устанавливает, что стороны договора вправе требовать его изменения или расторжения при условии, что обстоятельства изменились настолько, что, если бы стороны могли это разумно предвидеть, договор вообще не был бы ими заключен или был бы заключен на значительно отличающихся условиях. Правовым «фундаментом» данного положения закона является принцип добросовестности как объективного начала гражданского права, предполагающий, что стороны гражданских правоотношений обязаны действовать добросовестно, учитывать права и законные интересы друг друга, взаимно оказывать необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставлять друг другу необходимую информацию [7].

Применение гипотетического теста статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации носит объективно-субъективный характер: с одной стороны, он апеллирует к разумному предвидению, а с другой — к реальным намерениям сторон договора. Условия (критерии) для оценки существенности изменившихся обстоятельств и принятия решения об изменении или расторжении договора с учетом всех обстоятельств конкретной ситуации установлены пунктом 2 статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации. К ним относятся:

1) критерий непредвиденности – при заключении договора его стороны исходили из того, что такое существенное изменение обстоятельств не произойдет;

2) критерий объективной непреодолимости – изменение обстоятельств вызвано причинами, которые стороны договора не могли преодолеть при той степени заботливости и осмотрительности, какая от них требуется по характеру договора и условиям оборота;

3) критерий существенного дисбаланса интересов – исполнение договора без изменения его условий настолько нарушило бы соответствующее договору соотношение имущественных интересов его сторон, что заинтересованные стороны в значительной степени лишились бы того, на что были бы вправе рассчитывать;

4) критерий распределения договорного риска – из обычаев или существа договора не вытекает, что риск существенного изменения обстоятельств несут стороны договора.

Отсутствие хотя бы одного из условий является основанием для отказа в удовлетворении требований, основанных на статье 451 Гражданского кодекса Российской Федерации, в отношении конкретного договора. Рассмотрим каждый критерий (условие) в отдельности.

Критерий непредвиденности.

Критерий непредвиденности – первая «преграда», которую необходимо преодолеть стороне договора, стремящейся изменить или расторгнуть договор в связи с существенным изменением обстоятельств. Российская правоприменительная практика особенно осторожно подходит к оценке фактических обстоятельств конкретного дела на предмет наличия данного критерия по целому ряду причин.

Во-первых, с формальной точки зрения данный критерий противоречит общему правилу абзаца 3 пункта 1 статьи 2 и пункта 3 статьи 401 Гражданского кодекса Российской Федерации, устанавливающему, что порог риска для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, повышен до обстоятельств непреодолимой силы. Иными словами, лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, долж-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

но уже в силу самого характера своей деятельности предвидеть наступление большинства событий негативного характера до вступления в договорные отношения и, следовательно, включить в договор положения, позволяющие минимизировать риски наступления таких событий для сторон. На практике такой подход приводит к тому, что любое лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, не защищено от неблагоприятных экономических последствий, например, колебаний уровня инфляции [5], финансового кризиса [3], банкротства [1;2] или курсовых колебаний иностранных валют [6]. Аналогичного мнения придерживается и Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации: «судебная практика, сформированная после принятия статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации, исходила из исключительности оснований для ее применения, имея в виду, что различные изменения экономической ситуации, повлекшие за собой ухудшение финансового положения одной из сторон договора (финансовый кризис 1998 года, инфляционные процессы 2008 года), по существу выступают рисками, сопутствующими предпринимательской деятельности, и в большинстве случаев должны быть предвидимыми для участников этой деятельности» [8].

Во-вторых, как отмечает Семенова В.В., применение статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации в целом сопряжено с рисками дестабилизации гражданского оборота ввиду применения соответствующих положений закона недобросовестными участниками оборота для целей обхода обязывающих положений договора [8]. Следовательно, конструкция правовой нормы статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации должна на практике позволять судам отсеять те случаи, когда должник апеллирует к изменившимся обстоятельства не ввиду того факта, что характер изменений столь существенен, что лишает возможности такое лицо исполнить свои обязательства без значительного ущерба, а в силу внутреннего недобросовестного стремления прекратить обременительные правоотношения и снять с себя последствия наступления определенного риска за счет кредитора.

Однако, несмотря на изложенное, российской судебной практикой совершались попытки признания некоторых экзогенных шоков: санкционных ограничений, системных изменений правового режима, введения чрезвычайных ограничений государственными органами – в качестве потенциальных оснований для применения статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации. При этом суды обращают внимание на необходимость доказать не только сам факт возникновения «внешних» обстоятельств, но и их непосредственное влияние на конкретный договор: причинно-следственную связь между изменившимися обстоятельствами и нарушением имущественного баланса сторон [22, с. 53-60].

Критерий объективной непреодолимости.

Критерий объективной непреодолимости выражает обязанность стороны предпринять активные и разумные меры по преодолению возникших обстоятельств с той степенью заботливости и осмотрительности, которая объективно требовалась от неё по характеру договора и условиям гражданского оборота. Бездействие допустимо лишь в тех случаях, когда у лица отсутствует реальная возможность принять какие-либо эффективные меры.

Сложившаяся правоприменительная практика демонстрирует подход к расширительному толкованию данного критерия: суды нередко возлагают на сторону обязанность по преодолению возникших (изменившихся) обстоятельств посредством действий, выходящих за рамки обычной хозяйственной деятельности соответствующего субъекта. Например, путем изменения структуры договорных отношений, хозяйственной модели управления имуществом, схемы снабжения или финансирования [4; 12; 13].

Критерий существенного дисбаланса интересов.

Третьим условием, которое необходимо установить для применения статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации, является нарушение исходного баланса имущественных интересов сторон правоотношения, выражающееся в несоразмерности исполнения и встречного предоставления, оцениваемой с точки зрения объективных и количественно измеримых критериев. Иными словами, применение данного критерия основано на оценке эквивалентности встречного предоставления, при котором заинтересованная сторона в значительной степени лишается того экономического результата, на который она была вправе разумно рассчитывать при заключении договора.

Практика рассмотрения дел о банкротстве показывает, что квалификация «договорного дисбаланса» требует оценки обычных коммерческих показателей с показателями сравнимых сделок. Так, например, существенным отклонением стоит считать ситуации, когда рыночная стоимость переданного должником имущества существенно превышает стоимость полученного встречного предоставления, причём многократно: поскольку оценочные колебания в 15-20% могут признаваться погрешностями в оценке и особенностями конъюнктуры рынка, фактором сезонности и проч.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Аналогичный подход прослеживается и в делах о расторжении договоров в связи с существенным изменением обстоятельств: суды оценивают, приводит ли изменение цен, тарифов или иных экономических параметров к столь значительному росту затрат по договору, что дальнейшее исполнение договорных обязательствявляется диспропорциональным и выходящим за пределы нормального предпринимательского риска. Верховный суд Российской Федерации подчеркивает, что установления одного факта ухудшения экономического или финансового положения должника недостаточно для применения нормы статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации, напротив, необходимо доказать, что изменения исходного соотношения имущественных интересов носят разрушительный для сторон характер [9].

Здесь возможно привести пример из европейской практики, в которой для применения соответствующей правовой доктрины ориентиром служит резкое и кратно выраженное увеличение стоимости исполнения обязательства, например, в виде роста затрат более чем на 200%. Однако российская доктрина основана на идее, что каждые договорные отношения должны оцениваться индивидуально, что не позволяет выработать единый стандарт существенности для всех возможных ситуаций.

Критерий распределения договорного риска.

Критерий распределения договорного риска означает, что из обычаев делового оборота либо из существа соответствующего договора не должно следовать, что риск изменения обстоятельств возлагается именно на конкретную сторону (должника). Иными словами, в случаях, когда распределение риска существенного изменения обстоятельств прямо закреплено в договоре либо вытекает из его природы (вида обязательства, способа определения цены, применяемых расчётных механизмов), ссылка на пункт 2 статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации не может рассматриваться как обоснованная.

Наиболее дискуссионным является применение данного критерия к договорам, содержащим валютную оговорку. С одной стороны, исходя из сложившейся позиции высших судебных инстанций (которая уже отмечалась ранее), риск валютных колебаний в общем случае несёт должник по денежному обязательству: включение в договор валютной оговорки признаётся допустимым проявлением свободы договора и инструментом перераспределения валютного риска в пользу кредитора. С другой стороны, сама по себе валютная оговорка, как отмечается в доктрине, выступает техническим способом страхования (хеджирования) инфляционного риска и риска девальвации, что ставит вопрос о допустимых пределах возложения соответствующего риска на одну сторону договора. Особенно применительно к внешнеторговым контрактам, подчиненным российскому праву, когда от изменения валюты фактически выигрывает одна из сторон (для которой обменный курс становится более выгодным).

Правовая наука в этой части демонстрирует различающиеся подходы. Так, А.А. Иванов, анализируя практику применения статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации к договорам с валютной оговоркой, указывал на объективно обусловленное нежелание судов пересматривать такие договоры: обычные колебания валютного курса рассматривались как реализовавшийся предпринимательский риск, а не как основание для признания наступивших обстоятельств существенными [19, с. 109]. Напротив, К.И. Скловский критиковал излишне узкий подход российских судов, указывая, что буквальное возложение всего валютного риска на должника без учёта масштабности и непредвидимости колебаний курса в отдельных ситуациях приводит к нарушению договорного баланса и фактическому нивелированию правовой нормы статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации как механизма корректировки чрезмерно обременительных договоров [23, с. 76].

Таким образом, в договорах с валютной оговоркой критерий распределения договорного риска в большинстве случаев не выполняется: из существа договора и устоявшейся практики следует, что риск изменения валютного курсаподразумевается сторонами при заключении договора и должен лежать на стороне, согласившейся на соответствующий порядок оплаты обязательства.

Сходным образом развивается практика применения статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с пандемией COVID-19. Эпидемиологическая ситуация, введение режимов повышенной готовности, карантинных и иных ограничительных мер в ряде случаев могла признаваться обстоятельствами, выходящими за пределы обычного предпринимательского риска и способными при определённых условиях квалифицироваться как существенное изменение обстоятельств. При этом Верховный Суд Российской Федерации указал, что оценка последствий пандемии для конкретного договора должна осуществляться исходя из совокупности обстоятельств, среди которых характер обязательства, распределение рисков и поведение сторон, а также дифференцированном применения положений о форс-мажоре и существенном изменении обстоятельств [10].

В последующем в ряде дел арбитражные суды допускали применение статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации к долгосрочным договорам аренды и оказания услуг, когда ограничительные меры

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

фактически лишали арендатора возможности использовать помещение по целевому назначению, а сохранение договора в неизменном виде приводило к существенному нарушению имущественного баланса сторон. Однако такие дела – скорее единичная практика.

Таким образом, критерий распределения договорного риска в современном праве играет роль «фильтра», препятствующего использовать статью 451 Гражданского кодекса Российской Федерации для пересмотра договоров в ситуациях, когда соответствующий риск — будь то валютные колебания или последствия пандемии — по договору или по существу обязательства уже был возложен на заявителя как положениями договора напрямую, так и имплицитными (подразумеваемыми) нормами закона.

При каких обстоятельствах отдается приоритет изменению Договора?

В вопросе применения статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации принципиально важно, что данная норма устанавливает именно расторжение в качестве приоритетного последствия существенного изменения обстоятельств. Возможно предположить, что у такого подхода две причины. Во-первых, не всегда условия договора поддаются адаптации к новым обстоятельствам без причинения вреда (ущерба) интересам одной из сторон договора, в то время как расторжение распределить «негативное бремя» между двумя сторонами равномерно. Во-вторых, представляется, что суды не могут знать природу взаимоотношений сторон договора лучше, чем сами кредитор и должник. В этом случае расторжение договора – рабочий механизм, позволяющий начать взаимоотношения «с чистого листа», то есть прекратить договор, оставив его сторонам возможность достичь новых договоренностей на добровольной основе.

Однако в отдельных случаях расторжение договора не является надлежащим способом решения ситуации.

Во-первых, примечателен вывод Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, сделанный в ходе рассмотрения спора между АО «Российские железные дороги» и АО «Ульяновскэнерго»: суд отметил, что в отдельных случаях расторжение договора может противоречить общественным интересам, например, если сторона договора занимает монопольное положение на региональном рынке, ввиду чего расторжение договора повлечет для сторон (и общества в целом) ущерб, значительно превышающий затраты, необходимые для исполнения договора [4].

Категория «общественные интересы» является оценочной и не получила легального определения в российском праве. В доктрине под данным термином понимается совокупность интересов неопределённого круга лиц, удовлетворение которых не может быть обеспечено иначе как посредством сохранения и надлежащего исполнения конкретного договора [20, с. 3]. Характерными примерами могут служить договоры, обеспечивающие функционирование объектов жизнеобеспечения, коммунальной инфраструктуры и социально значимых услуг.

Наглядную иллюстрацию представляет ситуация с муниципальными договорами, например, на осуществление пассажирских перевозок. Расторжение подобного договора повлечёт лишение граждан транспортного обслуживания, что прямо затрагивает публичный интерес и делает расторжение юридически недопустимым. В подобных случаях разумно предположить, что суду необходимо изменить условия договора, приведя их в соответствие с изменившейся экономической реальностью.

Следует также разграничить «общественные интересы» в смысле пункта 4 статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации и изменения в публично-правовой сфере, которые сами по себе могут служить основанием для расторжения договора, но не для его изменения. Изменение публично-правового регулирования влечёт именно расторжение договора в силу того, что его предмет или отдельные положения более не отвечают императивным требованиям закона, но не понуждение к исполнению договора на измененных условиях за счёт ссылки на общественный интерес.

Во-вторых, основанием для судебного изменения договора может быть ущерб, который стороны понесут при расторжении договора: он должен существенно превышать затраты необходимые для исполнения договора на измененных условиях. И тут мы возвращаемся к оценочному критерию существенности, описанному ранее.

Классическим примером применения данного основания является договор строительного подряда, исполнение которого приближается к завершению. Если объект завершён, например, на 90%, расторжение договора обесценит все ранее произведённые затраты сторон, тогда как изменение условий – в части пересмотра цены, сроков или объёма работ – позволит завершить строительство с несопоставимо меньшими совокупными потерями. В такой ситуации судебное изменение договора является не только экономически целесообразным, но и единственным инструментом, позволяющим сохранить ранее созданную экономическую ценность.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Выводы

Институт существенного изменения обстоятельств имеет длинную историю формирования, восходящую к трудам древнеримских цивилистов. Пройдя древнеримскую правовую школу, эпохи Средневековья, Возрождения, Нового и Новейшего времени, институт существенного изменения обстоятельств обособился в правовое исключение из основного принципа договорного права – договоры должны соблюдаться надлежащим образом (от лат. *pactasuntservanda*).

В современном российском законодательстве данный принцип нашел формальное воплощение в норме статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации. Она выстраивает иерархический механизм, позволяющий изменить или расторгнуть договор вследствие существенного изменения обстоятельств, в котором расторжение договора является общим, а его изменение – специальным правилами.

Приоритет изменения договора вместо его расторжения обусловлен двумя самостоятельными конкурирующими соображениями: (1) защитой прав третьих лиц и общества, когда договор выполняет социально значимую функцию, и (2) экономической эффективностью, когда сохранение договора на изменённых условиях обходится дешевле его прекращения. Оба основания объединяет общая логика: суд выступает не разрушителем договорных связей, а инструментом их справедливой адаптации к изменившейся реальности.

Несмотря на вызовы, которые ставит геополитическая неопределенность перед российскими судами, правоприменительная практика демонстрирует сдержанность в применении данного механизма, подчёркивая его исключительный характер и высокое бремя доказывания. Тем не менее конъюнктурные изменения – включая санкционное давление, пандемические ограничения и кардинальные изменения правового режима объектов договора – постепенно формируют новый пласт прецедентных позиций, свидетельствующих о готовности судов к более гибкому применению положений статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации в обоснованных случаях.

Теоретическая значимость разграничения оснований изменения и расторжения договора при существенном изменении обстоятельств определяется не только практическими задачами правоприменения, но и более глубоким осознанием природы договорной связи: является ли договор неизменным проявлением автономии воли сторон или адаптируемым правовым инструментом, способным «жить» в меняющихся условиях гражданского оборота? Сегодня статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации даёт взвешенный ответ: договор – это стабильная, но не абсолютная правовая конструкция, допускающая изменения лишь в строго определённых и законодательно ограниченных обстоятельствах.

Список источников

1. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15 июня 1999 г. № 1020/99 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base (дата обращения: 16.03.2026)

2. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 января 2000 г. № 6058/99 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base (дата обращения: 16.03.2026)

3. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 7 августа 2001 г. № 4876/01 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base (дата обращения: 16.03.2026)

4. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13.09.2005 № 11096/04 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base (дата обращения: 16.03.2026)

5. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. № 1074/10 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base (дата обращения: 16.03.2026)

6. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 августа 2016 г. № 57-КГ16-7, от 13 сентября 2016 г. № 18-КГ16-102 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base (дата обращения: 16.03.2026)

7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 09.09.2021 № 302-ЭС21-5294 по делу № А33-3832/2019 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base (дата обращения: 16.03.2026)

8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2022 N 308-ЭС21-20570 по делу N А63-8366/2020 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base (дата обращения: 16.03.2026)

9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2017)" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017) (ред. от 26.04.2017) // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212958/ (дата обращения: 16.03.2026)

10. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) №1"(утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350813/ (дата обращения: 16.03.2026)

11. Постановления ФАС Московского округа от 15 июня 2010 г. № КГ-А41/5573-10 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base (дата обращения: 16.03.2026)

12. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 05.11.2014 № Ф08-7928/14 по делу № А53-24303/2013 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base (дата обращения: 16.03.2026)

13. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.04.2015 № Ф07-441/15 по делу № А42-8967/2013 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base (дата обращения: 16.03.2026)

14. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 января 2019 г. № Ф05-22654/2018 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base (дата обращения: 16.03.2026)

15. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20 декабря 2019 г. № Ф07-15862/2019 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base (дата обращения: 16.03.2026)

16. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20 мая 2021 г. № Ф09-3250/21 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base (дата обращения: 16.03.2026)

17. Горячева А.И. Существенное изменения обстоятельств и схожие правовые категории в национальных правопорядках РФ, ФРГ, США и в праве международной торговли: дис. канд. … юрид. наук. М., 2026. 210 с.

18. Дождев Д.В. Изменение и расторжение договора вследствие существенного изменения обстоятельств: европейская правовая традиция и современные тенденции // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 1. С. 103 – 121.

19. Иванов А.А. Правовые проблемы действия валютной оговорки в договорах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 3. С. 102 – 120.

20. Кузбагаров Э.А.Категория публичный интерес в гражданском праве // Вестник Пермского университета. Право. 2019. № 3. С. 1 – 10.

21. Марк Туллий Цицерон. Об обязанностях (пер. В.О. Горенштейна) // Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Изд. подготовили: В.О. Горенштейн, М.Е. Грабарь-Пассек и С.Л. Утченко. М.: Наука, 1993. С. 149.

22. Семенова В.В. Исполнение договоров в условиях существенного изменения обстоятельств // Цивилист. 2025. № 1. С. 53 – 60.

23. Скловский К.И. Проблемы применения нормы статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации: валютная оговорка и баланс интересов сторон договора // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 3. С. 64 – 77.

References

1. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of June 15, 1999, No. 1020/99. ConsultantPlus: website. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base (date of access: 16.03.2026)

2. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of January 25, 2000, No. 6058/99. ConsultantPlus: website. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base (date of access: 16.03.2026)

3. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated August 7, 2001 No. 4876/01. ConsultantPlus: website. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base (date of access: 16.03.2026)

4. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated September 13, 2005 No. 11096/04. ConsultantPlus: website. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base (date of access: 16.03.2026)

5. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of April 13, 2010 No. 1074/10. ConsultantPlus: website. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base (date of access: 16.03.2026)

6. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of August 16, 2016 No. 57-KG16-7, of September 13, 2016 No. 18-KG16-102. ConsultantPlus: website. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base (date of access: 16.03.2026)

7. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.09.2021 No. 302-ES21-5294 in case No. A33-3832/2019. ConsultantPlus: website. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base (date of access: 16.03.2026)

8. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 24, 2022, No. 308-ES21-20570 in case No. A63-8366/2020. ConsultantPlus: website. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base (date of access:16.03.2026)

9. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2017)" (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 16.02.2017) (as amended on 26.04.2017). ConsultantPlus: website. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212958/ (date of access: 16.03.2026)

10. Review of certain issues of judicial practice related to the application of legislation and measures to counter the spread of the new coronavirus infection (COVID-19) in the Russian Federation No. 1" (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation April 21, 2020). ConsultantPlus: website. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350813/ (date of access: 16.03.2026)

11. Resolutions of the FAS Moscow District dated June 15, 2010 No. KG-A41/5573-10. ConsultantPlus: website. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base (date of access: 16.03.2026)

12. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated 05.11.2014 No. F08 7928/14 in case No. A53 24303/2013. ConsultantPlus: website. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base (date of access: 16.03.2026)

13. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated 15.04.2015 No. F07 441/15 in case No. A42 8967/2013. ConsultantPlus: website. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base (date of access: 16.03.2026)

14. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated January 21, 2019 No. F05-22654/2018. ConsultantPlus: website. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base (date of access: 16.03.2026)

15. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated December 20, 2019 No. F07-15862/2019. ConsultantPlus: website. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base (date of access: 16.03.2026)

16. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated May 20, 2021 No. F09-3250/21. ConsultantPlus: website. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base (date of access: 16.03.2026)

17. Goryacheva A.I. Significant Changes in Circumstances and Similar Legal Categories in the National Legal Orders of the Russian Federation, Germany, the USA and in International Trade Law: Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow, 2026. 210 p.

18. Dozhdev D.V. Modification and termination of a contract due to a material change in circumstances: European legal tradition and modern trends. Transactions of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2018. No. 1. P. 103 – 121.

19. Ivanov A.A. Legal problems of the validity of the currency clause in contracts. Law. Journal of the Higher School of Economics. 2014. No. 3. P. 102 – 120.

20. Kuzbagarov E.A. The category of public interest in civil law. Bulletin of Perm University. Law. 2019. No. 3. P. 1 – 10.

21. Marcus Tullius Cicero. On Duties (translated by V.O. Gorenshtein). Marcus Tullius Cicero. On Old Age. On Friendship. On Duties. Published by: V.O. Gorenshtein, M.E. Grabar-Passek and S.L. Utchenko. Moscow: Nauka, 1993. P. 149.

22. Semenova V.V. Performance of Contracts in the Context of a Material Change of Circumstances. Tsivilist. 2025. No. 1. P. 53 – 60.

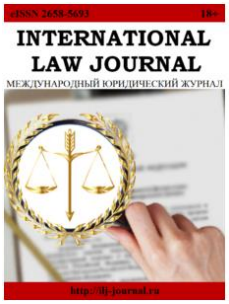
23. Sklovsky K.I. Problems of application of the norm of Article 451 of the Civil Code of the Russian Federation: currency clause and balance of interests of the parties to the contract. Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2017. No. 3. P. 64 – 77.

Информация об авторе

Маслов Г.А., аспирант, Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития РФ

© Маслов Г.А., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.66
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-36-42

Реализация социальной функции наследственного права

[1] Разяпова С.Э., [1]Сазанкова О.В.,
[1] Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева

Аннотация: *целью настоящего исследования является анализ социальной функции в наследственном праве через рассмотрение ряда его институтов, таких как право на обязательную долю и наследование нетрудоспособными иждивенцами наследодателя. Выявлено, что историческое развитие наследственного права в России сохраняло тенденцию ограничений свободного наследования в пользу защиты нетрудоспособных членов семьи и иждивенцев. Определено, что современное наследственное право сочетает два начала: свободу завещания и публичный интерес в обеспечении минимальной имущественной защиты слабой стороны. Именно в этом балансе проявляется социальная направленность наследственного регулирования. Наиболее значимым проявлением социальной функции наследственного права является институт обязательной доли, который ограничивает свободу завещания, но гарантирует имущественную поддержку нетрудоспособным и иным указанным в законе. Институт обязательной доли носит императивный характер и применяется только к строго определённому кругу лиц. Судебная практика подтверждает, что расширительное толкование и применение аналогии в данной сфере недопустимы. Существенную роль в реализации социальной функции наследственного права играет институт наследования нетрудоспособными иждивенцами. Он направлен на защиту лиц, которые фактически находились на содержании наследодателя и утратили источник существования после его смерти. В целом проведённый анализ свидетельствует о том, что социальная функция наследственного права заключается в обеспечении баланса между свободой распоряжения имуществом на случай смерти и защитой лиц, материально зависимых от наследодателя. Таким образом, наследственное право выполняет не только распределительную, но и социально-защитную функцию, направленную на охрану интересов наиболее уязвимых участников наследственных отношений.*

Ключевые слова: *наследственное право, социальная функция, наследование нетрудоспособными иждивенцами, право на обязательную долю*

Для цитирования: Разяпова С.Э., Сазанкова О.В. Реализация социальной функции наследственного права // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 36 – 42. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-36-42

Поступила в редакцию: 10 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

Implementation of the social function of inheritance law

[1] Razyapova S.E., [1] Sazankova O.V.,
[1] Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

Abstract: *the purpose of this study is to analyze the social function of inheritance law by examining several of its institutions, such as the right to a compulsory share and inheritance by the testator's disabled dependents. It is revealed that the historical development of inheritance law in Russia has tended to restrict free inheritance in favor of protecting disabled family members and dependents. It is determined that modern inheritance law combines two principles: freedom of testamentary disposition and the public interest in ensuring minimal property protection for*

the weaker party. It is in this balance that the social focus of inheritance regulation is manifested. The most significant manifestation of the social function of inheritance law is the institution of compulsory share, which limits the freedom of testamentary disposition but guarantees financial support for the incapacitated and others specified by law. The institution of compulsory share is imperative and applies only to a strictly defined group of individuals. Judicial practice confirms that a broad interpretation and the application of analogy in this area are unacceptable. The institution of inheritance by incapacitated dependents plays a significant role in the implementation of the social function of inheritance law. It is aimed at protecting individuals who were effectively supported by the testator and who lost their source of income after his death. Overall, the conducted analysis demonstrates that the social function of inheritance law is to ensure a balance between the freedom to dispose of property in the event of death and the protection of individuals financially dependent on the testator. Thus, inheritance law performs not only a distributive function but also a social protective function aimed at protecting the interests of the most vulnerable participants in inheritance relations.

Keywords: *inheritance law, social function, inheritance by disabled dependents, right to a compulsory share*

For citation: Razyapova S.E., Sazankova O.V. Implementation of the social function of inheritance law. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 36 – 42. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-36-42

The article was submitted: May 10, 2026; Approved after reviewing: June 11, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

Право по своей природе глубоко социально. Его главная цель воздействовать на общество, корректировать происходящие в нём процессы, сглаживать противоречия, поддерживать общественное согласие. Социальное предназначение права составляет важнейшую часть его сущности. Социальная природа права заключается в его связи со сферами общественного бытия. Она воплощается в процессе воздействия правовых норм на общественные отношения.

Социальная функция права проявляется повсеместно, но есть сферы, в которых эти проявления имеют более конкретный и определённых характер. Наследственное право является подотраслью тесно связанной с частными интересами, с уровнем жизни граждан, со стабильностью гражданского оборота, с сохранением имущества. С одной стороны, являясь подотраслью частного права, наследственное право основано на принципе диспозитивности, свободы воли и личного усмотрения; с другой стороны в нём проявляются признаки публичности, т.е. ограничений, устанавливающих нормы, направленные на защиту интересов социально слабых участников гражданского оборота. В этих нормах проявляется социальная функция наследственного права.

Материалы и методы исследований

Для цели настоящего исследования авторами были использованы: научная литература, авторские монографические исследования разных исторических периодов, диссертационные исследования отвечающие требованиям относимости и допустимости. Также были использованы действующие и исторические нормативные акты, судебная практика по делам о наследовании.

Традиционно в основе исследования лежит метод диалектики развития материи. При формировании научных результатов был использованы релевантные и относимые общенаучные методы. В процессе обоснования научных выводов использованы специальные юридические методы: формального юридического анализа, компаративистское правоведение, исторический юридический анализ, анализ актов судебной практики.

Результаты и обсуждения

Социальное предназначение права проявляется при его функционировании, т.е. воздействии на различные стороны общественной жизни [8]. Следует сказать, что социальная функция наследственного права проявлялась в истории довольно давно. Например, в России примерно начиная с середины XVI в. женщины, устранённые в целом от наследования, стали получать с него часть «на прожиток». Субъектами права «прожитка» чаще всего становились вдовы и незамужние дочери умерших помещиков, реже – их матери или незамужние сестры [9, с. 34-56]. Глобальные изменения в наследственное право внесли социальные и идеологические трансформации начала XX века.

В целях претворения в жизнь Манифеста коммунистической партии К. Маркса и Ф. Энгельса [7, с. 55] был издан Декрет об отмене наследования 1918 г. [13], который отменял переход имущества как по наслед-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ственным законам, так и по духовным завещаниям. Все, чем к моменту смерти владел наследодатель переходило в собственность государства. Ряд социально уязвимых лиц, связанных с наследодателем как по восходящей, так и по нисходящей линии получали материальную поддержку их имущества умершего. Такое регулирование просуществовало несколько лет и Декретом ВЦИК от 22 мая 1922 г. «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР» [14] наследование, хотя и с ограничениями, было вновь введено.

В науке в отношении социальной функции наследственного права существовали противоположные точки зрения. Серебровский В.И. резко отрицательно относился к социально-обеспечительной задаче наследования [6, с. 14].

Напротив, Венедиктов А.В. считал необходимым слияние наследственного права и права социального обеспечения, наследовать должны только малоимущие, иждивенцы и инвалиды [2, с. 58-60].

В течение Советского периода развития отечественного наследственного права социальная функция неизменно сохранялась. И Гражданский кодекс 1922 года (с изм. 1928 г.) [15] и Гражданский кодекс РСФСР 1964 года [16] в том или ином виде содержали нормы об обязательном наследовании нетрудоспособными членами семьи умершего и об обязательной доле.

Современный период развития наследственного права сочетает в себе концепцию диспозитивности, приоритет свободы завещания/договора, преимущество личной воли и публичный интерес, выражающийся в социальном обеспечении за счёт наследования уязвимых групп населения. Социальное проявление воли законодателя, прежде всего, выражается в институтах обязательной доли при наследовании по завещанию и в наследовании нетрудоспособными иждивенцами наследодателя наравне с той очередью, которая призывается к наследованию при наследовании по закону. Также частично социальную функцию выполняет институт завещательного отказа. Например, когда предоставляется право пожизненного проживания в квартире лицу, не имеющему иного жилого помещения.

В современной правовой науке основаниями наследования являются: закон, завещание и наследственный договор. Природа обязательной доли не имеет однозначного понимания. Наследование обязательной доли рассматривается и как вид наследования по закону [11, с. 161], и как самостоятельное основание наследования [4, с. 12].

По мнению Коноплянниковой Т.В., Шагивалеевой И.З. институту обязательной доли присуще ярко выраженное социально-обеспечительное свойство[6, с. 364-368].

В институте обязательной доли переплетаются интересы наследников самой обязательной доли, наследников по завещанию и государства.

Социальное предназначение обязательной доли не вызывает сомнений, но соответствие его содержания критерию справедливости оценивается не однозначно.

Вавилин Е.В. полагает, что более справедливой была бы доля как минимум в две трети для каждого из тех лиц, которых указывает закон [1, с. 30-32].

Гасанов Н.Ф. полагает, что сохранение обязательной доли как ограничение свободы завещаний представляется излишним, налагая при этом без какой-либо реальной необходимости запрет на свободное волеизъявление граждан Российской Федерации при решении ими юридической судьбы передаваемого по наследству имущества [4, с. 42-44].

Законодатель последовательно предпринимает меры для увеличения гибкости в ограничениях свободы завещания. Так, в ряде случаев возможно снижение размера обязательной доли или отказ в её присуждении (п. 4 ст. 1149 ГК РФ) [12], обязательная доля прежде всего выделяется из незавещанной части имущества (п. 2 ст. 1149 ГК РФ), выгодоприобретатель наследственного фонда, лишается права претендовать на получение обязательной доли в наследстве (п. 5 ст. 1149 ГК РФ).

Проблема баланса между правами наследника по завещанию и правами нетрудоспособного супруга наследодателя проявляется в ситуациях, когда завещанное жилое помещение является единственным жильем для наследника по завещанию. Законодатель предусмотрел и механизм ограничения обязательной доли в тех случаях, когда её реализация способна причинить несоразмерный вред наследнику по завещанию. В соответствии с п. 4 ст. 1149 ГК суд может с учетом имущественного положения наследников, имеющих право на обязательную долю, уменьшить размер обязательной доли или отказать в ее присуждении.

В производстве Первого КСОЮ рассматривалось дело, суть которого заключалась в том, что наследодатель оставил завещание в пользу своей племянницы П., однако на обязательную долю в наследственной массе претендовал ее нетрудоспособный супруг, проживающий в одном из домов престарелых. В обосновании требований П. указывала, что в жилье последний не нуждается, является получателем пенсии и не проживал в спорном жилище более 10 лет [19].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Нижестоящие суды признали право пожилого супруга на 1/2 доли в квартире. В соответствии с п. 1 ст. 1149 ГК и разъяснениями в п. 31 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации №9 относит его к нетрудоспособным, вне зависимости от назначения пенсии. Сам же факт проживания его в ином месте, не влечет автоматическое применение п. 4 ст. 1149 ГК, в части отказа в присуждении обязательной доли.

Таким образом социальная функция обязательной доли реализуется при установлении юридически значимого факта нетрудоспособности. Суд не в праве оценивать «нуждаемость» обязательного наследника в том смысле, в каком это принято в праве социального обеспечения. Сам факт достижения нетрудоспособного возраста обеспечивает правовую определенность и защищает от произвольного отказа в выдаче обязательной доли.

Институт обязательной доли является исключением из принципа свободы завещания, но содержит закрытый перечень лиц, которые обладают правом на такую долю. В правоприменительной практике встречаются попытки его расширения заявителями путем применения аналогии закона. В Определении Первого КСОЮ от 4 февраля 2026 г. № 88-498/2026 [20] суд обозначил, что закон устанавливает обязательную долю строго для поименованных лиц, применение аналогии недопустимо ввиду отсутствия пробела в урегулировании. Данный институт не означает универсальной защиты любого нетрудоспособного лица, входящего в очередь наследников по закону. Закрытый перечень призван обеспечить социальную защиту субъектов, которые явно зависели от наследодателя.

Наряду с обязательной долей важнейшим инструментом реализации социальной функции наследственного права выступает институт наследования нетрудоспособными иждивенцами наследодателя, закреплённый в ст. 1148 ГК.

Наследники – нетрудоспособные иждивенцы подразделяются на две категории: 1) как проживающие, так и не проживающие совместно с наследодателем родственники; 2) проживающие совместно с наследодателем не родственники.

Если круг наследников права на обязательную долю достаточно чётко определен, то в отношении нетрудоспособных иждивенцев существуют иные правила, иногда вызывающие практические вопросы. Как отмечают Удков А.И., Селезнёв П.С. можно выделить несколько проблем: определение признаков нетрудоспособности лица и его иждивенчества у наследодателя; определение родства и признаков совместного проживания такого иждивенца с наследодателем; определение обстоятельств невыплаты и размера невыплаченной суммы, предоставленной гражданину как средства к существованию [10].

Проблема достаточности доказательной базы при установлении факта нахождения на иждивении была обозначена Верховным Судом Российской Федерации в 2019 году. Истец Кудабаева У.С. проживала с умершим наследодателем без регистрации брака и претендовала на получение обязательной доли в качестве нетрудоспособного иждивенца. В доказательство установления факта, она ссылалась на совместное проживание с наследодателем, ведение общего хозяйства, а также на размер получаемой пенсии, которая была значительно ниже пенсии умершего Щеголаева А.С. Нижестоящие суды удовлетворили исковые требования [17].

В данном определении Верховный Суд Российской Федерации разграничил факт нахождения на иждивении и совместного проживания. Решения нижестоящих судов были отменены, поскольку не было определено, была ли материальная помощь наследодателя постоянным и основным источником средств к существованию. Совместное проживание и ведение общего хозяйства не может являться основанием для признания гражданина находящимся на иждивении, поскольку содержательных характер зависимости от наследодателя отличается от формального.

В определении Верховного Суда Российской Федерации 2020 года N 5-КГ20-66-К2 истец Яковлева О.В. на протяжении 35 лет состояла в фактических брачных отношениях с Гаврилюком А.А. Являясь инвалидом II степени и небольшую пенсию, она получала на свой счет арендные платежи от сдачи квартиры умершим наследодателем, он же оплачивал ей лекарства и лечение. Нижестоящие суды отказали в установлении факта нахождения на иждивении, ссылаясь на отсутствие доказательств, что помощь Гаврилюка являлась основным источником существования Яковлевой О.В. [18].

Отменяя решения нижестоящих судов, Верховный Суд Российской Федерации указал на следующее. Само по себе получение от наследодателя помощи при наличии собственного дохода не отменяет необходимость определения соотношения таких источников. Данное определение имеет ключевое значение для понимания пределов социальной функции института иждивения в наследственном праве. Суды не вправе формально определять наличие самостоятельного дохода как основание для отказа в установлении факта иждивения.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Законодательством предусмотрен порядок наследования нетрудоспособными гражданами, которые не являются родственниками умершего наследодателя, но находились на иждивении не менее года и при условии их совместного проживания. Так истец К.Е. проживала с женой покойного брата П.Г., взяв на себя обязанности по уходу за ней и ведению хозяйства. П.Г. при этом фактически полностью покрывала все расходы истца. В последствии она тяжело заболела и скончалась, так и не успев написать завещание в пользу К.Е. [21].

Суды первой и апелляционной инстанции установили факт нахождения на иждивении у наследодателя и признали истца наследником восьмой очереди в соответствии со ст. 1148 ГК, с чем в последствии согласился и Второй кассационный суд. Систематическая помощь являлась постоянным и основным источником средств к существованию при совместном проживании не менее года до смерти наследодателя. Экономическая зависимость одного лица от другого отражает прямой смысл института иждивения, который не опирается исключительно на родственные связи между субъектами.

Анализ судебной практики показывает, что возможность получения своей обязательной доли из наследственной массы, независимо от наличия или отсутствия завещания, является некой гарантией для гражданина, обусловленная социальной функцией наследственного права. Сам факт проживания с наследодателем, наличие родственных связей, уход или ведение общего хозяйства еще не означает автоматического выдела обязательной доли. Суды стали обращать внимание не только на сам факт нахождения на содержании, но и на иные источники дохода, имущество, в том числе денежные средства, находящиеся на банковских счетах и вкладах. Социальная функция наследственного права направлена на обеспечение социально уязвимых субъектов, жизнь которых значительно ухудшится после потери содержания от умершего гражданина. Принцип свободы завещания не может ограничить право иждивенца на обязательную долю постольку, поскольку закон придает этому праву императивный характер и гарантирует получение не менее половины той доли, которая причиталась бы иждивенцу при наследовании по закону, независимо от содержания завещания наследодателя.

Выводы

Наследование традиционно относится к институтам частного права. Защита частного интереса выражается в приоритете завещания над наследованием по закону, в возможности свободно определять круг наследников, завещать им любое имущество. Вместе с тем, сложившаяся нормативная основа и практика придаёт наследственному правопреемству в том числе социально значимый характер. Однако, выявленная функция социальной защиты имеет признаки публичности как защита интересов социально уязвимых субъектов. Государство через институты обязательной доли и наследования иждивенцами пытается обеспечить минимальный уровень социальной защищённости для названных категорий лиц, связанных с наследодателем. Это подчёркивает наличие в частном праве публичных институтов. Вместе с тем применение норм, направленных, на обеспечение интересов социально слабых субъектов, не должно иметь механический характер, должно основываться на соблюдении баланса интересов всех участников правоотношения.

Список источников

1. Вавилин Е. В. Принцип справедливости как основа осуществления наследственных прав // Юрист. 2007. № 1. С. 31. С. 30 – 32.

2. Венедиктов А.В. Советское гражданское право в период проведения Октябрьской социалистической революции (1917-1918 гг.) // Вопросы Советского государства и права: Ученые записки Ленингр. ордена Ленина гос. ун-та им. А.А. Жданова. № 187. Юридический факультет. Серия юридических наук. Вып. 6. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. С. 58 – 60.

3. Гасанов Н.Ф. Проблема ограничения свободы завещаний положениями об обязательной доле в наследстве // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 7. С. 42 – 44.

4. Дроников В.К. Наследственное право Украинской ССР. Киев: Вища школа, 1974. 159 с.

5. Конопляникова Т.В., Шагивалеева И.З. Принцип социальной справедливости в праве на обязательную долю в наследстве // Право и государство: теория и практика. 2024. № 4 (232). С. 364 – 368.

6. Корнеев С.М. В.И. Серебровский. Очерк жизни, научной и педагогической деятельности // Серебровский В.И. Избранные труды. М.: Статут, 1997. 346 с.

7. Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М.: Госполитиздат, 1952. 63 с.

8. Соколова А.А. Социальные функции права: новые подходы // Право и демократия: Сб. науч. тр. Вып. 13 / Отв. ред. В.Н. Бибило. Мн.: БГУ, 2002. 291 с. URL: http://elib.bsu.by/handle/123456789/23239 (дата обращения: 21.03.2026)

9. Староверова Е.В. «Прожиток» как вещное право на землю в Московской Руси XVI - первой половины XVII в // Труды Института государства и права РАН. 2019. № 1. С. 34 – 56.

10. Удков А.И., Селезнев П.С. Особенности наследования нетрудоспособными иждивенцами наследодателя // Образование и право. 2017. № 10. С. 70 – 73.

11. Эйдинова Э.Б. Осуществление наследственных прав и защита их судом и нотариатом: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1972. 203 с.

12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

13. Декрет ВЦИК от 27/14 апреля 1918 г. // Собрание узаконений. 1918. № 34. Ст. 456.

14. Декрет ВЦИК от 22 мая 1922 г. «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР» // Свод узаконений РСФСР. 1922. № 36. Ст. 423.

15. Гражданский кодекс Р.С.Ф.С.Р. // СУ РСФСР. 1922. № 71. ст. 904.

16. Гражданский кодекс РСФСР // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. ст. 407.

17. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 73-КГ19-3 // СПС «КонсультантПлюс».

18. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.07.2020 № 5-КГ20-66-К2 // СПС «КонсультантПлюс».

19. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12.03.2026 № 88-4271/2026 (УИД 50RS0002-01-2024-013197-20) // СПС «КонсультантПлюс».

20. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 04.02.2026 № 88-498/2026 (УИД 64RS0047-01-2025-002246-84) // СПС «КонсультантПлюс».

21. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 31.03.2026 № 88-5216/2026 (УИД 62RS0001-01-2024-002590-69) // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Vavilin E.V. The Principle of Justice as the Basis for the Exercise of Inheritance Rights. Jurist. 2007. No. 1. P. 31. P. 30 – 32.

2. Venediktov A.V. Soviet Civil Law during the October Socialist Revolution (1917-1918). Questions of the Soviet State and Law: Scientific Notes of the Leningrad Order of Lenin State University named after A.A. Zhdanov. No. 187. Faculty of Law. Series of Legal Sciences. Issue 6. L.: Publishing House of Leningrad University, 1955. P. 58 – 60.

3. Gasanov N.F. The Problem of Limiting Freedom of Wills by Provisions on a Compulsory Share in an Inheritance. Gaps in Russian Legislation. 2019. No. 7. P. 42 – 44.

4. Dronikov V.K. Inheritance Law of the Ukrainian SSR. Kyiv: Vishcha Shkola, 1974. 159 p.

5. Konoplyannikova T.V., Shagivaleeva I.Z. The Principle of Social Justice in the Right to a Compulsory Share of Inheritance. Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 4 (232). P. 364 – 368.

6. Korneev S.M. V.I. Serebrovsky. Essay on the Life, Scientific, and Teaching Activity. Serebrovsky V.I. Selected Works. Moscow: Statut, 1997. 346 p.

7. Marx K. and Engels F. Manifesto of the Communist Party. Moscow: Gospolitizdat, 1952. 63 p.

8. Sokolova A.A. Social functions of law: new approaches. Law and democracy: Coll. of scientific works. Issue 13. Ed. V.N. Bibilo. Minsk: BSU, 2002. 291 p. URL: http://elib.bsu.by/handle/123456789/23239 (date of access: 21.03.2026)

9. Staroverova E.V. "Sustenance" as a property right to land in Muscovite Rus' of the 16th - first half of the 17th centuries. Transactions of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2019. No. 1. P. 34 – 56.

10. Udkov A.I., Seleznev P.S. Features of inheritance by disabled dependents of the testator. Education and Law. 2017. No. 10. P. 70 – 73.

11. Eidinova E.B. Implementation of Inheritance Rights and Their Protection by the Court and the Notary: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow, 1972. 203 p.

12. Civil Code of the Russian Federation (Part Three) of November 26, 2001 No. 146-FZ. Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 49. Art. 4552.

13. Decree of the All-Russian Central Executive Committee of April 27/14, 1918. Collected Legislation. 1918. No. 34. Art. 456.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

14. Decree of the All-Russian Central Executive Committee of May 22, 1922 "On the Basic Private Property Rights Recognized by the RSFSR, Protected by Its Laws, and Defended by the Courts of the RSFSR". Code of Laws of the RSFSR. 1922. No. 36. Art. 423.

15. Civil Code of the RSFSR. SU RSFSR. 1922. No. 71. Art. 904.

16. Civil Code of the RSFSR. Vedomosti of the Supreme Court of the RSFSR. 1964. No. 24. Art. 407.

17. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 23, 2019 No. 73-KG19-3. SPS "ConsultantPlus".

18. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 28, 2020 No. 5-KG20-66-K2. SPS "ConsultantPlus".

19. Determination of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated March 12, 2026 No. 88-4271/2026 (UID 50RS0002-01-2024-013197-20). SPS "ConsultantPlus".

20. Determination of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated February 4, 2026 No. 88-498/2026 (UID 64RS0047-01-2025-002246-84). SPS "ConsultantPlus".

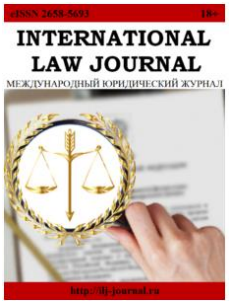
21. Determination of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated March 31, 2026 No. 88-5216/2026 (UID 62RS0001-01-2024-002590-69). SPS "ConsultantPlus".

Информация об авторах

Разяпова С.Э., ассистент кафедры гражданского права, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0007-2605-5818, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, rebrovase@rsuj.ru

Сазанкова О.В., кандидат юридических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0008-3332-9255, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, o.sazankova@rsuj.ru

© Разяпова С.Э., Сазанкова О.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 347.73
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-43-48

Финансово-правовое регулирование рынка ценных бумаг в Эфиопии

[1] Карпов К.А.,
[1] Московский государственный юридический университет О.Е. Кутафина (МГЮА)

Аннотация: *работа посвящена генезису финансово-правового регулирования рынка ценных бумаг Эфиопии. Необходимо заметить, что в Российской Федерации отсутствует достаточное количество исследований, которые посвящены правовому регулированию финансовых рынков стран Африки. Рассматриваемое государство представляет интерес для ученых Российской Федерации ввиду того, что Эфиопия является быстрорастущей экономикой со значительным количеством населения. Также страна с 2024 года является членом БРИКС. Более того, в начале 2025 года в государстве была учреждена фондовая биржа, что послужило основой разработки соответствующей нормативной базы в сфере финансово-правового регулирования фондового рынка в стране. Следовательно, целесообразно проводить сравнительно-правовые исследования в финансовой сфере для улучшения координации с представителями государств Африканского континента.*

Ключевые слова: *Африка, Эфиопия, ценные бумаги, БРИКС, биржа, ECMA, инвесторы, ESX*

Для цитирования: Карпов К.А. Финансово-правовое регулирование рынка ценных бумаг в Эфиопии // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 43 – 48. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-43-48

Поступила в редакцию: 11 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

The financial legal regulation of the securities market of Ethiopia

[1] Karpov K.A.,
[1] Kutafin Moscow State Law University

Abstract: *the paper is devoted to the genesis of financial and legal regulation of the Ethiopian securities market. It should be noted that there is no significant number of studies in the Russian Federation that focus on the legal regulation of financial markets in African countries. The state in question is of interest to scientists in the Russian Federation due to the fact that Ethiopia is a fast-growing economy with a significant population. The country has also been a member of the BRICS since 2024. Moreover, at the beginning of 2025, the state established a stock exchange, which served as the basis for the development of an appropriate regulatory framework in the field of financial and legal regulation of the stock market in the country. Therefore, it is advisable to conduct comparative legal studies in the financial sector in order to improve coordination with representatives of the States of the African continent.*

Keywords: *Africa, Ethiopia, securities, BRICS, stock exchange, ECMA, investors, ESX*

For citation: Karpov K.A. The financial legal regulation of the securities market of Ethiopia. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 43 – 48. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-43-48

The article was submitted: May 11, 2026; Approved after reviewing: June 12, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Введение

В условиях развития финансовых отношений в современном мире невозможно не уделять внимание сравнительно-правовому исследованию отношений, которые складываются в сфере финансово-правового регулирования рынка ценных бумаг. Видный французский ученый, представитель науки финансового права – Поль Мари Годме [1] говорил о том, что сравнение финансовых операций в различных юрисдикциях позволяет лучше понимать осуществление этих сделок внутри своей национальной правовой системы [2]. Практически схожую точку зрения можно найти в трудах Рене Давида, который исследовал особенности правовых семей и систем государств мира [3]. Также Е.Ю. Грачева отмечает, что финансы и финансовые отношения претерпевают колоссальные изменения в XXI веке [4]. В этой связи возрастает интерес и необходимость исследования опыта финансово-правового регулирования и финансового контроля на рынках ценных бумаг в странах дружественных для России, включая государства-члены БРИКС. В данной работе будет уделено внимание упомянутому вопросу в такой стране, как Эфиопия.

Материалы и методы исследований

В исследовании использовались различные методы познания: системы, диалектический, историко-правовой, сравнительной-правовой, логический, формально-юридический и логический.

Результаты и обсуждения

Федеративная Демократическая Республика Эфиопия – это государство, которое находится на Африканском континенте, являвшаяся ранее колонией ряда Европейских государств. После освобождения страны от Итальянской оккупации в 1941 году вооруженные силы Великобритании фактически находились на территории государств вплоть до 1954 году и оказывали существенное влияние на развитие Эфиопии. Говоря о развитии организованного фондового рынка страны, стоит отметить, что первый финансовый инструмент, который была предложен для открытой подписки инвесторам, был выпущен в 1956 году компанией Ethiopian Abattoirs. В последующие годы ряд других организаций осуществили эмиссию акций по открытой подписки. В число этих компаний. Общий объем инвестиций в акции за период 1959–1963 годов составил около 61 миллиона быр. Позднее в связи с ростом торговли акциями в Аддис-Абебе Государственный банк Эфиопии в 1960 году создал отдел (департамент) обмена акциями, для дальнейшего стимулирования торговли акциями. Создание этого отдела стало первым шагом в институциональной организации торговли акциями в Эфиопии. Посредством данного подразделения центральный банк страны приобрел акции многих крупных компаний, также являясь андеррайтером по размещению этих финансовых инструментов. Банк также предоставлял займы под залог акций, переданных в качестве обеспечения заемщиками. Эти займы использовались для личных целей или в качестве маржи для финансирования покупки акций. К середине шестидесятых годов прошлого столетия фондовый рынок страны значительно увеличился в объемах. Ускоряющиеся темпы экономического развития в то время привели к увеличению числа новых компаний. Это привело с каждым годом к увеличению числа новых выпусков акций, что, в свою очередь, потребовало от департамента дополнительных ресурсов для андеррайтинга. С другой стороны, другие финансовые организации к тому времени начали осуществлять свои собственные брокерские и дилерские операции с акциями. Кроме того, возникли опасения по поводу потрясений на рынке, когда две крупные компании, созданные путем открытой подписки на акции, начали испытывать финансовые трудности.

Еще одной важной вехой в истории Эфиопской торговли акциями является принятие Гражданского кодекса страны в 1960 году. Кодекс состоит из пяти книг и более чем 80 глав и охватывает, среди прочего, такие темы, как организация бизнеса и страхования, игры и азартные игры на деньги, оборотные инструменты, банковские операции, банкротство и схемы урегулирования [5]. Кодекс действует и по настоящее время. Фактически, он является нормативным правовым актом, который регулирует общественные отношения по такому вопросу как эмиссия финансовых инструментов и торговле ими. В этом отношении важной частью Кодекса является раздел VI книги II, касающийся компаний. Эта часть кодифицированного акта состоит из восьми глав, посвященных созданию акционерного общества, правам и обязанностям акционеров, органам управления акционерного общества, эмиссии долговых ценных бумаг (облигаций), ведение бухгалтерского учета и ликвидация акционерных обществ. Особый интерес для операций на эфиопском рынке капитала представляют статьи Кодекса, определяющие условия, которые должны быть выполнены перед эмиссией акций и долговых обязательств для публичного размещения [6], а также порядок передачи этих ценных бумаг от одного лица к другому.

Как было отмечено ранее в исследовании, по мере роста фондового рынка в 1965 году была создана группа по торговле акциями. Она состояла из шести организаций, включая Национальный банк Эфиопии,

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Банк Аддис-Абебы, Коммерческий банк Эфиопии, Банк развития Эфиопии, Инвестиционный банк Эфиопии, Sabean Utility Corporation и одного физического лица – Альфреда Абеля. Все они торговали акциями между собой на открытых торгах. Эта инициатива позволила Эфиопии войти в число африканских стран с развитым фондовым рынком. Группа регулярно проводила еженедельные заседания под председательством управляющего Национальным банком Эфиопии. Банк также обеспечивал функции секретариата и иную поддержку деятельности этой структуры. На своих еженедельных встречах члены группы обменивались акциями между собой и выполняли поручения своих клиентов. Большинство членов группы по торговле акциями также имели свои собственные внебиржевые инструменты, которые они использовали для публичной торговли акциями по ценам, определяемым на еженедельных заседаниях группы. В целом, группа достигла своих целей по информированию и просвещению инвесторов и общественности о владении акциями и торговле ими, укреплению доверия к рынку и созданию необходимой основы для возможного запуска полноценной фондовой биржи. Однако эта ранняя попытка создать организованный фондовый рынок была прекращена в 1974 году, когда крупные акционерные общества и финансовые организации были национализированы и взяты под контроль правительства. С того времени как Эфиопия приняла экономическую политику свободного рынка, акционерные компании вновь начали регистрироваться в стране. На сегодняшний день уже создано или находится в процессе создания значительное число акционерных компаний: Hinjhat, Gosh Manufacturing and Trading, Eshet Food and Animal Feed Products, Химико-технологический центр, Walta Ethiopia, Wabe Agricultural Development. Все компании были созданы эфиопскими инвесторами, и их уставный капитал в большинстве случаев не превышал 20 миллионов быр. Большинство компаний разместили свои ценные бумаги без помощи сторонних андеррайтеров. В сравнение с XX веком, когда, по крайней мере, банковский сектор проявлял активный интерес к андеррайтингу и торговле акциями, в настоящее время существует серьезный институциональный пробел в отношении предоставления этих финансовых услуг. Таким образом, учерженные к настоящему времени компании и их акционеры не смогли воспользоваться преимуществами андеррайтинга. Некоторым из них не удалось получить достаточную сумму подписки, предусмотренную в их проекте учредительного договора. В дополнение к отсутствию посредников на фондовом рынке в настоящее время существуют и другие проблемы, которые препятствуют расширению инвестиций в акции. Отметим, что инвесторы еще не полностью восстановили доверие, утраченное после национализации их пакетов акций в различных предприятиях в 1975 году. Более того, в стране еще не сформировались активные вторичные рынки, позволяющие акционерам торговать своими акциями. Безусловно, это еще один фактор, который в настоящее время препятствует инвестированию в акции. Отметим, что коммерческий кодекс Эфиопии, который также регулирует деятельность по эмиссии акций и торговле ими, в его нынешнем виде создает процедурные неудобства и значительные задержки в выполнении регистрационных формальностей. С другой стороны, очевидное неисполнение некоторых положений кодекса может негативно сказаться на доверии инвесторов, и возникающий в результате этого кризис доверия впоследствии может быть сложно преодолеть на практике.

Как было описано выше, на долю институциональных инвесторов приходится значительная доля валовых инвестиций в других странах. Насколько мы могли наблюдать в Эфиопии на данный момент, финансовые организации, располагающие значительными финансовыми ресурсами, пока не готовы инвестировать в акции. К таким учреждениям относятся фонды обеспечения персонала, кредитные и сберегательные ассоциации, кооперативы и другие лица. Для некоторых компаний основная проблема заключается в юридических или административных ограничениях на то, как они могут использовать свои средства. Для других организаций основной вопрос заключается в недостаточной осведомленности о возможностях, которые существуют в виде инвестиций в акции. Во-первых, продолжающаяся реформа финансового сектора создаст базовые условия для оживления инвестиций частного сектора в целом и инвестиций в акционерные компании в частности. Во-вторых, начало проведения правительством широкомасштабной программы приватизации придаст мощный импульс развитию эфиопского рынка капитала. Предположительно, приватизация большинства государственных предприятий будет осуществляться путем публичного размещения их акций, что позволит увеличить число акционерных компаний, тем самым предоставляя потенциальным посредникам существенный по объему и количеству компаний фондовый рынок, который мог бы поддерживать прибыльный брокерский бизнес. В-третьих, по мере укоренения в стране экономической политики свободного рынка будет увеличиваться приток иностранных инвестиций, что придаст дополнительный импульс развитию эфиопского рынка капитала. Группа Эфиопских ученых разработала некоторые предложения по дальнейшему развитию фондового дела страны [7]. Так, на основе рекомендаций, которые были предложены учеными, руководством страны в 2021 году приняло решение о создании Эфиопского управления по рынку капитала (The Ethiopian Capital Market Authority (ECMA). Фактически это специализиро-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ванный орган, который осуществляет полномочия в сфере регулирования и контроля (надзора) на организованных торгах. Данный орган является автономным образованием федерального правительства государства. Его создание стало частью более широких экономических реформ в Эфиопии, направленных на либерализацию финансового сектора и стимулирование частных инвестиций. ECMA был создан в соответствии с Указом № 1248/2021, который обеспечивает правовую основу для органа, регулирующего и осуществляющего надзор за формирующимся рынком капитала в стране [8]. Брук Тай, первый генеральный директор ECMA, возглавлял управление с момента его создания, уделяя особое внимание созданию основополагающей нормативно-правовой базы и наращиванию институционального потенциала для рынка капитала. В августе 2024 года его сменила Хана Техелку, которая обладает опытом в области права, уголовного преследования и расследования финансовых преступлений, что ознаменовало новый этап усиления нормативно-правового регулирования и повышения доверия к рынку. В соответствии со статьей 2 части первой данного нормативного правового акта под рынком капитала понимается рынок, на котором осуществляет покупка и продажа ценных бумаг, такие как акции или долевые инструменты, облигации, производные финансовые инструменты или другие связанные с ними ценные бумаги. В то время как под финансовыми инструментами понимаются активы, которые состоят из денежных контрактов, заключенных между сторонами и которые могут быть созданы, изменены, обменены и урегулированы. Также участниками этого рынка являются провайдеры услуг на рынке капитала, эмитенты ценных бумаг, инвесторы, фондовые биржи, правомочные контрагенты по контрактам, а также депозитарные и клиринговые организации. В соответствии со второй частью данного документа ECMA подотчетно напрямую премьер-министру страны. Основными целями этого органа являются:

1. защита прав инвесторов;
2. обеспечение осуществления условий на рынке капитала, в которых ценные бумаги могут выпускаться и продаваться упорядоченным, справедливым, эффективным и прозрачным образом;
3. снижение системных рисков путем обеспечения целостности рынка капитала и операций с ним;
4. содействие развитию рынка капитала путем создания благоприятных условий для долгосрочных инвестиций.

Говоря об органах управления ECMA, то стоит отметить, что вся деятельность регулятора сконцентрирована в совете директоров, который возглавляет его председатель, имеющий заместителя, при служебной необходимости. Совет директоров должен состоять из семи членов, в который входят:

a) управляющий Национальным банком Эфиопии – постоянный член по должности;
b) руководитель контрольно-счетного органа Эфиопии – постоянный член по должности;
c) четыре других лица, которые должны быть назначены на свои должности основе квалификации;
d) генеральный директор – без права голоса.

Отметим, что члены совета директоров назначаются премьер-министром государства. Председатель совета директоров также назначается Премьер-министром из числа его членов. Однако Генеральный директор не может быть назначен председателем. Отметим, что председатель и каждый член совета директоров должны назначаться из числа лиц, обладающих опытом и экспертными знаниями в области права, финансов, экономики, менеджмента или смежных дисциплин. Совет директоров должен сформировать комитет по аудиту, состоящий как минимум из трех его членов, в который не может входить генеральный директор. Совет директоров также вправе создавать другие комитеты по мере необходимости. Членам совета директоров выплачиваются вознаграждения и иные надбавки из общего фонда ECMA, которые могут быть определены Правительством Эфиопии. Важно также учитывать, что законодательством страны предусмотрено положение о конфликте интересов, который может быть у членов совета директоров данного органа в период исполнения ими своих должностных обязанностей. Так, они не могут занимать другие должности, которые могут привести к конфликту интересов, а также члены совета директоров должны отказаться от участия и голосования по вопросам, которые могут привести к конфликту интересов на финансовом рынке. Говоря о биржевой деятельности в Эфиопии, то стоит учитывать, что лишь в 2025 году произошло значимое событие для всего финансового рынка [9] Эфиопии – была открыта фондовая биржа государства – Эфиопская фондовая биржа (The Ethiopian Securities Exchange (ESX). По мнению экспертов, ожидается, что восстановление организованного рынка ценных бумаг послужит платформой для привлечения долгосрочных средств в бизнес-среду, которая в значительной степени зависит от банковского финансирования. Учитывая, что Африка занимает второе место по численности населения и является одной из самых быстрорастущих экономик в мире, создание фондового рынка открывает значительные перспективы для его развития. Ожидается, что принятое решение будет способствовать устойчивому развитию частного сектора, которое напрямую связано с дальнейшим развитием экономики страны. Так, экономический рост может быть обос-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

нован рядом факторов, одним из которых является то, что страны с устойчивыми рынками капитала принято ассоциировать с более быстрым и значительным экономическим ростом ВВП [10]. Учреждение рынка ценных бумаг, в особенности фондовой площадки, предоставляет компаниям способы финансирования своих проектов, а инвесторам – возможность легально участвовать на этом рынке. Аналогичным образом, это также предоставит розничным инвесторам возможность инвестировать свои деньги. Кроме того, для компаний, которые долгое время полагались на банковское финансирование, создание фондового рынка [11] предоставит новую возможность получить дополнительное финансирование.

Выводы

Таким образом, учитывая размер рынка ценных бумаг в Эфиопии и населения, которое превышает сто шестнадцать миллионов человек, то в настоящее время, можно ожидать появления большого количества организаций и участников на фондовом рынке в первые несколько лет. Ожидается, что финансовые организации, такие как банки и страховые компании, будут первыми, кто примет активное участие в развитии этого рынка. Также на рынке появятся крупные государственные предприятия. ECMA в течение 2025 года начало разработку подзаконных нормативных правовых актов, которые позволят внедрить лучшие практики по регулированию и осуществлению надзора на фондовом рынке страны. Отметим, что наиболее ожидаемыми являются нормативные документы, касающиеся финансово-правового регулирования, в особенности лицензирования различных участников фондового рынка, листинга и исключения из списка бирж ценных бумаг, а также раскрытия информации о сделках с ценными бумагами [12].

Список источников

1. Годме П.М. Финансовое право. М., 1978. С. 49.
2. Грачева Е.Ю. Основные тенденции развития финансового права как публично-правовой отрасли. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). № 7 (119). 2024. С. 22 – 23.
3. Карпов К.А. Финансово-правовое регулирование процедуры первичного публичного и вторичного размещения ценных бумаг в Российской Федерации // Финансовое право. 2024. № 3. С. 24 – 26.
4. Рождественская Т.Э., Карташов А.В. Источники правового регулирования технологий на финансовом рынке России. Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14. № 8-1. С. 14 – 25.
5. Сладкова А.В. Административное принуждение в области рынка ценных бумаг: монография. М.: Проспект, 2021. 248 с.
6. Сладкова А.В. Административные правоотношения в области рынка ценных бумаг в условиях цифровизации: проблемы правового регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 11. С. 35 – 39.
7. Araya Debessay, Tadewos Harege-Work. Towards the Development of capital market in Ethiopia. URL: https://eea-et.org/sites/default/files/publications/ArayaandTadewos_TowardstheDevelopmentofCapitalMarketinEthiopia.pdf (дата обращения: 07.08.2025)
8. Civil Code. Addis Ababa 5th May 1960. Negarit GAzaet. Gazette Extraordinary. URL: http://citizenshiprightsafrica.org/wp-content/uploads/2018/05/Ethiopia-Civil-Code-1960.pdf (дата обращения: 07.08.2025)
9. Paul Marie Gaudemet, Joël Molinier: Finances publiques budget/trèsor Tome I. Montchrestien. 1996. P. 11 – 15.
10. Proclamation No. 1248/2021 The Federal Democratic Republic of Ethiopia Capital Market Proclamation. Federal Negarit Gazette of the Federal Democratic Republic of Ethiopia. 27th Year No. 33 Addis Ababa, 23th July, 2021. URL: https://chilot.wordpress.com/wp-content/uploads/2023/02/12ae1-capital-market-proclamation-no.1248-2021.pdf (дата обращения: 07.08.2025)
11. René David, Camille Jauffret-Spinosi, Marie Goré: Les grands systèmes de droit contemporains. Dalloz. 2016. P. 5.
12. What We Know About the Establishment of a Capital Market in Ethiopia. URL: https://www.renewcapital.com/newsroom/what-we-know-about-the-establishment-of-a-capital-market-in-ethiopia (дата обращения: 08.04.2026)

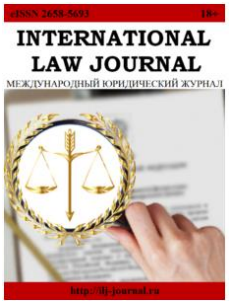
References

1. Godme P.M. Financial Law. Moscow, 1978. P. 49.
2. Gracheva E.Yu. Main Trends in the Development of Financial Law as a Public Law Branch. Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). No. 7 (119). 2024. P. 22 – 23.
3. Karpov K.A. Financial and Legal Regulation of the Procedure of Initial Public and Secondary Offerings of Securities in the Russian Federation. Financial Law. 2024. No. 3. P. 24 – 26.
4. Rozhdestvenskaya T.E., Kartashov A.V. Sources of Legal Regulation of Technologies in the Russian Financial Market. Issues of Russian and International Law. 2024. Vol. 14. No. 8-1. P. 14 – 25.
5. Sladkova A.V. Administrative Coercion in the Securities Market: A Monograph. Moscow: Prospect, 2021. 248 p.
6. Sladkova A.V. Administrative Legal Relations in the Securities Market in the Context of Digitalization: Problems of Legal Regulation. Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2024. No. 11. P. 35 – 39.
7. Araya Debessay, Tadewos Harege-Work. Towards the Development of Capital Market in Ethiopia. URL: https://eea-et.org/sites/default/files/publications/ArayaandTadewos_TowardstheDevelopmentofCapitalMarketinEthiopia.pdf (date of access: 07.08.2025)
8. Civil Code. Addis Ababa, 5 May 1960. Negarit GAzaet. Gazette Extraordinary. URL: http://citizenshiprightsafrica.org/wp-content/uploads/2018/05/Ethiopia-Civil-Code-1960.pdf (date of access: 07.08.2025)
9. Paul Marie Gaudemet, Joël Molinier: Finances publiques budget/trèsor Tome I. Montchrestien. 1996. P. 11 – 15.
10. Proclamation No. 1248/2021 The Federal Democratic Republic of Ethiopia Capital Market Proclamation. Federal Negarit Gazette of the Federal Democratic Republic of Ethiopia. 27th Year No. 33 Addis Aba-ba, July 23, 2021. URL: https://chilot.wordpress.com/wp-content/uploads/2023/02/12ae1-capital-market-proclamation-no.1248-2021.pdf (date of access: 07.08.2025)
11. René David, Camille Jauffret-Spinosi, Marie Goré: Les grands systèmes de droit contemporains. Dal-loz. 2016. P. 5.
12. What We Know About the Establishment of a Capital Market in Ethiopia. URL: https://www.renewcapital.com/newsroom/what-we-know-about-the-establishment-of-a-capital-market-in-ethiopia (date of access: 08.04.2026)

Информация об авторе

Карпов К.А., кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

© Карпов К.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 341.922.
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-49-57

Проблемы защиты секрета производства в международных сделках

[1] Пикунова А.А.,
[1] Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Аннотация: *в статье рассматриваются вопросы, возникающие при рассмотрении споров, касающихся прав на секрет производства. Анализируются особенности в практике рассмотрения дел в странах, имеющих различные правовые системы, такие, например, как Российская Федерация и Соединенные штаты Америки.*

Сделан вывод о том, что одним из способов решения проблем является некий синтез всех существующих традиций. Представляется целесообразным разработать унифицированный подход к правовой охране секрета производства, определив момент его создания и момент возникновения исключительного права на такой объект. При этом фиксация такого момента на материальном носителе может быть существенно модернизирована с учетом современных технологий.

Ключевые слова: *секрет производства, ноу-хау, технология, трансграничные отношения, секретное изобретение, коммерческая тайна, интеллектуальная собственность, исключительное право*

Для цитирования: Пикунова А.А. Проблемы защиты секрета производства в международных сделках // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 49 – 57. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-49-57

Поступила в редакцию: 13 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

Problems of protecting production secrets in international transactions

[1] Pikunova A.A.,
[1] Kutafin Moscow State Law University

Abstract: *the article discusses issues that arise in the course of considering disputes related to the rights to a trade secret. It analyzes the specifics of the practice of considering cases in countries with different legal systems, such as the Russian Federation and the United States of America. The article concludes that one of the ways to solve these problems is to synthesize all existing traditions. It is proposed to develop a unified approach to the legal protection of a trade secret by defining the moment of its creation and the moment when the exclusive right to such an object arises. At the same time, the recording of such a moment on a tangible medium can be significantly improved using modern technologies.*

Keywords: *production secret, know-how, technology, cross-border relations, secret invention, trade secret, intellectual property, exclusive right*

For citation: Pikunova A.A. Problems of protecting production secrets in international transactions. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 49 – 57. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-49-57

The article was submitted: May 13, 2026; Approved after reviewing: June 12, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Введение

Российская Федерация участвует в ряде международных договоров, регулирующих правовой статус результатов интеллектуальной деятельности, в том числе на секрет производства. Такие договоры и соглашения обеспечивают основу для защиты исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, соответствующей федеральному законодательству России и условиям международной правовой среды. Современная геополитическая обстановка подчёркивает важность эффективной защиты интеллектуальных прав. Действующее законодательство устанавливает, что обладателю секрета производства принадлежит исключительное право на него (ст. 1466 ГК РФ). Сам секрет производства (ноу-хау) характеризуется тем, что он неизвестен третьим лицам и потому объектом общественных отношений и тем более правовых отношений быть не может. Это означает, что исключительное право в данном случае возникает при отсутствии объекта охраны [2].

В этом контексте российское законодательство предпринимает шаги по усилению защиты интеллектуальных прав, включая секреты производства. Например, были приняты изменения, направленные на ужесточение ответственности за нарушение исключительных прав и усовершенствование механизмов контроля за их реализацией. Тем не менее, в сфере защиты интеллектуальной собственности в России остаются проблемы, такие как эффективное приведение в исполнение судебных решений, борьба с пиратством и контрафакцией, и сложности, связанные с охраной конфиденциальной информации. Эти и другие проблемы требуют дальнейшего внимания и решения для обеспечения полноценной защиты интеллектуальной собственности в России. При этом нужно учитывать, что по причине специфической природы секрета производства для сохранения исключительного права на секрет производства требуется фактическая монополия [1].

Также следует принимать во внимание тот факт, что не во всех странах термины "ноу-хау" и "секрет производства" считаются синонимами, как, например, в ФРГ, где большинство представителей доктрины придерживаются указанной точки зрения. Иное мнение относительно соотношения указанных понятий существует в США. Например, деловым секретом считается конфиденциальная информация, сохраняемая каким-либо лицом для собственного пользования, тогда как эта же конфиденциальная информация, предназначена для передачи другому лицу, приобретает статус ноу-хау [5].

Все сложности, возникающие в процессе оборота секретов производства, поиска надлежащего собственника, проблем доказывания и защиты нарушенного права наглядно прослеживаются в практике судебных разбирательств, что предлагается далее рассмотреть более подробно на примерах различных стран.

Материалы и методы исследований

Систему общенаучных методов при работе над настоящей статьей составили: анализ, синтез, аналогия. При исследовании законодательства различных государств был использован сравнительно-правовой метод.

В работах В.А. Дозорцева освещаются принципы закрепления охраны результатов интеллектуального труда, в частности, регистрационной и созидательной системами охраны [3]. В контексте главенства закона, регистрационная система охраны предполагает строгое следование юридическим процедурам. Субъект, претендующий на охрану интеллектуальной собственности, инициирует процесс регистрации, который включает в себя оформление запроса в соответствии с установленными нормативами, а также прохождение экспертизы.

Необходимо отметить, что уже с момента создания и до официального получения свидетельства о праве, автор получает юридически неокончательное, но охраняемое право на защиту своих интересов. Процесс законодательного признания требует строгого выполнения нормативных требований – при их несоблюдении охрана не предоставляется [4].

С другой стороны, созидательная система базируется на самом факте создания интеллектуального продукта, что автоматически приводит к его охране без необходимости прохождения дополнительных формальных процедур. Этот подход оптимален для произведений, ценность которых определяется их формой. Законодательство может позволять факультативную регистрацию таких результатов, что облегчает защиту авторских прав, устанавливая презумпцию права собственности на идеи, закрепленные документально [10].

Однако существуют результаты интеллектуальной деятельности, которые не поддаются категоризации исходя из формальных характеристик – в таких случаях правовой защитой выступает принцип конфиденциальности. В рамках этого принципа, объекты, именуемые «секретами производства» (не ограничивающиеся какой-то одной сферой), могут быть охраняемыми, если они удовлетворяют определенным качественным характеристикам и считаются ценными с точки зрения содержащейся в них информации.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

При обсуждении правовой защиты секретов производства важно уделить внимание отсутствию необходимости в прохождении процедуры регистрации или иных формальных требований. Действительно, в контексте законодательства о коммерческой тайне охрана наступает без регистрационных действий, что порождает определенную правовую неопределенность. Гипотетически один и тот же секрет производства может быть независимо открыт различными лицами, что сопряжено с потенциальными спорами о приоритете его создания.

Поэтому важность приобретает процесс фиксации конфиденциальной информации в том виде, в котором она появилась и использовалась на практике. Речь идет о документировании уникального решения в форме, которая не является общедоступной и доступной для использования в широких кругах. Для охраны информации, классифицированной как секрет производства, обязательной является фиксация на материальном носителе – будь то письменная запись, электронный файл, видео- или аудиозапись. Такое документирование важно для третьих лиц, которые впоследствии могут быть затронуты спором или конфликтом интересов.

В случаях правовых разбирательств или исков о признании права, не отразившееся в объективной форме на материальном носителе содержание секрета производства легко может утратить свою охрану, поскольку оно не обладает необходимой степенью доказательности для идентификации и признания права. Таким образом, документальное подтверждение секрета производства не является формальностью; оно выполняет критически важную роль в юридическом признании и защите интеллектуальной собственности.

В контексте правовой охраны секрета производства особенно значимым является его документирование в рамках договорных отношений. Условие доказательственной силы таково, что наличие секрета производства в договоре само по себе является признанием сторонами передачи конкретных сведений, подтверждающих содержание договоренностей. Однако для охраны секрета производства в более широком контексте предполагается верификация документации с участием третьей стороны, например нотариусом, что обеспечивает не односторонний, а всесторонний характер доказательства [6].

Подобная позиция находит отражение в европейской юридической доктрине, конкретизированной в Правилах Комиссии ЕС. Так, в пункте 4 статьи 10 указывается, что термин «идентифицированный» применяется к ноу-хау, которое описано или документально оформлено таким образом, что можно оценить соответствие информации критериям конфиденциальности и значимости, а также предотвратить необоснованные ограничения для лицензиата в использовании собственных технологий. Запись ноу-хау, согласно указаниям, должна осуществляться либо непосредственно в лицензионном соглашении, либо в другом документе, либо в любой форме, которая сочтена будет уместной, в момент передачи секрета производства либо непосредственно после неё, с условием, что при необходимости к этой документации можно будет обратиться.

Исходя из этого, главным аспектом юридической охраны секрета производства является его точная фиксация на материальном носителе, что гарантирует возможность идентификации и проверки соответствующих юридических и коммерческих критериев [5].

В целях защиты прав на секрет производства и подтверждения прав авторства используются определённые гражданско-правовые механизмы. В первую очередь, процедура фиксации и идентификации данного рода сведений играет ключевую роль, поскольку именно она позволяет установить владельца прав и факт нарушения этих прав. В случае выявленного нарушения определяется мера ответственности, детальное обсуждение которой предстоит далее.

В контексте российского законодательства, согласно статье 139 части 2 Гражданского кодекса РФ, лица, получившие информацию, являющуюся служебной или коммерческой тайной, при помощи незаконных способов, обязаны возместить причинённые убытки [7]. Кроме того, данная норма относится также к сотрудникам, разгласившим данные секреты, противореча условиям трудового договора или контракта, и к контрагентам, нарушившим условия сотрудничества.

Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 года N 135-ФЗ в статье 14.7 запрещает недобросовестную конкуренцию, включая действия, связанные с незаконным получением, использованием или разглашением коммерческой тайны, и устанавливает санкции для таких нарушений. Помимо гражданской ответственности, законодательство предусматривает и уголовную ответственность: по статье 183 Уголовного кодекса РФ сбор информации, относящейся к коммерческой или банковской тайне через незаконные методы в целях её разглашения или незаконного использования, подлежит наказанию в виде штрафа или лишения свободы на определенный срок.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Таким образом, юридическая база Российской Федерации предоставляет инструменты для защиты конфиденциальной информации и секретов производства, но несмотря на это, на практике могут возникать сложности, связанные с доказыванием фактов и установлением убытков.

Защита имущественных прав интеллектуальной собственности, включая секреты производства, является важным аспектом во многих национальных законодательствах. Примером такого подхода служит французское законодательство, где Кодекс интеллектуальной собственности затрагивает эту проблематику.

Согласно пункту L.621-1 Главы I Раздела II упомянутого кодекса, незаконное раскрытие секретов производства со стороны управляющего или сотрудника компании подлежит уголовной ответственности, что может влечь за собой тюремное заключение сроком на два года и значительный финансовый штраф в размере до 200 000 франков.

Кроме того, французский суд вправе наложить дополнительные санкции, как указано в статье 131-26 Уголовного кодекса Франции, в виде лишения прав, связанных с гражданским и семейным статусом сотрудника, на срок до пяти лет [9].

В Соединенных Штатах Америки в области защиты торговых и производственных секретов действует закон «Об экономическом шпионаже» 1996 года, который предусматривает серьезные санкции за кражу коммерческих секретов. Согласно этому закону, лица, признанные виновными в незаконном присвоении секретов производства, могут быть обязаны уплатить штраф до 10 миллионов долларов США и могут быть осуждены к лишению свободы на срок до 15 лет. Несмотря на строгость предусмотренных мер, применение закона в практике судопроизводства зафиксировано лишь в ограниченном количестве случаев. Чаще всего он актуализируется при рассмотрении особо значимых эпизодов кражи коммерческих тайн, которые имеют значительные последствия для экономической безопасности и конкурентной среды в США [11].

Анализ судебной практики в России показывает, что часто принципиальное внимание при рассмотрении дел, связанных с секретами производства, не уделяется наполнению самого секрета. В ряде случаев режим конфиденциальности может быть применен к информации, которая, строго говоря, не обладает значимостью секрета производства в прямом смысле и не представляет существенной коммерческой ценности. Такие данные могут стать основой для юридических разбирательств [8].

В ситуациях, где возникает спор о нарушении прав на секрет производства, стороны имеют возможность демонстрировать отсутствие у контрагента информации, обладающей реальной ценностью. Это может быть показательно, если необходимо подтвердить или опровергнуть основания для предъявления иска.

Тем не менее, в случаях, когда спор возникает между участниками лицензионного соглашения, предполагается, что информация, которой стороны придали статус секрета производства, обладает ценностью. В этих обстоятельствах суд, как правило, принимает во внимание условия данного договора и не ставит под сомнение ценность согласованной между сторонами информации, несмотря на отсутствие оценки реальной значимости этой информации в контексте производственного секрета.

Результаты и обсуждения

Рассмотрим вопрос на примере следующего дела (Постановление СИП РФ от 23.06.2022 по делу № А65-7428/2021)

В рамках юридического разбирательства между ИП Сухаревой и ИП Закировым последняя подала иск о признании недействительным лицензионного договора, связанного с передачей секрета производства, а также о взыскании задолженности на сумму 544 тысячи рублей. Согласно условиям договора, ИП Закиров перепоручил ИП Сухаревой права на использование определенного пакета коммерческих данных, включая бизнес-планы, маркетинговые материалы, учебные инструкции и доступ к CRM, которое представляет собой программное обеспечение для управления клиентскими отношениями.

ИП Сухарева заявила, что полученная информация не соответствует критериям секрета производства по Гражданскому кодексу Российской Федерации, так как не имеет реальной коммерческой ценности и потенциала. Она также указала, что некоторая информация была доступна в общественном пространстве.

В ходе судебного процесса, пройдя три инстанции, судьи приняли решение не удовлетворять иск, принимая сведения в качестве секрета производства на том основании, что стороны договора сами определили их в таком качестве. При этом детальный анализ или оценка представленных конфиденциальных данных не была проведена.

В данном контексте различные элементы, такие как руководство по бренду и инструкции по обучению персонала, могут рассматриваться как методы ведения бизнеса. Однако другие элементы, такие как должностные руководства, скрипты для продаж и доступ к CRM-системе, могут не соответствовать квалификации секрета производства в соответствии с законодательством.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Суд по интеллектуальным правам Российской Федерации, подтверждая решения судов нижестоящих инстанций, высказал согласие с тем, что аргументы касательно признания лицензионного соглашения недействительным отсутствуют. Суд подчеркнул, что согласно договору, нарушение положений об ограничении конкуренции со стороны пользователя обязывает его выплатить штраф в размере 1 (Одного) миллиона рублей за каждое нарушение.

Истец, вступая в договоренности с ответчиком, обязан был понимать последствия своего действия, осознавать правовую значимость условий соглашения, и не заявлял возражений против использования информации с оговоренными качествами и объемом. Таким образом, истец принял условия договора, включая тот факт, что сведения подлежат режиму конфиденциальности.

Кроме того, перечень информации, представленный в лицензионном договоре как секреты производства, полностью соответствует тем материалам и документации, которые были переданы ответчиком истцу. Доказательств, что переданные данные не составляют «секрет производства» и находятся в общем доступе, не было найдено не только судом первой инстанции, но и апелляционным судом.

Истец до возникновения спора не высказывал никаких претензий к ответчику и выполнял условия лицензионного договора, перечисляя согласованное вознаграждение.

Анализируя использование Сухаревой А.С. сведений, классифицированных как секрет производства в её бизнес-операциях, можно констатировать признание истцом коммерческой ценности этой информации. Такой шаг свидетельствует о признании истцом значимости и практической полезности данных сведений. Лицензионное соглашение обладает всеми необходимыми признаками действительного договора и содержит все существенные условия, обуславливая его исполнимость. Отсутствие нарушений законодательства или других правовых актов оправдывает решение судебных инстанций об отказе в удовлетворении исковых требований истца ссылаясь на ст. 168 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В данном контексте встаёт вопрос о соизмерении реальной ценности информации. Очевидно, что подразумевается, секрет производства должен включать в себя только такие данные, которые обеспечивают реальную пользу для его владельца, например, помогая улучшить конкурентное положение на рынке. В день подписания соглашения покупатель обоснованно рассчитывает на то, что эта информация даст ему определенные преимущества перед конкурентами, не имеющими к ней доступа. Не учитывание данного критерия ценности информации судом может указывать на неполное соответствие сделки действующему законодательству, что ставит под вопрос правомерность принятых судебных решений.

Секреты производства, защищенные режимом коммерческой тайны, создают проблемы для процесса раскрытия в судебных разбирательствах не только в Российской Федерации, но и в других странах, имеющих иную систему права и иную судебную практику. Таким примером может служить

судебная практика в Соединенных Штатах, где проблемы возникают в делах между действующими или потенциальными конкурентами, которые обвиняются в незаконном присвоении секрета производства.

При принятии судом дела к производству, сведений о том, обладает ли какая-либо из сторон коммерческой тайной, и имело ли место незаконное присвоение не имеется. Все доказательства предстоит рассмотреть во время судебного разбирательства, однако проблема раскрытия информации обычно возникают до того, как суд получит возможность определить существо требований любой из сторон. Подобная ситуация складывается из-за того, что стороны имеют возможность в данном случае злоупотреблять правовой системой: либо ложно заявляя о праве на коммерческую тайну, чтобы воспрепятствовать необходимым запросам о раскрытии информации, либо подавая необоснованный иск против конкурента в попытке незаконно присвоить коммерческую тайну ответчика путем раскрытия информации.

Для того, чтобы доказать в суде право собственности на секрет производства, истец должен указать, какие именно коммерческие секреты, незаконно присвоены. Если истец не может предоставить доказательства, какие именно из его коммерческих секретов были незаконно присвоены, то потребуется провести проверку материалов ответчика, для подтверждения такого факта. В связи с чем судебное разбирательство связано с запросом сторон о временном запретительном судебном приказе на использование или разглашение предполагаемой коммерческой тайны. Временный запретительный судебный приказ и предварительный судебный запрет помогают ускорить судебное разбирательство.

Судебный приказ дает судам и сторонам возможность рассмотреть вопросы, связанные с раскрытием информации.

В большинстве охранных судебных приказов противной стороне или, по крайней мере, ее адвокату становится известно о коммерческой тайне. В спорах между двумя конкурентами или потенциальными конкурентами реакция на раскрытие коммерческой тайны может привести к раскрытию коммерческой тайны лицу, которое получит возможность использовать эту коммерческую тайну в своих интересах. Таким обра-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

зом, конкуренты могут получить в судебном порядке информацию по предмету, которую они не в состоянии получить путем независимого исследования.

Например, в гипотетическом судебном процессе между конкурентами «А» и «В» за незаконное присвоение коммерческой тайны возникает несколько потенциальных проблем, связанных с процессом раскрытия секрета информации.

Третий гипотетический конкурент, «С», может быть очень заинтересован в изучении коммерческих секретов своих конкурентов. Если правовая система не гарантирует конфиденциальность коммерческой тайны, «А» может отказаться от подачи обоснованного иска против «В» из-за опасений, что «С» может получить эти коммерческие секреты. «А» также может не захотеть подавать обоснованный иск против «В», поскольку «А» может быть вынуждено раскрыть коммерческие секреты, не связанные с «В».

С другой стороны, если «А» безуспешно пытается конкурировать в своем сегменте, компания может подать иск против «В», чтобы раскрыть секрет производства в судебном процессе. На момент подачи иска истец чаще всего вынужден использовать только косвенные доказательства в поддержку своих утверждений.

В дополнение к методам, прямо указанным в законодательстве, суды США издают нестандартные охранные приказы для сохранения конфиденциальности коммерческой тайны. Многие при этом требуют конкретизации коммерческой тайны и определения метода незаконного присвоения. В правоприменительной практике прослеживается требование судов к истцам предоставлять веские и конкретные доказательства незаконного присвоения коммерческой тайны перед тем, как суд вынесет решение о необходимости раскрытия скрытой информации. В контексте защиты коммерческой тайны в судебном порядке, истцам, обвиняющим другую сторону в нарушении их прав, необходимо детально указать следующее:

1. Определение и конкретизация коммерческой тайны. Суд требует четкого определения того, какие именно сведения составляют коммерческую тайну. Эти данные должны быть точно идентифицированы и описаны с достаточной степенью четкости, чтобы суд мог понять, какие именно сведения истец считает утраченными или незаконно присвоенными.
2. Обоснование незаконного присвоения. Истец должен предоставить доказательства или фактические обстоятельства, подтверждающие, что предполагаемое присвоение действительно имело место и было незаконным. Здесь суду нужно увидеть факты, свидетельствующие о том, что произошло присвоение коммерческой тайны без согласия ее законного обладателя или в противоположность установленным условиям договора или нормам законодательства.

В том случае, если истец подает необоснованный иск, то такой подход лишает его возможности использовать правовую систему для получения коммерческой тайны конкурента.

В деле Struthers Scientific & Intelligence Corp., против General Foods Corp., суд потребовал от стороны указать конкретные коммерческие секреты, которые предположительно были незаконно присвоены, прежде чем разрешить раскрытие коммерческих секретов ответчика. Суд первой инстанции потребовал предоставить перечень конфиденциальной информации и сосредоточился на выявлении коммерческой тайны. Компании Struthers Scientific & Intelligence Corp. было предложено составить список, который может содержать коммерческую тайну или общедоступную информацию. Требуя создания списка коммерческой тайны, судом не были приняты меры защиты в отношении содержания этого списка. Далее потребовалось, чтобы Struthers Scientific & Intelligence Corp. уточнила, были ли раскрыты какие-либо из ее коммерческих секретов в результате уже проведенного расследования, прежде чем приступить к дополнительному расследованию. И только после указанных мероприятий суд вынужден был ограничить раскрытие незаконно полученной информации.

В вышеуказанном деле очевидно, что компания Struthers Scientific & Intelligence Corp добивалась раскрытия соответствующей информации от General Foods Corp. И для целей ограничения доступа к иной информации, которая не относится к иску, судом был истребован перечень информации и выявления незаконно присвоенных коммерческих секретов до того, как Struthers Scientific & Intelligence Corp., они станут известны по его ходатайству.

Суд ограничил раскрытие "теми конкретными коммерческими секретами, которые, по утверждению Struthers Scientific & Intelligence Corp., были раскрыты General Foods".

Таким образом, можно сделать вывод о том, что суд может обязать стороны указать конкретные коммерческие секреты и документы, которые, по их утверждению, были незаконно присвоены, прежде чем приступить к раскрытию коммерческих секретов противоположной стороны. Суд может обязать перечислить все документы из журнала учета конфиденциальных документов противоположной стороны, которые

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

содержат ссылки на их коммерческую тайну или включают ее в себя. Стороны также могут быть обязаны объяснить связь между каждым документом и конкретной коммерческой тайной.

Наличие коммерческой тайны и ее конкретное назначение в том числе могут определять, обладает ли суд юрисдикцией в отношении данного вопроса. Так, например в деле Gabriel Intelligence, Inc. против M & D Ind., Inc., было установлено, что юрисдикция суда зависит от наличия коммерческой тайны. Истец в деле Gabriel подал иск о возмещении ущерба и судебном запрете в соответствии с Единым законом Луизианы о коммерческой тайне. Суд в деле по иску Gabriel Intelligence установил, что "не было абсолютно никаких доказательств или письменных показаний под присягой, приложенных (к жалобе) в поддержку утверждения истца о существовании коммерческой тайны или секретов, или о том, что истец был его владельцем". Европейский суд отклонил довод истца о том, что "вопрос о коммерческой тайне является фактическим вопросом, который должен быть передан на рассмотрение и решен только присяжными заседателями, и что нецелесообразно передавать его на рассмотрение Суда для принятия решения". Европейский суд по данному делу пришел к выводу, что: «Если существует коммерческая тайна или секреты, владельцем которых является истец, то истец обязан представить доказательства, необходимые для установления того, что коммерческая тайна или секреты существуют и что истец является владельцем».

Европейский суд по правам человека (дело по иску компании Microwave) определил два возможных способа получения существенных фактических доказательств незаконного присвоения. Во-первых, истец может опираться на показания сотрудников ответчика и письменные показания под присягой сотрудников истца. Европейский суд по правам человека постановил: «Хотя истец не обязан принимать показания сотрудников ответчика о том, что они не присваивали незаконно никакой конфиденциальной информации и/или коммерческой тайны, представляется, что истец, опросив своих собственных сотрудников, сможет указать на некоторые обстоятельства, которые могли бы подтвердить тот факт, что сотрудники ответчика были заинтересованы в получении конфиденциальной информации в целях незаконного присвоения.

В указанном деле был применен сравнительный метод, что является достаточно интересным решением, поскольку позволяет более наглядно оценить предоставленные доказательства, то есть вывод о незаконном присвоении может быть сделан путем сравнения продуктов.

Судом было заявлено: «истец получил информацию о продуктах ответчика, которые конкурируют с теми, которые производит истец. Однако истец не смог указать на какое-либо включение его коммерческой тайны или конфиденциальной информации в какой-либо из этих продуктов. Казалось бы, если бы коммерческие секреты были незаконно присвоены, они были бы обнаружены в продуктах, произведенных ответчиком, которые конкурируют с продуктами истца. Однако компания Microwave не может указать на какие-либо элементы в продукции ответчика, с которой она конкурирует, что указывало бы на незаконное присвоение каких-либо коммерческих секретов.

Европейский суд в конечном счете пришел к выводу, что "истец не продемонстрировал наличия существенных фактических оснований для своих претензий о незаконном присвоении коммерческой тайны и/или конфиденциальной информации" В Puritan-Bennett Corp. против Пруитта, 137 Суд рассматривал вопрос о том, разрешать ли давать показания Уильяму Циммерману, сотруднику корпорации "Закись азота", беспартийному и единственному конкуренту "Пуритан-Беннетт" ("Пи-Би"). Европейский суд сослался на решение Microwave, заявив: "Сторона, стремящаяся раскрыть коммерческую тайну, должна сначала предоставить существенные фактические основания для своего требования".

Выводы

На основе рассмотренной правоприменительной практики, можно сделать следующие выводы:

- дела, связанные с предполагаемым незаконным присвоением сведений, составляющих коммерческую тайну, чреваты злоупотреблениями в процессе раскрытия информации. Принципы полного раскрытия информации в процессе раскрытия и сохранения коммерческой тайны противоречат друг другу;

- подходы к оценке и сбору доказательств в России и США значительно отличаются друг от друга, что осложняет процесс защиты прав по трансграничным сделкам в отношении секрета производства между субъектами из обозначенных государств, что необходимо учитывать сторонам уже на стадии заключения договора, а именно, выбрать право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по договору о передаче прав на секрет производства.

Оптимальным решением проблем, обозначенных выше, является некий синтез всех существующих традиций. Представляется целесообразным разработать унифицированный подход к правовой охране секрета производства, определив момент его создания и момент возникновения исключительного права на такой объект.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Как вариант, подтверждением такого факта может стать оцифровка конфиденциальных данных, содержащая в том числе дату создания секрета производства. В таком случае множество совершаемых правообладателями секрета производства разноплановых действий заменяется единовременной фиксацией.

С целью систематизации и упорядочения практики осуществления трансграничных сделок с секретом производства одной из мер предлагается возобновление уже имеющейся практики по созданию депозитария секретов производства с применением современных технологий, которые не позволят раскрыть информацию третьим лицам, например, путем шифрования и передачи.

Сложившуюся ситуацию может изменить закрепление на законодательном уровне принципа централизации функции государственного регулирования в данной сфере за одним государственным органом — Роспатентом.

Итогом совместных действий государства и правообладателей секретов производства должны стать такие условия, при которых развивается инфраструктура создания коммерческого продукта на основе секретов производства.

Список источников

1. Бузанов В.Ю., Степанов П.В., Суханов Е.А., Шерстобитов А.Е., Щербак Н.В. Научно-практический комментарий к части IV Гражданского кодекса Российской Федерации / под общ. ред. проф. Е.А. Суханова // Труды юрид. факультета МГУ имени М.В. Ломоносова: Кн. девятая. М., 2008. С. 285 – 508.

2. Гаврилов Э.П. Защита частным правом секретов производства и информации, составляющей коммерческую тайну // Патенты и лицензии. 2015. № 4. С. 10 – 19.

3. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации. М., 2003. С. 406 – 414.

4. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации // Сборник статей / Исслед. центр частного права. М.: Статут, 2005. 416 с.

5. Еременко В.И. Особенности правовой охраны секретов производства и информации, составляющей коммерческую тайну // Законодательство и экономика. 2014. № 12. С. 22 – 42.

6. Зенин И.А. Право интеллектуальной собственности: учебник для вузов. 12-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2025. 524 с.

7. Зенкин Н.М. Правовой режим ноу-хау // Сравнительное право. Частноправовое регулирование имущественного оборота в разносистемных правопорядках. М., 2009. Разд. 40.6.

8. Карташян А.Г. Правовая природа ноу-хау // Юрист. 2006. № 8. С. 20.

9. Кодекс интеллектуальной собственности Франции. М., 1997. С.65.

10. Мухамедшин И.С. Еще раз о правовом статусе ноу-хау // Патенты и лицензии. 2013. № 9. С. 17 – 22.

11. Применение законов о защите прав на интеллектуальную собственность в Соединенных Штатах Америки / Юрид. шк. им Джона Маршалла, Союзпатент; Авт.: Ричард П. Бим и др. Москва, 1998. 59 с.

References

1. Buzanov V.Yu., Stepanov P.V., Sukhanov E.A., Sherstobitov A.E., Shcherbak N.V. Scientific and practical commentary to Part IV of the Civil Code of the Russian Federation. edited by prof. E.A. Sukhanov. Works of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University: Book Nine. Moscow, 2008. P. 285 – 508.

2. Gavrilov E.P. Protection of production secrets and information constituting a trade secret by private law. Patents and Licenses. 2015. No. 4. P. 10 – 19.

3. Dozortsev V.A. Intellectual Property Rights. Concept. System. Codification Tasks. M., 2003. P. 406 – 414.

4. Dozortsev V.A. Intellectual Property Rights: Concept. System. Codification Tasks. Collection of Articles. Research Center for Private Law. M.: Statut, 2005. 416 p.

5. Eremenko V.I. Features of Legal Protection of Trade Secrets and Information Constituting a Trade Secret. Legislation and Economics. 2014. No. 12. P. 22 – 42.

6. Zenin I.A. Intellectual Property Law: Textbook for Universities. 12th ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 524 p.

7. Zenkin N.M. Legal Regime of Know-How. Comparative Law. Private Law Regulation of Property Circulation in Different Legal Systems. M., 2009. Section 40.6.

8. Kartashyan A.G. Legal Nature of Know-How. Jurist. 2006. No. 8. P. 20.

9. Intellectual Property Code of France. M., 1997. P. 65.

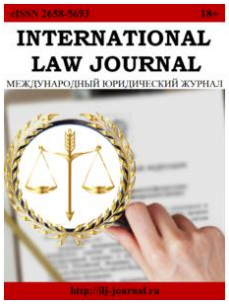
10. Mukhamedshin I.S. Once Again on the Legal Status of Know-How. Patents and Licenses. 2013. No. 9. P. 17 – 22.
11. Application of Laws on the Protection of Intellectual Property Rights in the United States of America. John Marshall Law School, Soyuzpatent; Authors: Richard P. Beam et al. Moscow, 1998. 59 p.

Информация об авторе

Пикунова А.А., аспирант, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

© Пикунова А.А., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.93
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-58-64

Историко-правовой аспект развития медиации в российском гражданском процессе

[1] Дьякова Л.С., [1] Коноваленко О.Л.,
[1] Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема

Аннотация: *в статье проводится историко-правовой анализ примирительных форм разрешения споров, а именно медиации в российском гражданском процессуальном праве посредством их сравнения с современной правовой моделью медиации. Отмечается актуальность медиации как альтернативного способа разрешения споров в условиях возрастания нагрузки на судебные системы и глобализации правовых процессов. Рассматривается эволюция правового оформления примирительных процедур путём анализа масштабов вовлеченности в посредническую деятельность органов правосудия на ранних этапах формирования данного института. Современная модель медиации преимущественно оформляется в виде самостоятельного механизма, который функционирует вне суда. В статье делается акцент на различия между историческими формами примирения и современной правовой моделью медиации. Выявляемые различия наиболее отчётливо просматриваются в изменении роли посредника (медиатора) и характера участия государства. Современный институт медиации предполагает, что стороны гражданско-правового спора самостоятельно вырабатывают решение, которое затем подлежит обязательной институциональной легитимации.*

Ключевые слова*: историко-правовой аспект, медиация, примирительные процедуры, гражданский процесс, медиативное соглашение, альтернативное разрешение споров*

Для цитирования: Дьякова Л.С., Коноваленко О.Л. Историко-правовой аспект развития медиации в российском гражданском процессе // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 58 – 64. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-58-64

Поступила в редакцию: 14 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

Historical and legal aspect of the development of mediation in the Russian civil procedure

[1] Dyakova L.S., [1] Konovalenko O.L.,
[1] Amur State University named after Sholom Aleichem

Abstract: *the article provides a historical and legal analysis of the conciliation forms of dispute resolution, namely mediation in Russian civil procedure law by comparing them with the modern legal model of mediation. The evolution of the legal structure of conciliation procedures is considered by analyzing the extent of involvement in the mediation activities of justice bodies in the early stages of formation of this institution. The modern model of mediation is mainly in the form of an independent mechanism that functions outside the court. The article focuses on the differences between historical forms of reconciliation and the modern legal model of mediation. The differences identified are most clearly visible in the changing role of the mediator and the nature of government involvement. The modern mediation institute assumes that the parties to a civil-law dispute independently develop a solution, which is then subject to mandatory institutional legitimization.*

Keywords*: historical and legal aspect, mediation, conciliation procedures, civil procedure, settlement agreement, alternative dispute resolution*

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

For citation: Dyakova L.S., Konovalenko O.L. Historical and legal aspect of the development of mediation in the Russian civil procedure. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 58 – 64. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-58-64

The article was submitted: May 14, 2026; Approved after reviewing: June 12, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

В рамках данного исследования проследим историко-правовой аспект развития медиации в российском гражданском процессе. Введение в проблематику историко-правового анализа медиации обусловлено тем, что, вопреки распространенному мнению о данном институте как о сугубо западном феномене, примирительные процедуры имеют глубокие национальные корни, уходящие в общинное правосознание и процессуальные обычаи дореволюционной России. Изучение эволюции медиации в отечественном праве позволяет проследить цикличность законодательных подходов. Осмысление этой исторической траектории критически важно для современности, так как только понимание причин прошлых институциональных провалов и успехов способно дать ключ к преодолению нынешних барьеров внедрения медиации и формированию эффективной модели досудебного урегулирования споров в условиях перегруженности судов.

Решать конфликты – задача не из легких, и ее решение тесно связано с традициями и обычаями общества. Для лучшего понимания сущности процедуры медиации большое значение имеет история его возникновения и развития [1].

Материалы и методы исследований

История использования третьих лиц для разрешения споров в России уходит своими корнями в глубокое прошлое. Эта практика была распространена как в сельских общинах, так и на уровне высших органов власти. В Древней Руси посредники играли важную роль в урегулировании конфликтов между князьями, помогая разрешить их междоусобицы. Часто эту функцию выполняло духовенство, пользуясь своим авторитетом и влиянием [2].

Обращение к ранним формам урегулирования споров в российской правовой традиции свидетельствует о наличии в истории многообразия посреднических практик достижения согласия между сторонами гражданско-правового спора. Придание формального характера примирительным практикам обнаруживаются уже в древнерусских правовых памятниках, однако их включение в историю развития медиации связано с трудностью квалификации самих процедур. В тексте Русской Правды (XI-XII вв.) не прослеживается модель посредничества как обособленного способа разрешения спора [3]. Однако, вместе с тем Русская Правда тяготеет к договорной форме завершения конфликта через «ряд». Под этим подразумевали соглашение, посредством которого стороны завершали спор.

Результаты и обсуждения

В новгородской правовой практике XIV-XV вв. вырисовывается более сложное устройство посреднических отношений: «мировой ряд» начинает функционировать как способ завершения спора без судебного разбирательства. Такой шаг указывает на признание за сторонами возможности обойтись без обращения к органу правосудия. Вместе с тем участие третьих лиц все еще сохраняет свой факультативный характер. Эта черта новгородской правовой системы позволяет констатировать, что согласование интересов допускается правом, но не оформляется в качестве самостоятельного института.

Принятие Учреждения для управления губерний в XVIII веке привело к появлению органов правосудия, которые рассматривали гражданские дела «по совести». В пределах их полномочий применяются механизмы посредничества, встроенные в систему государственной юстиции.

Судебная реформа 1864 года видоизменила систему форм разрешения гражданско-правовых споров. Устав гражданского судопроизводства закрепляет обязанность мирового судьи побуждать стороны к соглашению до рассмотрения дела по существу (ст. 135, 136) [4]. Одновременно используется финансовый механизм стимулирования посредничества, в рамках которого при прекращении дела вследствие примирения уплаченные судебные пошлины подлежали возврату.

Несмотря на это, посредничество не отделяется от судебной функции: лицо, содействующее соглашению, одновременно остаётся субъектом, уполномоченным разрешить спор. Примирение выступает элементом процессуальной экономии.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

К началу XX века указанная модель сохраняется без существенных изменений. В последующих редакциях советского процессуального законодательства (ГПК РСФСР 1964 г.) примирительные механизмы не получают развития в виде автономного института [5]. Это связано с изменением представлений о природе юридического конфликта. Идеологическая установка на бесконфликтность социалистического общества ограничивает пространство для процедур, предполагающих переговорное согласование интересов. Возможность заключения мирового соглашения сохраняется, однако посредничество не выделяется как самостоятельный вид деятельности.

Сдвиг происходит лишь в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда на уровне правовой политики признаётся необходимость обращения к альтернативным способам разрешения споров. В 1989 г. в Москве проводятся первые семинары с участием американских специалистов по медиации, в 1993 г. создаётся Центр разрешения конфликтов в Санкт-Петербурге. Инициативы по законодательному оформлению в 2000-е годы (законопроект 2006 г. и материалы съезда судей 2008 г.) отражают переход к новой модели развития.

Следующая попытка внедрения института медиации в законодательство РФ была предпринята в 2006 году, когда на круглом столе «Участие юридического сообщества в совершенствовании законодательства в области альтернативного разрешения споров (альтернативное разрешение споров – медиация) был рассмотрен законопроект о медиации в России, который в том же 2006 году был внесен на рассмотрение в Государственную думу, однако законопроект был отклонен» [6].

В отличие от дореволюционного периода, где примирение включалось в судебную систему, новая модель предполагает существование процедуры вне суда с возможностью последующей интеграции результата в правовую систему. Принятие Федерального закона от 27.07.2010 №193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации) позволило формализовать новую правовую модель медиации, не воспроизводя ранее существовавшие формы. Медиация (от лат. mediare – посредничать) представляет собой особую форму переговоров, при которой нейтральный независимый посредник (медиатор) содействует сторонам конфликта в выработке взаимоприемлемого решения.

В российском законодательстве данное понятие закреплено в ст. 2 Федерального закона от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации): процедура медиации определяется как способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон, направленный на достижение ими взаимоприемлемого решения [7].

В результате следует констатировать следующие тенденции историко-правового развития института медиации. На ранних стадиях согласие сторон допускается как фактический способ завершения конфликта; затем оно институционализируется внутри судебной системы; в советский период сохраняется в редуцированном виде; и лишь в конце XX – начале XXI века оформляется как самостоятельная процедура, существующая параллельно судопроизводству. Современная модель правового регулирования медиации формально опирается на идею примирения, традиционно известную российскому праву. Однако сопоставление с предшествующими этапами показывает, что речь идёт о разработке новых законотворческих подходов, лишь частично пересекающейся с историческими формами.

В дореволюционный период примирение закреплялось преимущественно как функция органа правосудия. Мировому судье вменялась обязанность побуждать стороны к соглашению до перехода к разрешению спора по существу. Само примирение включалось в процессуальную форму: его результат приобретал юридическое значение лишь в рамках самого судебного производства. Советское процессуальное право сохранило эту модель. Заключение мирового соглашения рассматривалось как процессуальный инструмент, реализуемый при непосредственном контроле со стороны народного суда. Посредничество не выделялось в самостоятельный вид деятельности; согласование позиций сторон оставалось производным элементом от системы судебного разбирательства. Медиативные практики не получили оформления в качестве досудебной процедуры. Современное законодательство о медиации формирует принципиально иную модель регулирования посреднических отношений при разрешении юридических конфликтов.

В статье 1 Закона о медиации указано, что положения закона «не применяются к отношениям, связанным с оказанием судьёй или третейским судьёй в ходе судебного или третейского разбирательства содействия примирению сторон» [7]. Это разграничение отсутствовало в предшествующих актах: ранее примирение и разрешение спора сосуществовали в рамках одной институциональной роли. Закон о медиации, напротив, дифференцирует эти функции.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Изменения 2019 г. уточнили способы внедрения результата медиации в правовую систему. Наиболее показательной является норма о придании нотариально удостоверенному медиативному соглашению силы исполнительного документа (статья 12) [7]. В дореволюционном и советском праве аналогичный эффект достигался через утверждение соглашения судом. Новая модель допускает возникновение исполнимого обязательства вне судебного процесса, что означает смещение центра тяжести: «контроль государства переносится с процедуры на стадию обеспечения исполнения», как указывает А.В. Пантелеева [8].

Сходство с историческими формами проявляется на уровне цели – достижения согласия сторон и прекращения конфликта без вынесения властного решения. Однако механизм её достижения существенно меняется. В судах, учреждённых в 1775 г., и в практике мировых судей согласие формировалось под воздействием авторитета органов правосудия. В современной медиации предполагается отсутствие такого воздействия: Н. И. Минкина констатирует, что медиатор не вправе «предлагать решение без согласия сторон и не наделён возможностью оценивать их позиции с точки зрения права» [9].

Вместе с тем полного разрыва с предшествующей правовой традицией не происходит. Сохраняется зависимость результата от публично-правовых механизмов. Даже после изменений 2019 г. медиативное соглашение либо утверждается судом, либо удостоверяется нотариально. Самостоятельная «замкнутая» модель, в которой процедура и её результат полностью находятся вне государственной системы, не формируется. Здесь прослеживается устойчивый элемент российской правовой традиции: признание частного согласования допустимым лишь при наличии последующего институционального подтверждения.

Дополнительное отличие проявляется в степени формализации процедуры. Исторические способы примирительных процедур демонстрировали достаточно чёткие формы, которые проявлялись и в практике совестных судов дореволюционной России, и в процессуальных полномочиях органов советской юстиции. Закон о медиации ввёл принципиально иное начало, согласно которому порядок проведения примирительной процедуры определяется самими сторонами (статья 11) [7].

Историческая эволюция посреднической деятельности при разрешении гражданско-правовых конфликтов показывает, что она может осуществляться как в рамках судебного разбирательства, так и до момента обращения сторон в суд. В результате следует констатировать значимость именно досудебной формы медиации, ведь именно она позволяет снизить нагрузку на судебную систему государства. В современном праве примирение оформляется как самостоятельная процедура, а её результат «по-прежнему нуждается в включении в систему публичного обеспечения» [10].

Здесь очевидной становится зависимость новой конструкции от предшествующей модели, несмотря на внешнее заимствование отдельных процедурных моментов.

Отсюда вытекает более общее наблюдение.

Историко-правовой анализ показывает, что развитие медиации в России не укладывается в схему «возрождения» традиционных примирительных практик. Современный закон формирует качественно новую конструкцию, в которой автономия сторон сочетается с необходимостью последующего институционального признания результата. Комбинация этих элементов нового процессуального института не имеет прямого аналога в предшествующих этапах и указывает на специфическую модель внедрения медиации в правовую систему.

Тем самым возникает необходимость пересмотра укоренившегося представления о медиации как прямом продолжении исторических форм примирения. Сопоставление дореволюционных и советских моделей с современным регулированием показывает, что сходство ограничивается лишь общей установкой на достижение согласия сторон, тогда как способы правового оформления этого согласия различаются принципиально.

Примирение в предшествующие периоды разворачивалось внутри юрисдикционной деятельности и не отделялось от неё ни организационно, ни функционально. Современная конструкция, напротив, исходит из предварительного разведения этих сфер.

Развитие института медиации в Российской Федерации началось, как видится под влиянием как внутренних потребностей судебной системы, так и международных тенденций. Первые инициативы по внедрению примирительных процедур в России относятся еще к началу 2000-х годов, когда в отдельных регионах и судах предпринимались эксперименты по применению медиации и иных способов урегулирования споров. Однако долгое время медиация не имела специальной правовой базы, что делало ее невозможным для применения на законных основаниях. Однако необходимо при этом отметить, что практикующие юристы часто основывают свою деятельность на принципах, позднее нашедших отражение в Федеральном законе [11].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Ещё одно существенное новшество – введение механизма удостоверения медиативного соглашения у нотариуса. С 2019 года медиативное соглашение, заключенное по результатам процедуры медиации, может быть нотариально удостоверено, в результате чего оно приобретает силу исполнительного документа [12]. Это нововведение направлено на повышение исполнимости соглашений, достигнутых на медиации, и преодоление недоверия сторон к «юридической силе» результатов медиации. Фактически, нотариальное удостоверение ставит медиативное соглашение в один ряд с мировым соглашением, утвержденным судом, облегчая его принудительное исполнение при необходимости. Ведь, в случае неисполнения достигнутых договоренностей, вторая сторона имеет право обратиться в Федеральную службу судебных приставов для возбуждения исполнительного производства, минуя обращение в суд.

Однако отметим и некоторые проблемы связанные с возможностью удостоверять медиативные соглашения у нотариуса. С одной стороны видится, что это могло бы сократить количество обращений в суд, так как стороны, придя к соглашению на обоюдных условиях, могли обратиться к нотариусу за удостоверением медиативного соглашения. Но практика показывает, что большинство нотариусов отказывает в удостоверении соглашения. Проведенный самостоятельный анализ деятельности нотариусов Дальневосточного федерального округа показал, что количество нотариусов готовых удостоверять медиативные соглашения минимально. Конечно есть ряд «законных» этому причин. Например, выявление намерения заключить притворную сделку, то есть осуществить фиктивную медиацию, подозрение в обналичивании денег, выявление факта отсутствия спора между сторонами, если соглашение, представленное на удостоверения нарушает закон. Однако есть и проблема отсутствия понимания у нотариусов сущности процедуры медиации и действия ранее указанного Закона. В связи с этим многие профессиональные медиаторы, вынуждены «возвращаться» в гражданский процесс, для заключения мирового соглашения между сторонами.

Выводы

Медиация формируется как самостоятельный правовой механизм, изначально рассчитанный на внешнее сосуществование с гражданским процессом. Однако такая автономия оказывается неполной. Достигнутое соглашение сохраняет зависимость от инструментов публичного права – будь то судебное утверждение или нотариальное удостоверение, придающее ему исполнимый характер. Сочетание свободы процедур и внешнего контроля не является компромиссным решением между двумя подходами, а создаёт самостоятельную структуру, не имеющую аналогов в предыдущих исторических формах.

Представляется, что понимание закономерностей исторического развития медиации необходимо для выработки эффективных механизмов её внедрения. Историко-правовой анализ позволяет выделить этапы эволюции примирительных процедур: от традиционного посредничества (жрецы, вожди, старейшины) и института «мирового ряда» в Новгородской республике до Совестных судов Екатерины II (1775 г.) и Устава гражданского судопроизводства 1864 г.

Особый интерес представляет опыт судов XIX века, где разбирательство часто начиналось не с иска, а с попытки «словесной расправы» через посредников – модель, которая могла бы быть перенята в современный гражданский процесс .

В советский период эта традиция была прервана: приоритет отдавался исключительно государственному судебному разрешению конфликтов. Возрождение интереса к медиации показало, что возвращение к историческим моделям требует не только законодательной базы, но и изменения правовой культуры российского общества .

В этом смысле меняется и постановка вопроса о месте медиации в системе гражданского судопроизводства. Медиация не является продолжением процессуальной процедуры, а представляет собой особый механизм согласования автономии сторон с требованиями правовой определённости, обеспечиваемой государством.

Таким образом, особенность правовой природы медиации проявляется именно в сочетании свободы сторон при согласовании и необходимости последующего официального признания достигнутого соглашения.

Список источников

1. Воронцова И.В., Рахматуллина Р.М. Процедура медиации в России: понятие, сущность, принципы и история развития // Юридический вестник ДГУ. 2025. Т 53. № 1 (73). С. 77 – 84.

2. Рахматуллина Р.М. История развития медиации в России // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы экономики, права и социологии», Чебоксарв, 10 декабря 2024 г. С. 296 – 298.

3. Русская Правда: текст, комментарии, исследования / под ред. Б.Д. Грекова. М.: Наука, 1997. 352 с.

4. Устав гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIX. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. № 41477.

5. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

6. Липка Д.В. История развития института медиации в России // Право и управление. 2023. № 2. С. 22 – 27.

7. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): ФЗ от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4162.

8. Пантелеева А.В. История медиации как института отечественного процессуального права // Научный аспект. 2024. Т. 10. № 2. С. 1165 – 1169.

9. Минкина Н. И. Медиация как институт современного российского общества // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 10. С. 55 – 67.

10. Торчкова И.А., Ананьева Е.О. Медиация как альтернативный способ урегулирования споров: история возникновения и тенденции развития в современной России // Аграрное и земельное право. 2023. № 10 (226). С. 137 – 139.

11. Коноваленко О.Л. Правовой анализ развития медиации в России // Правовой анализ развития медиации в России: Сборник всероссийской (национальной) научной «Наука, технологии, общество: экологический инженеринг в интересах устойчивого развития технологий (НТО-VI-2025) Красноярска, 06-07 ноября, С. 56 – 62.

12. Королькова В.В., Лепнина А.А. Сравнительный анализ медиации в Российской Федерации и зарубежных законодательствах // Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту права: Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ногинск, 2021. С. 37 – 41.

References

1. Vorontsova I.V., Rakhmatullina R.M. Mediation procedure in Russia: concept, essence, principles and history of development. Legal Bulletin of DSU. 2025. Vol. 53. No. 1 (73). P. 77 – 84.

2. Rakhmatullina R.M. History of the development of mediation in Russia. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference "Topical issues of economics, law and sociology", Cheboksary, December 10, 2024. P. 296 – 298.

3. Russkaya Pravda: text, comments, research. edited by B.D. Grekov. Moscow: Nauka, 1997. 352 p.

4. Charter of civil procedure of November 20, 1864. Complete collection of laws of the Russian Empire. Second collection. Vol. XXXIX. St. Petersburg: Type. II Department of His Imperial Majesty's Chancellery, 1867. No. 41477.

5. Civil Procedure Code of the RSFSR: approved. by the Supreme Council of the RSFSR on June 11, 1964. Bulletin of the Supreme Council of the RSFSR. 1964. No. 24. Art. 407.

6. Lipka D.V. History of the Development of the Institution of Mediation in Russia. Law and Management. 2023. No. 2. P. 22 – 27.

7. On the Alternative Dispute Resolution Procedure with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure): Federal Law of July 27, 2010 No. 193-FZ (current version). Collected Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 31. Art. 4162.

8. Panteleeva A.V. History of Mediation as an Institution of Domestic Procedural Law. Scientific Aspect. 2024. Vol. 10. No. 2. P. 1165 – 1169.

9. Minkina N.I. Mediation as an Institution of Modern Russian Society. Journal of Russian Law. 2023. Vol. 27. No. 10. P. 55 – 67.

10. Torchkova I.A., Ananyeva E.O. Mediation as an Alternative Method of Dispute Resolution: History of Origin and Development Trends in Modern Russia. Agrarian and Land Law. 2023. No. 10 (226). P. 137 – 139.

11. Konovalenko O.L. Legal Analysis of the Development of Mediation in Russia. Legal Analysis of the Development of Mediation in Russia: Collection of the All-Russian (National) Scientific "Science, Technology, Society: Environmental Engineering for Sustainable Development of Technologies (NTO-VI-2025) Krasnoyarsk, November 6-7. P. 56 – 62.

12. Korolkova V.V., Lepnina A.A. Comparative Analysis of Mediation in the Russian Federation and Foreign Legislation. We bequeath to future generations: to do good in defense of the law: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Noginsk, 2021. P. 37 – 41.

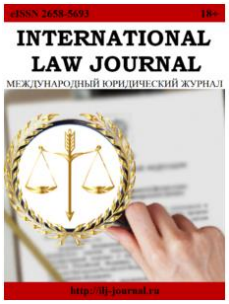
Информация об авторах

Дьякова Л.С., Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема

Коноваленко О.Л., кандидат юридических нак, доцент, SPIN-код: 4470-6863, Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема

© Дьякова Л.С., Коноваленко О.Л., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.346.2
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-65-71

Административно-криминообразующая повторность при квалификации автотранспортных преступлений, предусмотренных ст. 264.1–264.3 УК РФ: отечественный и зарубежный опыт

[1] Любимова Г.М.,
[1] Московский государственный институт международных отношений

Аннотация: *в работе анализируется юридическая природа административно-криминообразующей повторности, положенной в основание составов преступлений, предусмотренных ст. 264.1, 264.2 и 264.3 УК РФ. Автор разграничивает повторность как специальный криминализующий статус лица и классический рецидив, прослеживает соотношение состояния административной наказанности и состояния судимости, а также оценивает обоснованность каждой из трех конструкций по данным судебной статистики за 2024 г. и сведениям об аварийности. На основе сопоставления с уголовным законодательством Беларуси, Казахстана, Германии и Великобритании показано, что российская модель носит гибридный характер и реализована неодинаково удачно: для ст. 264.1 УК РФ административная преюдиция подтверждена практикой, для ст. 264.3 УК РФ – частично, а для ст. 264.2 УК РФ нуждается в критической переоценке. Сформулированы предложения по совершенствованию закона.*

Ключевые слова: *административная преюдиция, криминообразующая повторность, безопасность дорожного движения, состояние опьянения, административная наказанность, конфискация транспортного средства, ст. 264.1-264.3 УК РФ, сравнительное уголовное право*

Для цитирования: Любимова Г.М. Административно-криминообразующая повторность при квалификации автотранспортных преступлений, предусмотренных ст. 264.1-264.3 УК РФ: отечественный и зарубежный опыт // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 65 – 71. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-65-71

Поступила в редакцию: 15 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

Administrative crime-forming repetition in the qualification of road-transport offences under Articles 264.1-264.3 of the Criminal Code of the Russian Federation: Russian and foreign experience

[1] Lyubimova G.M.,
[1] Moscow State Institute of International Relations

Abstract: *the paper examines the legal nature of administrative crime-forming repetition underlying the offences set out in Articles 264.1, 264.2 and 264.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author distinguishes repetition as a special criminalizing status of a person from classic recidivism, traces the correlation between the state of administrative punishability and the state of criminal record, and assesses the soundness of each of the three constructions against 2024 conviction statistics and road-accident data. A comparison with the criminal legislation of Belarus, Kazakhstan, Germany and the United Kingdom shows that the Russian model is hybrid and unevenly successful: for Article 264.1 the administrative prejudice is confirmed by practice, for Article 264.3 it is confirmed in part, while for Article 264.2 it requires critical reassessment. Proposals for improving the law are formulated.*

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Keywords: *administrative prejudice; crime-forming repetition; road safety; state of intoxication; administrative punishability; vehicle confiscation; Articles 264.1–264.3 of the Criminal Code; comparative criminal law*

For citation: Lyubimova G.M. Administrative crime-forming repetition in the qualification of road-transport offences under Articles 264.1-264.3 of the Criminal Code of the Russian Federation: Russian and foreign experience. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 65 – 71. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-65-71

The article was submitted: May 15, 2026; Approved after reviewing: June 12, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

Российский законодатель за неполные три года достроил в гл. 27 УК РФ обособленный ряд транспортных составов, общим основанием которых служит не вред здоровью и не гибель людей, а сам факт повторного противоправного поведения водителя. Ст. 264.1 УК РФ карает управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное нарушение или за отказ от медицинского освидетельствования, равно как и лицом, имеющим судимость за отдельные квалифицированные составы ст. 264 либо за саму ст. 264.1 УК РФ. Ст. 264.2 УК РФ, введенная Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 458-ФЗ, перевела в уголовную плоскость повторные грубые нарушения скоростного режима и повторный выезд на полосу встречного движения. Ст. 264.3 УК РФ, появившаяся в силу Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 258-ФЗ, криминализовала управление автомобилем лицом, уже лишенным права управления и подвергнутым наказанию по ч. 4 ст. 12.7 КоАП РФ.

Так оформилась трехзвенная система: пьяная езда, повторные скоростные и «встречные» нарушения, езда после лишения прав. Объединяет их одна юридическая идея – административная наказанность работает не как отягчающее обстоятельство при уже совершенном преступлении, а как условие самого его возникновения. Иными словами, повторность здесь криминообразующая, а не квалифицирующая.

Отсюда вырастает проблема, которой посвящена настоящая работа. Едина ли правовая природа повторности в ст. 264.1-264.3 УК РФ? И одинаково ли убедительно административная преюдиция оправдана в каждом из трех случаев – с точки зрения общественной опасности деяния и реальной практики применения? Вопрос не праздный: в доктрине спор давно идет не о допустимости административной преюдиции вообще, а о том, насколько последовательно и соразмерно она реализована именно в транспортной сфере [10]. На наш взгляд, ответ требует не общего одобрения и не общего отрицания института, а раздельной оценки каждой нормы.

Научная новизна работы состоит в том, что три транспортных состава с административной преюдицией рассматриваются не порознь и не как умозрительная догматическая конструкция, а в единой связке и с привязкой к проверяемым количественным показателям судимости и аварийности. Это позволяет сформулировать рабочую гипотезу: административно-криминообразующая повторность в ст. 264.1-264.3 УК РФ в целом оправдана, однако ее эффективность существенно различается по составам, а для одного из них (ст. 264.2 УК РФ) деформирована самой техникой состава. Проверке этой гипотезы и подчинено дальнейшее изложение.

Материалы и методы исследований

Нормативную основу составили ст. 264, 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ и корреспондирующие им ст. 12.7, 12.8, 12.9, 12.15, 12.26 КоАП РФ, а также постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 в редакции от 25 июня 2024 г. и правовые позиции Конституционного Суда РФ о состоянии административной наказанности и судимости. Эмпирическую базу образовали сводные данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2024 г. [11] и сведения об аварийности Научного центра безопасности дорожного движения МВД России [12].

Использованы формально-юридический метод, системное и грамматическое толкование норм УК РФ и КоАП РФ, сравнительно-правовой метод (привлечены уголовные законы Республики Беларусь и Республики Казахстан, Strafgesetzbuch и Straßenverkehrsgesetz ФРГ, Road Traffic Act 1988 и Road Traffic Offenders Act 1988 Соединенного Королевства), а также контент-анализ российской юридической периодики 2020–2026 гг. Сочетание догматического разбора с количественными показателями позволило проверить не декларируемую, а фактическую работоспособность каждой из трех конструкций.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Результаты и обсуждения

Повторность в ст. 264.1-264.3 УК РФ как специальный криминализующий статус. Представляется методологически важным сразу отделить рассматриваемую повторность от рецидива в смысле ст. 18 УК РФ. Рецидив предполагает судимость за умышленное преступление и влияет на наказание уже после того, как состав установлен. Здесь же конструкция иная: административная наказанность либо судимость названы в самой диспозиции и без них деяние вообще не является преступным. Состояние административной наказанности и состояние судимости имеют, на наш взгляд, смежную правовую природу – оба указывают на повышенную опасность нового деяния, оба ограничены во времени, оба связывают новый поступок лица с прежним. Конституционный Суд РФ неоднократно признавал такой прием допустимым при условии ясности, определенности и соразмерности запрета.

Пленум Верховного Суда РФ в редакции разъяснений от 25 июня 2024 г. уточнил два практически значимых момента. Во-первых, субъектом по ст. 264 и 264.1 УК РФ признается не только обладатель водительского удостоверения, но и любое лицо, фактически управлявшее транспортным средством. Во-вторых, применение ст. 264.2 и 264.3 УК РФ требует достоверного установления того, что виновный был лишен права управления и что предшествующее наказание или судимость образуют именно тот специальный статус, который назван в уголовной норме. Для квалификации, таким образом, значимо не наличие старого постановления как такового, а его вступление в силу и сохранение юридической силы к моменту нового деяния. Особенности объективной стороны по ст. 264.1 УК РФ обстоятельно разобраны Д.А. Эрте [5].

Ст. 264.1 УК РФ: устойчиво работающая модель административной преюдиции. Цифры говорят сами за себя. По данным Судебного департамента за 2024 г., по ч. 1 ст. 264.1 УК РФ осуждено 33 157 лиц, по ч. 2 – 7 955 [11]. Это давно не точечная, а массовая норма. Криминологический фон ее подкрепляет: по сведениям Научного центра БДД МВД России, в 2024 г. зарегистрировано 13 936 дорожно-транспортных происшествий с участием водителей в состоянии опьянения либо отказавшихся от освидетельствования, причем виновными такие водители оказались в 92,3 % этих происшествий [12]. Здесь административная преюдиция опирается не только на юридическую технику, но и на реально более опасный профиль поведения.

Доктрина к этому выводу подошла раньше статистики. Еще на этапе становления нормы целесообразность введения состава с административной преюдицией обосновывалась М.Г. Решняк [10] и И.В. Гончаровым [9]; позднее А.С. Лебедев, исследуя критерии криминализации пьяного вождения, констатировал заметный превентивный потенциал запрета и предложил дальнейшее усиление уголовно-правового воздействия [7]. Р.Б. Осокин и В.Г. Кокорев прямо ставили вопрос об интенсивности криминализации деяния, совершаемого лицом, подвергнутым административному наказанию [8]. Полагаем, что применительно к ст. 264.1 УК РФ спор о пригодности административной преюдиции в основном исчерпан: норма системна, востребована и эмпирически оправдана.

Ст. 264.2 УК РФ: структурная асимметрия состава. Совсем иная картина с повторными скоростными и «встречными» нарушениями. По ч. 1 ст. 264.2 УК РФ за 2024 г. осуждено 49 лиц, по ч. 2 – одно лицо [11]. Норма, рассчитанная на широкий круг злостных нарушителей, на практике почти бездействует. Чем это объяснить? В.А. Маслов, анализируя ст. 264.2 УК РФ как пример административной преюдиции, связывает обоснование нормы со статистикой дел по ч. 4, 5 и 7 ст. 12.9 и по ст. 12.15 КоАП РФ [1]. Здесь и обнаруживается слабое звено.

Дело в конструктивной завязке. Уголовный состав по ст. 264.2 УК РФ требует предшествующего лишения права управления, тогда как при автоматической фотовидеофиксации нарушений, образующих объективную сторону ч. 7 ст. 12.9 и ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ, лишение права управления не назначается – применяется только административный штраф. Получается, что значительная часть повторных грубых нарушений в принципе не порождает того предшествующего лишения прав, без которого уголовная норма не работает. Это не буквальное положение закона, а вывод из сопоставления диспозиций; но вывод, как представляется, достаточно очевидный. Часть деяний, на которые состав рассчитан, заведомо выпадает из уголовно-правового канала из-за способа фиксации. Налицо то, что можно назвать «процессуальной» лакуной, заложенной в самой технике состава. По нашему мнению, ст. 264.2 УК РФ либо избыточно узка, либо нуждается в перенастройке связи с административной преюдицией; чисто описательное воспроизведение ее диспозиции ничего в этом смысле не объясняет.

К сказанному добавляется и вопрос обнаруживаемости. Часть скоростных и «встречных» нарушений фиксируется камерами обезличенно, без установления конкретного водителя на момент проступка, что снижает шансы выстроить ту цепочку наказанности, на которую опирается состав. Своего рода «бумажный» административный фон при автофиксации не всегда конвертируется в персонифицированную наказанность лица. Если к этому прибавить латентность повторных нарушений, преюдициальный порог ст.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

264.2 УК РФ оказывается труднодостижимым не столько из-за редкости опасного поведения, сколько из-за разрыва между техникой административного производства и конструкцией уголовной нормы. Здесь, впрочем, необходима осторожность в оценках: малое число приговоров может отчасти отражать и эффект общего предупреждения, а не только дефект состава, и этот аспект заслуживает отдельного эмпирического исследования.

Ст. 264.3 УК РФ: промежуточное положение и близость к зарубежным моделям. Управление транспортом после лишения права на это занимает срединное место. По ч. 1 ст. 264.3 УК РФ за 2024 г. осуждено 1 288 лиц, по ч. 2 – 121 [11]. Норма уже заметна, хотя и несопоставима по масштабу со ст. 264.1 УК РФ. Аварийный фон здесь особенно тревожен: из числа ДТП с участием нетрезвых и отказавшихся от освидетельствования водителей 903 происшествия пришлись на лиц, уже лишенных права управления; в них погибли 202 и были ранены 1 152 человека [12]. Кроме того, в 77,2 % случаев участники таких ДТП ранее уже привлекались к административной ответственности за нарушения ПДД [12]. Профиль «лишенного, но продолжающего ездить» водителя объективно опасен.

Проблема ст. 264.3 УК РФ – в пограничье с ч. 4 ст. 12.7 КоАП РФ, где административная и уголовная реакция наслаиваются почти ступенчато: сначала наказание по КоАП РФ, затем при повторении – переход в уголовную сферу. Эволюцию законодательства об ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в этом ключе прослеживает А.Д. Смыр [4], а перспективы уголовной политики в сфере безопасности дорожного движения рассматривает Е.В. Зубенко [6]. На наш взгляд, ст. 264.3 УК РФ ближе к прямым зарубежным конструкциям ответственности за вождение в период дисквалификации, нежели ст. 264.2 УК РФ, однако в российском праве она сохраняет зависимость от предшествующей административной наказанности как обязательного элемента состава.

Конфискация транспортного средства как сопутствующий превентивный механизм. Особняком стоит вопрос о судьбе самого автомобиля. Конституционный Суд РФ в 2025 г. подтвердил для ст. 264.1 УК РФ обязательный характер конфискации транспортного средства как меры, соразмерной общественной опасности деяния и направленной на предупреждение повторного нарушения. Проблемные аспекты этой логики – в частности, конфискация у лиц с инвалидностью – анализирует М.Ф. Мингалимова [3], а общую роль состояния опьянения в транспортных преступлениях исследует И.И. Нагорная [2]. Думается, что конфискация усиливает превентивный эффект составов со специальной повторностью, но именно поэтому требует точной законодательной настройки: чрезмерно жесткое ее применение способно войти в противоречие с принципом справедливости (ст. 6 УК РФ).

Отдельного внимания заслуживают правила квалификации при стечении деяний. Поскольку составы ст. 264.1-264.3 УК РФ описывают самостоятельные посягательства с разным набором предшествующих условий, постольку при совершении лицом нескольких таких деяний в разное время налицо реальная совокупность преступлений (ст. 17 УК РФ), а не единое продолжаемое деяние. Если же управление в состоянии опьянения лицом, лишенным права управления, одновременно подпадает под признаки разных норм, на наш взгляд, следует исходить из соотношения общей и специальной нормы, применяя ту, которая полнее отражает характер содеянного; при наступлении же последствий в виде причинения тяжкого вреда здоровью или смерти приоритет получают квалифицированные составы ст. 264 УК РФ, поглощающие признак опьянения. Подобный подход согласуется с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ и позволяет избежать как двойного вменения, так и необоснованного смягчения ответственности.

Зарубежные модели и сравнительно-правовой итог. Для сопоставления полезно противопоставить российскую конструкцию двум группам правопорядков. Первая – близкие по технике постсоветские системы. В Республике Беларусь ст. 317-1 УК криминализует управление транспортным средством в состоянии опьянения, передачу управления такому лицу и отказ от освидетельствования, причем специально предусмотрена конфискация транспортного средства, использованного при совершении преступления. В Республике Казахстан ст. 346 УК прямо карает управление транспортом лицом, лишенным права управления, если оно находится в состоянии опьянения, и для основного состава наступления последствий не требует. Казахстанская модель, как видно, не строится на ступенчатой административной преюдиции – она использует более прямую уголовно-правовую конструкцию.

Вторая группа – континентально-европейские и англосаксонские модели прямой криминализации. В ФРГ § 316 StGB устанавливает ответственность за управление транспортом в состоянии, исключающем безопасное вождение вследствие алкоголя или иных одурманивающих веществ, а § 69 и § 69a StGB предусматривают лишение права управления и срок запрета на его получение; § 21 StVG отдельно карает вождение без надлежащего права или вопреки запрету. В Англии и Уэльсе Road Traffic Act 1988 криминализует как превышение допустимой концентрации алкоголя, так и вождение в состоянии нарушенной способности

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

к управлению, а равно вождение в период дисквалификации; Road Traffic Offenders Act 1988 закрепляет механизм обязательной дисквалификации за повторные нарушения. Существенно, что здесь уголовная противоправность не поставлена в зависимость от предшествующей административной наказанности как обязательного признака состава.

Из сопоставления вытекает сильный тезис. Россия использует гибридную модель: пьяная езда и грубые транспортные нарушения переводятся из административной сферы в уголовную только после специальной повторности, тогда как Германия, Великобритания и Казахстан в большей мере опираются на прямую криминализацию наиболее опасных форм поведения, а Беларусь дополняет уголовный запрет жесткой конфискационной логикой. Административно-криминообразующая повторность в отечественном праве одновременно служит фильтром уголовной репрессии и источником правоприменительных лакун. Это именно сравнительно-правовой вывод, основанный на сопоставлении моделей, а не пересказ буквы какого-либо закона.

Выводы

Проведенный анализ дает основание утверждать, что административно-криминообразующая повторность в ст. 264.1-264.3 УК РФ конституционно допустима, но реализована неодинаково удачно, а потому заслуживает дифференцированной, а не единой оценки.

Во-первых, повторность в названных составах – это не рецидив в смысле ст. 18 УК РФ, а специальный криминализующий статус лица, основанный на состоянии административной наказанности или судимости, сохраняющем юридическую силу к моменту нового деяния. Во-вторых, применительно к ст. 264.1 УК РФ административная преюдиция подтверждена и масштабом судебного применения (свыше 41 тыс. осужденных за 2024 г.), и аварийной статистикой; здесь модель работоспособна и системна. В-третьих, ст. 264.3 УК РФ оправдана частично: число осужденных заметно, аварийный риск лишенных права водителей высок, однако сохраняется ступенчатая зависимость от ч. 4 ст. 12.7 КоАП РФ, сближающая, но не уравнивающая ее с прямыми зарубежными конструкциями. В-четвертых, ст. 264.2 УК РФ при 50 осужденных за год обнаруживает структурную асимметрию: значительная часть повторных грубых нарушений, фиксируемых автоматически, не порождает предшествующего лишения права управления и потому заведомо не достигает уголовно-правового канала.

Полагаем, что выявленный дефект ст. 264.2 УК РФ требует законодательного решения. Возможны два пути. Первый – пересмотреть конструктивную завязку состава, ослабив его зависимость от обязательного предшествующего лишения права управления и связав уголовную ответственность непосредственно с фактом повторности грубого нарушения, подтвержденного вступившими в силу постановлениями. Второй, более осторожный – сохранить действующую диспозицию, но сопроводить ее корректировкой административной практики назначения наказаний по ч. 7 ст. 12.9 и ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ. Какой из путей предпочтительнее, вопрос остается дискуссионным и нуждается в дополнительной эмпирической проверке.

Зарубежный опыт, наконец, не отвергает идею повышенной ответственности за повторность, но чаще реализует ее не через административную преюдицию как обязательный элемент состава, а через прямую уголовную криминализацию наиболее опасных форм дорожного поведения, нередко усиленную обязательной дисквалификацией или конфискацией. Этот ориентир, на наш взгляд, полезен российскому законодателю – прежде всего при дальнейшей донастройке ст. 264.2 и 264.3 УК РФ.

В порядке de lege ferenda полагаем возможным дополнить ст. 264.2 УК РФ примечанием, уравнивающим для целей этой статьи лицо, лишенное права управления, и лицо, повторно подвергнутое административному наказанию за грубое нарушение скоростного режима либо за выезд на полосу встречного движения, независимо от того, был ли при предшествующем нарушении назначен административный штраф или лишение права управления. Такая корректировка, как представляется, устранила бы зависимость уголовной нормы от способа фиксации правонарушения и сократила бы тот разрыв между диспозицией состава и реальной административной практикой, который сегодня обескровливает ст. 264.2 УК РФ. Окончательная редакция нормы, разумеется, требует обсуждения; но сам вектор – от привязки к лишению права к привязке к доказанной повторности – представляется оправданным.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Список источников

1. Маслов В.А. Административная преюдиция как средство криминализации на примере уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения (ст. 264.2 УК РФ) // Lex Russica. 2024. Т. 77. № 6. С. 83 – 99. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.211.6.083-099

2. Нагорная И.И. Состояние опьянения в транспортных преступлениях // Транспортное право и безопасность. 2025. № 3 (55). С. 89 – 104.

3. Мингалимова М.Ф. Конфискация транспортных средств у лиц с инвалидностью, совершивших преступления против безопасности дорожного движения в состоянии опьянения // Транспортное право и безопасность. 2025. № 1 (53). С. 78 – 90.

4. Смыр А.Д. Эволюция законодательства, регламентирующего уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1. С. 34 – 40.

5. Эрте Д.А. Об особенностях объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 264.1 УК РФ // Полицейская деятельность. 2024. № 4. С. 51 – 66.

6. Зубенко Е.В. Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности дорожного движения и возможности ее развития // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2026. Т. 37. № 1. С. 59 – 66.

7. Лебедев А.С. Особенности формирования уголовно-правового воздействия на управление транспортными средствами в состоянии опьянения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1. С. 93 – 100. DOI: 10.35750/2071-8284-2023-1-93-100.

8. Осокин Р.Б., Кокорев В.Г. Об усилении интенсивности криминализации деяния, связанного с нарушением правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 121 – 124.

9. Гончаров И.В. Некоторые вопросы криминализации управления транспортным средством в состоянии опьянения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 3 (134). С. 201 – 207.

10. Решняк М.Г. О целесообразности введения в Уголовный кодекс Российской Федерации преступления с административной преюдицией (на примере криминализации нарушения правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию) // Современное право. 2020. № 2. С. 69 – 73.

11. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о судимости лиц по статьям Уголовного кодекса Российской Федерации за 2024 год. М., 2025.

12. Научный центр безопасности дорожного движения МВД России. Сведения о дорожно-транспортных происшествиях в Российской Федерации за 2024 год. М., 2025.

References

1. Maslov V.A. Administrative prejudice as a means of criminalization using the example of criminal liability for violation of traffic rules (Article 264.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). Lex Russica. 2024. Vol. 77. No. 6. P. 83 – 99. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.211.6.083-099

2. Nagornaya I.I. State of intoxication in transport crimes. Transport law and safety. 2025. No. 3 (55). P. 89 – 104.

3. Mingalimova M.F. Confiscation of vehicles from persons with disabilities who committed crimes against road safety while intoxicated. Transport law and safety. 2025. No. 1 (53). P. 78 – 90.

4. Smyr A.D. Evolution of Legislation Governing Criminal Liability for Violating Traffic Rules and Vehicle Operation. Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 1. P. 34 – 40.

5. Erte D.A. On the Features of the Objective Side of the Crime Provided for by Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Police Activity. 2024. No. 4. P. 51 – 66.

6. Zubenko E.V. Criminal Policy in the Sphere of Road Safety and the Possibilities of Its Development. Forensic Science: Yesterday, Today, Tomorrow. 2026. Vol. 37. No. 1. P. 59 – 66.

7. Lebedev A.S. Features of the Formation of Criminal-Legal Impact on Driving Vehicles While Intoxicated. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1. P. 93 – 100. DOI: 10.35750/2071-8284-2023-1-93-100.

8. Osokin R.B., Kokorev V.G. On Increasing the Intensity of Criminalization of an Act Related to Violation of Traffic Rules by a Person Subjected to Administrative Punishment (Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2. P 121 – 124.

9. Goncharov I.V. Some Issues of Criminalization of Driving a Vehicle While Intoxicated. Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2020. No. 3 (134). P. 201 – 207.

10. Reshnyak M.G. On the Expediency of Introducing a Crime with Administrative Prejudice into the Criminal Code of the Russian Federation (Based on the Criminalization of a Traffic Violation by a Person Subjected to Administrative Punishment). Modern Law. 2020. No. 2. P. 69 – 73.

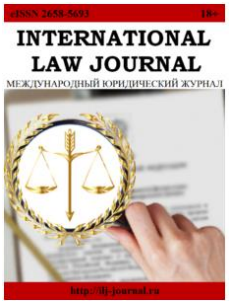
11. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. Consolidated Statistical Information on the Criminal Records of Persons under Articles of the Criminal Code of the Russian Federation for 2024. Moscow, 2025.

12. Scientific Center for Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Information on Road Accidents in the Russian Federation for 2024. Moscow, 2025.

Информация об авторе

Любимова Г.М., соискатель, Московский государственный институт международных отношений, asketka@list.ru

© Любимова Г.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 336.76.
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-72-80

Договорные модели распределения гражданско-правовых рисков в обязательствах на рынке ценных бумаг

[1] Потребич А.В.,
[1] Российская государственная академия интеллектуальной собственности

Аннотация: *актуальность темы распределения гражданско-правовых рисков в обязательствах на рынке ценных бумаг обусловлена высокой степенью неопределенности финансовых рынков и необходимостью поиска справедливого баланса интересов профессиональных участников и инвесторов в условиях цифровизации финансовых услуг. На основе сравнительно-правового анализа законодательства и правоприменительной практики Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки, Европейского союза и Китайской Народной Республики в статье выявляются и систематизируются пять ключевых договорных моделей распределения рисков. Научная новизна исследования заключается в синтезе теоретических подходов к категории гражданско-правового риска, сформулированных в трудах В.А. Ойгензихта, Я.М. Магазинера, Д.А. Архипова, А.Г. Мартиросяна и Д.В. Лубягиной, с конкретными регуляторными моделями в единую эталонную трехуровневую конструкцию. Данная конструкция включает императивный минимальный стандарт защиты инвестора, обязательное инвестиционное профилирование с обеспечением транспарентности и диспозитивную договорную конкретизацию рисков в рамочных соглашениях с неттингом и обеспечением. В работе обосновывается, что наиболее эффективными для развитого рынка ценных бумаг являются модели, основанные на персонифицированном профилировании клиента, полной сегрегации его активов от имущества посредника и использовании стандартизированных генеральных соглашений, в то время как обезличенные стратегии и размытая ответственность профессионального участника порождают системные риски и информационную асимметрию. Автор приходит к выводу, что применительно к российскому правопорядку внедрение эталонной модели требует дальнейшего развития системы профилирования розничных инвесторов, усиления роли стандартизированных генеральных соглашений и совершенствования правовых институтов сегрегации активов и компенсационных механизмов, что в конечном счете будет способствовать повышению устойчивости национального финансового рынка.*

Ключевые слова: *гражданско-правовой риск, рынок ценных бумаг, распределение рисков, инвестиционное профилирование, сегрегация активов, центральный контрагент, неттинг*

Для цитирования: Потребич А.В. Договорные модели распределения гражданско-правовых рисков в обязательствах на рынке ценных бумаг // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 72 – 80. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-72-80

Поступила в редакцию: 16 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 13 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

Contractual models for the distribution of civil risks in obligations on the securities market

[1] Potrebich A.V.,
[1] Russian State Academy of Intellectual Property

Abstract: *the relevance of the topic of the distribution of civil law risks in obligations in the securities market is due to the high degree of uncertainty of financial markets and the need to find a fair balance of interests of professional participants and investors in the context of digitalization of financial services. Based on a comparative legal analysis of the legislation and law enforcement practice of the Russian Federation, the United States of America, the European Union and the People's Republic of China, the article identifies and systematizes five key contractual risk allocation models. The scientific novelty of the research lies in the synthesis of theoretical approaches to the category of civil risk formulated in the works of V.A. Eugenzicht, Ya.M. Magaziner, D.A. Arkhipov, A.G. Martirosyan and D.V. Lubyagina, with specific regulatory models into a single reference three-level structure. This design includes an imperative minimum standard for investor protection, mandatory investment profiling with transparency, and dispositive contractual specification of risks in netting and collateral framework agreements. The paper substantiates that the most effective models for a developed securities market are based on personalized profiling of the client, complete segregation of his assets from the intermediary's property and the use of standardized master agreements, while impersonal strategies and blurred responsibility of a professional participant generate systemic risks and information asymmetry. The author concludes that, in relation to the Russian legal order, the introduction of a reference model requires further development of the system of profiling retail investors, strengthening the role of standardized master agreements and improving the legal institutions of asset segregation and compensation mechanisms, which ultimately will contribute to increasing the stability of the national financial market.*

Keywords: *civil law risk, securities market, risk allocation, investment profiling, asset segregation, central counterparty, netting*

For citation: Potrebich A.V. Contractual models for the distribution of civil risks in obligations on the securities market. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 72 – 80. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-72-80

The article was submitted: May 16, 2026; Approved after reviewing: June 13, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

Рынок ценных бумаг сопряжен с высокой степенью неопределенности, обусловленной макроэкономическими факторами и поведением отдельных эмитентов (например, колебаниями котировок). В условиях цифровизации финансовых услуг и глобализации экономических связей проблема справедливого распределения неблагоприятных имущественных последствий (рисков) между профессиональными участниками рынка ценных бумаг и инвесторами на данном рынке приобретает особую значимость. Основным инструментом такого распределения, позволяющим заранее определить, на ком будут лежать убытки при наступлении тех или иных неблагоприятных последствий, является гражданско-правовой механизм, выраженный в договорных условиях и подкрепленный императивными законодательными нормами. При этом первостепенное значение приобретает вопрос о том, кто именно должен нести риск неблагоприятных имущественных последствий, инвестор, осознанно принимающий рыночный риск, или же профессиональный посредник, обладающий специальными знаниями и контролирующий процесс совершения операций на рынке ценных бумаг. Ответ на этот вопрос лежит в содержании гражданско-правовых норм, регламентирующих договорные условия между участниками рынка ценных бумаг. Отсюда можно сделать обоснованный вывод о том, что именно договорное распределение рисков становится тем правовым инструментом, который позволяет «ex ante» определить, какая из сторон договора и в каком объеме будет нести гражданско-правовые риски при наступлении тех или иных обстоятельств.

Вместе с тем, выбор конкретной договорной модели не может быть произвольным - он должен опираться на фундаментальные цивилистические представления о сущности гражданско-правового риска и принципах его распределения в обязательстве. В отечественной правовой науке теория риска изучена достаточно подробно, однако ее применение к договорным обязательствам на рынке ценных бумаг требует критического переосмысления ввиду специфики такого рынка. Так, например, основы теории риска, изложенные в трудах В.А. Ойгензихта, Я.М. Магазинера, Д.А. Архипова, А.Г. Мартиросяна, Д.В. Лубягиной и других

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

исследователей, с одной стороны, заложили своего рода фундамент учения о риске в гражданско-правовых обязательствах. С другой стороны, изложенные в работах вышеназванных исследователей позиции отличаются друг от друга, а прямое их применение к финансовым рынкам требует дополнительного обоснования. Кроме того, сравнительно-правовой анализ практики зарубежных стран позволяет сделать вывод о наличии достаточно эффективных договорных моделей распределения рисков на рынке ценных бумаг, апробированных в развитых юрисдикциях стран англосаксонского (Соединенные Штаты Америки (далее – США), романо-германского права (Европейский союз (далее – ЕС), а также в странах с динамично растущими рынками (Китайская Народная Республика (далее – Китай).

Учитывая вышесказанное, в контексте настоящей статьи приобретает особую актуальность выявление и систематизация договорных моделей распределения гражданско-правовых рисков в обязательствах на рынке ценных бумаг, учитывающая отечественных и зарубежный опыт с целью оценки их эффективности и выбора эталонной конструкции распределения рисков, наиболее применимой в условиях российского правопорядка.

Материалы и методы исследований

Исследование опирается на общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция) и специально-юридические методы, включая формально-догматический, сравнительно-правовой (Россия, США, ЕС, Китай) и метод правового моделирования. Теоретической базой послужили труды В.А. Ойгензихта, Я.М. Магазинера, Д.А. Архипова, А.Г. Мартиросяна, Д.В. Лубягиной и других исследователей.

Результаты и обсуждения

Теоретические концепции гражданско-правового риска имеют первостепенное значение для обязательств на рынке ценных бумаг. При этом нельзя не учитывать тот факт, что категория риска в гражданском праве относится к числу наиболее дискуссионных. Ее исследование ведется как на общетеоретическом уровне, так и применительно к отдельным видам обязательств. В ограниченных рамках настоящего исследования проанализировать все гражданско-правовые концепции риска не представляется возможным. Вместе с тем, видится возможным рассмотреть те концепции, которые оказали наиболее сильное влияние на формирование современных подходов к распределению рисков, в том числе в сфере финансовых услуг.

В первую очередь выделим субъективную концепцию В.А. Ойгензихта. Так, В.А. Ойгензихт в своем фундаментальном труде «Проблема риска в гражданском праве» определил риск как «субъективное психическое отношение лица к последствиям собственных действий или событий, допускающее вероятность отрицательных имущественных последствий» [10]. Суть данной концепции заключается в том, что риск представляется как осознанный выбор субъектом правоотношения варианта поведения и, соответственно, принятие на себя связанных с ним возможных потерь. Таким образом, центральным элементом риска выступает воля субъекта, его способность оценивать вероятность неблагоприятного исхода и действовать вопреки ей либо с ее учетом.

Отсюда можно сделать вывод о том, что сильной стороной субъективной концепции риска В.А. Ойгензихта является ее связь с принципом автономии воли сторон (ст. 1, 421 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1], предполагающим, что если субъект правоотношения свободно и осознанно вступает в обязательство, то он должно нести и риски, связанные с таким решением. Этот подход полностью соответствует принципу договорного права «caveat emptor» (покупатель будь бдителен), берущему истоки в европейских ярморочных традициях (возложение на инвестора рыночных рисков, если он был надлежащем образом о нихинформирован).

Вместе с тем, концепция В.А. Ойгензихта не является идеальной и обладает существенным недостатком. В частности, она не дает критериев для распределения рисков в тех ситуациях, когда воля одной из сторон деформирована (информационная асимметрия, зависимость от профессионального посредника), либо когда риск реализуется помимо воли обеих сторон (обстоятельства непреодолимой силы). Для рынка ценных бумаг, где розничный инвестор зачастую лишен возможности реально оценить риски сложных финансовых инструментов, а профессиональный участник рынка ценных бумаг обладает подавляющим информационным превосходством, субъективная концепция оказывается недостаточной и нуждается в дополнении объективными механизмами перераспределения рисков.

В этой связи достаточно интересной видится объективная теория гражданско-правовых рисков Я.М. Магазинера, сформулированная в его работе «Общая теория права на основе советского законодательства», где право представлено как «система распределения рисков, которая изменяет и исправляет стихийно складывающееся их распределение на основе естественных законов экономики» [8]. В отличие от субъективно-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

го подхода В.А. Ойгензихта, риск Я.М. Магазинером понимается как объективное экономическое явление. Исходя из этого Я.М. Магазинер видит задачу права не просто закрепить волю сторон, а справедливо перераспределить бремя неблагоприятных последствий в соответствии с социальными и экономическими приоритетами.

Объективная теория вносит важный вклад в осмысление рисков на рынке ценных бумаг, поскольку объясняет, почему законодатель в императивном порядке возлагает определенные риски на профессиональных участников рынка. Однако объективная теория не дает четких критериев для перераспределения рисков по определенным участникам правоотношений. Так, вопрос о том, почему одни риски переносятся на посредника, а другие остаются на инвесторе так и остается открытым. Отсутствие таких критериев порождает опасность произвольного вмешательства государства в договорные отношения, что может снизить эффективность рынка. Кроме того, Я.М. Магазинер рассматривал гражданско-правовые риски в условиях плановой экономики, и не ориентировался на рыночные механизмы диверсификации и страхования рисков, которые играют ключевую роль на современных финансовых рынках.

Более современные авторы, как уже было отмечено ранее, подходят к теории рисков с позиции экономического анализа права. Так, например, достаточно интересной видится экономико-правовая концепция рисков Д.А. Архипова, изложенная в монографии «Распределение договорных рисков в гражданском праве: экономико-правовое исследование» [6]. Так, согласно вышеназванной концепции, риск должен возлагаться на ту сторону, которая способна предотвратить его наступление с наименьшими издержками («least cost avoider»), либо, если предотвращение невозможно, на сторону, способную наиболее эффективно компенсировать последствия (через страхование, диверсификацию, создание резервов). Важным дополнением здесь является принцип взаимосвязи риска и вознаграждения, согласно которому сторона, принимающая повышенный риск, должна получать соразмерную компенсацию.

Анализируя концепцию риска, предложенную Д.А. Архиповым, важно отметить тот факт, что такая концепция представляется наиболее практически применимой для обязательств на рынке ценных бумаг. Именно она лежит в основе современных регуляторных решений. Так, операционные риски возлагаются на профессионального участника рынка ценных бумаг, поскольку он обладает компетенцией и техническими средствами минимизации соответствующих рисков. В свою очередь, рыночные риски остаются на инвесторе, который может диверсифицировать вложения и осознанно выбирать уровень доходности. В то же время экономико-правовая концепция Д.А. Архипова, будучи ориентированной на эффективность, не всегда учитывает проблему неравенства переговорных возможностей в договорном праве. Профессиональный участник рынка ценных бумаг, обладая большим пониманием рынка, может навязать инвестору условия, при которых формально эффективное распределение рисков окажется несправедливым (например, включение в договор оговорок, исключающих ответственность за те или иные действия). Поэтому для рынка ценных бумаг экономико-правовая модель должна быть дополнена императивными нормами, защищающими слабую сторону (потребителя финансовых услуг).

Достаточно интересной в контексте настоящего исследования видится теория справедливого распределения рисков А.Г. Мартиросяна, предложенная в работе «Теория рисков в гражданском праве РФ» и смещающая акцент с экономической эффективности на категорию справедливости [8]. Так, А.Г. Мартиросян обосновывает, что распределение рисков в договоре должно не только минимизировать издержки, но и обеспечивать баланс имущественных интересов сторон. Иными словами сторона, принимающая повышенный риск, вправе рассчитывать на соразмерное встречное предоставление, а при явном дисбалансе такое договорное условие может признаваться несправедливым и ничтожным на основании ст. 10 и 168 ГК РФ либо ст. 428 ГК РФ (договор присоединения) [9]. А.Г. Мартиросян также предлагает разграничивать «естественные» риски, имманентные данному виду деятельности, и «искусственные» риски, создаваемые недобросовестным поведением контрагента. Последние должны во всех случаях нести их создатели.

Оценивая концепцию А.Г. Мартиросяна применительно к рискам на рынке ценных бумаг необходимо отметить, что она имеет особое значение для розничного сегмента рынка ценных бумаг. Обусловлено это тем, что теория справедливого распределения рисков обосновывает недействительность условий брокерского договора, в которых потребителю навязываются чрезмерные риски без адекватной компенсации. Вместе с тем, сама по себе категория «справедливости», лежащая в основе концепции, является оценочной и трудно формализуемой, что создает риск произвольного толкования справедливости судами применительно к тем или иным договорным условиям. Кроме того, в отношениях между профессиональными участниками рынка ценных бумаг (например, на межбанковском рынке деривативов) ссылка на справедливость может подрывать стабильность оборота, где стороны презюмируются равными и способными само-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

стоятельно оценивать риски. Учитывая вышесказанное, концепция справедливого распределения рисков должна применяться дифференцированно, с учетом субъектного состава правоотношений.

Еще одним современным подходом к рискам в гражданско-правовых отношениях является подход, предложенный Д.В. Лубягиной [7], которая предлагает рассматривать риск в качестве категории многогранной и объединяющей объективные (вероятность убытков) и субъективные (осознание и волевое принятие) элементы. Объективный элемент риска, согласно научному подходу Д.В. Лубягиной, представляет собой измеримую вероятность наступления неблагоприятных имущественных последствий и их потенциальный размер. В то время как субъективная составляющая риска выражается в осознании участником правоотношения соответствующей вероятности и волевом выборе модели поведения с учетом такого осознания. Риск, таким образом, не может быть сведен ни к статистической вероятности наступления, ни к чисто психическому отношению лица к его наступлению.

Таким образом, Д.В. Лубягина предложила интегративный взгляд, понимая риск как единство объективной (измеримая вероятность убытков) и субъективной (осознание и волевое принятие) составляющих, и классифицировала механизмы распределения рисков на договорные, нормативные и институциональные. Именно эта трехзвенная классификация позволяет наиболее полно анализировать риски на рынке ценных бумаг, где одновременно действуют все три механизма.

Применение вышеназванных теорий к финансовым рынкам позволяет констатировать, что гражданско-правовой риск в обязательствах на рынке ценных бумаг представляет собой допускаемую договором либо законом возможность наступления определенных имущественных последствий в результате изменения рыночной конъюнктуры, действий контрагента или иных обстоятельств, распределяемых между сторонами на основе сочетания принципов автономии воли, экономической эффективности и справедливости.

Что касается договорных моделей распределения рисков на рынке ценных бумаг, то сравнительно-правовой анализ законодательства, доктрины и судебной практики России, США, ЕС и Китая позволил выделить пять основных договорных моделей, различающихся по критерию основного носителя риска: информационную; фидуциарную; инвестиционного профилирования; центрального контрагента и обеспечения; обязательного страхования и сегрегации активов. Рассмотрим каждую из этих моделей более подробно.

Так, информационная модель («caveat emptor») – исторически первичная договорная модель, в рамках которой риск полностью лежит на инвесторе. Обязанность же профессионального участника рынка ценных бумаг сводится исключительно к предоставлению определенного объема информации об инструментах и рисках, но не к оценке пригодности инвестиций для конкретного клиента. В российском праве эта модель долгое время преобладала в брокерском обслуживании (гл. 49, 51 ГК РФ) до принятия поправок в положения Федерального закона от 22.04.1996 №39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее – Закон о рынке ценных бумаг) [3] в 2018 году, обязавших брокеров проводить профилирование розничных клиентов.

Можно констатировать, что в США отголоски договорной традиции «caveat emptor» сохранялись до середины XX века, пока не были заменены фидуциарными стандартами, ставящими приоритет интересов инвестора перед интересами профессионального участника рынка ценных бумаг. Кроме того, традиционная информационная модель в США в настоящее время считается не только неэффективной, но и опасной, так как не учитывает информационную асимметрию и различия в переговорных возможностях между инвестором и профессиональным участником рынка ценных бумаг.

Фидуциарная модель договорного распределения рисков наиболее популярна в США. Такая договорная модель распределения рисков предполагает повышенную ответственность профессионального участника рынка ценных бумаг. Иными словами, модель возлагает на профессионального посредника обязанность действовать в наилучших интересах клиента («best interest standard») и нести риск несоответствия рекомендованных инструментов его потребностям. В США основой служит стандарт «пригодности» (suitability), закрепленный правилами FINRA (Rule 2111) [12], а с 2020 г. – Regulation Best Interest (Reg BI) Комиссии по ценным бумагам и биржам (SEC). Важно отметить и тот факт, что в США суды признают фидуциарную природу отношений инвестиционного советника и клиента (например, одно из самых известных дел дело SEC v. Capital Gains Research Bureau, 375 U.S. 180 (1963)) [14], обязывая профессионала нести риск ненадлежащего консультирования.

В ЕС стержнем фидуциарной модели служит Директива MiFID II (Directive 2014/65/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on markets in financial instruments and amending Directive 2002/92/EC and Directive 2011/61/EU) (далее – Директива MiFID II) [5], требующая от инвестиционных посредников оценки «пригодности» (suitability) или «уместности» (appropriateness) финансового инструмента для клиента в зависимости от его категории (розничный, профессиональный, приемлемый контрагент).

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научные концепции в ЕС сосредоточены вокруг детальной категоризации клиентов и возложения на инвестиционного посредника риска неверной оценки.

В России отдельные элементы фидуциарной модели закреплены в ст. 3 Закона о рынке ценных бумаг (стандарт добросовестности и разумности) и конкретизированы в актах регулятора рынка Банка России (например, Указание от 2 августа 2023 года №6496-У [4] и др.), согласно которым брокеры и доверительные управляющие обязаны определять инвестиционный профиль клиента и предупреждать о несоответствии сделки профилю клиента.

Модель инвестиционного профилирования представляет собой детализированную разновидность фидуциарной модели. Согласно данной модели стороны в договоре фиксируют индивидуальный риск-профиль клиента (ожидаемая доходность, допустимый уровень риска, инвестиционный горизонт, приемлемые виды инструментов). Пока посредник действует в рамках согласованного профиля, рыночный риск лежит на инвесторе, однако, как только происходит выход за профиль, то риск перераспределяется на профессионального участника рынка ценных бумаг. В ЕС модель реализована через требования к пригодности продуктов на рынке ценных бумаг (suitability test) согласно Директиве MiFID II. В США аналогом является обязанность брокера-дилера установить «best interest» клиента путем оценки его риск-аппетита. В Китае, согласно Закону Китайской Народной Республики «О ценных бумагах» от 29.12.1998 с учетом поправок 2019 года (далее – Закон КНР о рынке ценных бумаг) [13] и нормативным актам Комиссии по регулированию ценных бумаг Китая (CSRC), компании по управлению активами обязаны оценивать риск-профиль клиента, а продажа высокорискованных продуктов неквалифицированным инвесторам без надлежащей оценки влечет ответственность. Важно отметить тот факт, что в научных источниках Китайская научная доктрина активно обсуждает концепцию «соответствующей продажи» и «надлежащего управления», подчеркивая необходимость баланса между защитой инвестора и развитием рынка.

Следующая модель – это модель центрального контрагента и обеспечения. Данная модель направлена на перераспределение кредитного риска контрагента (риск дефолта), и особенно актуальна для срочных сделок и производных финансовых инструментов (например, деривативов).

Ключевым механизмом данной модели выступает юридическое и фактическое обособление (сегрегация) имущества клиента от имущества посредника на рынке ценных бумаг. В России требование сегрегации для брокеров закреплено в ст. 3 Федерального закона «О рынке ценных бумаг», а для доверительных управляющих в положениях в ст. 1018 ГК РФ. Аналогичные нормы существуют в США (Правило 15c3-3 Комиссии по ценным бумагам и биржам (SEC) [11], регулирующее финансовую ответственность брокеров-дилеров и направленное на защиту интересов клиентов). В ЕС перераспределение кредитного риска в рамках рассматриваемой модели регулируется правилом (ст. 16 (8) Директивы MiFID II), согласно которому инвестиционные компании при хранении финансовых инструментов, принадлежащих клиентам, обязаны принимать адекватные меры для защиты прав собственности клиентов, особенно в случае неплатежеспособности компании, а также предотвращать использование инструментов клиента для собственных нужд компании, за исключением случаев явного согласия клиента.

Что касается аналогичных правил в Китае, то поправки 2019 года, внесенные в Закон КНР о рынке ценных бумаг, усилили требования по обособлению активов и ввели механизм компенсационных фондов для защиты инвесторов. Дополнительным элементом модели выступает обязательное страхование профессиональной ответственности брокеров, управляющих и депозитариев, а в некоторых юрисдикциях также компенсационные фонды саморегулируемых организаций (далее – СРО) (в России это фонд СРО Национальной ассоциации участников фондового рынка, в США – это Корпорация по защите инвесторов в ценные бумаги (SIPC)). Стоит отметить, что модель центрального контрагента и обеспечения доказала свою высокую эффективность, поскольку при ее надлежащей реализации на практике клиентские активы надежно защищены от притязаний кредиторов посредника.

Анализ рассмотренных моделей позволяет сделать ряд выводов относительно эффективности договорных механизмов распределения рисков на рынке ценных бумаг и определить эталонную конструкцию такого распределения. Если классифицировать модели по критерию эффективности, понимаемой как способность с минимальными издержками предотвращать наступление неблагоприятных последствий либо обеспечивать их справедливое распределение между сторонами, то к числу наиболее эффективных следует отнести три модели.

В первую очередь следует отметить модель индивидуального инвестиционного профилирования, позволяющую совместить осознанное принятие риска инвестором с защитой от навязывания неподходящих финансовых продуктов. Данная модель способствует существенному снижению числа споров и сокращению транзакционных издержек участников рынка ценных бумаг.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Достаточно эффективной видится также модель, основанная на использовании стандартизированных генеральных соглашений с неттингом и обеспечением, в частности Российского генерального соглашения о срочных сделках на финансовых рынках и Генерального соглашения Международной ассоциации свопов и деривативов. Такая договорная форма создает понятное правовое обеспечение и минимизирует кредитный риск контрагентов посредством механизмов сальдирования встречных обязательств и внесения маржевого обеспечения.

Не менее эффективной является модель полной сегрегации клиентских активов и обязательного страхования. Она устраняет риск смешения имущества клиента и профессионального участника рынка и предоставляет инвесторам институциональную гарантию возврата активов в случае банкротства посредника.

Что касается неэффективных моделей распределения рисков, то к ним следует отнести в первую очередь обезличенные стандартные стратегии, применяемые без индивидуального профилирования клиента, которые порождают информационную асимметрию и создают высокие судебные риски для профессионального участника, а также конструкции, предполагающие размытую ответственность посредника на рынке ценных бумаг, когда договоры исключают или чрезмерно ограничивают ответственность профессионального участника рынка за операционные ошибки. С точки зрения гражданско-правовой теории распределения рисков такие условия признаются несправедливыми, поскольку не обеспечивают должной защиты экономически слабой стороны в правоотношениях, возникающих на рынке ценных бумаг.

Также неэффективными будут любые модели, связанные с недостаточной сегрегацией активов ввиду того, что они создают системный риск утраты имущества клиентов при неплатежеспособности посредника.

Синтез эффективных договорных моделей распределения рисков на рынке ценных бумаг с учетом теоретических подходов к гражданско-правовым рискам позволяет сконструировать эталонную трехуровневую модель распределения рисков, характерную для развитого рынка ценных бумаг.

Первым уровнем модели выступает императивный минимальный стандарт. Такой стандарт предполагает включение законодательно установленных требований к сегрегации активов, страхованию профессиональной ответственности, обязательному раскрытию информации и недопустимости дисбаланса договорных условий в пользу наиболее сильной стороны правоотношений. В российском праве эти требования закреплены в статьях 1018, 1022 ГК РФ [2] и нормах специального законодательства о рынке ценных бумаг.

Второй уровень модели представляет собой обязательное инвестиционное профилирование и обеспечение транспарентности. Данный уровень базируется на принципах, заложенных в Директиве MiFID II и аналогичных стандартах регулирования других стран, и включает категоризацию клиентов, тестирование их риск-профиля и раскрытие всей существенной информации, которая имеет значение для выработки стратегии поведения на рынке ценных бумаг. При таком подходе риск неверной оценки характеристик клиента и предложения неподходящего финансового инструмента возлагается на профессионального посредника.

Третий уровень – это договорная конкретизация рисков в рамках рамочных соглашений. На этом уровне стороны с использованием стандартизированных форм (например, Генеральное соглашение о срочных сделках на финансовых рынках в России) согласовывают индивидуальные условия в части пределов дискреции доверительного управляющего, параметров вознаграждения за инвестиционный успех, порядок маржирования и неттинга. Такая структура позволяет участникам рынка гибко адаптировать распределение рисков под собственные потребности, не нарушая установленных императивными нормами законодательства запретов.

Вышепредставленная трехуровневая модель должна быть дополнена институциональными гарантиями, к числу которых относятся компенсационные фонды СРО, институт центрального контрагента и механизмы досудебного урегулирования споров между инвесторами и профессиональными участниками рынка ценных бумаг.

Применительно к российскому правопорядку переход к описанной эталонной модели предполагает дальнейшее развитие системы профилирования розничных инвесторов (включая сегмент инвестиционных услуг, оказываемых с использованием цифровых платформ), усиление роли стандартизированных генеральных соглашений и совершенствование правовых институтов сегрегации активов и компенсационных механизмов.

Выводы

Проведенное исследование подтвердило, что распределение гражданско-правовых рисков в обязательствах на рынке ценных бумаг опирается на фундаментальные цивилистические теории, получая при этом существенную конкретизацию в специальном законодательстве и договорной практике. Сравнительный

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

анализ российского, американского, европейского и китайского опыта позволил выявить пять базовых договорных моделей, различающихся по субъекту несения риска, и оценить их эффективность.

Установлено, что наиболее эффективными являются модели, основанные на персонифицированном инвестиционном профилировании, полной сегрегации активов и использовании стандартизированных соглашений с обеспечением и неттингом. Неэффективность проявляется при обезличенных стратегиях, недостаточной сегрегации и размытой ответственности инвестиционного посредника.

Эталонной договорной моделью распределения рисков на рынке ценных бумаг для развитого рынка может служить трехуровневая модель, сочетающая императивную защиту инвестора (минимальный стандарт), обязательное профилирование и раскрытие рисков, а также диспозитивную конкретизацию в рамочных договорах, подкрепленную институциональными гарантиями (компенсационные фонды, центральный контрагент). Внедрение такой модели в российскую практику могло бы способствовать повышению устойчивости финансового рынка и справедливому распределению убытков для участников рынка ценных бумаг.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

3. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (ред. от 09.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

4. Указание Банка России от 02.08.2023 № 6496-У «О раскрытии информации профессиональными участниками рынка ценных бумаг» // Вестник Банка России. 2023. № 17.

5. Directive 2014/65/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on markets in financial instruments (MiFID II) // Official Journal of the European Union. L 173. 12.06.2014. 495 p.

6. Архипов Д.А. Распределение договорных рисков в гражданском праве. Экономико-правовое исследование: монография. М.: Статут, 2012. 112 с.

7. Лубягина Д.В. Риск в гражданском праве: монография. М.: Проспект, 2016. 65 с.

8. Магазинер Я.М. Избранные труды по общей теории права. М.: Юрид. центр Пресс, 2006. 352 с.

9. Мартиросян А.Г. Теория рисков в гражданском праве Российской Федерации: монография. М.: Проспект, 2016. 113 с.

10. Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве (общая часть) / Отв. ред. М.С. Малеин. Душанбе: Ирфон, 1972. 224 с.

11. U.S. Securities and Exchange Commission. Rule 15c3-3 (17 CFR 240.15c3-3). Customer Protection – Reserves and Custody of Securities. Электронный ресурс: URL: https://www.ecfr.gov/current/title-17/chapter-II/part-240/subject-group-ECFRc8401dcba174f73/section-240.15c3-3 (дата обращения: 07.04.2026)

12. Financial Industry Regulatory Authority. Rule 2111. Suitability. Электронный ресурс: URL: https://www.finra.org/rules-guidance/rulebooks/finra-rules/2111 (дата обращения: 07.04.2026)

13. Securities Law of the People's Republic of China (amended 2019). Официальный текст на китайском языке: URL: http://www.csrc.gov.cn (раздел Laws and Regulations) (дата обращения: 07.04.2026)

14. U.S. Supreme Court. SEC v. Capital Gains Research Bureau, Inc., 375 U.S. 180 (1963). Электронный ресурс: URL: https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/375/180 (дата обращения: 07.04.2026)

References

1. Part One of the Civil Code of the Russian Federation dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on March 11, 2024). Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

2. Part Two of the Civil Code of the Russian Federation dated January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on July 24, 2023). Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 5. Art. 410.

3. Federal Law dated April 22, 1996 No. 39-FZ "On the Securities Market" (as amended on June 9, 2026). Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 17. Art. 1918.

4. Bank of Russia Instruction dated 02.08.2023 No. 6496-U "On the Disclosure of Information by Professional Participants in the Securities Market". Bank of Russia Bulletin. 2023. No. 17.

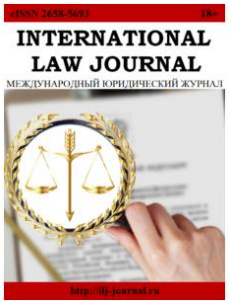
5. Directive 2014/65/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on markets in financial instruments (MiFID II). Official Journal of the European Union. L 173. 12.06.2014. 495 rubles.

6. Arkhipov D.A. Distribution of Contractual Risks in Civil Law. Economic and Legal Research: Monograph. Moscow: Statut, 2012. 112 p.
7. Lubyagina D.V. Risk in Civil Law: Monograph. Moscow: Prospect, 2016. 65 p.
8. Magaziner Ya.M. Selected Works on the General Theory of Law. Moscow: Legal Center Press, 2006. 352 p.
9. Martirosyan A.G. Risk Theory in Civil Law of the Russian Federation: Monograph. Moscow: Prospect, 2016. 113 p.
10. Eugenzikht V.A. The Problem of Risk in Civil Law (General Part). Ed. M.S. Malein. Dushanbe: Irfon, 1972. 224 p.
11. U.S. Securities and Exchange Commission. Rule 15c3-3 (17 CFR 240.15c3-3). Customer Protection – Reserves and Custody of Securities. Electronic resource: URL: https://www.ecfr.gov/current/title-17/chapter-II/part-240/subject-group-ECFRc8401dcba174f73/section-240.15c3-3 (date of access: 07.04.2026)
12. Financial Industry Regulatory Authority. Rule 2111. Suitability. Electronic resource: URL: https://www.finra.org/rules-guidance/rulebooks/finra-rules/2111 (date of access: 07.04.2026)
13. Securities Law of the People's Republic of China (amended 2019). Official text in Chinese: URL: http://www.csrc.gov.cn (section Laws and Regulations) (date of access: 07.04.2026)
14. U.S. Supreme Court. SEC v. Capital Gains Research Bureau, Inc., 375 U.S. 180 (1963). Online resource: https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/375/180 (date of access: 07.04.2026)

Информация об авторе

Потребич А.В., аспирант, Российская государственная академия интеллектуальной собственности, u-rait@bk.ru

© Потребич А.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 342.5
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-81-88

Искусственный интеллект в сфере государственного управления: правовой статус и модели юридической ответственности

[1, 2] Алексеева М.В., [1] Рыбак С.В.,
[1] Донской государственный технический университет,
[2] Ростовский филиал Российской таможенной академии

Аннотация: *в статье представлен теоретико-правовой и сравнительно-правовой анализ регулирования систем искусственного интеллекта (ИИ) в сфере государственного управления с акцентом на проблематику правового статуса автономных алгоритмических систем и моделей юридической ответственности субъектов их жизненного цикла. Показано, что внедрение технологий ИИ в практику публичного администрирования – от обработки обращений граждан и прогнозной аналитики до контрольно-надзорной деятельности – порождает новые юридические риски: дискриминационные эффекты алгоритмических решений, непрозрачность моделей машинного обучения, ошибки данных, диффузия ответственности между разработчиком, поставщиком, оператором и публичным органом. Обосновано, что классические юридические конструкции, ориентированные на антропоцентрическую модель субъекта права и психическое содержание вины, недостаточно адаптированы к высокоавтономным системам и требуют развития через риск-ориентированную классификацию, специальные требования к объяснимости и аудиту, режимы оборота данных и дифференциацию ответственности участников. Авторы приходят к выводу о целесообразности формирования специального нормативного режима применения ИИ в государственном секторе с включением механизмов «позитивной» ответственности – обязанностей по обеспечению безопасного и подотчетного функционирования систем.*

Ключевые слова*: искусственный интеллект, государственное управление, цифровизация, правосубъектность, юридическая ответственность, алгоритмическая прозрачность, аудит ИИ, персональные данные, риск-ориентированное регулирование, автономные системы*

Для цитирования: Алексеева М.В., Рыбак С.В. Искусственный интеллект в сфере государственного управления: правовой статус и модели юридической ответственности // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 81 – 88. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-81-88

Поступила в редакцию: 17 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

Artificial intelligence in public administration: legal status and liability models

[1, 2] Alekseeva M.V., [1] Rybak S.V.,
[1] Don State Technical University,
[2] Rostov Branch of the Russian Customs Academy

Abstract: *the article presents a theoretical-legal and comparative analysis of the regulation of artificial intelligence (AI) systems in public administration, focusing on the legal status of autonomous algorithmic systems and liability models for participants in their lifecycle. It is shown that the integration of AI technologies into public administration – from citizens' appeals processing and predictive analytics to control and supervisory activities – generates new legal risks: discriminatory effects of algorithmic decisions, opacity of machine learning models, da-*

ta errors, and diffusion of liability among developers, suppliers, operators, and public authorities. The article substantiates that classical legal constructions oriented toward an anthropocentric model of legal subject and the mental content of fault are insufficiently adapted to highly autonomous systems and require development through risk-based classification, specific explainability and audit requirements, data governance regimes, and differentiated liability of participants. The authors conclude on the advisability of forming a dedicated regulatory regime for AI in the public sector that includes mechanisms of «positive» liability – duties to ensure safe and accountable functioning of systems.

Keywords: *artificial intelligence, public administration, digitalization, legal personality, legal liability, algorithmic transparency, AI audit, personal data, risk-based regulation, autonomous systems*

For citation: Alekseeva M.V., Rybak S.V. Artificial intelligence in public administration: legal status and liability models. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 81 – 88. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-81-88

The article was submitted: May 17, 2026; Approved after reviewing: June 14, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

Цифровая трансформация органов публичной власти давно вышла за пределы простого перевода административных процедур в электронный вид. Современный этап характеризуется качественно иным состоянием: управленческие решения все чаще опираются на результаты автоматизированной обработки данных, прогностические модели и интеллектуальные алгоритмы, способные действовать с высокой степенью автономии. В этой логике искусственный интеллект перестает быть лишь средством технической рационализации и приобретает значение фактора, непосредственно влияющего на качество публичного администрирования, на содержание правоприменительных актов и на баланс публичных и частных интересов[1].

Сферы применения ИИ в государственном управлении быстро расширяются: обработка обращений граждан, прогнозирование социально-экономических показателей, мониторинг исполнения программных документов, выявление аномалий и рисков в больших массивах данных, поддержка принятия решений в контрольно-надзорной деятельности, автоматизация типовых административных операций[2]. Каждая из этих практик порождает однотипные юридически значимые вопросы: на кого возлагается ответственность за алгоритмическую ошибку; допустимо ли использовать «непрозрачные» модели для принятия решений, затрагивающих права граждан; как обеспечивается законность обработки данных; каким образом гарантируются принципы недискриминации и равенства при автоматизированной обработке информации.

Цель настоящего исследования – выявить теоретико-правовые особенности статуса систем искусственного интеллекта в сфере публичного управления и сформулировать концептуальные подходы к построению дифференцированной модели ответственности участников их жизненного цикла.

Задачи исследования: провести теоретико-правовое исследование природы и правового статуса систем искусственного интеллекта, применяемых в публичном управлении, и определить пределы применимости классической антропоцентрической модели субъекта права; осуществить сравнительно-правовой анализ российских и зарубежных подходов к регулированию ИИ в государственном секторе, включая риск-ориентированные модели и режимы алгоритмической прозрачности; разработать и обосновать концептуальные предложения по построению дифференцированной модели юридической ответственности участников жизненного цикла ИИ-систем (разработчика, поставщика, оператора, публичного органа) и сформулировать практические рекомендации по совершенствованию нормативной правовой базы применения ИИ в сфере публичного управления.

Гипотеза исследования: уровень правовой защищённости граждан и эффективность публично-правового порядка при применении систем искусственного интеллекта в государственном управлении будут существенно выше при условии перехода от инструментально-фрагментарного регулирования к специальному нормативному режиму, основанному на риск-ориентированной классификации, обязательной алгоритмической прозрачности, аудитируемости и дифференцированном распределении ответственности между участниками жизненного цикла ИИ-систем с интеграцией механизмов «позитивной» ответственности.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составили принципы системного и сравнительно-правового анализа. Использованы методы: формально-юридического толкования действующих нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих отношения в сфере цифровых инноваций и обработки данных; сравнительно-правовой метод – для сопоставления российских и зарубежных подходов к регулированию ИИ; метод юридического моделирования – для построения моделей распределения ответственности по стадиям жизненного цикла ИИ-систем; функциональный анализ конструкций правосубъектности применительно к нечеловеческим участникам правоотношений. Проанализированы доктринальные источники последних лет, нормативные акты и стратегические документы Российской Федерации.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научная, правовая литература.

Результаты и обсуждения

1. Правовой статус систем искусственного интеллекта: пределы антропоцентрической модели

Доктринальная дискуссия о правовой природе ИИ в значительной мере сводится к вопросу о принципиальной возможности признания автономной цифровой системы участником правоотношений[3]. В аналитическом плане целесообразно выделить три конкурирующие модели.

Первая (инструментальная) модель рассматривает ИИ исключительно как технологический объект – пусть и обладающий повышенной степенью функциональной сложности. Все юридически значимые последствия деятельности системы при таком подходе возводятся к действиям людей и организаций – разработчиков, владельцев инфраструктуры, операторов и публичных органов, использующих систему. Юридические конструкции ответственности при этом сохраняют традиционный антропоцентрический характер [4].

Вторая модель предполагает использование юридической фикции – конструкции «электронного лица» или иного квазисубъекта. Ее сторонники указывают, что правопорядок уже оперирует фикциями субъектов (юридическое лицо), а следовательно, теоретически способен сконструировать особый правовой статус и для автономных цифровых систем при соблюдении критериев индивидуализации, устойчивости функционирования и предсказуемости поведения [5]. Однако даже сторонники данного подхода признают, что наделение ИИ полноценной правосубъектностью сталкивается с непреодолимыми препятствиями: отсутствие самосознания, волевой составляющей и моральной рефлексии не позволяет отождествить ИИ с физическим лицом, а отсутствие фигуры контролирующего собственника-человека отличает его от юридического лица [6].

Третий подход – компромиссный – допускает признание ИИ «квазисубъектом», то есть формально-юридической конструкцией с ограниченным набором правомочий, не предполагающей самостоятельной деликтоспособности [7]. Именно эта модель представляется наиболее реалистичной на современном этапе.

Принципиально важным является то обстоятельство, что любые конструкции, сближающие ИИ с субъектом права, несут в себе риск превращения соответствующей фикции в «юридический экран», за которым фактически выводится из-под ответственности человек или организация. Следовательно, любые модели квазисубъектности должны сопровождаться механизмами сохранения и распределения ответственности человеческих участников жизненного цикла системы.

Перспективной представляется идея многоуровневой типологии ИИ-систем – от детерминированных экспертных систем и автоматизированных правил до обучаемых автономных моделей, способных к адаптации, постановке подзадач и принятию решений в условиях неполноты данных. Такая дифференциация значима именно в правовом отношении: уровень автономности должен определять объем допустимых полномочий системы в публичной сфере и набор обязательных юридико-технических гарантий – прозрачности, протоколирования, аудита, обязательного человеческого контроля при принятии окончательного решения [8].

2. Проблема деликтоспособности: от субъективной вины к объективной и позитивной ответственности

Наиболее острым аспектом дискуссии о правовом статусе ИИ остается вопрос деликтоспособности[9]. Традиционная конструкция юридической ответственности предполагает вину как психическое отношение лица к деянию и его последствиям. Применительно к автономным техническим системам подобное содержание вины либо отсутствует онтологически, либо не может быть установлено правовыми средствами в принципе. Это закономерно подталкивает к развитию альтернативных режимов: объективной (безвиновной) ответственности, ориентированной на факт причинения вреда и наличие причинной связи; и так назы-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ваемой «позитивной» ответственности, понимаемой как комплекс обязанностей по предупреждению вреда – управление рисками, тестирование, аудит, исключение дискриминационных эффектов.

Существенно, что российский законодатель уже сделал шаг в этом направлении: Федеральным законом от 8 июля 2024 г. № 169-ФЗ Федеральный закон № 258-ФЗ дополнен механизмом рассмотрения случаев причинения вреда жизни, здоровью или имуществу при реализации экспериментального правового режима с применением ИИ, а также введено обязательное страхование гражданской ответственности участников такого режима [10]. Тем самым нормативно опробуется модель, сочетающая компенсационную функцию объективной ответственности и превентивную функцию страхования рисков.

В контексте публичного управления особое значение приобретает институт «позитивной» ответственности. Использование ИИ органом публичной власти влечет обязанность обеспечения соблюдения принципов законности, прозрачности и недискриминации не только в момент принятия решения, но и на всех стадиях работы системы – от формирования датасета до контроля ее последующей эксплуатации. Содержательно это сближает позитивную ответственность с моделью «compliance-by-design», когда юридические требования закладываются в архитектуру системы еще на этапе ее проектирования [11].

3. Правовое регулирование ИИ в публичном секторе Российской Федерации

Действующее российское регулирование применения ИИ формируется преимущественно через стратегические документы, экспериментальные правовые режимы и смежное регулирование оборота данных. Базовое значение сохраняет Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», утвердивший Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [12]. Документ задает ориентиры государственной политики и нормативно закрепляет легальное определение ИИ как комплекса технологических решений, имитирующего когнитивные функции человека и обеспечивающего сопоставимые или превосходящие результаты. Вместе с тем стратегический документ не формирует детализированного отраслевого режима применения ИИ в публичном управлении и оставляет открытым вопрос о правовом статусе автономных систем.

Существенную роль выполняет Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», допускающий апробацию специальных правил в ограниченных территориальных и отраслевых условиях [13]. Применительно к ИИ в государственном секторе данный инструмент имеет особую ценность: он позволяет проверять модели ответственности, требования к качеству данных и подходы к объяснимости решений без немедленного распространения соответствующих норм на всю систему публичного управления.

Региональный пилотный режим, введенный Федеральным законом от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ применительно к городу федерального значения Москве, оказался важной площадкой для накопления практического опыта внедрения ИИ-решений в публично-частных отношениях [14]. В свою очередь, законодательство о персональных данных (Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ) формирует правовую основу законности обработки сведений, на которых обучаются и функционируют модели; в условиях обработки социально чувствительной информации это критически важно для публичного сектора [15].

Дополнительный пласт регулирования образуют распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р, утвердившее Концепцию развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники, и национальные стандарты, в частности ГОСТ Р 71476-2024 (ИСО/МЭК 22989:2022), вводящий концепции и терминологию искусственного интеллекта. Концепция последовательно проводит идею о нецелесообразности единого жесткого определения ИИ – содержание понятия должно формироваться через отраслевое стандартизирование и практическую апробацию, что обеспечивает необходимую гибкость регулирования [16].

Несмотря на интенсивное развитие данного нормативного массива, его системная характеристика остается фрагментарной: законодательство создает предпосылки цифровизации и допускает эксперименты, но пока не формирует единой рамки требований к алгоритмическим решениям, принимаемым публичной властью.

4. Сравнительно-правовой контекст: риск-ориентированная модель и распределение обязанностей

Зарубежные правопорядки в подавляющем большинстве избегают прямого признания ИИ субъектом права и концентрируются на регулировании обязанностей участников его жизненного цикла. Наиболее распространенной моделью стало риск-ориентированное регулирование – дифференциация требований к системам в зависимости от уровня риска для прав граждан, безопасности и публичных интересов [17].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Регламент Европейского союза 2024/1689 (AI Act) выделяет четыре категории риска: неприемлемый (запрещенные практики), высокий, ограниченный и минимальный. Для высокорисковых систем – к которым отнесены, в частности, ИИ-решения, применяемые в сфере публичных услуг, правосудия, миграционного контроля, оценки кредитоспособности и социального обеспечения, – установлены детальные требования к качеству данных, документированию, прозрачности, человеческому надзору, кибербезопасности и аудитируемости. Сходные принципы – пусть и в иной нормативной форме – реализованы в указе Президента США от 30 октября 2023 г. о безопасном, надежном и заслуживающем доверия ИИ, а также во «Временных мерах по управлению генеративным ИИ», принятых в КНР в 2023 году.

В аналитических документах международных организаций – в частности, Рекомендации ОЭСР по искусственному интеллекту и Рекомендации ЮНЕСКО об этических аспектах ИИ – последовательно проводится идея «data-driven public sector» и необходимости институциональных механизмов качества данных, совместимости систем и формирования доверия к цифровым решениям [18].

5. Распределение ответственности по стадиям жизненного цикла ИИ-систем

Применение ИИ в публичном управлении встраивает систему в сложную кооперативную цепочку субъектов, и именно здесь возникает феномен, который в зарубежной литературе обозначается как «accountability gap» – разрыв ответственности. Для преодоления этого риска необходима нормативная фиксация ролей и корреспондирующих им обязанностей.

Разработчик отвечает за качество архитектуры, документацию, тестирование и предсказуемость поведения модели в заявленных условиях эксплуатации. Поставщик (интегратор) – за корректность внедрения, совместимость с инфраструктурой публичного органа, соблюдение требований информационной безопасности. Оператор – за эксплуатацию, обновления, мониторинг, протоколирование и реагирование на инциденты. Публичный орган – за законность применения системы, соблюдение административных процедур, защиту прав граждан и обеспечение возможности обжалования решений, принятых с использованием ИИ[19].

В отношении вреда, причиненного решениями ИИ, перспективной представляется комбинированная модель: объективные элементы ответственности (при доказанной причинной связи между функционированием системы и вредом) в сочетании с позитивными обязанностями (аудит, управление рисками, контроль качества датасетов, мониторинг bias). Такая конструкция обеспечивает баланс между компенсационной и превентивной функциями юридической ответственности.

6. Перспективы формирования специального регулирования ИИ в публичном секторе

С учетом проведенного анализа представляется обоснованным формирование специального нормативно-правового механизма использования ИИ в государственном управлении. Архитектурно такой механизм должен включать: легальные определения системы ИИ и ключевых ролей (оператор, разработчик, поставщик, пользователь в органе власти); реестр и процедуру идентификации высокорисковых систем; риск-ориентированную классификацию применений ИИ в публичной сфере; требования к прозрачности и объяснимости (в объеме, достаточном для проверки законности и недискриминации), к протоколированию и аудитируемости; режим данных (минимизация, законность источников, качество датасетов, управление смещениями, хранение и доступ); процессуальные гарантии для граждан – информирование о применении ИИ, право на понятное объяснение, право на пересмотр решения человеком, доступные процедуры обжалования; модель распределения ответственности по ролям и стадиям жизненного цикла с включением инструментов компенсации вреда (страхование, резервирование).

Выводы

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд выводов теоретико-правового и нормативно-прикладного характера.

Внедрение искусственного интеллекта в сферу государственного управления изменяет не только технические процессы публичного администрирования, но и юридическую архитектуру власти, выводя на первый план вопросы статуса автономных систем, алгоритмической прозрачности и распределения ответственности. На современном этапе наиболее реалистичной представляется модель, при которой ИИ рассматривается как объект права повышенной сложности – инструмент, ответственность за применение которого распределяется между участниками жизненного цикла и публичным органом, использующим систему. Конструкции, сближающие ИИ с субъектом права (включая «электронное лицо»), на данном этапе сохраняют преимущественно доктринальное значение и допустимы лишь при условии сохранения полноты ответственности человеческих участников.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Рост автономности ИИ объективно требует развития специальных нормативных механизмов: риск-ориентированной классификации, обязательной алгоритмической прозрачности и аудита, стандартов качества данных и режима «позитивной» ответственности участников жизненного цикла. Сочетание объективных элементов имущественной ответственности с превентивными обязанностями обеспечивает баланс компенсационной и предупредительной функций правовой регуляции.

Формирование специального правового режима применения ИИ в публичном секторе способно существенно снизить правовую неопределенность, повысить доверие к цифровой трансформации государственного управления и обеспечить приоритет прав и свобод человека при использовании автономных алгоритмических систем органами публичной власти. Развитие нормативной базы в данном направлении представляется не только желательным, но и юридически необходимым условием устойчивости современного публично-правового порядка.

Практические рекомендации

1. В сфере совершенствования нормативной правовой базы.

Предложить уполномоченным органам государственной власти Российской Федерации:

– разработать и принять специальный нормативный правовой акт, регламентирующий применение систем искусственного интеллекта в публичном управлении, с закреплением легальных дефиниций ИИ-системы, оператора, разработчика, поставщика и публичного пользователя, а также с введением риск-ориентированной классификации применяемых решений;

– дополнить отраслевое законодательство о публичном управлении нормами, устанавливающими обязательные требования алгоритмической прозрачности, объяснимости, аудитируемости и протоколирования решений, принимаемых с использованием ИИ, а также процессуальные гарантии граждан (право на информирование о применении ИИ, право на содержательное объяснение алгоритмического решения, право на его пересмотр человеком и доступные процедуры обжалования).

2. В сфере административно-организационной работы.

Предложить органам публичной власти:

– ввести обязательные внутренние регламенты применения ИИ-систем, включая процедуры предварительной оценки рисков, аудит датасетов на предмет дискриминационных смещений, мониторинг качества работы моделей и порядок реагирования на инциденты;

– создать на ведомственном уровне институт ответственного за этику и правомерность применения ИИ, наделённого полномочиями по контролю соблюдения требований законности, недискриминации и защиты персональных данных на всех стадиях жизненного цикла системы;

– организовать систематическое повышение квалификации государственных служащих по вопросам правового регулирования ИИ, ответственного использования алгоритмических систем и защиты прав граждан при автоматизированном принятии решений.

Список источников

1. Алексеева М.В. Цифровая трансформация государственного управления на основе искусственного интеллекта // Административное право и процесс. 2025. № 12. С. 16 – 19. DOI: 10.18572/2071-1166-2025-12-16-19

2. Пащенко И.Ю. Искусственный интеллект в государственном управлении: проблемы и перспективы регулирования // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2025. Т. 17. № 4. С. 19 – 26. DOI: 10.31429/20785836-17-4-19-26

3. Михайлов А.С. Искусственный интеллект и право: современное состояние и перспективы // Право и технология. 2019. № 1 (1). С. 15 – 22.

4. Соменков С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2. С. 75 – 85. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.54.2.075-085

5. Дремлюга Р.И., Дремлюга О.А. Искусственный интеллект – субъект права: аргументы за и против // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 120 – 125.

6. Журавлева А.В., Куликова Ю.А. Искусственный интеллект как субъект права // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 3. С. 211 – 217.

7. Ужов Ф.А. Искусственный интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 4. С. 98 – 112.

8. Султанов И.В. Правовая ответственность искусственного интеллекта: подходы и перспективы // Российская юристика. 2021. № 3 (2). С. 44 – 50.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

9. Глушкова А.В. Проблемы правового регулирования искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2021. № 22 (4). С. 67 – 74.

10. Федеральный закон от 8 июля 2024 г. № 169-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 28. Ст. 4129.

11. Гатауллин А.Р. Искусственный интеллект в государственном управлении // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 3-2 (90). С. 22 – 27. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-3-2-22-27

12. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

13. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5017.

14. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве…» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 17. Ст. 2701.

15. Попов Я.А., Юшков Е.С., Артемов Г.А. Правовое регулирование использования технологий искусственного интеллекта в государственном управлении // Научные дискуссии. 2024. Т. 4. № 1. С. 133 – 137.

16. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 35. Ст. 5593.

17. Катанандов С.Л., Ковалев А.А. Технологическое развитие современных государств: искусственный интеллект в государственном управлении // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 174 – 182. DOI: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-174-182.

18. Грищенко Г.А. Искусственный интеллект в государственном управлении // Российский юридический журнал. 2018. № 6 (123). С. 27 – 31.

19. Мартынов А.В. Актуальные вопросы применения искусственного интеллекта при осуществлении контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 2. С. 175 – 186.

References

1. Alekseeva M.V. Digital Transformation of Public Administration Based on Artificial Intelligence. Administrative Law and Process. 2025. No. 12. P. 16 – 19. DOI: 10.18572/2071-1166-2025-12-16-19

2. Pashchenko I.Yu. Artificial Intelligence in Public Administration: Problems and Prospects of Regulation. Legal Bulletin of Kuban State University. 2025. Vol. 17. No. 4. P. 19 – 26. DOI: 10.31429/20785836-17-4-19-26

3. Mikhailov A.S. Artificial Intelligence and Law: Current State and Prospects. Law and Technology. 2019. No. 1 (1). P. 15 – 22.

4. Somenkov S.A. Artificial Intelligence: From Object to Subject? Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2019. No. 2. P. 75 – 85. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.54.2.075-085

5. Dremlyuga R.I., Dremlyuga O.A. Artificial Intelligence – a Subject of Law: Arguments for and against. Legal Policy and Legal Life. 2019. No. 2. P. 120 – 125.

6. Zhuravleva A.V., Kulikova Yu.A. Artificial Intelligence as a Subject of Law. Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences. 2025. No. 3. P. 211 – 217.

7. Uzhov F.A. Artificial Intelligence as a Subject of Law. Gaps in Russian Legislation. 2020. No. 4. P. 98 – 112.

8. Sultanov I.V. Legal Liability of Artificial Intelligence: Approaches and Prospects. Russian Jurisprudence. 2021. No. 3 (2). P. 44 – 50.

9. Glushkova A.V. Problems of Legal Regulation of Artificial Intelligence. Journal of Russian Law. 2021. No. 22 (4). P. 67 – 74.

10. Federal Law of July 8, 2024 No. 169-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital Innovations in the Russian Federation"". Collected Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 28. Art. 4129.

11. Gataullin A.R. Artificial Intelligence in Public Administration. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. No. 3-2 (90). P. 22 – 27. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-3-2-22-27

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

12. Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 “On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation” (together with the “National Strategy for the Development of Artificial Intelligence through 2030”). Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 41. Art. 5700.

13. Federal Law of July 31, 2020 No. 258-FZ "On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital Innovations in the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I). Art. 5017.

14. Federal Law of April 24, 2020 No. 123-FZ "On Conducting an Experiment to Establish Special Regulation in Order to Create the Necessary Conditions for the Development and Implementation of Artificial Intelligence Technologies in a Constituent Entity of the Russian Federation – the Federal City of Moscow...". Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 17. Art. 2701.

15. Popov Ya.A., Yushkov E.S., Artemov G.A. Legal Regulation of the Use of Artificial Intelligence Technologies in Public Administration. Scientific Discussions. 2024. Vol. 4. No. 1. P. 133 – 137.

16. Order of the Government of the Russian Federation of August 19, 2020 No. 2129-r "On Approval of the Concept for the Development of Regulation of Relations in the Sphere of Artificial Intelligence and Robotics Technologies until 2024". Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 35. Article 5593.

17. Katanandov S.L., Kovalev A.A. Technological Development of Modern States: Artificial Intelligence in Public Administration. Public and Municipal Administration. Scientific Notes. 2023. No. 1. P. 174 – 182. DOI: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-174-182.

18. Grishchenko G.A. Artificial Intelligence in Public Administration. Russian Law Journal. 2018. No. 6 (123). P. 27 – 31.

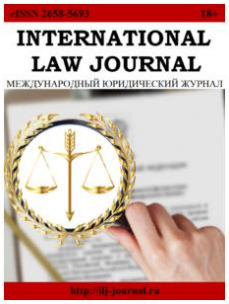
19. Martynov A.V. Current Issues of Applying Artificial Intelligence in the Implementation of Control and Supervisory Activities of Executive Bodies. Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2020. No. 2. P. 175 – 186.

Информация об авторах

Алексеева М.В., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Теория и история государства и права», ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1436-6946, Донской государственный технический университет, 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1, alekseeva80@yandex.ru

Рыбак С.В., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Гражданское право», ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7280-867X, Донской государственный технический университет, 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1, svetoch_2504@mail.ru

© Алексеева М.В., Рыбак С.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 342.95
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-89-95

Административно-правовое обеспечение экологического управления в государствах БРИКС

[1, 2] Иванова С.В., [2] Рыбак С.В.,
[1] Оренбургский институт, филиал Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
[2] Донской государственный технический университет

Аннотация: *статья посвящена исследованию административно-правовых механизмов государственного управления в сфере охраны окружающей среды в государствах БРИКС. Цель исследования заключается в выявлении особенностей реализации экосистемного и предосторожного подходов как современных инструментов публичного управления экологическими рисками. В работе проведен сравнительно-правовой анализ законодательства, судебной практики и международно-правовых актов, определяющих содержание экологической политики и административной деятельности органов государственной власти в странах БРИКС. Основное внимание уделено вопросам институционального обеспечения административного управления, правовым формам предупреждения экологического вреда, а также механизмам принятия управленческих решений в условиях научной неопределенности. Исследуются особенности административно-правового закрепления экосистемного и предосторожного подходов в Индии, Бразилии и Российской Федерации, выявляются проблемы межведомственной координации, отраслевой фрагментации регулирования и недостаточной определенности критериев оценки экологических рисков. По результатам исследования обоснован вывод о возрастающей роли экосистемного и предосторожного подходов в модернизации системы государственного экологического управления и развитии риск-ориентированных методов административно-правового регулирования. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов при совершенствовании экологического законодательства, разработке механизмов межведомственного взаимодействия органов публичной власти и формировании эффективной модели государственного управления в сфере охраны окружающей среды.*

Ключевые слова: *экологическое право, государства БРИКС, экосистемный подход, принцип предосторожности, устойчивое развитие, природоохранное регулирование, международное право, институциональное управление, экологические риски*

Для цитирования: Иванова С.В., Рыбак С.В. Административно-правовое обеспечение экологического управления в государствах БРИКС // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 89 – 95. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-89-95

Поступила в редакцию: 18 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Administrative and legal support for environmental governance in the BRICS countries: ecosystem and precautionary approaches

[1, 2] Ivanova S.V., [2] Rybak S.V.,
[1] Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
[2] Don State Technical University

Abstract: *this article is devoted to the study of administrative and legal mechanisms of state governance in the field of environmental protection in the BRICS countries. The purpose of the study is to identify the peculiarities of implementing the ecosystem and precautionary approaches as modern tools of public management of environmental risks. The research includes a comparative legal analysis of legislation, judicial practice, and international legal acts that define environmental policy and the administrative activities of state authorities in BRICS countries. Particular attention is paid to institutional support for administrative governance, legal forms for preventing environmental damage, and mechanisms for making management decisions under scientific uncertainty. The study examines the administrative and legal consolidation of the ecosystem and precautionary approaches in India, Brazil, and the Russian Federation, identifying problems related to interagency coordination, sectoral fragmentation of regulation, and insufficiently defined criteria for assessing environmental risks. The study concludes that the ecosystem and precautionary approaches play an increasingly important role in modernizing the system of state environmental governance and in developing risk-oriented methods of administrative-legal regulation. The practical significance of the study lies in the possibility of using its results to improve environmental legislation, develop mechanisms for interagency cooperation, and form an effective model of state governance in the field of environmental protection.*

Keywords: *environmental law, BRICS countries, ecosystem approach, precautionary principle, sustainable development, environmental regulation, international law, institutional governance, environmental risks*

For citation: Ivanova S.V., Rybak S.V. Administrative and legal support for environmental governance in the BRICS countries: ecosystem and precautionary approaches. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 89 – 95. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-89-95

The article was submitted: May 18, 2026; Approved after reviewing: June 15, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

В условиях нарастающих экологических угроз вопросы совершенствования государственного управления в сфере охраны окружающей среды приобретают особую актуальность. По данным Межправительственной научно-политической платформы по биоразнообразию и экосистемным услугам (IPBES), более одного миллиона видов животных и растений находятся под угрозой исчезновения, а деградация экосистем приобрела глобальный характер [1]. Одновременно, согласно оценкам Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (FAO), ежегодная утрата лесных ресурсов в мире сохраняется на высоком уровне, несмотря на предпринимаемые меры международного и национального регулирования [2]. Указанные процессы создают дополнительные риски для устойчивого социально-экономического развития государств [3] и требуют повышения эффективности деятельности органов публичной власти в экологической сфере.

Особую значимость данные проблемы имеют для государств БРИКС, на территории которых сосредоточены крупнейшие мировые экосистемы и проживает около 42 % населения планеты. В этих условиях традиционные административно-правовые механизмы, ориентированные преимущественно на устранение последствий экологических нарушений, оказываются недостаточными для своевременного реагирования на современные экологические вызовы. Возникает необходимость внедрения превентивных моделей государственного управления, основанных на предупреждении экологических рисков и комплексном учете взаимосвязей между компонентами окружающей среды.

Важнейшими инструментами такого управления выступают экосистемный и предосторожный подходы. Экосистемный подход ориентирует органы публичной власти на комплексное управление природными ресурсами, а принцип предосторожности позволяет принимать управленческие решения в условиях научной неопределенности при наличии угрозы причинения серьезного или необратимого вреда окружающей среде. Поэтому исследование особенностей реализации указанных подходов в государствах БРИКС представляет

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

значительный научный и практический интерес для развития административно-правовых механизмов государственного экологического управления.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования стали международные правовые акты, нормативные правовые акты государств БРИКС, судебные решения, а также научные публикации российских и зарубежных авторов. В работе использованы нормативные правовые акты, регулирующие вопросы охраны окружающей среды, государственного управления и реализации экологической политики. Особое внимание уделено международным соглашениям, закрепляющим экосистемный и предосторожный подходы, а также национальному законодательству Российской Федерации, Индии и Бразилии. Дополнительно исследованы научные статьи, посвященные развитию экологического права и совершенствованию административно-правовых механизмов государственного управления.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные юридические методы. Основным является метод сравнительно-правового анализа. Его применение позволило сопоставить содержание правовых норм, определить общие тенденции развития экологического законодательства и выявить особенности правового регулирования в отдельных государствах БРИКС. С помощью формально-юридического метода проведен анализ нормативных правовых актов, международных документов и судебной практики. Этот метод использовался для определения содержания правовых норм и оценки особенностей их применения.

В ходе исследования также применялся системный метод. Он позволил авторам рассмотреть экологическое законодательство как взаимосвязанную систему правовых норм и институтов. Использование данного метода способствовало выявлению роли экосистемного и предосторожного подходов в системе государственного экологического управления. Логико-юридический метод использовался при формулировании выводов и обобщении результатов исследования. Анализ научной литературы позволил определить существующие подходы к исследуемой проблеме и выявить дискуссионные вопросы в современной юридической науке.

Комплексное применение указанных методов обеспечило всестороннее исследование административно-правовых механизмов охраны окружающей среды в государствах БРИКС. Использование различных источников информации позволило провести сравнительный анализ международного опыта с национальной практикой, выявить общие закономерности развития экологического законодательства и определить направления его дальнейшего совершенствования. Полученные результаты могут быть использованы при разработке предложений по совершенствованию российского законодательства и повышению эффективности государственного экологического управления.

Результаты и обсуждения

Современное экологическое право государств БРИКС развивается под воздействием двух взаимосвязанных тенденций. С одной стороны, наблюдается усиление международно-правового влияния на национальные правопорядки в сфере охраны окружающей среды. С другой стороны, государства БРИКС стремятся сформировать собственные модели экологического регулирования, учитывающие особенности социально-экономического развития, структуру национальной экономики и специфику природоохранных мер. В результате особое значение приобретают экосистемный и предосторожный подходы, которые постепенно трансформируются из научных концепций в самостоятельные элементы современного экологического права.

Экосистемный подход получил международное признание после принятия Конвенции о биологическом разнообразии. Так в Решении V/6 Конференции Сторон Конвенции о биологическом разнообразии экосистемный подход был определен как стратегия комплексного управления земельными, водными и живыми ресурсами, обеспечивающая сохранение и устойчивое использование биологического разнообразия. Именно данный документ впоследствии стал основой для внедрения экосистемного подхода в национальные правопорядки большинства государств мира.

В юридической литературе справедливо отмечается, что экосистемный подход представляет собой качественно новый этап развития международного экологического права. По мнению В. Де Лючии, экосистемный подход постепенно трансформировался из управленческой концепции в самостоятельную нормативную конструкцию международного экологического права, которая применяется от сохранения биоразнообразия до управления морскими пространствами [4]. Анализируя развитие данной концепции, автор приходит к выводу о том, что ее значение выходит далеко за пределы природоохранного управления и затрагива-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ет основные вопросы взаимодействия государства, общества и окружающей среды. Особое значение экосистемного подхода для государств БРИКС обусловлено тем обстоятельством, что именно на территории этих государств сосредоточены крупнейшие мировые экосистемы.

Вместе с тем, анализ национального законодательства показывает, что правовое регулирование в государствах БРИКС по-прежнему сохраняет преимущественно отраслевой характер. Сохранение отраслевой структуры законодательства создает серьезные препятствия для реализации экосистемного подхода. По справедливому мнению Э. Моргера, экосистемный подход предполагает интегрированное управление природными ресурсами и требует преодоления традиционного разделения экологического законодательства на самостоятельные отрасли [5]. При этом эффективность такого подхода зависит не только от формального закрепления соответствующих принципов, но и от создания институциональных механизмов, обеспечивающих учет взаимосвязей между различными компонентами окружающей среды.

Не менее важное значение для развития управленческих отношений в сфере охраны окружающей среды государств БРИКС имеет принцип предосторожности. Его правовая основа была сформирована в Принципе 15 Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 г., согласно которому отсутствие полной научной определенности не должно использоваться в качестве основания для отсрочки мер по предотвращению деградации окружающей среды при наличии угрозы серьезного или необратимого ущерба. Однако сама формулировка принципа не содержит критериев определения допустимого уровня риска, достаточности доказательств либо механизма распределения бремени доказывания, что обусловило формирование различных моделей его реализации в государствах БРИКС. По мнению А. Траувборст, принцип предосторожности и экосистемный подход имеют общую методологическую основу, поскольку оба ориентированы на управление экологическими рисками в условиях научной неопределенности [6]. По мнению автора, именно сочетание этих двух подходов позволяет обеспечить эффективное регулирование сложных экологических процессов, когда последствия хозяйственной деятельности не могут быть точно предсказаны на основе имеющихся научных данных.

Наиболее развитая модель применения принципа предосторожности сформировалась в Индии. В решении Верховного суда Индии по делу *Vellore Citizens Welfare Forum v. Union of India* суд признал принцип предосторожности составной частью национального экологического права и указал, что лицо, осуществляющее потенциально опасную деятельность, обязано доказать ее экологическую безопасность. Данное решение считается одним из наиболее значимых судебных актов в сфере экологического права государств БРИКС [7], поскольку впервые закрепило возможность ограничения хозяйственной деятельности при отсутствии полной научной определенности относительно возможных экологических последствий. По мнению Лавания Раджамани, после дела *Vellore* индийские суды стали применять принцип предосторожности в различных категориях экологических споров, однако отсутствие единых критериев оценки риска привело к формированию неоднородной практики, что негативно сказалось на уровне правовой определенности [8]. В результате один и тот же принцип используется судами как для обоснования ограничений хозяйственной деятельности, так и для отказа в удовлетворении экологических требований.

Конституция Бразилии закрепляет право каждого на экологически сбалансированную окружающую среду и возлагает на государство обязанность обеспечивать ее сохранение для настоящих и будущих поколений. Несмотря на активное использование принципа предосторожности в научной литературе и судебной практике, его нормативное содержание остается неопределенным. Исследование Гильерме Фрейре да Куньи показывает, что бразильские суды нередко используют принцип предосторожности как общий аргумент в пользу усиления экологической защиты, не раскрывая конкретных условий его применения [9]. Такая практика усиливает дискреционные полномочия суда, но одновременно снижает предсказуемость принимаемых решений.

В Российской Федерации наблюдается противоположную модель реализации предостороженного и экосистемного подходов. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» закрепляет принцип предупреждения негативного воздействия на окружающую среду, однако не содержит прямого упоминания принципа предосторожности. Вследствие этого российская судебная практика ориентируется преимущественно на доказанный вред либо установленное нарушение обязательных экологических требований. По мнению М.М. Бринчука, отсутствие нормативного закрепления принципа предосторожности существенно ограничивает возможности управления экологическими рисками и не позволяет в полной мере реализовать превентивную функцию экологического права [10]. Таким образом, проведенный сравнительно-правовой анализ показывает, что экосистемный и предосторожный подходы постепенно приобретают значение самостоятельных элементов современного экологического права

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

государств БРИКС и одновременно выступают важными инструментами государственного управления в сфере охраны окружающей среды. Несмотря на различия национальных моделей правового регулирования, развитие экологического законодательства в государствах БРИКС характеризуется общей тенденцией к усилению превентивных механизмов управления экологическими рисками и расширению применения комплексных методов охраны окружающей среды [11]. Вместе с тем эффективность реализации рассматриваемых подходов во многом зависит не только от их нормативного закрепления, но и от формирования соответствующих административно-правовых и институциональных механизмов, обеспечивающих межведомственную координацию, учет экологических рисков и принятие управленческих решений на основе научных данных. В этой связи опыт государств БРИКС представляет значительный интерес для совершенствования российского законодательства и практики государственного экологического управления.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что экосистемный и предосторожный подходы становятся важнейшими направлениями развития экологического права и государственного экологического управления в государствах БРИКС. Несмотря на различия национальных правовых систем, для всех рассматриваемых государств характерно стремление к усилению превентивных механизмов охраны окружающей среды и переходу от устранения последствий экологического вреда к предупреждению экологических рисков. Вместе с тем анализ законодательства и правоприменительной практики показывает отсутствие единых подходов к нормативному закреплению и реализации указанных принципов. Так, в Индии принцип предосторожности получил активное развитие в судебной практике, в Бразилии используется в качестве инструмента усиления экологической защиты. Одновременно, в ряде государств БРИКС его содержание остается недостаточно определенным, что негативно влияет на предсказуемость правоприменения.

Общей правовой проблемой для государств БРИКС является сохранение преимущественно отраслевой модели экологического регулирования, которая затрудняет комплексное управление природными ресурсами и не в полной мере учитывает взаимосвязь компонентов окружающей среды. В результате реализация экосистемного подхода зачастую ограничивается декларативным признанием его значения без создания эффективных институциональных механизмов межведомственной координации и управления экологическими рисками.

В целях совершенствования государственного управления в сфере охраны окружающей среды в Российской Федерации представляется целесообразным внести изменения в Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», закрепив принцип предосторожности в качестве самостоятельного принципа экологического законодательства. Одновременно необходимо установить правовые критерии его применения, предусматривающие возможность введения временных ограничений либо дополнительных требований к хозяйственной деятельности при наличии научно обоснованных данных о риске причинения серьезного или необратимого вреда окружающей среде даже при отсутствии полной научной определенности.

Представляется также необходимым дополнить порядок проведения государственной экологической экспертизы требованием об обязательной оценке кумулятивного воздействия хозяйственной деятельности на экосистемы. В настоящее время экологическая экспертиза преимущественно ориентирована на оценку отдельных объектов и проектов, тогда как экосистемный подход требует учета совокупного воздействия на взаимосвязанные природные комплексы в пределах речных бассейнов, лесных массивов, особо охраняемых природных территорий и иных экологически значимых территорий.

Представляется целесообразно нормативно закрепить обязанность федеральных органов исполнительной власти осуществлять обмен экологическими данными посредством единой государственной цифровой платформы экологического мониторинга. Отсутствие интеграции информационных ресурсов Росприроднадзора, Росгидромета, Росводресурсов, Рослесхоза и органов власти субъектов Российской Федерации существенно снижает эффективность риск-ориентированного государственного управления. Формирование единой цифровой системы позволит обеспечить оперативное выявление экологических угроз, повысить качество административных решений и создать условия для практической реализации экосистемного подхода в деятельности органов публичной власти.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Список источников

1. Global Assessment Report on Biodiversity and Ecosystem Services. Intergovernmental Science-Policy Platform on Biodiversity and Ecosystem Services. Bonn, 2019. 1148 p.

2. Global Forest Resources Assessment 2020. Food and Agriculture Organization of the United Nations. Rome, 2020. 184 p.

3. Власенко В.Н., Широбоков А.С. Цифровизация государственного экологического управления: правовые аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25. № 2. С. 601 – 619.

4. De Lucia V. Competing Narratives and Complex Genealogies: The Ecosystem Approach in International Environmental Law // Journal of Environmental Law. 2015. Vol. 27. No. 1. P. 91 – 117.

5. Morgera E. The Ecosystem Approach Under the Convention on Biological Diversity: A Legal Research Agenda. Edinburgh School of Law Research Paper. 2015. No. 2015/17. 32 p.

6. Trouwborst A. The Precautionary Principle and the Ecosystem Approach in International Law: Differences, Similarities and Linkages // Review of European Community and International Environmental Law. 2009. Vol. 18. No. 1. P. 26 – 37.

7. Owojori M., Anwana E. Climate Governance in the BRICS: Pathways Toward Net-Zero Emissions // Discover Sustainability. 2025. Vol. 6. Article 359.

8. Rajamani L. Public Interest Environmental Litigation in India: Exploring Issues of Access, Participation, Equity, Effectiveness and Sustainability // Journal of Environmental Law. 2007. Vol. 19. No. 3. P. 293 – 310.

9. Cunha G. F. da. The Precautionary Principle in Brazil Post-Rio 1992: Have its Content and Institutionalization Been Strengthened? // Ambiente & Sociedade. 2013. Vol. 16. No. 3. P. 65 – 82.

10. Бринчук М. М. Экологическое право в свете общей теории права // Государство и право. 2025. № 2. С. 72 – 75.

11. Страны БРИКС: экологические аспекты развития и сотрудничества. Материалы международного форума (5-6 июня 2025 года). М.: Издательский дом УМЦ, 2025. 390 с.

References

1. Global Assessment Report on Biodiversity and Ecosystem Services. Intergovernmental Science-Policy Platform on Biodiversity and Ecosystem Services. Bonn, 2019. 1148 p.

2. Global Forest Resources Assessment 2020. Food and Agriculture Organization of the United Nations. Rome, 2020. 184 p.

3. Vlasenko V.N., Shirobokov A.S. Digitalization of State Environmental Management: Legal Aspects. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2021. Vol. 25. No. 2. P. 601 – 619.

4. De Lucia V. Competing Narratives and Complex Genealogies: The Ecosystem Approach in International Environmental Law. Journal of Environmental Law. 2015. Vol. 27. No. 1. P. 91 – 117.

5. Morgera E. The Ecosystem Approach Under the Convention on Biological Diversity: A Legal Research Agenda. Edinburgh School of Law Research Paper. 2015. No. 2015/17. 32 p.m.

6. Trouwborst A. The Precautionary Principle and the Ecosystem Approach in International Law: Differences, Similarities and Linkages. Review of European Community and International Environmental Law. 2009. Vol. 18.No. 1. P. 26 – 37.

7. Owojori M., Anwana E. Climate Governance in the BRICS: Pathways Toward Net-Zero Emissions. Discover Sustainability. 2025. Vol. 6. Article 359.

8. Rajamani L. Public Interest Environmental Litigation in India: Exploring Issues of Access, Participation, Equity, Effectiveness and Sustainability. Journal of Environmental Law. 2007. Vol. 19. No. 3. P. 293 – 310.

9. Cunha G.F. da. The Precautionary Principle in Brazil Post-Rio 1992: Have Its Content and Institutionalization Been Strengthened? Ambiente & Sociedade. 2013. Vol. 16. No. 3. P. 65 – 82.

10. Brinchuk M. M. Environmental Law in Light of the General Theory of Law. State and Law. 2025. No. 2. P. 72 – 75.

11. BRICS Countries: Environmental Aspects of Development and Cooperation. Proceedings of the international forum (June 5-6, 2025). Moscow: Publishing house of the UMC, 2025. 390 p.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

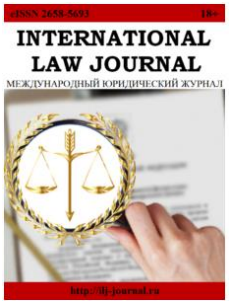
Информация об авторах

Иванова С.В., доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой публично-правовых наук, Оренбургский институт, филиал Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); профессор, Донской государственный технический университет, servis-05@list.ru

Рыбак С.В., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Гражданское право», Донской государственный технический университет

© Иванова С.В., Рыбак С.В., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.148.; 69.059.3:614.8
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-96-100

Роль документации промышленной безопасности при проведении строительно-технической экспертизы зданий на опасных производственных объектах

[1] Ясакова В.А., [1] Кузбагарова Е.В.,
[1] Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

Аннотация: *в статье рассматривается роль документации промышленной безопасности при проведении строительно-технической экспертизы зданий и сооружений на опасных производственных объектах. Показано, что отсутствие полной и актуальной документации снижает точность экспертной оценки, затрудняет установление причин появления дефектов и не позволяет в полной мере учесть технологические риски. Авторами подчеркивается необходимость создания системного подхода к управлению документацией промышленной безопасности с помощью установления взаимосвязи между строительно-технической экспертизой и экспертизой промышленной безопасности при оценке состояния объектов.*

Ключевые слова: *документация промышленной безопасности, экспертиза промышленной безопасности, строительно-техническая экспертиза*

Для цитирования: Ясакова В.Е., Кузбагарова Е.В. Роль документации промышленной безопасности при проведении строительно-технической экспертизы зданий на опасных производственных объектах // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 96 – 100. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-96-100

Поступила в редакцию: 19 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 16 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

The role of industrial safety documentation in conducting construction and technical examination of buildings at hazardous production facilities

[1] Yasakova V.E., [1] Kuzbagarova E.V.,
[1]Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

Abstract: *the article discusses the role of industrial safety documentation in conducting construction and technical examination of buildings and structures at hazardous production facilities. It is shown that the lack of complete and up-to-date documentation reduces the accuracy of expert assessments, makes it difficult to identify the causes of defects, and does not allow for the full consideration of technological risks. The authors emphasize the need to create a systematic approach to managing industrial safety documentation by establishing a relationship between construction and technical expertise and industrial safety expertise in assessing the condition of facilities.*

Keywords: *industrial safety documentation, industrial safety expertise, construction and technical expertise*

For citation: Yasakova V.E., Kuzbagarova E.V. The role of industrial safety documentation in conducting construction and technical examination of buildings at hazardous production facilities. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 96 – 100. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-96-100

The article was submitted: May 19, 2026; Approved after reviewing: June 16, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Введение

Обеспечение промышленной безопасности (далее – ПБ) на опасных производственных объектах (далее – ОПО) остается первостепенной задачей в сфере строительства, где ошибка в оценке технического состояния объекта может привести к тяжелым последствиям. К их числу относятся не только риски возникновения аварийных ситуаций и повреждения строительных конструкций, но и сбои в реализации технологических процессов, угроза жизни и здоровью персонала, а также существенный экономический ущерб для эксплуатирующей организации. По этой причине особую значимость приобретает системный подход к документированию сведений об объекте. В документацию должны входить данные о его эксплуатации, проведенных ремонтных работах и всех последующих изменений, имевших место на протяжении всего срока службы объекта.

Материалы и методы исследований

В ходе исследования применялись общенаучные и всеобщие методы познания, включая методы логического и системного анализа, а также элементы сравнительно-правового характера. Их использование позволило рассмотреть документацию промышленной безопасности как самостоятельный источник исходных данных и основу согласования требований промышленной безопасности с задачами строительно-технической экспертизы.

Результаты и обсуждения

Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору регулярно обобщает результаты правоприменительной практики в области промышленной безопасности. В докладе за 2025 год, были зарегистрированы аварии и несчастные случаи на объектах нескольких подконтрольных отраслей, включая горнорудную и нерудную промышленность, химический и металлургический комплексы, нефтегазовый сектор, а также объекты обращения взрывчатых материалов, хранения и переработки растительного сырья, оборудование, работающее под избыточным давлением и подъемные сооружения. В качестве наиболее показательного примера можно привести данные по горнорудной и нерудной промышленности: в 2025 (2024) году надзор осуществлялся в отношении 2 752 ОПО, на которых зарегистрировано 3 (4) аварии и 29 (51) несчастных случаев со смертельным исходом [3]. Эти данные показывают, что даже при наличии действующей системы контроля, уровень производственных рисков остается существенным. К основным факторам, порождающим возникновение аварийных ситуаций, относятся неудовлетворительная организация производства работ, недостаточный производственный контроль и нарушения требований технических регламентов, проектной документации.

В 2024-2025 годах нормативная база в области ПБ заметно обновилась. Изменения в Федеральном законе РФ от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» [1] и актуализация ключевых приказов Ростехнадзора повысили требования к документальному сопровождению экспертизы промышленной безопасности (далее – ЭПБ). Согласно пункту 23 Правил проведения экспертизы промышленной безопасности, при ЭПБ устанавливается полнота и достоверность предоставленных заказчиком документов [2]. При этом из-за расхождения нормативных требований к составу и содержанию документации эксперты вынуждены повторно запрашивать документы. В результате затрудняется процесс формирования единой системы исходных данных для комплексной оценки объекта.

Для зданий и сооружений на опасных производственных объектах важны два взаимосвязанных, но не тождественных вида экспертиз:

1) Строительно-техническая экспертиза (СТЭ), направленная на установление технического состояния конструкций, выявление дефектов, определение причин их возникновения и оценку возможности дальнейшей эксплуатации здания и сооружения [4, с. 7];

2) Экспертиза промышленной безопасности (ЭПБ), дополнительно учитывающая технологические риски, обусловленные особенностями производственного процесса, режимами работы оборудования и условиями эксплуатации.

Один и тот же объект может быть признан допустимым с позиции строительных критериев, но сохранять риски с точки зрения ПБ. На практике эти экспертизы зачастую проводятся обособленно, без единой системы увязки данных: сведения о дефектах, полученные при проведении СТЭ не всегда передаются для анализа сценариев аварий в рамках ЭПБ, а технологические факторы, учитываемые при проведении экспертизы промышленной безопасности не всегда отражаются в оценках несущей способности конструкций. Данный факт затрудняет комплексную оценку технического состояния объекта и принятие решений по обеспечению его безопасности.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

В научной литературе значительное число работ посвящено либо самим вопросам ПБ [5, 6, 7], либо методам строительно-технической экспертизы [8, 9]. Исследования, где документация ПБ и результаты ЭПБ рассматривались бы как самостоятельный элемент экспертной базы в контексте зданий и сооружений на ОПО, встречаются реже. В частности П.Э. Пеньковский отмечает, что назрела необходимость формирования нового рода судебной экспертизы – экспертиза охраны труда и техники безопасности [10, с. 74].

Документация промышленной безопасности включает положения о системе управления промышленной безопасностью, документы по производственному контролю, регламенты технического обслуживания и ремонта, акты обследований и испытаний, журналы учета, обоснования безопасности, декларации и материалы мониторинга. Так, документы формируют основу для прослеживаемости решений, принятых на этапах проектирования, строительства и эксплуатации, и позволяют соотнести фактическое состояние здания или сооружения с предъявляемыми к нему требованиями промышленной безопасности.

В рамках экспертизы промышленной безопасности путем анализа материалов по технике безопасности определяется соответствие объекта экспертизы промышленной безопасности требованиям промышленной безопасности и фактического состояния зданий и сооружений на опасных производственных объектах. Именно результаты ЭПБ позволяют связать техническое состояние объекта с его эксплуатационной историей, режимами работы, изменениями нагрузки и реализуемыми мерами по снижению риска.

Для строительно-технической экспертизы необходима структурированность и внутренняя согласованность, исключающая противоречия в датах, параметрах нагрузок и результатах обследований. В связи с этим, заключение ЭПБ выступает основным источником исходных данных об объекте, в которых фиксируются параметры его эксплуатации, результаты освидетельствования и требования к безопасному ведению работ.

Исследование заключения ЭПБ как документа в рамках судебной строительно-технической экспертизы проводится с применением следующих методов: 1) документарного анализа, позволяющего изучить непосредственно заключение ЭПБ, приложений к нему (протоколов испытаний, схем, расчетов), а также проектной и исполнительной документации на объект; 2) инструментального обследования путем проведения повторных или дополнительных измерений на объекте с использованием тех же или более современных методов контроля для проверки данных из заключения ЭПБ; 3) сравнительного анализа, проводимого путем сопоставление данных из заключения ЭПБ с результатами натурного обследования объекта в рамках текущей строительно-технической экспертизы.

Для эксперта, который оценивает техническое состояние здания или сооружения на ОПО, важно, чтобы эти сведения были полными и актуальными. При отсутствии в документации данных, либо они устарели или записаны формально, эксперту приходится опираться на косвенные подтверждения, что усложняет установление причин повреждений и снижает точность его выводов [11 с. 736]. Это означает, что исходная документация при проведении экспертиз носит не вспомогательный, а ключевой характер, поскольку именно на ее основе эксперт формирует исходную модель исследования объекта. При недостаточности, устаревании или полном отсутствии исходных данных возрастает доля экспертных допущений, что снижает точность и обоснованность выводов. Особенно это проявляется в случаях, когда необходимо установить характеристики материалов, грунтовых оснований или других параметров, не поддающихся однозначному определению без документального подтверждения.

Часть аварий зданий и сооружений связана с недостаточной проработкой проектных решений. [12, с. 161]. В этом заключается ограниченность традиционных методов проектирования, основанного на определенных расчетах, которые не всегда в полной мере учитывают вероятностный характер строительных процессов и условий эксплуатации. Источники проектных рисков связаны, прежде всего, с расхождением между расчетной моделью и реальными условиями работы объекта, вариативностью свойств материалов и грунтов. Дополнительную роль играет человеческий фактор, проявляющийся в ошибках интерпретации исходных данных и в чрезмерном упрощении расчетных решений. В теоретических расчетах принимаются идеализированные граничные условия, тогда как в эксплуатации нагрузки, воздействия на характер взаимодействия элементов конструкций нередко оказываются иными. Для ОПО особое значение приобретают динамические воздействия оборудования, вибрации, температурные колебания и другие факторы, которые далеко не всегда могут быть корректно учтены в стандартных расчетных системах.

Выводы

Документация промышленной безопасности является основой для комплексной оценки технического состояния зданий и сооружений на опасных производственных объектах. Ее качество напрямую определяет достоверность результатов как строительно-технической экспертизы, так и экспертизы промышленной без-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

опасности. Улучшение ситуации возможно при внедрении единой информационной платформы для обмена данными строительно-технической экспертизы и экспертизы промышленной безопасности, а также четкой стандартизации требований к документации. Такой подход к анализу строительных и технологических рисков позволит сократить вероятность возникновения аварийных ситуаций, вызванных неполнотой данных или проектными недочетами.

Список источников

1. Федеральный закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 30. Ст. 3904.

2. Приказ Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору от 20.10.2020 г. № 420 (ред. от 04.03.2026) «Об утверждении федеральных норм и правил в области промышленной безопасности «Правила проведения экспертизы промышленной безопасности» // Зарегистрировано в Минюсте России 11.12.2020 № 61391. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370667/ (дата обращения: 11.05.2026)

3. Доклад о правоприменительной практике контрольной (надзорной) деятельности в Федеральной службе по экологическому, технологическому и атомному надзору при осуществлении федерального государственного надзора в области промышленной безопасности за 2025 год // Сайт Ростехнадзора.URL:https://www.gosnadzor.ru/public/lawenforcement/2026/Пр87от20.03.2026.pdf (дата обращения: 11.05.2026)

4. Баранова Е.Ю. Роль строительно-технической экспертизы в обеспечении надежности строений // Инициативы молодых – науке и производству: сборник статей VII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых и студентов. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2024. С. 6 – 9.

5. Кириллов Е.В., Медведев В.М., Сабиров Р.Ф. Проблема охраны труда и промышленная безопасность на опасных производственных объектах // Современное состояние, проблемы и перспективы развития механизации и технического сервиса агропромышленного комплекса. 2019. С. 205 – 211.

6. Ермолаев Д.В. Промышленная безопасность // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2011. № 2-2. С. 108 – 111.

7. Дулуева Р.М., Казибеков, Г.С. Совершенствование методики оценки и организации управления промышленной недвижимостью // Транспортное дело России. 2010. № 6. С. 63 – 67.

8. Кузнецов С.М. и др. Обследование здания в рамках строительно-технической экспертизы // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. 2021. № 3 (58). С. 87 – 95.

9. Чижова Е.П. Судебная строительно-техническая экспертиза // Актуальные проблемы противодействия правонарушениям в сфере строительства и транспорта: материалы III Межкафедральной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 апреля 2016 года. Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью "Межотраслевой научно-издательский и образовательный центр", 2016. С. 142 – 150.

10. Пеньковский П.Э. Актуальные проблемы формирования нового рода судебной экспертизы – экспертизы охраны труда и техники безопасности // Компетентность судебного эксперта: проблемы формирования и оценки: Всероссийский круглый стол, 17 марта 2024 г: сборник научных трудов / сост. Д.С. Гольцев. М: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023. С. 75.

11. Прудилин Д.А. Методические сложности судебной строительно-технической экспертизы // Инициативы молодых – науке и производству: Сборник статей IX Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых и студентов. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2025. С. 735 – 737.

12. Романова Д.С. Обеспечение безопасности, устойчивости и долговечности зданий и сооружений // Охрана труда и техносферная безопасность на объектах промышленности, транспорта и социальных инфраструктур: Сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2025. С. 160 – 163.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

References

1. Federal Law of July 21, 1997 No. 116-FZ "On Industrial Safety of Hazardous Industrial Facilities". Collection of Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 30. Art. 3904.

2. Order of the Federal Service for Environmental, Technological and Nuclear Supervision dated October 20, 2020 No. 420 (as amended on March 4, 2026) "On Approval of Federal Norms and Rules in Industrial Safety "Rules for Conducting Industrial Safety Expertise". Registered with the Ministry of Justice of Russia on December 11, 2020 No. 61391. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370667/ (date of access: 11.05.2026)

3. Report on the Law Enforcement Practice of Control (Supervisory) Activities in the Federal Service for Environmental, Technological and Nuclear Supervision in the Implementation of Federal State Supervision in the Field of Industrial Safety for 2025. Website Rostekhnadzor.URL: https://www.gosnadzor.ru/public/law0enforcement/2026/Pr87ot20.03.2026.pdf (date of access: 11.05.2026)

4. Baranova E.Yu. The Role of Construction and Technical Expertise in Ensuring the Reliability of Buildings. Initiatives of the Young – for Science and Production: A Collection of Articles from the VII All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists and Students. Penza: Penza State Agrarian University, 2024. P. 6 – 9.

5. Kirillov E. V., Medvedev V. M., Sabirov R. F. Occupational Health and Safety at Hazardous Industrial Facilities. Current State, Problems, and Prospects for the Development of Mechanization and Technical Services in the Agro-Industrial Complex. 2019. P. 205 – 211.

6. Ermolaev D.V. Industrial Safety. Bulletin of Tula State University. Economic and Legal Sciences. 2011. No. 2-2. P. 108 – 111.

7. Dulueva R.M., Kazibekov, G.S. Improving the Methodology for Assessing and Organizing Industrial Real Estate Management. Transport Business of Russia. 2010. No. 6. P. 63 – 67.

8. Kuznetsov S.M. et al. Building Inspection as Part of Construction and Technical Expertise. Bulletin of the Siberian State Transport University. 2021. No. 3 (58). P. 87 – 95.

9. Chizhova E.P. Forensic construction and technical expertise. Current issues of combating offenses in the field of construction and transport: materials of the III Interdepartmental scientific and practical conference, St. Petersburg, April 22, 2016. St. Petersburg: Limited Liability Company "Intersectoral Scientific, Publishing and Educational Center", 2016. P. 142 – 150.

10. Penkovsky P.E. Current issues of developing a new type of forensic examination – examination of labor protection and safety. Competence of a forensic expert: issues of formation and assessment: All-Russian round table, March 17, 2024: collection of scientific papers. compiled by D.S. Goltsev. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, 2023. P. 75.

11. Prudilin D.A. Methodological Difficulties of Forensic Construction and Technical Expertise. Initiatives of the Young for Science and Production: Collection of Articles from the IX All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists and Students. Penza: Penza State Agrarian University, 2025. P. 735 – 737.

12. Romanova D.S. Ensuring the Safety, Stability, and Durability of Buildings and Structures. Occupational Health and Safety at Industrial, Transport, and Social Infrastructure Facilities: Collection of Articles from the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Penza: Penza State Agrarian University, 2025. P. 160 – 163.

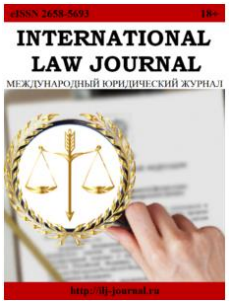
Информация об авторах

Ясакова В.Е., Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, viktoria_yas@mail.ru

Кузбагарова Е.В., кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, elenakuzbagarova@mail.ru

© Ясакова В.Е., Кузбагарова Е.В., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.244
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-101-107

Институт пробации в Российской Федерации: системные дефекты правового регулирования и концептуальные подходы к их преодолению

[1] Середа С.П.,
[1] Вологодский институт права и экономики ФСИН России

Аннотация: *в настоящей статье представлен критический анализ системных дефектов правового регулирования института пробации в Российской Федерации. Исследуются концептуальные противоречия, заложенные в Федеральном законе «О пробации в Российской Федерации», нестыковки его норм с положениями УК РФ и УИК РФ, а также несогласованность, возникшая при определении правовой природы пробации и её места в системе отечественного права. Особое внимание уделяется отсутствию необходимого системного регламентирования пробации в УИК РФ, несмотря на включение в его предмет такой деятельности, как подготовка осуждённых к освобождению и их социальная адаптация. Выявлены пробелы в правовом регулировании, касающиеся правового статуса центров пробации, кадрового обеспечения, межведомственного взаимодействия и стигматизации целевых групп. В статье подробно анализируется соотношение института пробации с институтами освобождения от уголовной ответственности и наказания, обосновывается необходимость разграничения их сфер регулирования. Автором формулируются концептуальные подходы к преодолению выявленных дефектов, предлагаются конкретные меры по гармонизации законодательства. Результаты и выводы исследования могут быть использованы в законотворческой деятельности по совершенствованию норм уголовно-исполнительного законодательства и законодательства о пробации.*

Ключевые слова: *пробация, системные дефекты правового регулирования, уголовно-исполнительное право, ресоциализация, индивидуальная программа, центры пробации, межведомственное взаимодействие, предупреждение рецидива*

Для цитирования: Середа С.П. Институт пробации в Российской Федерации: системные дефекты правового регулирования и концептуальные подходы к их преодолению // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 101 – 107. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-101-107

Поступила в редакцию: 20 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 17 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

Probation institute in the Russian Federation: systemic defects of legal regulation and conceptual approaches to overcoming them

[1] Sereda S.P.,
[1] Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia

Abstract: *this article presents a critical analysis of systemic defects in the legal regulation of the probation institute in the Russian Federation. The article examines the conceptual contradictions inherent in the Federal Law "On Probation in the Russian Federation", the inconsistencies of its norms with the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the inconsistency that arose in determining the legal nature of probation and its place in the system of domestic law. Particular attention is paid to the lack of the necessary systemic regulation of probation in the Penal Correction Code of the Russian*

Federation, despite the inclusion in its subject of such activities as the preparation of convicts for release and their social adaptation. Gaps in legal regulation have been identified regarding the legal status of probation centers, staffing, interagency cooperation, and stigmatization of target groups. The article analyzes in detail the relationship between the probation institution and the institutions of exemption from criminal liability and punishment, justifies the need to differentiate their areas of regulation. The author formulates conceptual approaches to overcoming the identified defects, and suggests specific measures to harmonize legislation. The results and conclusions of the study can be used in law-making activities to improve the norms of penal enforcement legislation and probation legislation.

Keywords: *probation, systemic defects of legal regulation, penal enforcement law, re-socialization, individual program, probation centers, interdepartmental interaction, prevention of recidivism*

For citation: Sereda S.P. Probation institute in the Russian Federation: systemic defects of legal regulation and conceptual approaches to overcoming them. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 101 – 107. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-101-107

The article was submitted: May 20, 2026; Approved after reviewing: June 17, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

Принятие Федерального закона от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее - Закон о пробации) стало важнейшим событием для всей системы уголовной юстиции России. Этот нормативный акт закрепил принципиально новый для отечественной практики институт, направленный на социализацию лиц, вступивших в конфликт с законом. С 1 января 2024 года вступили в силу нормы об исполнительной и пенитенциарной пробации, а с 1 января 2025 года начал действовать третий вид - постпенитенциарная пробация, развивается сеть центров пробации, число которых в настоящее время достигло 115 в 74 субъектах РФ [1].

Несмотря на прогрессивный характер Закона о пробации, его практическая реализация выявила ряд системных дефектов правового регулирования [3], порождающих концептуальную неопределённость, правовые коллизии и правоприменительные трудности [4]. Без решение существующих концептуальных проблем и противоречий в понимании правовой природы и сущности пробации дальнейшее успешное развитие пробации в России может быть затруднено.

Данное исследование направлено на выявление этих дефектов, анализ их причин и разработку концептуальных подходов к их преодолению. Особое внимание уделяется не только пробелам в Законе о пробации, но и его непростой корреляции с положениями Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ) и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее - УИК РФ), что служит методологической основой для формирования единого правового пространства в сфере ресоциализации осуждённых.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составил диалектический метод научного познания, позволивший изучить институт пробации в его динамике и взаимосвязи с иными правовыми явлениями. В работе использовались общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция, системный подход) и частнонаучные методы юридической науки: формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм.

Эмпирическую базу исследования составили: Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» в действующей редакции, УК РФ, УИК РФ, научные публикации по проблематике пробации, а также официальные статистические данные о ходе реализации пробационных мероприятий [1]. В работе критически осмыслены позиции отечественных учёных, таких как И.В. Дворянсков [5; 6], В.А. Уткин [7; 2], А.Я. Гришко [8], Е.В. Ермасов [9; 10], П.В. Тепляшин [4] и др.

Результаты и обсуждения

Анализ Закона о пробации позволяет констатировать, что его концептуальная основа страдает рядом недостатков, которые были отмечены ещё на стадии обсуждения законопроекта. Отсутствие чёткой доктринальной проработки отразилось на законодательном материале. Анализ Закона о пробации позволяет выявить его ключевую концептуальную проблему – внутреннюю противоречивость определений целей и ме-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ста этого института в правовой системе [2]. Как справедливо отмечает В.А. Уткин, закреплённый в ст. 5 Закона глоссарий, содержащий пространные определения ресоциализации и её видов, не способствует ясности правового регулирования, а лишь создаёт видимость наукообразности, подменяя суть явления [2]. Вследствие этого создаётся ситуация, когда правоприменитель не имеет чёткого представления о границах применения пробационных мер, что создаёт риск их произвольного толкования и снижает эффективность всей системы [5].

В значительной степени эта неопределённость усиливается отсутствием в действующей редакции УК РФ и УИК РФ легального определения таких основополагающих понятий, как «уголовная ответственность», «освобождение от уголовной ответственности» и «освобождение от наказания». Эта законодательная лакуна порождает существенные трудности при отграничении пробации от смежных уголовно-правовых институтов. В частности, положения раздела VI УК РФ, а вслед за ним и положения УИК РФ, не содержат ключевых дефиниций, что приводит к неоднозначному пониманию момента возникновения и прекращения уголовной ответственности.

Более того, подобная терминологическая неопределённость создаёт серьёзные препятствия и для отраслевой дифференциации. Дискуссионным остаётся вопрос о том, является ли пробация составной частью, субинститут уголовно-исполнительного права, как предлагает Тепляшин П. В. [4], самостоятельным межотраслевым институтом или даже зачатком новой отрасли – «пробационного права». Как отмечает Е.В. Ермасов, нельзя с определенностью утверждать, что институт пробации является составной частью уголовно-исполнительного законодательства [10]. Постпенитенциарная пробация, в частности, выходит за рамки предмета уголовно-исполнительного права, поскольку регулирует отношения, возникающие после полного отбытия наказания. В то же время, как подчёркивает П.В. Тепляшин, пробация обладает потенциалом для формирования самостоятельной комплексной отрасли – «пробационного права» [4]. Но текущая «размытость» границ между уголовно-исполнительным правом и правом о пробации создаёт серьёзные риски для правоприменителя, который вынужден действовать в условиях высокой степени неопределённости.

Один из наиболее глубинных системных дефектов заключается в отсутствии единого подхода к пониманию и законодательному закреплению целей и задач пробации в УК РФ и УИК РФ. В действующей редакции УИК РФ, несмотря на то, что ст. 1 устанавливает в качестве одной из задач оказание осуждённым помощи в социальной адаптации, а ст. 180 регламентирует подготовку к освобождению, пробация вообще не упоминается и не регламентируется. Нет системного закрепления механизмов этой самой помощи применительно к конкретным видам наказаний.

Возникает ситуация, когда УИК РФ и Закон о пробации регулируют одни и те же отношения (подготовку к освобождению, социальную работу), но без какой-либо иерархии и координации. Особенно ярко этот диссонанс проявляется в сфере освобождения от наказания. В ст. 172 УИК РФ перечислены основания освобождения от отбывания наказания, а раздел VI УИК РФ (главы 21 и 22) в целом регулирует вопросы освобождения от отбывания наказания, помощи осужденным, освобождаемым от отбывания, контроль за ними. Однако в этих статьях вообще не упоминается и не связывается с видами освобождения от наказания, пенитенциарная и иные виды пробации. Более того, в главе 22 УИК РФ, регламентирующей оказание помощи освобождаемым лицам, нет ни слова о центрах пробации, об индивидуальных программах ресоциализации, о взаимодействии с неккоммерческими организациями. Выходит, что УИК РФ «не замечает» существования Закона о пробации, что создаёт серьёзные правовые лакуны и затрудняет правоприменение.

Как отмечается в литературе, складывается парадоксальная ситуация: Закон о пробации восполняет регуляторную недостаточность уголовно-исполнительного права России [10, с. 524]. Однако из этого следует и обратная проблема – уголовно-исполнительное законодательство не синхронизировано с новым федеральным законом, что создаёт риск двойного регулирования одних и тех же процедур. Например, подготовка к освобождению как средство исправления (ст. 9 УИК РФ) и как направление пенитенциарной пробации (ст. 13 Закона о пробации) дублируют друг друга, но их юридическая природа различна, что приводит к путанице в правоприменительной практике [2].

Особенно остро эта проблема проявляется в контексте института освобождения от уголовной ответственности и наказания. Отсутствие в УК РФ и УИК РФ чётких дефиниций «уголовная ответственность», «освобождение от уголовной ответственности» и «освобождение от наказания» ведёт к тому, что нередко и в теории, и на практике, и в статистике смешиваются разные основания и виды освобождения от уголовной ответственности и наказания. Более того, отсутствие чётких дефиниций порождает ошибочное отождествление пробации с освобождением от уголовной ответственности или, что чаще и ближе, с освобождением от наказания. По своей юридической природе это абсолютно разные правовые институты. Освобождение от

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

уголовной ответственности прекращает сам конфликт лица с законом, тогда как пробация предполагает продолжение социального контроля и оказания помощи.

Концептуальные ошибки проявляются и в том, что цели пробации, закреплённые в ч. 1 ст. 4 Закона о пробации («коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация… предупреждение совершения ими новых преступлений»), носят не столько целевой, сколько описательный характер. Как справедливо отмечает В.А. Уткин, по своей сути значимой является лишь последняя цель – предупреждение рецидива, поскольку именно она оправдывает пробацию как специальное средство [7]. Ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, с этой точки зрения, являются не целями, а способами (средствами) достижения конечного результата – несовершения нового преступления. Законодательное смешение целей и средств создаёт методологическую путаницу для правоприменителя.

Кроме этого, в Законе о пробации отсутствует иерархия целей применительно к различным видам пробации. Для пенитенциарной пробации, реализуемой в условиях изоляции, первичной является подготовка к освобождению и коррекция поведения в условиях учреждения. Для исполнительной пробации - обеспечение контроля и содействие в трудовом и бытовом устройстве без разрыва социальных связей. Для постпенитенциарной пробации – преодоление последствий длительной изоляции и реинтеграция в общество. Однако закон не дифференцирует целевые установки по видам пробации, что ведёт к единообразному, а потому малоэффективному применению мер.

Несмотря на прогрессивный характер Закона о пробации, практика его реализации выявила серьёзные проблемы и в части организационного обеспечения. Так, создание центров пробации, призванных стать ключевым элементом инфраструктуры постпенитенциарной пробации, сопряжено с трудностями. Правовой статус этих центров остаётся неопределённым, что препятствует их эффективной интеграции в систему субъектов пробации [11; 9]. Как отмечается в ряде исследований, отсутствие чётких критериев оценки эффективности деятельности центров пробации, а также механизмов их финансирования и кадрового обеспечения, существенно снижает их ресоциализационный потенциал [10; 1].

Кроме того, заявительный характер применения исполнительной и постпенитенциарной пробации при отсутствии действенных механизмов вовлечения целевой группы создаёт риск низкого охвата нуждающихся. Данные, приводимые в некоторых источниках, свидетельствуют о том, что доля обратившихся за пробационной помощью среди потенциально нуждающихся осуждённых невысока [12]. На этом фоне дискутируется предложение о введении принудительной (судебной) пробации для определённых категорий лиц [12], однако подобный подход требует тщательной проработки, чтобы избежать конфликта с гуманистическими принципами и не превратить пробацию в ещё одну карательную меру.

В научной литературе неоднократно подчёркивалось, что реализация пробации требует не только организационной, но и глубокой профессиональной перестройки [13; 3]. Сотрудники уголовно-исполнительных инспекций, традиционно ориентированные на надзор, оказались не готовы к полноценной реализации социально-реабилитационной функции [3, с. 27-28]. Отсутствуют единые стандарты подготовки пробационных работников, а действующие программы повышения квалификации не в полной мере формируют необходимые компетенции в сфере социальной работы и психологии [13, с. 109-111].

В дополнение к этому, межведомственное взаимодействие между ФСИН России, службами занятости, социальной защиты и медицинскими учреждениями остаётся фрагментарным [14]. Отсутствие чётких регламентов обмена информацией и финансовых обязательств между субъектами пробации приводит к тому, что разработанные индивидуальные программы ресоциализации могут остаться нереализованными из-за отказа или невозможности других ведомств предоставить услуги [14, с. 279-283]. Стигматизация бывших осуждённых со стороны общества и неготовность работодателей предоставлять им рабочие места также существенно снижают эффективность пробации [3, с. 28-29].

На основе проведённого анализа представляется возможным сформулировать следующие концептуальные подходы к преодолению выявленных системных дефектов.

Во-первых, необходима легальная дефиниция основополагающих понятий. Целесообразно законодательно закрепить в УК РФ (ст. 8, примечания к ст. 75 и 79) определения «уголовной ответственности», «освобождения от уголовной ответственности» и «освобождения от наказания». Это позволит чётко разграничить эти правовые институты и пробацию, исключив их ошибочное смешение и наделив правоприменителя ясными критериями.

Во-вторых, требуется синхронизация УИК РФ и Закона о пробации. Необходимо внести изменения в УИК РФ, дополнив его самостоятельным разделом (главой) о пенитенциарной и исполнительной пробации, либо, как минимум, корреспондирующие ссылки на Закон о пробации в статьях, регламентирующих соци-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

альную работу с осуждёнными, что поддерживается рядом авторов [10; 15]. Это позволит преодолеть существующий диссонанс и создаст единое правовое поле для реализации мер исправления и ресоциализации.

В-третьих, необходимо преодолеть декларативность положений о центрах пробации. Следует разработать и законодательно закрепить требования к их материально-техническому и кадровому обеспечению, а также установить источники их финансирования (в том числе с участием региональных бюджетов). Также требуется нормативное закрепление механизмов стимулирования работодателей к трудоустройству лиц, охваченных пробацией (налоговые льготы, компенсационные выплаты), на что такжеобращается внимание в литературе [16].

В-четвёртых, требуется реформа кадрового обеспечения. Необходимо разработать профессиональный стандарт «Специалист по пробации» и продолжить внедрение в образовательный процесс ведомственных вузов специализированные программы подготовки для работы в области реализации пробации [13; 3]. Повышение квалификации действующих сотрудников должно быть ориентировано на формирование навыков социального сопровождения и психолого-педагогической работы.

В-пятых, необходима разработка механизмов межведомственной координации. Следует законодательно закрепить обязанность различных ведомств (соцзащиты, здравоохранения, службы занятости) участвовать в реализации индивидуальных программ пробации, а также ответственность за отказ от такого участия.

Выводы

Институт пробации в Российской Федерации находится в стадии активного формирования, что объективно сопряжено с наличием системных дефектов правового регулирования. Основные из них: концептуальная неопределённость легальных дефиниций, диссонанс норм УК РФ, УИК РФ и Закона о пробации, нерешённость вопроса правового статуса центров пробации, а также кадровые, ресурсные и межведомственные барьеры.

Эффективное преодоление этих дефектов возможно лишь на основе комплексного, системного подхода, включающего синхронизацию законодательства, создание полноценной инфраструктуры (включая дальнейшее развитие сети центров пробации), реформирование системы подготовки кадров и налаживание реального межведомственного взаимодействия.

Дальнейшее совершенствование правового регулирования пробации должно быть направлено не только на решение текущих проблем, но и на создание устойчивой, адаптивной системы, способной гибко реагировать на изменяющиеся социальные условия и эффективно решать задачи по коррекции социального поведения, ресоциализации и предупреждению рецидивной преступности. В конечном счёте, успешная институционализация пробации будет способствовать укреплению социальной сплочённости и снижению уровня маргинализации в российском обществе, что соответствует стратегическим целям национального развития России.

Список источников

1. Центры пробации // Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний России. URL: https://fsin.gov.ru/probation/tsentry-probatsii/index.php (дата обращения: 04.05.2026)

2. Уткин В.А. Пенитенциарная пробация // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2025. № 2 (24). С. 103 – 113.

3. Муркштис М.И. Пробация в России: криминологические предпосылки и институциональные вызовы // Образование и право. 2026. № 1. С. 26 – 30.

4. Тепляшин П.В. Пробация как субинститут уголовно-исполнительного права // Вестник Кузбасского института. 2023. № 3 (56). С. 126 – 135.

5. Дворянсков И.В. Концептуальные проблемы целей наказания // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15. № 2 (54). С. 247 – 259. DOI 10.46741/2686- 9764-2021-15-2-247-259

6. Дворянсков И.В. Постпенитенциарная пробация: концептуальные принципы // Пенитенциарная наука. Т. 18. № 2 (66). 2024. С. 179 – 186. doi 10.46741/2686- 9764.2024.66.2.008

7. Уткин В.А. Гражданин как участник пробации // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 1. С. 27 – 36.

8. Гришко А.Я. Пробация: от исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 года к закону о пробации // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2024. № 2 (20). С. 38 – 46.

9. Ермасов Е.В. Нормативно-правовое регулирование деятельности центров пробации // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20 (1-4). № 1. С. 12 – 23.

10. Ермасов Е.В. Пробация в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации: вопросы соотношения сфер правового регулирования // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19 (1-4). № 4. С. 520 – 533.

11. Ольховик Н.В. Правовые и организационные вопросы создания центров пробации: региональный аспект // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право. Материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 2-х ч. Томск, 2025. С. 147 – 152.

12. Злотников С.А., Седнев С.П. Некоторые вопросы реализации Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» // Человек: преступление и наказание. 2026. Т. 34 (1-4). № 1. С. 82 – 87.

13. Кириллова Т.В. Проблемы подготовки кадров для системы пробации: организационно-методический аспект // Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: в 2 т. Рязань: Академия ФСИН России, 2022. Т. 1. С. 108 – 113.

14. Смирнова И.Н., Бычинская И.С. К вопросу об актуальности организационно-правового регулирования правоохранительной деятельности государственных специализированных органов в сфере ресоциализации осужденных // Инновации в науке и практике: сборник научных статей по материалам XV Международной научно-практической конференции. Уфа, 2024. С. 279 – 283.

15. Скиба А.П. Современное состояние и перспективы функционирования исправительных центров и центров пробации // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21 (1-4). № 1. С. 12 – 21.

16. Геращенко О.М., Капралова Н.Н. Институт пробации в Российской Федерации в контексте межведомственного взаимодействия // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2025. № 2. С. 22 – 29.

References

1. Probation Centers. Official Website of the Federal Penitentiary Service of Russia. URL: https://fsin.gov.ru/probation/tsentry-probatsii/index.php (date of access: 04.05.2026)

2. Utkin V.A. Penitentiary Probation. Bulletin of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2025. No. 2 (24). P. 103 – 113.

3. Murkshtis M.I. Probation in Russia: Criminological Prerequisites and Institutional Challenges. Education and Law. 2026. No. 1. P. 26 – 30.

4. Teplyashin P.V. Probation as a Sub-Institute of Criminal-Executive Law. Bulletin of the Kuzbass Institute. 2023. No. 3 (56). P. 126 – 135.

5. Dvoryanskov I.V. Conceptual Problems of the Purposes of Punishment. Penitentiary Science. 2021. Vol. 15. No. 2 (54). P. 247 – 259. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-247-259

6. Dvoryanskov I. V. Post-Penitentiary Probation: Conceptual Principles. Penitentiary Science. Vol. 18. No. 2 (66). 2024. P. 179 – 186. doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.008

7. Utkin V.A. Citizen as a Participant in Probation. Journal of Russian Law. 2025. Vol. 29. No. 1. P. 27 – 36.

8. Grishko A.Ya. Probation: from the Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924 to the Law on Probation. Bulletin of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2024. No. 2 (20). P. 38 – 46.

9. Ermasov E.V. Normative and legal regulation of the activities of probation centers. Criminal-executive law. 2025. Vol. 20 (1-4). No. 1. P. 12 – 23.

10. Ermasov E.V. Probation in the criminal-executive legislation of the Russian Federation: issues of the relationship between the spheres of legal regulation. Criminal-executive law. 2024. Vol. 19 (1-4). № 4. P. 520 – 533.

11. Olkhovik N.V. Legal and organizational issues of the creation of probation centers: regional aspect. Criminal-executive system: pedagogy, psychology and law. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference: in 2 parts. Tomsk, 2025. P. 147 – 152.

12. Zlotnikov S.A., Sednev S.P. Some issues of the implementation of the Federal Law "On Probation in the Russian Federation". Man: Crime and Punishment. 2026. Vol. 34 (1-4). № 1. P. 82 – 87.

13. Kirillova T.V. Problems of training personnel for the probation system: organizational and methodological aspect. The criminal-executive system at the present stage taking into account the implementation of the Concept for the development of the criminal-executive system of the Russian Federation for the period up to 2030: in 2 volumes. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2022. Vol. 1. P. 108 – 113.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

14. Smirnova I.N., Bychinskaya I.S. On the issue of the relevance of organizational and legal regulation of law enforcement activities of state specialized bodies in the field of resocialization of convicts. Innovations in science and practice: collection of scientific articles based on the materials of the XV International scientific and practical conference. Ufa, 2024. P. 279 – 283.

15. Skiba A.P. Current state and prospects for the functioning of correctional centers and probation centers. Criminal-executive law. 2026. Vol. 21 (1-4). No. 1. P. 12 – 21.

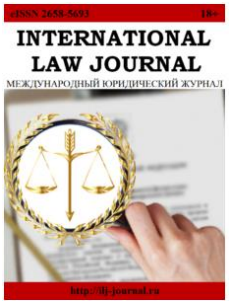
16. Gerashchenko O.M., Kapralova N.N. The Institute of Probation in the Russian Federation in the Context of Interdepartmental Cooperation. Bulletin of the Criminal Executive System. 2025. No. 2. P. 22 – 29.

Информация об авторе

Середа С.П., доцент, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, sta-sereda2006@yandex.ru

© Середа С.П., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.8
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-108-114

Кодификация международного космического права как ответ на вызовы фрагментации правопорядка: сравнительно-правовой анализ и перспективы развития

[1] Швец А.В., [1] Швец И.А.,
[1] Амурский государственный университет

Аннотация: *в основе статьи – анализ изменений национального законодательства ведущих космических держав и политических деклараций (Соглашения Артемиды) для выявления тенденций правового регулирования космической деятельности. Рассматривается коллизия между односторонними подходами к присвоению ресурсов и принципами Договора по космосу 1967 года. Проведено отграничение допустимого извлечения ресурсов от запрещённого присвоения небесных тел. Исследованы последние нормативные изменения, включая законы США, Люксембурга и ОАЭ, а также контрпредложения России и Китая. На основе открытых данных (рост числа спутников и мусора) проанализирована динамика правовых рисков. Практическая значимость – обоснование необходимости кодификации международного космического права; выводы могут быть использованы при разработке национальных инициатив, в образовательных программах и при международных переговорах для сохранения космоса как общего достояния.*

Ключевые слова*: международное космическое право, кодификация, космические ресурсы, Соглашения Артемиды, фрагментация, управление космическим движением, демилитаризация*

Для цитирования: Швец А.В., Швец И.А. Кодификация международного космического права в условиях фрагментации правопорядка: вызовы и перспективы // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 108 – 114. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-108-114

Поступила в редакцию: 21 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 18 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

Codification of International Space Law as a response to the challenges of fragmentation of the rule of law: comparative legal analysis and development prospects

[1] Shvets A.V., [1] Shvets I.A.,
[1] Amur State University

Abstract: *the article analyzes changes in the national legislation of the leading space-faring countries and political declarations (the Artemis Accords) to identify trends in the legal regulation of space activities. It examines the conflict between unilateral approaches to resource appropriation and the principles of the 1967 Outer Space Treaty. The article distinguishes between permissible resource extraction and prohibits appropriation of celestial bodies. It explores recent regulatory changes, including laws in the United States, Luxembourg, and the United Arab Emirates, as well as counterproposals from Russia and China. Based on open data (the growth of the number of satellites and debris), the dynamics of legal risks are analyzed. The practical significance is the justification of the need to codify international space law; the findings can be used in the development of national initiatives, educational programs, and international negotiations to preserve space as a common heritage.*

Keywords: *International Space Law, codification, space resources, the Artemis Accords, fragmentation, space traffic management, demilitarization*

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

For citation: Shvets A.V., Shvets I.A. Codification of International Space Law as a response to the challenges of fragmentation of the rule of law: comparative legal analysis and development prospects. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 108 – 114. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-108-114

The article was submitted: May 21, 2026; Approved after reviewing: June 18, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

На протяжении нескольких десятилетий околоземное пространство переставало быть лишь эмблемой научно-технического прогресса и превратилось в арену экономических интересов, стратегического планирования и военного соперничества. Эта трансформация, порожденная технологическими революциями и перегруппировкой геополитических сил, поставила перед международным правом вызовы, по масштабу сравнимые с теми, что стояли при становлении нормативной базы Мирового океана. Однако если Конвенция ООН по морскому праву 1982 года оказалась успешным примером систематизации, то международное космическое право, сложившееся еще в 60-х годах прошлого века, сегодня переживает затяжной институциональный и доктринальный разлад.

Цель исследования – разработка и обоснование предложений по системной кодификации международного космического права как средства преодоления фрагментации правопорядка и повышения эффективности правового регулирования космической деятельности.

Задачи – провести теоретический анализ доктринальных подходов к отраслевой принадлежности и системообразующим признакам космического права; осуществить анализ коллизий между международными договорами и национальными законодательствами ведущих космических держав; исследовать ключевые проблемные блоки правового регулирования, разработать и обосновать практические рекомендации по системной кодификации международного космического права.

Гипотеза – уровень эффективности и предсказуемости международно-правового регулирования космической деятельности будет выше, если будет осуществлена кодификация действующих норм и принципов, что позволит преодолеть фрагментацию правопорядка, снизить риски односторонних действий государств и обеспечить сохранение космоса как общего достояния человечества.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: сравнительный анализ, синтез, аналогия, индукция, дедукция, моделирование, системно-структурный подход. Эмпирические методы включали анализ международных и национальных нормативных правовых актов, доктринальных источников, официальных документов международных организаций, материалов судебной практики, а также статистических данных о состоянии космической деятельности. Проведён сравнительный анализ положений международных договоров и национальных законодательств, выявлены коллизии и пробелы правового регулирования, установлены зависимости между правовыми подходами отдельных государств и уровнем фрагментации правопорядка.

Эмпирическая база исследования: международные договоры, национальные законодательные акты, научная и правовая литература, официальные документы ООН и профильных международных организаций, судебная практика, статистические отчёты.

Результаты и обсуждения

Всё большее число исследователей обосновывают самостоятельность космического права как отрасли, обладающей собственными системообразующими признаками. К таковым относятся: специфический предмет правового регулирования, охватывающий общественные отношения, возникающие в связи с исследованием и использованием космического пространства и небесных тел, включая не только деятельность в самом космосе, но и подготовительные наземные операции, управление космическими объектами и возвращение их на Землю; особый понятийный аппарат, оперирующий категориями «космическое пространство», «космический объект», «космический мусор», «астронавт», «небесное тело», которые либо не имеют аналогов в других отраслях, либо наполняются в космическом контексте уникальным содержанием; формирование собственной системы специальных принципов, закреплённых в Договоре по космосу 1967 года и последующих соглашениях, включая принцип свободы исследования и использования космоса на благо всех стран, принцип неприсвоения космического пространства и небесных тел, принцип частичной демилитаризации Луны и других небесных тел, принцип международной ответственности государств за

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

национальную космическую деятельность, включая деятельность частных компаний, принцип содействия международному сотрудничеству и взаимопомощи; а также сложившийся двухуровневый массив источников, включающий как фундаментальные международные договоры, так и активно развивающееся национальное законодательство космических держав [8]. Вместе с тем, отличительная черта космического права состоит в том, что его предписания, изначально производные от общего международного права в силу глобального характера внеземной деятельности, по мере усиления частного сектора, перехода отрасли на коммерческие рельсы и возникновения замыслов по формированию постоянных лунных и марсианских баз трансформировались в обособленную регуляторную систему, способную гибко регламентировать отношения, не имеющие земных аналогов [7]. Эта особенность порождает дополнительные трудности, поскольку бинарная конструкция – когда на глобальном уровне закрепляются рамочные начала, а внутригосударственные правопорядки наполняют их конкретикой (регулируя выдачу разрешений, вопросы защиты и права владения) – закономерно оборачивается коллизиями в ситуациях, когда национальные законы вступают в противоречие с международными обязательствами державы.

Указанное расхождение наиболее сильно проявляется в дискуссии о правовом режиме внеземных ресурсов, которая стала главным барьером на пути формирования современного космического правопорядка. Статья II Договора по космосу содержит безусловный запрет на огосударствление космического пространства и небесных тел [1]. Однако, как свидетельствуют теоретические споры и реальная практика государств, данная формулировка является настолько общей, что открывает простор для полярных, а то и взаимоисключающих трактовок. Приверженцы широкого толкования, опираясь на системный анализ Договора, его подготовительные материалы и пункт 3 статьи 11 Соглашения о Луне 1979 года, который прямо запрещает превращение природных ресурсов Луны в собственность любого государства, организации или физического лица, настаивают на том, что запрет распространяется и на ресурсы, а также на действия частных лиц [2]. Однако эта позиция не является общепризнанной, поскольку Соглашение о Луне, насчитывающее лишь 18 участников, не рассматривается как выражающее обычную норму. Противоположный подход, которого придерживаются США, Люксембург и ряд других стран, исходит из буквального толкования, разграничивая «небесные тела» как пространство и «космические ресурсы» как объекты, которые могут быть извлечены и присвоены. Этот подход опирается на доктрину «res nullius» (то есть вещи никому не принадлежащие), согласно которой бесхозяйное имущество становится объектом права собственности лица, первым осуществившего его извлечение, что, впрочем, не имеет прямого признания в международном праве и оспаривается многими государствами.

Не имея возможности добиться единообразного толкования на универсальном уровне, ряд государств предприняли односторонние шаги, создав тем самым прецедент, который, с одной стороны, заполняет правовой вакуум, а с другой – подрывает универсальность международного космического права и создаёт благоприятную почву для международных споров. США в 2015 году приняли Закон о конкурентоспособности коммерческих космических запусков (U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act), раздел 513 которого прямо наделяет граждан США правом владеть, использовать, продавать и иным образом распоряжаться любыми извлечёнными космическими ресурсами, включая воду и минералы, с формальной оговоркой, что это не означает установления суверенитета [3]. Люксембург в 2017 году пошёл ещё дальше, приняв Закон об исследовании и использовании космических ресурсов, в первой статье которого прямо указано, что космические ресурсы могут быть присвоены при условии, что деятельность осуществляется в соответствии с международным правом [4]. Объединённые Арабские Эмираты в 2019 году приняли Федеральный закон о регулировании космического сектора, наделяющий Совет министров полномочием определять условия выдачи разрешений на использование ресурсов, включая права владения, продажи и транспортировки [5]. Кульминацией этой тенденции стало подписание в октябре 2020 года Соглашений Артемиды – политической декларации, разработанной под эгидой NASA и к настоящему времени подписанной почти пятьюдесятью странами, включая большинство западных союзников США [6]. Хотя этот документ формально не является международным договором и не имеет обязательной юридической силы, он представляет собой политически значимый свод принципов, которые участники обязуются применять в своей лунной деятельности. Соглашения «Артемида» не просто фиксируют право на извлечение и применение внеземных ресурсов – они также предусматривают понятие «охранных зон», то есть участков, где стороны обязуются информировать друг друга о проводимых операциях и синхронизировать действия, чтобы исключить вредоносные помехи.

Вторым крупным узлом проблем, требующих безотлагательного законодательного регулирования, остаётся контроль за космическим трафиком. Стремительное умножение числа объектов на орбите – как работающих аппаратов, так и обломков – создаёт подлинную угрозу столкновений. Согласно сведениям Коми-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

тета ООН по мирному использованию космоса, сейчас вблизи Земли отслеживается около 40 500 объектов крупнее 10 см, более 1,1 млн частиц размером от 1 до 10 см и порядка 130 млн микрофрагментов от 1 мм до 1 см [11]. При этом с 1998 года Международная космическая станция уже осуществила свыше 40 манёвров уклонения от мусора, что наглядно свидетельствует об остроте проблемы. Тем не менее существующее международное космическое законодательство не предлагает полноценного правового инструментария для упорядочения перемещения космических аппаратов. Основные договоры – Договор по космосу и Конвенция о регистрации 1975 года – возлагают на государства обязанности по регистрации космических объектов, но не обязывают их уведомлять другие государства о планируемых изменениях орбитальных параметров, маневрах или завершении срока службы. Единственным международным органом, осуществляющим регулирование в этой сфере, является Международный союз электросвязи (ITU), который распределяет радиочастотный спектр и позиции на геостационарной орбите, однако его мандат ограничен «статическими» вопросами и не охватывает физическое движение спутников и предотвращение столкновений. Ни один из существующих актов – ни договорного, ни рекомендательного характера – не являет собой даже начальный вариант потенциального комплексного международно-правового документа по управлению космическим движением.

Не менее острой является проблема милитаризации космоса и использования систем искусственного интеллекта в военных целях. Различие между военным и гражданским использованием космических технологий становится всё более размытым. Спутники связи и дистанционного зондирования, изначально разработанные для гражданских нужд, легко перепрофилируются для военной разведки, целеуказания и управления вооружёнными силами. В то же время статья IV Договора о космосе, хотя и запрещает размещение ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения на орбите, оставляет широкие возможности для развертывания обычных вооружений, систем радиоэлектронной борьбы и противоспутниковых средств. Более того, отсутствие общепринятого определения термина «космическое оружие» и критериев его классификации делает эффективный контроль над вооружениями в космосе практически невозможным [12]. Искусственный интеллект, как технология двойного назначения, усугубляет эту неопределенность, поскольку системы ИИ могут использоваться как для защиты космической инфраструктуры (обнаружение и обход космического мусора, оптимизация орбит), так и для наступательных операций (автономное наведение на вражеские спутники, подавление сигналов, кибератаки). Автономный характер систем ИИ представляет собой особую правовую проблему: способность принимать решения без участия человека ставит под сомнение традиционные концепции ответственности, основанные на вине и государственном контроле [9].

Налоговый аспект вносит существенные сложности в деятельность российских космических предприятий. Даже при жестком государственном регулировании в этой сфере сохраняется правовая и фискальная неопределенность для некоторых типов организаций. В частности, такие структуры, как Институт космической политики и Консорциум по космической науке и образованию, функционирующие как некоммерческие исследовательские учреждения, до сих пор не имеют закрепленных юридических форм, что порождает неясности с их бюджетным обеспечением и налоговыми обязательствами [10]. С другой стороны, Налоговый кодекс РФ устанавливает послабления: освобождение от налога на имущество в отношении космических объектов и обнуление НДС при реализации товаров, услуг и работ в данной области. Эти преференции, хотя и направлены на развитие сектора, оборачиваются существенным недополучением средств казной, что особенно болезненно в периоды бюджетного дефицита. Параллельно с этим резиденты ОЭЗ (например, «Технополис Москва») пользуются еще более выгодными условиями – они полностью избавлены от налогов на имущество, транспорт и землю, а налог на прибыль для них снижен до 2%. Подобная градация условий ведет к дисбалансу среди игроков космической отрасли и создает почву для злоупотреблений. Отдельную остроту приобретает и вопрос налогообложения будущей добычи внеземных ресурсов, который может стать крайне актуальным в ближайшей перспективе. Договор о космосе напрямую не регулирует этот вопрос, а национальные законы, признающие право частных субъектов на добычу ресурсов, не определяют механизм налогообложения такой деятельности. Как справедливо отмечают авторы, отсутствие международно признанного механизма налогообложения создает риск того, что добыча ресурсов будет осуществляться в юрисдикциях с наиболее благоприятными налоговыми режимами, что приведет к «гонке на дно» в области налоговых ставок и ослаблению надзора, а также лишит международное сообщество возможности получить справедливую долю выгод от использования общего наследия человечества. Таким образом, правовое регулирование налогообложения в космическом секторе должно стать неотъемлемой частью будущей кодификации, обеспечивающей баланс между стимулированием инвестиций и справедливым распределением выгод.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

В свете изложенных выше проблем естественным образом возникает вопрос о возможных путях правовой реформы. Очевидно, что фрагментарные меры – такие как принятие новых резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, разработка руководящих принципов и заключение региональных соглашений – могут иметь лишь временный и частичный эффект, не устраняя при этом лежащих в основе противоречий. Коренная причина кризиса заключается в несоответствии договорных рамок новым технологическим и экономическим реалиям, а также в отсутствии эффективных институциональных механизмов урегулирования споров и контроля за соблюдением норм. В связи с этим в юридической науке всё чаще раздаются призывы к проведению всеобъемлющей кодификации международного космического права по образцу Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 года.

Кодификация способна решить несколько взаимосвязанных задач: во-первых, устранить правовую неопределённость путём чёткой фиксации границы космического пространства (например, установление высотного предела в 100 км – линии Кармана – или разработка функционального критерия), правового статуса геостационарной орбиты, точек либрации, правил управления космическим движением; во-вторых, создать единые стандарты для извлечения космических ресурсов, закрепив право на их использование при одновременной обязанности справедливого распределения выгод, особенно в интересах развивающихся государств; в-третьих, институционализировать механизмы координации и контроля – например, создать Международный орган по космическим ресурсам по аналогии с Международным органом по морскому дну, который выдавал бы лицензии на разведку и добычу, взимал бы платежи и обеспечивал соблюдение экологических и технических стандартов; в-четвёртых, включить положения о демилитаризации космоса, запрете на размещение любого оружия на орбитах и небесных телах, что развивало бы и дополняло статью IV Договора по космосу; в-пятых, создать обязательную систему разрешения споров, включая арбитраж и обращение в Международный Суд, что восполнило бы существующий пробел, поскольку ни один из действующих договоров не предусматривает эффективного механизма принудительного разрешения конфликтов [13]. При этом важно подчеркнуть, что кодификация не должна означать разрыва с существующей системой; напротив, она должна обеспечивать преемственность и дальнейшее развитие базовых принципов Договора 1967 года, адаптируя их к современным вызовам. Соглашение о Луне 1979 года, несмотря на малое число участников, содержит детальные положения о режиме небесных тел, которые могут быть творчески переработаны и включены в новый кодифицирующий акт. Таким образом, кодификация представляет собой не революционный, а эволюционный процесс систематизации и прогрессивного развития права, закреплённый в статье 13 Устава ООН как одна из целей Генеральной Ассамблеи.

Выводы

Кодификация международного космического права не является бессмысленной утопией, но представляет собой сложный, исторически обусловленный и политически обусловленный процесс, который, при всей его трудности и неопределённости, остаётся единственной альтернативой дальнейшей деградации правового порядка в космосе. Отказ от системных усилий по кодификации приведёт к тому, что фрагментация усилится, односторонние действия станут нормой, а космическое пространство превратится в арену конфликтов, где право будет заменено силой, что противоречит не только букве и духу Договора по космосу, но и долгосрочным интересам всего человечества. Поэтому, несмотря на объективные препятствия, работа над кодификацией должна продолжаться на всех доступных уровнях – от научных дискуссий до межправительственных переговоров, от национальных законодательных инициатив до многосторонних конвенций. Только такой комплексный, многоуровневый подход способен постепенно, шаг за шагом, создать ту правовую архитектуру, которая сможет обеспечить устойчивое, безопасное и справедливое использование космического пространства на благо нынешних и будущих поколений. При этом ключевая роль здесь принадлежит именно правовой науке, которая должна не только фиксировать существующие коллизии, но и предлагать конкретные, юридически проработанные модели их разрешения, учитывающие как международный опыт, так и национальные интересы, включая интересы Российской Федерации в сохранении своего статуса ведущей космической державы.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Список источников

1. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела: принят Резолюцией № 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 19 декабря 1966 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 26.04.2026)

2. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах: [принято резолюцией 34/68 Генеральной Ассамблеи ООН 5 декабря 1979 г.; вступило в силу 11июля 1984 г.] // Организация Объединенных Наций: офиц. сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/moon_agreement.shtml (дата обращения: 12.04.2026)

3. U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act of 2015: Public Law 114–90, 25 November 2015. URL: https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/2262/text (дата обращения: 12.05.2026)

4. Loi du 20 juillet 2017 sur l'exploration et l'utilisation des ressources de l'espace // Legilux: Portail officiel de la législation luxembourgeoise. URL: http://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2017/07/20/a674/jo (дата обращения: 26.04.2026)

5. United Arab Emirates Federal Law No. (12) of 2019 on the Regulation of the Space Sector // UAE Space Agency: офиц. сайт. URL: https://space.gov.ae/Documents/PublicationPDFFiles/SpaceSectorFederalLaw_EN.pdf (дата обращения: 26.04.2026)

6. Artemis Accords: Principles for Cooperation in Civil Exploration and Use of the Moon, Mars, Comets, and Asteroids for Peaceful Purposes: [signed on October 13, 2020] // NASA: офиц. сайт. URL: https://www.nasa.gov/specials/artemis-accords/index.html (дата обращения:26.04.2026)

7. Алешин Р.Г., Пацук О.В. Особенности развития отрасли международного космического права // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2022. № 3. С. 686 – 688.

8. Ветров К. А. Космическое право как самостоятельная отрасль современной системы права: теоретико-правовой анализ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2026. № 2-2 (113). С. 276 – 281. DOI 10.24412/2500-1000-2026-2-2-276-281

9. Коскина А. Искусственный интеллект и международное космическое право: вызовы двойного назначения // Journal of Digital Technologies and Law. 2026. Т. 4. № 1. С. 98 – 124. DOI 10.21202/jdtl.2026.5

10. Мошкова Д.М., Горлова Е.Н. Налогово-правовой статус субъектов, осуществляющих космическую деятельность // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 8 (96). С. 69 – 75. DOI 10.17803/2311-5998.2022.96.8.069-075

11. Мунтян М.Е. Международно-правовые аспекты управления космическим движением // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 2 (68). С. 277 – 302. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-68-277-302

12. Плакса В.Н. «Космическое право» и «военно-космическое право»: содержание и сопоставление понятий // Вестник военного права. 2025. № 4. С. 25 – 30.

13. Савельева Н.В. Кодификация для прогрессивного развития международного космического права при активном участии Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2024. Т. 17. № 4. С. 490 – 512. DOI 10.21638/spbu06.2024.406

References

1. Treaty on Principles Governing the Activities of States in the Exploration and Use of Outer Space, including the Moon and Other Celestial Bodies: adopted by UN General Assembly Resolution 2222 (XXI) of 19 December 1966. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (accessed: 26.04.2026)

2. Agreement Governing the Activities of States on the Moon and Other Celestial Bodies: [adopted by UN General Assembly resolution 34/68 on 5 December 1979; entered into force on 11 July 1984]. United Nations: official website. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/moon_agreement.shtml (date of access: 12.04.2026)

3. U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act of 2015: Public Law 114–90, November 25, 2015. URL: https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/2262/text (date of access: 12.05.2026)

4. Loi du 20 juillet 2017 sur l'exploration et l'utilisation des ressources de l'espace. Legilux: Portail officiel de la législation luxembourgeoise. URL: http://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2017/07/20/a674/jo (date of access: 26.04.2026)

5. United Arab Emirates Federal Law No. (12) of 2019 on the Regulation of the Space Sector. UAE Space Agency: official website. URL: https://space.gov.ae/Documents/PublicationPDFFiles/SpaceSectorFederalLaw_EN.pdf (date of access: 26.04.2026)

6. Artemis Accords: Principles for Cooperation in Civil Exploration and Use of the Moon, Mars, Comets, and Asteroids for Peaceful Purposes: [signed on October 13, 2020]. NASA: official website. URL: https://www.nasa.gov/specials/artemis-accords/index.html (date accessed: 26.04.2026)

7. Aleshin R.G., Patsuk O.V. Features of the development of the branch of international space law. Actual problems of aviation and cosmonautics. 2022. No. 3. P. 686 – 688.

8. Vetrov K.A. Space law as an independent branch of the modern legal system: theoretical-legal analysis. International journal of humanitarian and natural sciences. 2026. No. 2-2 (113). P. 276 – 281. DOI 10.24412/2500-1000-2026-2-2-276-281

9. Koskina A. Artificial intelligence and international space law: dual-use challenges. Journal of Digital Technologies and Law. 2026. Vol. 4. No. 1. P. 98 – 124. DOI 10.21202/jdtl.2026.5

10. Moshkova D.M., Gorlova E.N. Tax and legal status of entities carrying out space activities. Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2022. No. 8 (96). P. 69 – 75. DOI 10.17803/2311-5998.2022.96.8.069-075

11. Muntyan M.E. International legal aspects of space traffic management. Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2025. Issue 2 (68). P. 277 – 302. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-68-277-302

12. Plaksa V.N. “Space Law” and “Military Space Law”: Content and Comparison of Concepts. Bulletin of Military Law. 2025. No. 4. P. 25 – 30.

13. Savelyeva N.V. Codification for the Progressive Development of International Space Law with the Active Participation of the Russian Federation. Bulletin of St. Petersburg University. International Relations. 2024. Vol. 17. No. 4. P. 490 – 512. DOI 10.21638/spbu06.2024.406

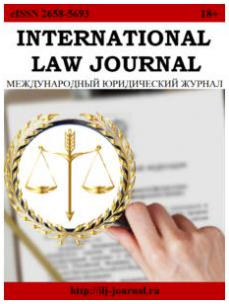
Информация об авторах

Швец А.В., кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана по научной работе юридического факультета, Амурский государственный университет, 675028, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, д. 21, shvetssasha@mail.ru

Швец И.А., Амурский государственный университет, 675028, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, д. 21, shvetsivan2602@mail.ru

© Швец А.В., Швец И.А., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.921.33
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-115-121

Противодействие злоупотреблениям кредиторов как способ защиты законных интересов должника в деле о банкротстве

[1] Глотов И.Д.,
[1] Международный институт информатизации и государственного управления им. П.А. Столыпина

Аннотация: *статья посвящена исследованию механизмов противодействия злоупотреблениям со стороны кредиторов как способу защиты законных интересов должника в деле о несостоятельности (банкротстве). В работе обосновывается необходимость рассмотрения должника в качестве автономной процессуальной фигуры, обладающей собственным правовым инструментарием, не зависящим от деятельности арбитражного управляющего. Автором выявлены и систематизированы три основные формы злоупотреблений кредиторов: инициирование дела о банкротстве на основании искусственно созданной задолженности, установление контроля над процедурой путем размывания голосующего большинства и принуждение должника к совершению экономически необоснованных сделок в преддверии банкротства.*

Проведен комплексный анализ доступных должнику средств правовой защиты, включая процессуальный механизм возражений против требований кредиторов с применением повышенного стандарта доказывания, институт субординации требований аффилированных лиц, а также материально-правовые основания для самостоятельного оспаривания ничтожных сделок по общегражданским основаниям. Особое внимание уделено правовым позициям Верховного Суда Российской Федерации, сформированным в тематических обзорах судебной практики и определениях Судебной коллегии по экономическим спорам. Выявлены ключевые проблемы реализации защитных механизмов, включая информационную асимметрию, коллизию интересов должника-гражданина и должника-юридического лица, а также соотношение общегражданского и специального банкротного режимов оспаривания сделок. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства о несостоятельности и правоприменительной практики в исследуемой сфере.

Ключевые слова: *несостоятельность, банкротство, злоупотребление правом, должник, кредитор, защита интересов должника, возражения против требований кредиторов*

Для цитирования: Глотов И.Д. Противодействие злоупотреблениям кредиторов как способ защиты законных интересов должника в деле о банкротстве // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 115 – 121. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-115-121

Поступила в редакцию: 21 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 18 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Countering creditors' abuses as a means of protecting the legitimate interests of the debtor in bankruptcy proceedings

[1] Glotov I.D.,
[1] Stolypin International Institute of Informatization and Public Administration

Abstract: *this article is devoted to the study of mechanisms for countering abuse by creditors as a way to protect the legitimate interests of the debtor in an insolvency (bankruptcy) case. The paper substantiates the need to consider the debtor as an autonomous procedural figure with its own legal instruments independent of the activities of the arbitration administrator. The author identifies and systematizes three main forms of creditor abuse: initiating bankruptcy proceedings on the basis of artificially created debt, establishing control over the procedure by diluting the voting majority, and forcing the debtor to make economically unjustified transactions on the eve of bankruptcy.*

A comprehensive analysis of the remedies available to the debtor has been carried out, including the procedural mechanism of objections to creditors' claims using an increased standard of proof, the institution of subordination of claims of affiliated persons, as well as the substantive grounds for independently challenging void transactions on civil grounds. Special attention is paid to the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation, formed in thematic reviews of judicial practice and definitions of the Judicial Board on Economic Disputes. The key problems of implementing protective mechanisms have been identified, including information asymmetry, conflict of interests between the debtor-citizen and the debtor-legal entity, as well as the ratio of civil and special bankruptcy regimes for challenging transactions. Proposals have been formulated to improve insolvency legislation and law enforcement practice in the field under study.

Keywords: *insolvency, bankruptcy, abuse of law, debtor, creditor, protection of debtor's interests, objections to creditors' claims*

For citation: Glotov I.D. Countering creditors' abuses as a means of protecting the legitimate interests of the debtor in bankruptcy proceedings. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 115 – 121. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-115-121

The article was submitted: May 21, 2026; Approved after reviewing: June 18, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

Развитие законодательства о несостоятельности (банкротстве) в Российской Федерации (далее – России) на современном этапе общественного развития характеризуется последовательным расширением гарантий прав всех участников процесса. Так, если на начальных этапах становления рыночной экономики правовая охрана была направлена преимущественно на защиту прав кредиторов от недобросовестных действий должника, то в настоящее время правоприменительная практика все чаще сталкивается с обратной ситуацией, когда институт банкротства используется в качестве инструмента недружественного поглощения, передела собственности или необоснованного экономического давления на хозяйствующего субъекта. Данная проблема приобретает особую актуальность в условиях, когда мажоритарные кредиторы, действуя формально в рамках предоставленных им законом прав, преследуют цели, связанные не с соразмерным удовлетворением требований, а направленные на установление полного контроля над имущественной массой должника. В указанных условиях возникает необходимость в теоретическом осмыслении и систематизации правовых средств, позволяющих самому должнику эффективно противостоять таким злоупотреблениям.

В отечественной правовой литературе вопросы защиты прав кредиторов традиционно получают более глубокое освещение, нежели проблемы защиты интересов должника. Значительный вклад в разработку теории несостоятельности в части защиты прав и интересов участников правоотношений в сфере банкротства внесли такие ученые, как С.А. Карелина [4, 5], Е.Д. Суворов [3, 6], Т.П. Шишмарева [7] и другие. Однако комплексного исследования, посвященного автономным средствам защиты должника, реализуемых без участия арбитражного управляющего, до настоящего времени не проводилось.

Цель данного исследования заключается в выявлении и комплексном анализе способов противодействия злоупотреблениям кредиторов, доступных должнику в деле о банкротстве. Из предмета анализа сознательно исключена фигура арбитражного управляющего. Данное ограничение обусловлено необходимостью исследовать должника как автономную процессуальную фигуру, обладающую собственным правовым инструментарием для защиты своего законного имущественного интереса, который по своему содержанию и

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

направленности не тождественен публично-правовой функции управляющего по формированию конкурсной массы и расчетам с кредиторами. Более того, интерес должника нередко вступает в противоречие с позицией управляющего, аффилированного с мажоритарным кредитором, что обусловливает потребность в самостоятельных средствах защиты.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу работы составляет диалектический подход к правовым явлениям, предполагающий их изучение в развитии и взаимосвязи. В процессе исследования использованы общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также системно-структурный метод. Специально-юридические методы включают формально-догматический метод (толкование норм ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1], положений Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)) [2], метод сравнительного правоведения и метод правового моделирования.

Теоретическая база исследования опирается на фундаментальные труды по конкурсному праву и проблемам злоупотребления гражданскими правами. Использованы работы, посвященные правовой природе несостоятельности, механизмам защиты прав участников конкурсного процесса, а также исследования, раскрывающие сущность института субординации требований. Эмпирическую основу составили правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), сформулированные в определениях Судебной коллегии по экономическим спорам и тематических обзорах судебной практики за 2020-2024 годы [8, 9, 10]. Анализ указанных источников позволил выявить устойчивые тенденции в правоприменении и сформулировать обобщения, которые позволили сделать итоговые выводы исследования.

Результаты и обсуждения

Выявление и комплексный анализ способов противодействия злоупотреблениям кредиторов невозможно осуществить без рассмотрения понятия и форм злоупотреблений со стороны кредиторов в деле о банкротстве**.** Под злоупотреблением правом в контексте банкротства предлагается понимать осуществление субъективного права в противоречии с его социально-хозяйственным назначением, причиняющее вред имущественным интересам должника и, как следствие, нарушающее баланс прав всех участников процесса банкротства. Положения ст. 10 ГК РФ, устанавливая пределы осуществления гражданских прав, содержит общий запрет на их осуществление исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также на любые действия, которые могут быть использованы для обхода положений закона с противоправной целью. Учитывая вышесказанное применительно к отношениям несостоятельности, данная норма приобретает специальное содержание.

Доктринальное осмысление категории злоупотребления правом в конкурсных отношениях предполагает разграничение правомерного поведения кредитора, направленного на максимальное удовлетворение его требований, и поведения, формально соответствующего положениям закона, но преследующего иную, скрытую цель. Ключевым критерием разграничения выступает экономическая цель участия кредитора в деле о банкротстве. Так, в том случае, когда такая цель заключается исключительно в получении контроля над должником и его активами, а не в соразмерном удовлетворении действительного долга, налицо признаки злоупотребления.

На основе анализа правовой литературы и правоприменительной практики можно выделить три основные формы злоупотреблений со стороны кредиторов, направленных против интересов должника.

В первом случае осуществляется инициирование дела о банкротстве на основании искусственно созданной задолженности – заявитель, формально обладая признаками кредитора, преследует цель заблокировать хозяйственную деятельность должника через введение процедуры наблюдения, наложения арестов и ограничения полномочий органов управления. Это «враждебное банкротство», где сам факт возбуждения дела используется как средство давления на хозяйствующего субъекта, и фактически представляет собой недобросовестную конкурентную борьбу. Механизм создания искусственной задолженности может включать составление фиктивных договоров займа, вексельные схемы, оформление безденежных расписок, имитацию хозяйственных операций через цепочки подконтрольных юридических лиц.

Еще одной формой злоупотребления является установление контроля над процедурой несостоятельности путем «размывания» голосующего большинства. Недобросовестные лица создают подконтрольную кредиторскую задолженность, которая включается в реестр требований кредиторов и обеспечивает им большинство голосов на собраниях. Получив такой контроль, они получают возможность определять ключевые решения, включая выбор кандидатуры арбитражного управляющего, порядок продажи имущества и

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

условия мирового соглашения. Для должника это означает фактическую утрату возможности влиять на ход процедуры даже в рамках реабилитационных механизмов. Особую опасность представляет ситуация, когда мажоритарный кредитор намеренно затягивает процедуру, увеличивая текущие расходы, либо инициирует продажу имущества по заниженной стоимости в пользу аффилированных приобретателей.

Достаточно интересной и находящей реализацию на практике видится форма злоупотребления, при которой осуществляется принуждение должника в преддверии банкротства к совершению экономически необоснованных сделок. Контрагент, осознавая уязвимое положение должника, навязывает ему кабальные условия сделки, формируя искусственную кредиторскую задолженность, которая впоследствии используется для получения контроля в деле о банкротстве. К числу таких сделок могут относиться договоры поручительства на заведомо неисполнимых условиях, соглашения о предоставлении обеспечения по обязательствам третьих лиц, а также договоры купли-продажи имущества по многократно заниженной цене с отсрочкой платежа.

Общим квалифицирующим признаком всех перечисленных форм злоупотреблений является направленность умысла на получение контроля над процедурой и имуществом должника в обход установленных законом механизмов защиты прав миноритарных кредиторов и самого должника.

Вместе с тем, утверждать о том, что Закон о банкротстве не может защитить заведомо слабую сторону было бы крайне неверно. Так, анализ положений законодательства позволяет прийти к обоснованному выводу о том, что процессуальные возражения должника выступают базовым инструментом защиты в деле о банкротстве. Закон о банкротстве наделяет должника правом заявлять возражения относительно требований кредиторов на стадии проверки их обоснованности. Данное правомочие закреплено в нормативных предписаниях ст. 71 (для процедуры наблюдения) и п. 2 ст. 100 (для последующих процедур) Закона о банкротстве. Важно то, что правомочия реализуются должником самостоятельно и не зависят от позиции арбитражного управляющего, который в ряде случаев может быть связан интересами мажоритарного кредитора.

Процессуальный механизм возражений приобретает особую значимость в контексте сформированного высшей судебной инстанцией подхода о стандартах доказывания в делах о банкротстве. ВС РФ неоднократно указывал, что при наличии у должника или иных участвующих в деле лиц разумных сомнений в реальности долга суд обязан применить повышенный стандарт доказывания [9]. Повышенный стандарт доказывания предполагает перераспределение бремени доказывания. Так, именно кредитор должен представить исчерпывающие доказательства, раскрывающие экономическую целесообразность и фактическую исполнимость сделки, положенной в основание требования.

Судебная практика выработала ряд критериев, при наличии которых стандарт доказывания повышается до уровня «вне разумных сомнений». К таким критериям относятся: аффилированность кредитора и должника; наличие в действиях сторон признаков транзитного движения денежных средств; отсутствие документов, подтверждающих реальное движение товара или иного встречного предоставления; нехарактерность спорной операции для обычной хозяйственной деятельности должника; совпадение периода совершения сделки с моментом возникновения имущественного кризиса.

Особого внимания заслуживает ситуация, когда должник заявляет возражения против требования, основанного на судебном акте. Вопреки распространенному заблуждению, наличие вступившего в законную силу решения суда о взыскании задолженности не является непреодолимым препятствием для возражений должника в деле о банкротстве. Иными словами, сила судебного акта не является абсолютной. В таких случаях должник вправе ходатайствовать о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам либо заявлять возражения непосредственно при рассмотрении обоснованности требования, указывая на его фиктивный характер.

Теперь акцентируем внимание на субординации требований и его значении для защиты должника. Важно отметить тот факт, что разработка механизма субординации требований аффилированных кредиторов является одним из наиболее значимых достижений судебной практики последних лет. В Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований, контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утвержденном Президиумом ВС РФ 29.01.2020, закреплены положения, изменившие ранее принятый подход к оценке таких требований [8].

Суть нового подхода заключается в том, что если контролирующее должника лицо предоставило ему финансирование в условиях имущественного кризиса, такое требование не может рассматриваться с требованиями независимых кредиторов. Оно подлежит удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты, то есть после погашения всех требований независимых кредиторов.

Для должника указанный механизм является важнейшим средством защиты, позволяющим лишить недобросовестного кредитора, предоставившего компенсационное финансирование с целью скрытого пере-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

хвата корпоративного контроля, права голосовать на собраниях и влиять на принятие ключевых решений. Такой подход позволяет пресекать любые схемы обхода закона, при которых формально независимое лицо выступает держателем долга, а реальным выгодоприобретателем является бенефициар должника. При этом на уровне правоприменительной практики выработан ряд условий, показывающих скрытую аффилированность между хозяйствующими субъектами (нетипичное поведение кредитора (отсутствие требований о возврате долга в течение длительного времени), совпадение адресов и контактных данных, наличие общих представителей, наличие устойчивых финансово-хозяйственных связей и иные косвенные признаки) [3]. Такие правовые подходы обобщены Президиумом ВС в ранее указанном Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований, контролирующих должника и аффилированных с ним лиц [9].

Отметим, что субординация применяется не только в отношении заемного финансирования, но и в случаях, когда контролирующее лицо выкупает долги должника у независимых кредиторов в преддверии банкротства. Такие действия квалифицируются как попытка обойти запрет на конкуренцию с независимыми кредиторами, и приобретенное требование подлежит понижению в очередности.

Теперь акцентируем внимание на материально-правовых основаниях оспаривания ничтожных сделок должником. Так, кроме процессуальных возражений, должник обладает и материально-правовыми инструментами защиты. В буквальном смысле он вправе, действуя самостоятельно, предъявить иск о признании сделки недействительной (ничтожной) по общегражданским основаниям. Данное право не подменяет полномочия арбитражного управляющего по оспариванию подозрительных сделок в рамках главы III.1 Закона о банкротстве, а существует параллельно, обеспечивая должнику автономную защиту его субъективных интересов.

Принципиальным является разграничение специальных оснований для оспаривания сделок в рамках дела о банкротстве (ст. 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве) и общих гражданско-правовых оснований недействительности сделок. Специальные основания могут применяться исключительно арбитражным управляющим или кредиторами в рамках дела о банкротстве. Однако общегражданские основания (ст. ст. 10, 168, 170, 174, 179 ГК РФ) могут применять любые заинтересованные лица, включая самого должника, как в рамках дела о банкротстве, так и за его пределами.

Если сделка, положенная в основу кредиторского требования, совершена со злоупотреблением правом (статья 10 ГК РФ), при отсутствии реального встречного предоставления и с единственной целью, заключающейся в создании искусственной задолженности для получения контроля в деле о банкротстве, она квалифицируется как ничтожная. Аналогичная квалификация применима к мнимым сделкам (п. 1 ст. 170 ГК РФ) [3].

Особого внимания заслуживает ситуация, когда должник оспаривает сделку с целью недопущения включения в реестр недобросовестного кредитора. В этом случае требование о признании сделки недействительной пересекается с процессуальным механизмом возражений, создавая комплексную защиту законного интереса должника. Например, должник может одновременно заявлять возражения против включения требования в реестр (указывая на мнимость сделки) и предъявлять самостоятельный иск о признании этой сделки ничтожной по ст. 170 ГК РФ.

Следует также учитывать, что сроки исковой давности для оспаривания ничтожных сделок по общегражданским основаниям могут быть для должника более выгодными по сравнению со специальными сроками, установленными Законом о банкротстве. Так, если по специальным основаниям срок составляет один год с момента, когда арбитражный управляющий узнал или должен был узнать о наличии оснований для оспаривания (п. 2 ст. 181 ГК РФ во взаимосвязи со ст. 61.9 Закона о банкротстве), то по общим основаниям срок исковой давности составляет три года с момента, когда началось исполнение ничтожной сделки (п. 1 ст.181 ГК РФ).

Акцентируем теперь внимание на проблемах реализации защитных механизмов. Несмотря на наличие описанных выше правовых инструментов защиты интересов должника в деле об банкротстве, их практическая реализация сопряжена с рядом существенных трудностей, требующих как теоретического осмысления, так и возможных законодательных корректив.

Первая проблема связана с информационной асимметрией. Должник не всегда обладает достаточной информацией о фактах, свидетельствующих о недобросовестности кредитора или мнимости его требования. В отличие от арбитражного управляющего, который имеет доступ к банковским счетам, бухгалтерской документации и может истребовать ее у контрагентов, должник ограничен в средствах доказывания. Решение данной проблемы представляется целесообразным только через закрепление в Законе о банкротстве права должника на обращение к суду с ходатайством об истребовании доказательств, необходимых для

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

обоснования возражений против требований кредиторов, по аналогии с правом, предоставленным арбитражному управляющему.

Вторая проблема касается коллизии интересов должника-гражданина и должника-юридического лица. Если в первом случае гражданин непосредственно реализует свое право на защиту, то во втором случае действия должника опосредуются волей его органов управления. При этом контролирующие должника лица могут сами быть аффилированы с недобросовестным кредитором, что парализует возможность заявления возражений. В качестве возможного решения данной проблемы предлагается расширение круга лиц, имеющих право заявлять возражения от имени должника, за счет участников (акционеров) должника, обладающих значительной долей участия, что требует дополнительных теоретических исследований.

Третья проблема связана с соотношением общегражданского и специального банкротного режимов оспаривания сделок. В правоприменительной практике нередки случаи, когда суды отказывают должнику в признании сделки ничтожной по ст. 10 ГК РФ, мотивируя это тем, что сделка обладает признаками подозрительной и должна оспариваться исключительно по специальным основаниям Закона о банкротстве. Такой подход представляется ошибочным, поскольку он фактически лишает должника права на судебную защиту в ситуации, когда арбитражный управляющий уклоняется от оспаривания сделки. Решение проблемы видится возможным только путем закрепления на уровне разъяснений высшей судебной инстанции положения о допустимости субсидиарного (дополнительного) применения общегражданских оснований недействительности сделок по инициативе должника даже при наличии формальных признаков подозрительной сделки.

Выводы

Подводя итог настоящему исследованию необходимо отметить, что отечественное законодательство и судебная практика сформировали достаточный арсенал средств защиты законных интересов должника от злоупотреблений со стороны кредиторов. При этом указанные средства могут эффективно применяться должником самостоятельно без арбитражного управляющего. К числу таких средств относятся: право на заявление процессуальных возражений относительно требований кредиторов с использованием механизма повышенного стандарта доказывания, перераспределяющего бремя обоснования реальности долга на заявителя; возможность требовать понижения очередности удовлетворения требований аффилированных и контролирующих лиц в порядке субординации, лишая их тем самым права влиять на ход процедуры; право на предъявление самостоятельных исков о признании сделок ничтожными по основаниям, предусмотренным ст. ст. 10 и 170 ГК РФ.

Совокупность данных правовых инструментов позволяет должнику выстроить многоуровневую систему защиты, начиная от превентивного блокирования фиктивных требований на стадии их включения в реестр до последующего исключения недобросовестного кредитора из числа лиц, участвующих в деле.

Выявленные проблемы свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства и правоприменительной практики. Перспективными направлениями исследований могут стать сравнительно-правовой анализ механизмов защиты должника в зарубежных правопорядках; разработка критериев разграничения правомерной и недобросовестной мотивации кредитор, углубленное изучение проблем доказывания фиктивности долга в условиях цифровизации хозяйственного оборота. Дальнейшее развитие данных инструментов, их теоретическое осмысление и применение в судебной практике будет способствовать повышению устойчивости гражданского оборота, укреплению доверия к институту банкротства и предотвращению его использования в противоправных целях.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

3. Суворов Е.Д. Банкротство в практике Верховного Суда Российской Федерации за 2022-2024 гг.: обзор и комментарии. М.: Статут, 2025. 335 с.

4. Карелина С.А. К вопросу о роли судебной практики в системе источников правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства) // Право и экономика. 2017. № 11 (357). С. 19 – 25.

5. Несостоятельность (банкротство): учебный курс: в 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. С.А. Карелиной. Т. 1. М.: Статут, 2019. 925 с.

6. Суворов Е.Д. Требования связанных с должником лиц в деле о его банкротстве: от объективного к субъективному вменению // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 5. С. 53 – 107.

7. Шишмарева Т.П. Защита прав кредиторов в процедурах несостоятельности (банкротства) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 9. С. 46 – 50.

8. О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 40. Электронный ресурс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_492768/ (дата обращения: 19.04.2026)

9. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020. Электронный ресурс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344170/ (дата обращения: 19.04.2026)

10. Определение ВС РФ от 15 июня 2016 г. № 308-ЭС16-1475 Электронный ресурс. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 19.04.2026)

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on March 11, 2024). Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Article 3301.

2. Federal Law of October 26, 2002, No. 127-FZ (as amended on May 29, 2024). Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 43. Article 4190.

3. Suvorov, E.D. Bankruptcy in the Practice of the Supreme Court of the Russian Federation for 2022-2024: Review and Commentary. Moscow: Statut, 2025. 335 p.

4. Karelina, S.A. On the Role of Judicial Practice in the System of Sources of Legal Regulation of Insolvency (Bankruptcy) Relations. Law and Economics. 2017. No. 11 (357). P. 19 – 25.

5. Insolvency (Bankruptcy): Study Course: in 2 volumes. Ed. by Doctor of Law, Professor S.A. Karelina. Vol. 1. Moscow: Statut, 2019. 925 p.

6. Suvorov E.D. Claims of Persons Related to the Debtor in a Bankruptcy Case: From Objective to Subjective Imputation. Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2019. No. 5. P. 53 – 107.

7. Shishmareva T.P. Protection of Creditors' Rights in Insolvency (Bankruptcy) Proceedings. Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2019. No. 9. P. 46 – 50.

8. On Certain Issues Related to the Entry into Force of Federal Law No. 107-FZ of May 29, 2024 "On Amendments to the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" and Article 223 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation": Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 17, 2024 No. 40. Electronic resource. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_492768/ (date of access: 19.04.2026)

9. Review of Judicial Practice in Resolving Disputes Related to the Establishment of Claims of Those in Control of the Debtor and Persons Affiliated with It in Bankruptcy Proceedings: approved. Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation, January 29, 2020. Online resource. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344170/ (date of access: 19.04.2026)

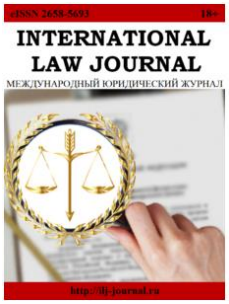
10. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation, June 15, 2016, No. 308-ES16-1475. Online resource. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (date of access: 19.04.2026)

Информация об авторе

Глотов И.Д., аспирант, Международный институт информатизации и государственного управления им. П.А. Столыпина, glotov141@gmail.com

© Глотов И.Д., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)
УДК 316.77
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-122-126

Конструкции территориального самоуправления в политико-правовой мысли М.И. Альтшуллера

[1] Головинов А.В., [2] Головинова Ю.В.,
[1] Алтайский государственный университет,
[2]Алтайский государственный педагогический университет

Аннотация: *работа посвящена выявлению специфики политико-правовых воззрений юриста и специалиста по политической экономии М.И. Альтшуллера на проблематику организации и учреждения территориального самоуправления в Сибири. Достижение обозначенной цели считаем возможным на основе историко-правовой реконструкции идей и концептов, разрабатываемых М.И. Альтшуллером по земскому вопросу. Базовым материалом аналитики, соответственно, выступают доктринальные письменные источники – работы юриста и специалиста по политической экономии, оформленные в научные публикации. Методологически настоящее исследование зиждется на парадигмах юридико-текстологического анализа, позволяющего препарировать блоки информации и выявлять в них правовые конструкции.*

В работе установлено, что территориальное самоуправление по политико-правовому учению М.И. Альтшуллера понималось как система многоуровневых земских единиц, с разграничением предметов ведения. Основой дифференциации и одновременно единства таких органов выступал принцип экономической самостоятельности. Доходно-расходная часть местных бюджетов логично должна была определяться выделением вопроса местного значения.

Ключевые слова: *М.И. Альтшуллер, русская юриспруденция, земство, территориальное самоуправление, местный бюджет, история политико-правовых учений*

Для цитирования: Головинов А.В., Головинова Ю.В. Конструкции территориального самоуправления в политико-правовой мысли М.И. Альтшуллера // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 122 – 126. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-122-126

Поступила в редакцию: 22 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 19 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

Constructions of territorial self-government in the political and legal thought of M.I. Altshuller

[1] Golovinov A.V., [2] Golovinova Yu.V.,
[1] Altai State University,
[2]Altai State Pedagogical University

Abstract: *the work is devoted to identifying the specifics of the political and legal views of lawyer and specialist in political economy M.I. Altshuller on the problems of organization and establishment of territorial self-government in Siberia. We consider it possible to achieve this goal on the basis of the historical and legal reconstruction of ideas and concepts developed by M.I. Altshuller on the Zemstvo question. The basic material of the analysis, respectively, are doctrinal written sources – the works of a lawyer and a specialist in political economy, framed in scientific publications. Methodologically, this research is based on the paradigms of legal and textual analysis, which allows us to dissect blocks of information and identify legal structures in them.*

The paper establishes that territorial self-government according to the political and legal doctrine of M.I. Altshuller was understood as a system of multi-level zemstvo units, with a distinction of subjects of jurisdiction. The

principle of economic independence served as the basis for differentiation and at the same time unity of such bodies. The revenue and expenditure part of local budgets should logically have been determined by the allocation of an issue of local importance.

***Keywords**: M.I. Altshuller, Russian jurisprudence, Zemstvo, territorial self-government, local budget, history of political and legal doctrines*

For citation: Golovinov A.V., Golovinova Yu.V. Constructions of territorial self-government in the political and legal thought of M.I. Altshuller. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 122 – 126. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-122-126

The article was submitted: May 22, 2026; Approved after reviewing: June 19, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

Самоуправление как предмет политической и правовой научно-практической рефлексии был характерен для поиска конструкций развития института народовластия в нашем Отечестве во многие исторические периоды. Примечательно, что в начале XX века нарративы о земстве как одном из элементов и форм демократического правопорядка активизировались в связи с тем, что тема дошла до проектов самоуправление на окраинах Российской Империи. Не случайно, что на площадке Томского университета в это время возник рост интереса к проектам введения земских учреждений как самоуправляемых административно-управленческих единиц. В 1916 году студент юридического факультета первого университета в Азиатской части России М.И. Альтшуллер удостоился золотой медали за книгу «Земство в Сибири». В данном труде акцентировались материальные основания введения земского самоуправление в регионе. Однако, должного освещения в истории политических и правовых учений работы молодого юриста, пока не получили при общей высокой степени изученности истории территориального самоуправления в Сибири [1-8]. Наша работа имеет цель восполнить возникший пробел.

Материалы и методы исследований

Достижение обозначенной цели считаем возможным на основе историко-правовой реконструкции идей и концептов, разрабатываемых М.И. Альтшуллером по земскому вопросу. Базовым материалом аналитики, соответственно, выступают доктринальные письменные источники – работы юриста и специалиста по политической экономии, оформленные в научные публикации. Методологически настоящее исследование зиждется на парадигмах юридико-текстологического анализа, позволяющего препарировать блоки информации и выявлять в них правовые конструкции.

Результаты и обсуждения

Итак, по земскому вопросу М.И. Альтшуллер опубликовал объемную монографию в 1916 году. Но годом ранее ученый апробировал собственные положение в периодических изданиях. Так, в журнале «Право и финансово-промышленная жизнь Сибири» он рефлексировал о том, что коммунальное управление в дальних и окраинных областях сильно уязвимы. По его наблюдениям, «бюрократическая децентрализация трудно осуществима по склонности местной администрации к безграничной и безмерной власти. Географическая недосягаемость и невозможность действительного контроля делают неприменимой к отдаленным областям» [9, с. 42].

Серьезным тормозом в деле учреждения земств в Сибири стало табуирование темы в периодике под цензурным воздействием. Однако, Высочайшим указом 3 апреля 1905 г. вопрос о сибирском земстве из нецензурных и нелегальных был превращен в законный и даже Высочайшею волею одобренный. Залежавшиеся в редакционных портфелях статьи были переданы на типографские станки. Как заметил М.И. Альтшуллер: «Земское движение переживало необычайный подъем, различные совещания на свои заседания привлекали общественных деятелей, ученых, крестьян, инородцев. Столичные газеты во главе с «Сыном Отечества» говорили лишь о запоздании реформы, «Новое Время» и то отдало дань времени и устами В. Потулова в май 1905 г. высказалось за областное земство. Общественные проекты, выработанные на местах, были проникнуты широким социальным и демократическим духом. Приходится далее удивляться как представители разных слоев общества на расстоянии от Уральского хребта до Тихого океана выносили одинаковые пожелания о будущем сибирском земстве [9, с. 43].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

В этот исторический момент развития отечественного государства и права как раз и образованная общественность крепко задумалась о правовых конструкциях земских самоуправляемых единиц. Монографическое исследование Михаила Израилевича полно отражало контекст эпохи и расписывало конструкцию полномочий территориального самоуправления в сибирском регионе.

На протяжении пяти глав своей книги М.И. Альтшулер препарировал проекты земских институций, попутно анализирую административные конструкции самоуправляемых единиц. Оперируя формально-юридическим подходом, исследователь связывал организацию земства в восточной части страны с Уставом о земских повинностях 1899 года. Как писал томский юрист в своей монографии: «Устав 1899 года принес мало нововведений, несмотря на то, что ко времени его осуществления произошли серьезные административные преобразования сибирских губерний. По этому Уставу делами о земских повинностях в Сибири наведывают Губернские Управления, которые несут в данном случае функции распорядительных губернских комитетов российских не земских губерний» [10, с. 156].

Как любой профессиональный представитель государственно-правовых наук, он фокусировался на разграничении предметов ведения. В частности, именно распорядительное начало, по его мысли, могло порождать злоупотребления на фоне банального незнания текущей экономической повестки. М.И. Альтшулер обратил внимание на то, что распорядительный комитет стоит ближе к полицейскому управлению, чем к податной инспекции, специально введенной для Сибири. Последняя же уполномочена постановлять, чтобы раскладка земских повинностей первоначально производилась в полицейском уездном управлении. Такое положение дел ограничивало право голоса городского голову.

Ученый уделил много внимания хозяйственной и экономической компетенции и материальной самостоятельности территориального самоуправления в форме сибирских земств.

Тогда компетенция земских учреждений охватывала широкий круг дел, из которых в Сибири большая часть вверяется губернским управлениям и распорядительным комитетами. Местные потребности, на удовлетворение которых идут земские сборы в Сибири, гораздо уже круга земских дел, вверяемых земским учреждениям. По мысли правоведа, «необходимо здесь также упомянуть, что привычке действовать по установлении шаблонам бюрократии в России, противостоит живая инициатива местных людей. Есть даже много таких функций земских учреждений, которые теряют свой смысл при бюрократических, порядках и было, бы прямо неразумно переносить их на сибирские условия. К таковым, например, относится право земских учреждений на представительство в различных учреждениях для соблюдения известной пропорции между коронными чиновниками и выборным элементом, сюда же относится право на избрание членов Государственного Совета. В переживаемое время Сибирь может присоединиться к полезной работе Всероссийского Земского Союза» [10, с. 166].

Молодой юрист из Томска разрабатывал тему доходной части местного бюджета. К доходам сибирского земства он относил следующие сборы:

1) с земель, лесов крестьянских, частновладельческих и городских; 2) с недвижимых имуществ в городах; 3) с фабричных и заводских помещений в уездах; 4) с промысловых свидетельств; 5) с патентов на заводы для выделки напитков и вознаграждение из казны в тех местах, где введена винная монополия; 6) трактирный, взимаемый с заведений трактирного промысла в уезде; 7) мостовой; 8) земский подушный; 9) судебная пошлина и сбор с различных судебных прошений; 10) вычеты из окладов чиновников и лиц, получающих пенсии из средств земских сборов; 11) пособия казны; 12) различные источники.

Не забыл правовед упомянуть и про расходы, которые должны быть пропорциональны вопросам местного значения, таким как медицине, образованию, путям сообщения и другим.

Ученый считал и особо отмечал, что кроме расходов на такие потребности, как медицина, санитарии, образование, земские сборы идут на пособии по содержание различных учреждений гражданского управления. В то время, как земские учреждения с момента своего открытия постепенно освобождались от кредитов на общегосударственные потребности, сибирское земство до самых последних дней было обременено финансовой помощью гражданскому управлению.

По учению М.И. Альшуллера, «в большинстве случаев государственные потребности относились на счет земства по отсутствию финансов, но вопрос о выполнении государственных потребностей сибирских губерний за счет казны поднимался неоднократно. Государственный Совет решил вопрос в отрицательном смысле потому, что находил положение государственных финансов в крайне плачевном состоянии. И с проведением закона 1912 г. в жизнь остаются еще некоторые расходы на общественные учреждения: пособия государственному казначейству на содержание казенных палат и уездных казначейств, на усиление средств государственного контроля» [10, с. 259].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

В административно-правовом отношении ученый был убежден в том, что для Сибири необходимо помимо губернских и уездных земств иметь и мелкую земскую единицу. При устройстве мелкой земской единицы отдельные части уезда не будут обременять других местностей, требующимися исключительно для них сборов и со своей стороны не будут участвовать в тягостях платежей по специальным нуждам иных местностей. «Только при условии образования мелкой земской единицы, – был уверен правовед, – местное управление может быть названо живым и надлежащим» [10, с. 381].

Выводы

Таким образом, территориальное самоуправление по политико-правовому учению М.И. Альтшуллера понималось как система многоуровневых земских единиц, с разграничением предметов ведения. Основой дифференциации и одновременно единства таких органов выступал принцип экономической самостоятельности. Доходно-расходная часть местных бюджетов логично должна была определяться выделением вопроса местного значения.

Список источников

1. Громова Г.А. Становление местного самоуправления на Севере России (исторический опыт и современные тенденции и проблемы) // Вестник Сургутского государственного университета. 2016. № 1 (11). С. 19 – 23.

2. Гончаров Ю.М. Мещанские общества в системе городского самоуправления Сибири второй половины XIX – начала XX в // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2019. Т. 29. С. 72 – 81. DOI 10.26516/2222-9124.2019.29.72

3. Храмцов А.Б. Составы органов местного самоуправления в городах Сибири в условиях первой мировой войны // Теория государства и права. 2023. № 3 (32). С. 190 – 201. DOI 10.25839/MATGIP_2023_3_188

4. Коновалов И.А. Особенности системы местного государственного управления и самоуправления в Сибири в XVIII – начале XX в // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 133 – 138. DOI 10.17223/15617793/471/16

5. Гордеев А.Г. Правоприменительная практика земского самоуправления в России после антибольшевистского переворота в Западной Сибири // Российское право онлайн. 2025. № 1. С. 61 – 65. DOI 10.17803/2542-2472.2025.33.1.061-065

6. Игумнов Е.В. Органы городского самоуправления и музеи Сибири в последней четверти XIX – начале XX века // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 5. С. 10 – 13. DOI 10.37882/2223-2982.2024.5.12

7. Сорокин А.А. Дискуссии об организации земского самоуправления в Сибири в начале XX в // Петербургский исторический журнал. 2025. № 1 (45). С. 74 – 84. DOI 10.51255/2311-603X_2025_1_74

8. Кононов А.А. Деятельность лиц местного самоуправления по воплощению решений волостных судов в Сибири в начале XX века // Сибирский архив. 2023. № 4 (18). С. 96 – 105.

9. Альтшуллер М.И. 1 Сибирь и земство // Право и финансово-промышленная жизнь Сибири (ред.-изд. Р.Л. Вейсман). Томск, 1915. Тетрадь 1. С. 9 – 12.

10. Альтшуллер М.И. Земство в Сибири. 1916. 480 с.

References

1. Gromova G.A. Formation of Local Self-Government in the North of Russia (Historical Experience and Current Trends and Problems). Bulletin of Surgut State University. 2016. No. 1 (11). P. 19 – 23.

2. Goncharov Yu.M. Bourgeois Communities in the System of Urban Self-Government of Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. Bulletin of Irkutsk State University. Series: History. 2019. Vol. 29. P. 72 – 81. DOI 10.26516/2222-9124.2019.29.72

3. Khramtsov A.B. Composition of Local Self-Government Bodies in Siberian Cities During the First World War. Theory of State and Law. 2023. No. 3 (32). P. 190 – 201. DOI 10.25839/MATGIP_2023_3_188

4. Konovalov I.A. Features of the system of local government and self-government in Siberia in the 18th – early 20th centuries. Bulletin of Tomsk State University. 2021. No. 471. P. 133 – 138. DOI 10.17223/15617793/471/16

5. Gordeev A.G. Law enforcement practice of zemstvo self-government in Russia after the anti-Bolshevik coup in Western Siberia. Russian Law Online. 2025. No. 1. P. 61 – 65. DOI 10.17803/2542-2472.2025.33.1.061-065

6. Igumnov E.V. Municipal Governments and Museums of Siberia in the Last Quarter of the 19th – Early 20th Century. Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities. 2024. No. 5. P. 10 – 13. DOI 10.37882/2223-2982.2024.5.12

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

7. Sorokin A.A. Discussions on the Organization of Zemstvo Self-Government in Siberia at the Beginning of the Twentieth Century. Petersburg Historical Journal. 2025. No. 1 (45). P. 74 – 84. DOI 10.51255/2311-603X_2025_1_74

8. Kononov A.A. Local Government Activities in Enforcing Decisions of Volost Courts in Siberia at the Beginning of the 20th Century. Siberian Archives. 2023. No. 4 (18). P. 96 – 105.

9. Altshuller M.I. 1 Siberia and the Zemstvo. Law and Financial-Industrial Life of Siberia (ed. and publisher R.L. Weisman). Tomsk, 1915. Notebook 1. P. 9 – 12.

10. Altshuller M.I. Zemstvo in Siberia. 1916. 480 p.

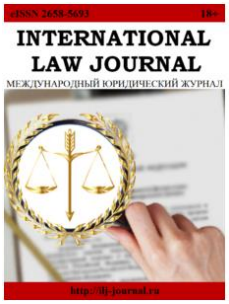
Информация об авторах

Головинов А.В., кандидат философских наук, доцент, Алтайский государственный университет, alex-golovinov@mail.ru

Головинова Ю.В., кандидат исторических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, yu.golovinova@mail.ru

© Головинов А.В., Головинова Ю.В., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.1
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-127-134

Изменение обвинения при прекращении уголовного преследования судом в отношении военнослужащих в порядке статьи 28.2 УПК РФ

[1] Карпов А.С.,
[1] Юго-Западный государственный университет

Аннотация: *в статье исследуются проблемы изменения обвинения при прекращении уголовного преследования судом в отношении военнослужащих в порядке статьи 28.2 УПК РФ. Предметом рассмотрения данной работы являются проблемы изменения обвинения после возобновлении судом ранее приостановленного в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 238 УПК РФ производства по делу в связи с наличием оснований для его прекращения в соответствии со ст.ст. 78.1 УК РФ, 28.2 УПК РФ. Аргументируются, что фактически возобновление судом производства по делу с целью разрешения вопроса о прекращении уголовного преследования в соответствии со ст. 28.2 УПК РФ является отдельной уголовно-процессуальной формой. При этом, с учетом действующего регулирования возможна ситуация, когда подсудимый не признает себя виновным в связи с необходимостью уменьшения в отношении него объема обвинения, однако не имеет возможности отстоять данную позицию и вынужден согласиться с прекращением уголовного дела, поскольку возражения влекут рассмотрение уголовного дела в общем порядке с назначением уголовного наказания. Правовые последствия вынесения постановления с завышенным объемом обвинения заключаются в вынесении незаконного и несправедливого решения по гражданскому делу относительно возмещения ущерба. В результате исследования сформулированы предложения о внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда РФ и УПК РФ, направленные на устранение выявленных пробелов.*

Ключевые слова*: прекращение уголовного преследования, государственный обвинитель, обвинение, изменение обвинения, суд, военнослужащие*

Для цитирования: Карпов А.С. Изменение обвинения при прекращении уголовного преследования судом в отношении военнослужащих в порядке статьи 28.2 УПК РФ // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 127 – 134. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-127-134

Поступила в редакцию: 23 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 20 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

Changing the charge upon termination of criminal prosecution by the court against military personnel in accordance with Article 28.2 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation

[1] Karpov A.S.,
[1] Southwestern State University

Abstract: *the article examines the problems of changing the charge when the court stops criminal prosecution against military personnel in accordance with Article 28.2 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The subject of this work is the problems of changing the charge after the court resumes the proceedings previously suspended case to terminate criminal prosecution in accordance with Article 28.2 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. It is a separate criminal procedure form. At the same time, taking into account the current regulation, it is possible that defendant is forced to agree to the termination of the criminal case, since objections entail the consideration of the criminal entails the imposition of punishment. The legal con-*

sequences of making a ruling with an overstated charge amount are to make an illegal and unfair decision in a civil case regarding compensation for damages. As a result of the research, proposals have been formulated to amend the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation aimed at eliminating the identified gaps.

Keywords: *termination of criminal prosecution, public prosecutor, charge, change of charges, court, military personnel*

For citation: Karpov A.S. Changing the charge upon termination of criminal prosecution by the court against military personnel in accordance with Article 28.2 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 127 – 134. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-127-134

The article was submitted: May 23, 2026; Approved after reviewing: June 20, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

Отдельного внимания заслуживает изучение проблемы изменения обвинения при прекращении судом первой инстанции уголовного преследования в отношении военнослужащих в порядке ст. 28.2 УПК РФ и на основании ст. 78.1 УК РФ. Предметом рассмотрения данной статьи являются проблемы изменения обвинения после возобновлении судом ранее приостановленного в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 238 УПК РФ производства по делу в связи с наличием оснований для его прекращения в соответствии со ст.ст. 78.1 УК РФ, 28.2 УПК РФ. Указанными нормами с учетом положений законодательства, регулирующего основания увольнения с военной службы, предусматривается обязанность суда прекратить уголовное преследование военнослужащего по ранее приостановленному производством делу в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 238 УПК РФ.

Актуальность исследования заключается в отсутствии какого-либо регулирования в УПК РФ процедуры и пределов изменения обвинения после возобновления судом уголовного судопроизводства с целью прекращения уголовного дела в порядке ст. 28.2 УПК РФ. Законодательством не регламентированы вопросы изменения обвинения: наличие полномочия государственного обвинителя (прокурора) на изменение обвинения, а у суда – возвращения прокурору уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ. Не решена проблема завышения объема обвинения, что влечет, в свою очередь, вынесение незаконных и необоснованных судебных решений в гражданском и арбитражном процессе.

Цель исследования – формирование предложений, направленных на устранение пробелов при регулировании процедуры и пределов изменения обвинения при прекращении судом уголовного дела в порядке ст. 28.2 УПК РФ.

Задачи – выявить наиболее проблемные вопросы, возникающие на этапе прекращения судом уголовного дела в порядке ст. 28.2 УПК РФ, проанализировать наиболее вероятные пути решения данных проблем, сформулировать собственные научно-обоснованные варианты их решения.

Гипотеза – после возобновления судом производства по ранее приостановленному в соответствии с п.5 ч. 1 ст. 238 УПК РФ уголовному делу с целью рассмотрения вопроса о его прекращении государственный обвинитель (прокурор) вправе изменить обвинение в сторону смягчения в соответствии с ч. 8 ст. 246 УПК РФ, суд вправе возвратить уголовное дело прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, а также изменить обвинение при прекращении уголовного дела, в случае если для этого не требуется проведение судебного следствия и рассмотрение уголовного дела по существу.

Материалы и методы исследований

В рамках исследования использовались логический метод, сравнительный анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование, статистические метод. Путем логического метода, синтеза, сравнительного анализа, индукции выявлены пробелы при правовом регулировании изменения обвинения в рамках прекращения уголовного дела в порядке ст. 28.2 УПК РФ, меры по устранению которых были сформулированы путем дедукция, моделирования и статистического метода.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научная литература, судебные решения, результаты опроса практических работников.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Результаты и обсуждения

Представляет научный интерес правовая природа прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в порядке ст. 28.2 УПК РФ и на основании ст. 28.1 УПК РФ. Поддерживаем позицию, что освобождение от уголовной ответственности на основании ст. 78.1 УК РФ основано на «субъективно-временных обстоятельствах» [1, с. 27-30]. По мнению А.Б. Гамзаевой указанный механизм прекращения уголовного преследования не имеет должную доктринальную основу [2, с. 122]. Д.Р. Свердлов Д.Р., Н.В. Огородникова делают вывод, что указанный правовой механизм обладает потенциалом для применения в иных кризисных ситуациях после окончания СВО [3, с. 91]. А.Г. Маркелов, анализируя сущность новой процедуры прекращения уголовных дел, отмечает, что в данном случае имеет место «доказательственный компромисс» [4, с. 116].

Разделяя в целом позиции указанных авторов, отметим следующее. Фактически возобновление судом производства по делу с целью разрешения вопроса о прекращении уголовного преследования в соответствии со ст. 28.2 УПК РФ является отдельной уголовно-процессуальной формой. Это единственная форма, при которой суд первой инстанции не вправе оценить и изменить обвинение, при этом обязательным условием является предварительное приостановление производства, а результат рассмотрения в части обвинения заранее известен – прекращение уголовного преследования (уголовного дела). При прекращении судом уголовного дела в соответствии со ст. 28.2 УПК РФ не исследуются доказательства, подтверждающие или опровергающие обвинение, однако суд не вправе дать оценку обвинению. По сути новая уголовно-процессуальная форма является формой не доказательственного, а «бездоказательственного» компромисса, крайне радикальным его видом.

Вправе ли государственный обвинитель изменить обвинение в соответствии с ч. 8 ст. 246 УПК РФ после возобновления судом производства по уголовному делу с целью рассмотрения вопроса о его прекращении? С одной стороны, прямого запрета

это не имеется, с другой стороны, положения ст. 28.2 УПК РФ предусматривают обязательное прекращение уголовного преследования при отсутствии возражений подсудимого. Также с учетом императивности требований законодательства о прекращении уголовного дела остается без ответа вопрос о возможности возвращения судом прокурору уголовного дела в порядке ст. 237 УПК РФ после возобновления производства по делу.

Необходимость предоставления суду прав на изменение обвинения при прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в порядке ст. 28.2 УПК РФ обосновываются соблюдением принципов законности (ч. 4 ст. 7 УПК РФ), а также принципом справедливости (ст. 6 УК РФ). А.В. Кудрявцева и Г.С. Русман, на наш взгляд, абсолютно справедливо отмечают, что после возобновления производства по уголовному делу суд должен проверить событие и состав преступления, правильность квалификации [5, с. 32]. Проблема заключается в том, что механизм прекращения уголовного дела по новому основанию в принципе такого не предполагает. Что делать суду в случае, если им установлено завышение объема обвинение или нарушение правил квалификации, в результате чего деянию дана более тяжкая правовая оценка? Примерами необходимости изменения обвинения является поступление в суд уголовных дел, в обвинении по которым ущерб явно завышен, однако затем решениями различных судебных инстанций он обоснованно был уменьшен [6] или причинение телесных повреждений, не подходящих по давности образования по насильственным преступлениям [7]. Одним из вариантов решения данной проблемы является регламентация полномочия государственного обвинителя на изменение обвинения в сторону смягчения после возобновления производства по делу и до его прекращения, однако, в таком случае при отсутствии у суда полномочия на изменение обвинения будет нарушен принцип справедливости. В одном случае суд будет прекращать дела, в которых обвинение соответствуют обстоятельствам дела с учетом его изменения государственным обвинителем, а в другом нет. По делам же частного обвинения (с учетом, что как правило, обвинение по таким делам составляется не профессиональным юристом) вероятность излишнего вменения возрастает. Ставить возможность вынесения законного решения о прекращении уголовного дела только в зависимость от волеизъявления государственного обвинителя (прокурора) нецелесообразно, поскольку его позиция относительно обвинения может отличаться от позиции суда.

Правовые последствия вынесения постановления с завышенным объемом обвинения заключаются в вынесении незаконного и несправедливого решения по гражданскому делу относительно возмещения ущерба, поскольку в силу ч. 4 ст. 61 ГПК РФ и ч. 4 ст. 69 АПК РФ постановление суда о прекращении уголовного дела имеет обязательное значение в гражданском и арбитражном процессе. Соответственно суд, рассматривая гражданское дела не вправе ставить под сомнения обстоятельства, изложенные в постановлении, в

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

части тех действий, которые вменены подсудимому, в том числе и в случае явного увеличения объема обвинения.

В целом, анализируя судебную практику, можно сказать, что уже сейчас вопрос о неверной квалификации является предметом оценки и рассмотрения вышестоящими судами по жалобам сторон. Так, например, в апелляционной жалобе представитель потерпевшего изложил доводы о несогласии с квалификацией в постановлении о прекращении уголовного дела по ст. 28.2 УПК РФ по ч. 3 ст. 30 п.п. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, указав, что по его мнению имеет место оконченный состав преступления. При этом, судом апелляционной инстанции производилась оценка доказательств, исследованных судом первой инстанции [8].

Согласно результатам проведенного анкетирования, у 4% (2 из 50) опрошенных судей, 26% (13 из 50) адвокатов и 4% (2 из 50) прокуроров возникали сомнения относительно объема обвинения при прекращении уголовного дела в соответствии со ст. 28.2 УПК РФ. С учетом действующего регулирования возможна вопиющая ситуация, когда подсудимый не признает себя виновным в связи с необходимостью уменьшения в отношении него объема обвинения, однако не имеет возможности отстоять данную позицию вынужден согласиться с прекращением уголовного дела, поскольку возражения влекут рассмотрение уголовного дела в общем порядке с назначением уголовного наказания. С другой стороны, пробел действующего правового регулирования позволяет обвиняемому (подсудимому) воспользоваться следующей уловкой в обход требований ч. 3 ст. 28.2 УПК РФ. Он может не возражать против прекращения уголовного дела, но после вынесения соответствующего постановления обжаловать его в апелляционном порядке ввиду неверной квалификации или излишне вмененного объема обвинения. Не разрешен вопрос и о том, как должен поступать суд при наличии сомнений в объеме предъявленного обвинения в том случае, если подсудимый не возражает против прекращения уголовного дела.

Наиболее очевидными вариантами решения данных проблем является применение уже существующих процедур: освобождение от наказания в случае возражения подсудимого (обвиняемого) как при истечении сроков давности уголовного преследования и рассмотрение уголовного дела в общем порядке по усмотрению суда в случае сомнений в обоснованности обвинения (также, как и в порядке ст. 40.1 УПК РФ).

Однако, использование данных процедур на практике невозможно. Так, освобождение от наказания в приговоре нарушает права подозреваемых и обвиняемых, возражавших против прекращения уголовного дела на предварительном следствии, судопроизводство в отношении которых будет осуществлено в обычном порядке. Я.Н. Ермолович, на наш взгляд, совершенно справедливо отмечает, что в этом случае подозреваемому (обвиняемому) может быть назначено уголовное наказание [9]. В случае, если суд по своему усмотрению примет решение рассмотреть уголовное дело в общем порядке, освободив подсудимого от в приговоре от наказания, это нарушит императивные требования ст. 28.2 УПК РФ.

Необходимо предусмотреть процедуру изменения обвинения судом при вынесении постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в порядке статьи 28.2 УПК РФ в следующих случаях: устранение ошибки в правовой квалификации деяния при неизменности события преступления; исключение из юридической формулировки альтернативного или квалифицирующего признака состава преступления, если они не следуют из изложенных в обвинении фактических обстоятельств совершенного преступления; уменьшение объема обвинения, если для этого достаточно исследования отдельных доказательств. Инициирование изменения обвинения возможно как по собственному усмотрению суда, так и по ходатайству стороны защиты, при этом допустимо исследование отдельных доказательств и иных материалов уголовного дела.

Необходимость исследования отдельных доказательств можно проиллюстрировать актуальным в настоящее время примером. Представим, что подсудимому предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ, совершенного в июле 2025 года. Вместе с тем, с 01.09.2025 вступил в силу приказ Минздрава России от 08.04.2025 № 172н [10], отменивший ранее действующий приказ Минздрава России от 24.04.2008 № 194н [11] и установивший новый порядок определения степени тяжести вреда здоровья человека. В случае, если телесное повреждение в обвинении оценено согласно «старому порядку» как причинившее тяжкий вред здоровью, а с учетом «нового порядка» оно может быть квалифицированно как причинившее средний вред здоровью, мы полагаем, что суд должен назначить дополнительную судебную медицинскую экспертизу после возобновления производства по уголовному делу с целью устранения данных сомнений.

Нарушение прав потерпевших с позиции института изменения обвинения в суде первой инстанции заключается в отсутствии правового регулирования применения положений о возвращении уголовного дела прокурору. Что делать в ситуации, если для принятия решения о возвращении уголовного дела прокурору по данным основаниям требуется исследование доказательств, которое не было произведено до приоста-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

новления производства по уголовному делу в соответствии с п.5 ч.1 ст. 238 УПК РФ? Ответа на данный вопрос действующее законодательство не содержит. В такой ситуации единственным выходом у суда после возобновления производства по делу с целью его прекращения в отсутствие полномочий по исследованию доказательств и возвращения уголовного дела прокурору является вынесение в нарушение прав потерпевшего незаконного постановления о прекращении уголовного дела, имеющего, к тому же, преюдициальное значение в гражданском и арбитражном процессе (ч. 4 ст. 61 ГПК РФ и ч.4 ст. 69 АПК РФ).

На наш взгляд, определяющим значением для отнесения тех или иных корректировок к изменению обвинения является возможность данных корректировок влиять на событие преступления, его юридическую оценку, возможность прекращения уголовного дела, вид и размер назначаемого наказания.

Данное влияние, на наш взгляд, производится путем собой корректировки изложенного в обвинительном документе события преступления и (или) его юридической оценки при котором преступление составляет часть прежнего и (или) осуществляется замена обстоятельств, составляющих событие преступления и (или) событие преступления дополняется обстоятельствами, улучшающими положение обвиняемого (подсудимого) и (или) устраняются противоречия в тексте обвинения (в том числе и путем исправления технической ошибки).

Определение сущности изменения обвинения посредством влияния на существо, объем и характер обвинения, не охватывает случаи корректировки обвинения путем устранения (исправления) технической ошибки. Считаем, что поскольку техническая ошибка носит явный характер, существо и объем обвинения являются установленными, соответственно исправление технической ошибки в обвинении не сказывается на данных характеристиках. Вместе с тем, отнесение исправления технической ошибки к изменению обвинения объясняется невозможностью оставления описания события преступления или юридической оценки в первоначальном виде, поскольку, как представляется, любое противоречие в обвинении должно быть установлено судом и оценено с точки зрения допустимости рассмотрения уголовного дела по существу. В целом, факты исправления (устранения) судами технической ошибки в обвинении с соответствующим обоснованием неоднократны [12, 13]. Считаем, что требование п. 3 ст. 307 УПК РФ с учетом соответствующих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ [14] об обосновании в приговоре всякого изменения обвинения, должно распространяться в том числе и на исправление технической ошибки.

При этом, необходимо отличать обоснованное изменение обвинения от конкретизации обвинения, которая недопустима. При конкретизации обвинения возникает ситуация, когда в ходе досудебного и судебного производств обвиняемый (подсудимый) защищался от одного обвинения, а приговором суда признан виновным в другом. Такое уточнение может осуществляться судом как при неконкретном обвинении, не позволяющем рассмотреть уголовное дело по существу, так и при отсутствии оснований для возвращения уголовного дела прокурору. Например, в обвинении указано о нанесении телесных повреждений потерпевшему, но отсутствуют сведение о предмете, который использовался для причинения телесных повреждений. В качестве примеров также может выступать приведение в приговоре конкретных действий (бездействий), последствий, места и иных обстоятельств, подлежащих доказыванию, изложенных в обвинении в общем виде.

Выводы

Для соблюдения прав участников уголовного судопроизводства представляется необходимым подробно регламентировать вопросы возвращения уголовного дела прокурору и изменения обвинения в законодательстве и в ряде постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Во-первых, предлагается разъяснить в специализированном постановлении Пленума Верховного Суда РФ, посвященном подготовке к судебному разбирательству [15], что приостановление производства по уголовному делу в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 238 УПК РФ возможно только после рассмотрения вопросов, предусмотренных ч. 2 ст. 229 УПК РФ и заявления прокурора об изменении обвинения.

Во-вторых, необходимо разъяснить в специализированном постановлении Пленума Верховного Суда РФ, посвященном освобождению от уголовной ответственности [16], что после возобновления судом производства по ранее приостановленному в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 238 УПК РФ уголовному делу с целью рассмотрения вопроса о его прекращении государственный обвинитель (прокурор) вправе изменить обвинение в сторону смягчения в соответствии с ч. 8 ст. 246 УПК РФ. В этом случае позиция о возможности прекращении уголовного дела выясняется у подсудимого (обвиняемого) с учетом нового обвинения. Кроме того, необходимо разъяснить наличие у суда полномочий возвратить уголовное дело прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ после возобновления производства. Также необходимо предусмотреть процедуру изменения обвинения судом при вынесении постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследо-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

вания) в отношении военнослужащих в порядке статьи 28.2 УПК РФ по следующим основаниям: устранение ошибки в правовой квалификации деяния при неизменности события преступления; исключение из юридической формулировки альтернативного или квалифицирующего признака состава преступления, если они не следуют из изложенных в обвинении фактических обстоятельств совершенного преступления; уменьшение объема обвинения, если для этого достаточно исследования отдельных доказательств. Инициирование изменения обвинения возможно как по собственному усмотрению суда, так и по ходатайству стороны защиты, при этом допустимо исследование отдельных доказательств и иных материалов уголовного дела.

В-третьих, гарантией соблюдения требований ст. 78.1 УК РФ об освобождении от уголовной ответственности лица, имеющего на это право и лишенного этого права по независящим от него обстоятельствам в случае возвращения судом уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ после возобновления производства по делу является возможность последующего прекращения уголовного преследования по ходатайству обвиняемого в порядке, предусмотренным ст. 28.2 УПК РФ, что необходимо регламентировать в указанной статье.

В-четвертых, обосновано, что определение сущности изменения обвинения посредством влияния на существо, объем и характер обвинения, не охватывает случаи корректировки обвинения путем устранения (исправления) технической ошибки. Считаем, что поскольку техническая ошибка носит явный характер, существо и объем обвинения являются установленными, соответственно исправление технической ошибки в обвинении не сказывается на данных характеристиках. Вместе с тем, отнесение исправления технической ошибки к изменению обвинения объясняется невозможностью оставления описания события преступления или юридической оценки в первоначальном виде, поскольку, как представляется, любое противоречие в обвинении должно быть установлено судом и оценено с точки зрения допустимости рассмотрения уголовного дела по существу.

В-пятых, необходимо отличать обоснованное изменение обвинения от конкретизации обвинения, которая недопустима. При конкретизации обвинения возникает ситуация, когда в ходе досудебного и судебного производств обвиняемый (подсудимый) защищался от одного обвинения, а приговором суда признан виновным в другом. Такое уточнение может осуществляться судом как при неконкретном обвинении, не позволяющем рассмотреть уголовное дело по существу, так и при отсутствии оснований для возвращения уголовного дела прокурору.

Список источников

1. Лопатина Т.М. Проблемы правоприменения нового основания освобождения от уголовной ответственности (ст. 78.1 УК РФ) // Адвокатская практика. 2024. № 3. С. 27 – 30.

2. Гамзаева А.Б. Правовая природа прекращения уголовного преследования в связи с поступлением на военную службу (прохождением военной службы) // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2025. № 4. С. 118 – 123.

3. Свердлов Д.Р., Огородникова Н.В. Освобождение от уголовной ответственности и наказания на первоначальном этапе проведения Специальной военной операции: уголовно-правой и уголовно-процессуальный аспекты // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2025. № 17 (2) С. 87 – 92.

4. Маркелов А.Г. Новый доказательственный компромисс при прекращении уголовного преследования и освобождении от уголовной ответственности (наказания) в отношении лица, участвующего в специальной военной операции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2025. № 1. С. 114 – 122.

5. Кудрявцева А.В., Русман Г.С. Освобождение от уголовной ответственности участников СВО в суде по ходатайству командования воинской части // Уголовный процесс. 2025. № 3. С. 24 – 33.

6. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26.06.2025 № 77-1835/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 03.04.2025 №77-1130/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Тыва от 12 февраля 2025 г. По делу № 22-141/2025 // СПС «Гарант».

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

9. Ермолович Я.Н. Совершенствование уголовно-правовых средств реализации уголовной ответственности военнослужащих (научно – практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 23.03.2024 г. № 64-ФЗ) // Право в Вооруженных Силах. 2024. № 6. С. 45 – 53.

10. Приказ Минздрава России от 08.04.2025 № 172н «Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Апелляционное определение Московского городского суда от 27.02.2023 по делу № 10-1553/2023 // СПС «КонсультантПлюс»;

13. Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 30.03.2021 № 77-292/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // СПС «КонсультантПлюс».

15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2009 № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» // СПС «КонсультантПлюс»

16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Lopatina T.M. Problems of law enforcement of the new grounds for exemption from criminal liability (Article 78.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). Advocate practice. 2024. No. 3. P. 27 – 30.

2. Gamzaeva A.B. Legal nature of termination of criminal prosecution in connection with entering military service (military service). Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 2025. No. 4. P. 118 – 123.

3. Sverdlov D.R., Ogorodnikova N.V. Exemption from criminal liability and punishment at the initial stage of a Special military operation: criminal law and criminal procedure aspects. Legal Bulletin of the Kuban State University. 2025. No. 17 (2). P. 87 – 92.

4. Markelov A.G. New evidentiary compromise in terminating criminal prosecution and releasing from criminal liability (punishment) in relation to a person participating in a special military operation. Bulletin of the N.I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2025. No. 1. P. 114 – 122.

5. Kudryavtseva A.V., Rusman G.S. Releasing from criminal liability of SMO participants in court at the request of the military unit command. Criminal Procedure. 2025. No. 3. P. 24 – 33.

6. Cassation ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated June 26, 2025 No. 77-1835/2025. SPS "ConsultantPlus".

7. Ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated April 3, 2025, No. 77-1130/2025. SPS "ConsultantPlus".

8. Appellate Ruling of the Supreme Court of the Republic of Tyva dated February 12, 2025, in Case No. 22-141/2025. SPS "Garant".

9. Ermoolovich Ya.N. Improving Criminal-Law Means of Enforcing the Criminal Liability of Military Personnel (scientific and practical commentary on the Federal Law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" dated March 23, 2024, No. 64-FZ). Law in the Armed Forces. 2024. No. 6. P. 45 – 53.

10. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated April 8, 2025 No. 172n "On Approval of the Procedure for Determining the Severity of Harm Caused to Human Health". SPS "ConsultantPlus".

11. Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation dated April 24, 2008 No. 194n "On Approval of Medical Criteria for Determining the Severity of Harm Caused to Human Health". SPS "Consultant-Plus".

12. Appellate Ruling of the Moscow City Court dated February 27, 2023 in Case No. 10-1553/2023. SPS "ConsultantPlus";

13. Cassation Ruling of the Ninth Cassation Court of General Jurisdiction dated March 30, 2021 No. 77-292/2021. SPS "ConsultantPlus".

14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 29, 2016 No. 55 "On the Court Sentence". SPS "ConsultantPlus".

15. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.12.2009 No. 28 "On the application by courts of the norms of criminal procedural legislation governing the preparation of a criminal case for trial". SPS "ConsultantPlus"

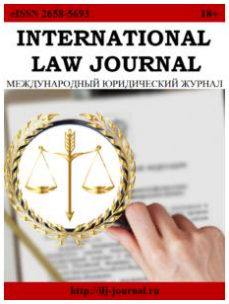
16. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.06.2013 No. 19 "On the application by courts of legislation regulating the grounds and procedure for release from criminal liability". SPS "ConsultantPlus".

Информация об авторе

Карпов А.С., аспирант, Юго-Западный государственный университет, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94, auditkarpoff@yandex.ru

© Карпов А.С., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)
УДК 341.21
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-135-143

Субъект права на самоопределение: понятие «народа» в международном праве

[1, 2] Мирова М.А.,
[1] ООО «ГРАНДСТРОЙМИР», г. Москва,
[2] Московский государственный институт международных отношений

Аннотация: *статья посвящена одному из наиболее дискуссионных вопросов права народов на самоопределение – определению субъекта этого права, то есть содержанию понятия «народ» в международном праве. Цель исследования – выявить юридически значимые критерии, позволяющие отграничить «народ» как носителя права на самоопределение от смежных правовых категорий: населения существующего государства, коренных народов и национальных меньшинств. Задачи исследования включают анализ подготовительных материалов (travaux préparatoires) Международных пактов о правах человека 1966 г., обобщение практики Международного Суда ООН, решения Верховного суда Канады по делу о сецессии Квебека, заключений Арбитражной комиссии Конференции по Югославии, а также релевантной доктрины. На основе формально-юридического, сравнительно-правового и историко-правового методов автор приходит к выводу, что понятие «народ» носит многозначный характер: его объём, а также формы реализации права на самоопределение зависят от правового статуса соответствующей общности, характера её связи с территорией и конкретного историко-политического контекста. Практическое значение работы состоит в возможности использования предложенных критериев при квалификации субъектов самоопределения в международно-правовой практике, при разрешении территориальных споров либо конфликтов, связанных с реализацией народом права на самоопределение.*

Ключевые слова: *право на самоопределение, народ, субъект международного права; национальные меньшинства, коренные народы, деколонизация, территориальная целостность, Международный Суд ООН*

Для цитирования: Мирова М.А. Субъект права на самоопределение: понятие «народа» в международном праве // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 135 – 143. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-135-143

Поступила в редакцию: 23 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 20 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

The subject of the right to self-determination: the concept of “people” in international law

[1, 2] Mirova M.A.,
[1] Limited Liability Company «GRANDSTROYMIR», Moscow,
[2] Moscow State Institute of Foreign Affairs

Abstract: *the article addresses one of the most contested questions of the right of peoples to self-determination – the identification of the holder of this right, that is, the content of the concept of “people” in international law. The aim of the study is to identify the legally relevant criteria that distinguish a “people” as the bearer of the right to self-determination from adjacent legal categories: the population of an existing State, indigenous peoples and national minorities. The objectives include analysis of the travaux préparatoires of the 1966 International Covenants on Human Rights; a review of the practice of the International Court of Justice; the Supreme Court of Canada’s*

decision in Reference re Secession of Quebec; the opinions of the Arbitration Commission of the Conference on Yugoslavia; and the relevant doctrine. Applying the formal-legal, comparative-legal and historical-legal methods, the author concludes that the concept of "people" is polysemic: the scope and the forms of exercising the right to self-determination depend on the legal status of the community concerned, the character of its link to the territory, and the specific historical and political context. The practical significance of the study lies in the applicability of the proposed criteria to the qualification of subjects of self-determination in international legal practice, to the resolution of territorial disputes and conflicts caused by people's right to self-determination.

Keywords: *right to self-determination, people, subject of international law, national minorities, indigenous peoples, decolonization, territorial integrity, International Court of Justice*

For citation: Mirova M.A. The subject of the right to self-determination: the concept of "people" in international law. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 135 – 143. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-135-143

The article was submitted: May 23, 2026; Approved after reviewing: June 20, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

Право народов на самоопределение принадлежит к числу основополагающих принципов современного международного права и закреплено в Уставе Организации Объединённых Наций, а также в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. [1; 2; 3]. Вместе с тем ни один из этих актов не раскрывает содержания ключевого для данного принципа понятия – понятия «народ», то есть не определяет субъекта, которому принадлежит право на самоопределение. Эта неопределённость порождает один из наиболее дискуссионных вопросов доктрины и практики: какие именно общности следует признавать «народом» для целей реализации права на самоопределение.

Актуальность исследования обусловлена тем, что от ответа на вопрос о субъекте права на самоопределение зависит разрешение целого ряда практических проблем – от квалификации территориальных споров до оценки правомерности требований об отделении. Цель настоящей статьи – выявить юридически значимые критерии, позволяющие отграничить «народ» как носителя права на самоопределение от смежных правовых категорий: населения существующего государства, коренных народов и национальных меньшинств. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: проанализировать подготовительные материалы Международных пактов о правах человека 1966 г.; обобщить практику Международного Суда ООН и иных международных и национальных юрисдикционных органов; систематизировать доктринальные подходы к определению понятия «народ» и обосновать их соотношение.

Материалы и методы исследований

Эмпирическую основу исследования составили международно-правовые акты (Устав ООН, Международные пакты о правах человека 1966 г., резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 1514 (XV), № 1541 (XV) и № 47/135, Конвенция МОТ № 169, Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств 1995 г., Декларация ООН о правах коренных народов 2007 г.), консультативные заключения Международного Суда ООН (по Западной Сахаре 1975 г., о Стене 2004 г., о юридических последствиях политики и практики Израиля на оккупированной палестинской территории 2024 г.), решение Верховного суда Канады по делу Reference re Secession of Quebec, заключения Арбитражной комиссии Конференции по Югославии (Комиссии Бадинтера), доклад ЮНЕСКО 1990 г., а также труды отечественных и зарубежных специалистов в области международного публичного права.

Методологическую основу работы образуют формально-юридический (формально-догматический) метод, использованный при толковании нормативных положений; сравнительно-правовой метод, позволивший сопоставить подходы различных юрисдикционных органов; историко-правовой метод, применённый при анализе подготовительных материалов и практики деколонизации; а также общенаучные методы анализа и синтеза, использованные при систематизации доктринальных позиций.

Результаты и обсуждения

Неопределённость в отношении толкования понятия «народ» в контексте права на самоопределение подтверждается материалами travaux préparatoires над двумя Международными пактами о правах человека 1966 г. В материалах отражена позиция, согласно которой в отношении термина «народы» недопустимо

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

проведение каких-либо различий в зависимости от того, находятся ли соответствующие народы в пределах территории суверенного государства или сами образуют суверенное государство [4]. Вместе с тем предлагалось толковать понятие «народы» как охватывающее все народы, способные осуществлять право на самоопределение, при условии, что такой народ проживает на одной территории, а его представители связаны между собой единой этнической принадлежностью. Высказывались и иные подходы, согласно которым понятие «народы» должно распространяться на крупные национальные группы, проживающие в пределах определённой территории [4], при этом право на самоопределение должно предоставляться лишь тем субъектам, которые сознательно заявляют требование о его осуществлении, а народы, не достигшие достаточного уровня политического развития, должны передаваться под защиту Международной системы опеки, призванной подготовить их к реализации права на самоопределение [4].

Следовательно, уже на стадии подготовки Международных пактов о правах человека 1966 г. стало очевидно, что государства по-разному понимают, кто именно может считаться «народом» для целей права на самоопределение. Один подход исходил из более широкого понимания этого понятия: «народом» могла признаваться не только совокупность населения государства или колонии, но и устойчивая общность людей, объединённая языком, историей, культурой, этнической принадлежностью и связью с определённой территорией [5]. Другой подход был более узким: он связывал право на самоопределение прежде всего с уже существующими территориально-политическими образованиями – государствами, колониями, подопечными и несамоуправляющимися территориями [6]. Иными словами, спор шёл не о самом наличии права на самоопределение, а о том, кому именно оно принадлежит: любой достаточно оформленной общности или же только населению уже признанной территориальной единицы.

Более подробное развитие эта дискуссия получила в доктрине. Так, концепция самоопределения в международном праве получила практическое воплощение прежде всего в контексте деколонизации, преимущественно в африканском регионе. Территории новых государств посредством применения принципа *uti possidetis* были определены границами бывших колоний без учёта национального состава [7]. Внутри уже сформировавшихся независимых государств отдельным народам отказывали в реализации права на самоопределение. Показательным примером является Биафра, где стремление народа игбо добиться независимости от недавно образованного независимого государства Нигерия повлекло гражданскую войну. Победа федерального правительства сделала практически неактуальным вопрос о том, являлись ли игбо не только меньшинством, но и «народом» в смысле права на самоопределение [8]. В доктрине встречается позиция, согласно которой игбо были бы признаны народом, если бы выиграли гражданскую войну против нигерийской армии [9]. Такая позиция, однако, противоречит системе современного международного права, так как ставит признание группы «народом» в зависимость от исхода вооружённого конфликта, то есть от военного и политического успеха, а не от внутренних характеристик данной группы.

Между тем субъект права на самоопределение должен определяться не post factum и не через перевес сил в конкретном конфликте, а на основе юридически значимых критериев: общей исторической и культурной принадлежности, территориальной связи, выраженной воли к самоопределению и способности выражать и реализовывать общую политическую волю. Иначе право на самоопределение утрачивает нормативное содержание и превращается в юридическое оформление уже достигнутого политического результата.

Анализ резолюций ООН и международных договоров показывает, что территориальный подход не следует понимать как безусловное отождествление территории и одного народа. Даже в актах, связанных с деколонизацией, такая связь проводится не столь прямолинейно. Так, резолюция ГА ООН № 1541, развивающая положения резолюции № 1514, использует формулу «территория и её народы» [10]. Уже сама эта конструкция показывает, что международно-правовая категория территории не всегда совпадает с категорией единого народа: в пределах одной территориальной единицы могут проживать несколько различных общностей, каждая из которых обладает собственной идентичностью. Следовательно, территориальный подход удобен для целей деколонизации, поскольку позволяет определить субъект самоопределения через уже существующую колониальную единицу, однако он не всегда отражает фактический этнокультурный состав населения. Формула «одно государство – один народ» может быть применима лишь к относительно однородным обществам, тогда как большинство современных государств, особенно постколониальных, имеют сложный многонациональный и многоконфессиональный состав [11].

Право на самоопределение, закреплённое в Уставе ООН и развитое в резолюциях Генеральной Ассамблеи, в определённой мере учитывало эту сложность, поскольку не исключало существования нескольких народов в пределах одной территории. Однако практика деколонизации пошла по более упрощённому пути: право на самоопределение предоставлялось не каждой отдельной этнокультурной общности, а населе-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

нию колониальной территории в целом, причём в границах, унаследованных от колониального периода. В результате международное право признало самоопределение как право народов, но государственная практика фактически сузила круг его субъектов до населения уже очерченных территориальных единиц.

Таким образом, безусловно, одну из категорий субъектов права на самоопределение составляют народы колониальных и иных несамоуправляющихся территорий, что вытекает из главы XI Устава ООН, Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г., а также из Декларации о принципах международного права 1970 г. [12]. Такая квалификация была в дальнейшем подтверждена МС ООН в консультативном заключении по делу о Западной Сахаре от 16 октября 1975 г. В заключении было указано на право народов несамоуправляющихся территорий самостоятельно определять свой политический статус посредством «свободного и подлинного выражения воли»; МС ООН не принял доводы Марокко и Мавритании о наличии правовых связей с этой территорией [13]. Тем самым было подчёркнуто, что исторические, культурные или религиозные связи между территорией и соседним государством сами по себе не могут подменять право её народа на самоопределение [13].

К этой же группе близки народы, находящиеся под оккупацией. В современном международном праве наиболее последовательно этот режим раскрыт на примере палестинского народа. В консультативном заключении о Стене 2004 г. МС ООН признал наличие у палестинского народа права на самоопределение и связал его нарушение с режимом оккупации и строительством стены на оккупированной территории [14]. В Консультативном заключении от 19 июля 2024 г. о юридических последствиях политики и практики Израиля на оккупированной палестинской территории (далее – Консультативное заключение 2024 г. по Палестине) МС ООН подтвердил, что продолжительная оккупация, изменение демографического состава территории, эксплуатация природных ресурсов и иные меры, препятствующие осуществлению народом своего права, затрагивают само основание самоопределения [15].

Иной правовой режим действует применительно к населению существующего государства в целом. Здесь субъектом права выступает не отдельная этническая, языковая или религиозная группа, а весь народ государства как политико-территориальная общность. В этом смысле самоопределение выражается прежде всего во внутреннем измерении: в праве населения свободно определять форму политического устройства, участвовать в управлении, распоряжаться своими природными богатствами и обеспечивать экономическое, социальное и культурное развитие [16]. Содержащаяся в Декларации 1970 г. о принципах международного права «защитная оговорка» следует именно этой логике: территориальная целостность защищается в отношении тех государств, которые соблюдают принцип равноправия и самоопределения народов и имеют правительство, представляющее весь народ соответствующей территории без дискриминации [17].

Показательным примером разграничения субъектов права на самоопределение является решение Верховного суда Канады по делу Reference re Secession of Quebec от 20 августа 1998 г. В нём Верховный суд Канады подтвердил категории общностей, для которых международное право допускает возможность внешнего самоопределения: народы колониальных территорий, народы, находящиеся под оккупацией, а также население государства, лишённое доступа к представительному правительству и подвергающееся дискриминации [18]. Во всех остальных случаях самоопределение, согласно позиции суда, реализуется во внутренней форме – через участие в политической жизни соответствующего государства, обеспечение прав всех групп населения и иные механизмы представительства [19]. Применив этот подход к Квебеку, Верховный суд Канады указал, что провинция не является колониальной территорией, не находится под иностранной оккупацией, а её население обладает политическим представительством и всем объёмом прав наравне с другими гражданами Канады. Следовательно, Квебек не имеет права на одностороннее отделение, но может реализовывать самоопределение в его внутреннем проявлении.

Другой подход к пониманию «народа» отражён в докладе ЮНЕСКО, посвящённом изучению данной концепции. В нём были названы семь признаков, которые присущи описанию данного понятия, и, согласно этому подходу, народ – это не просто население определённой территории и не случайное объединение лиц, а устойчивая общность, обладающая рядом объективных характеристик и субъективным сознанием собственной идентичности [20]. Перечисленные в докладе признаки, а именно общая историческая традиция, этническая или расовая идентичность, культурная однородность, языковое единство, религиозная или идеологическая близость, территориальная связь и общая экономическая жизнь, содержат описание «народа».

Особое значение в докладе имеет сочетание объективных и субъективных критериев. С одной стороны, одной лишь общей культуры, языка или происхождения недостаточно, если группа не осознаёт себя самостоятельной общностью. С другой стороны, простого заявления о себе как о народе также недостаточно без объективной исторической, культурной или территориальной основы. Поэтому субъективный элемент –

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

воля быть идентифицированной в качестве народа либо сознание себя народом – должен рассматриваться во взаимосвязи с объективными признаками. Дополнительным подтверждением такой коллективной целостности может служить наличие институтов или иных механизмов выражения общей воли: традиционных органов самоуправления, представительных структур, культурных, религиозных или политических организаций. Такой подход, основанный на сочетании объективных и субъективных факторов при определении понятия «народ», получил поддержку в доктрине [21; 22].

Таким образом, категория «народ» в праве на самоопределение не может быть сведена ни к населению уже очерченной территории, ни к любой группе, заявляющей о собственной идентичности. Ограничительный подход, сформированный практикой деколонизации, обеспечивает стабильность границ, но не отражает всей сложности многонациональных обществ. Более широкое понимание, напротив, позволяет учитывать этнокультурную, языковую и религиозную специфику отдельных общностей, однако при чрезмерном применении способно размыть содержание принципа самоопределения.

В связи с этим в современной доктрине наибольшее значение приобретает промежуточный подход, позволяющий сохранить универсальный смысл формулы «все народы», но не придающий ей одинаковых юридических последствий во всех ситуациях [23]. Иными словами, международное право исходит из того, что право на самоопределение принадлежит народам как таковым, однако содержание, объём и формы реализации этого права зависят от правового статуса соответствующей общности, характера её связи с территорией, а также от конкретного историко-политического контекста.

Категория национальных меньшинств составляет особый предмет международно-правового регулирования, концептуально отграниченный от категории «народов», которые необходимо различать в рамках настоящего исследования. Согласно доктрине, национальное меньшинство представляет собой группу, численно меньшую по сравнению с остальной частью населения государства и занимающую недоминирующее положение в этом государстве, члены которой – будучи гражданами этого государства – обладают этническими, религиозными или языковыми характеристиками, отличающимися от характеристик остального населения, и проявляют стремление сохранить свою культуру, традиции, религию или язык [24]. Правовое закрепление защиты национальных меньшинств осуществлено прежде всего в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г.: «В тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять её обряды, а также пользоваться родным языком» [2]. Декларация Генеральной Ассамблеи ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, 1992 г. развила это положение, не вводя, впрочем, прямого определения меньшинства [25]; равным образом и Рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств 1995 г. воздержалась от прямого определения, оставив этот вопрос на усмотрение государств-участников [26].

Основное разграничение между «народом» и «национальным меньшинством» состоит в том, что народ рассматривается как самостоятельный субъект коллективного права на самоопределение, а меньшинство – как совокупность индивидов, обладающих индивидуальными правами, реализуемыми «совместно с другими членами той же группы». Народ обладает правом на самоопределение во всех его формах, включая в определённых обстоятельствах внешнее самоопределение, а меньшинство – лишь правами на сохранение собственной культурной идентичности в рамках существующего государства [27].

В практике Арбитражной комиссии Конференции по Югославии (далее – Комиссия Бадинтера) рассмотрен ряд вопросов, имеющих значение для определения субъекта права на самоопределение [28]. Одно из заключений касалось вопроса о том, имеет ли сербское население на территории Хорватии и Боснии и Герцеговины право на самоопределение. Комиссия Бадинтера дала отрицательный ответ: право на самоопределение в его внешнем измерении, то есть право на отделение и образование самостоятельного государства, не может быть осуществлено сербским населением в Хорватии и Боснии и Герцеговине, поскольку в этих субъектах федеративной республики оно представляет собой национальное меньшинство, а не «народ» в смысле права на самоопределение [28].

В другом заключении Комиссия Бадинтера признала, что внутренние границы между Хорватией и Сербией, а также между Боснией и Герцеговиной и Сербией должны рассматриваться в качестве международных границ в соответствии с принципом *uti possidetis*, который, согласно Комиссии Бадинтера, является принципом «общего применения» [29]. Комиссия Бадинтера, таким образом, придерживалась более узкого, территориального подхода, и народом было признано население республики в существующих границах, а не исходя из этнических и культурных особенностей, что соответствует вышеуказанному подходу МС ООН.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

В доктрине заключения Комиссии Бадинтера были восприняты неоднозначно. Одни указывают на то, что подход Комиссии обеспечивает стабильность международных границ и предотвращает дезинтеграцию государств по этническому признаку [30]. Другие, напротив, обращают внимание на то, что подход Комиссии искусственно ограничивает понятие «народа» и не учитывает особенности отдельных групп, оказавшихся в позиции национального меньшинства в новообразованных государствах [31].

Другой правовой категорией, которую необходимо отличать от народа, обладающего правом на самоопределение, являются коренные народы, которыми признаются «общины, народы и нации, имеющие историческую преемственность с обществами, существовавшими до вторжения и колонизации и развившимися на их территориях, считающие себя отличными от других секторов общества, преобладающих на определённых территориях или их частях, а также находящиеся в недоминирующем положении и стремящиеся сохранять, развивать и передавать будущим поколениям свои родовые территории и этническую идентичность» [32].

Права коренных народов были кодифицированы в Декларации ООН о правах коренных народов от 13 сентября 2007 г., согласно которой коренные народы имеют право на самоопределение, и в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно осуществляют своё экономическое, социальное и культурное развитие, и, более того, они имеют право на автономию или самоуправление в вопросах, относящихся к их внутренним и местным делам [33]. Однако объём этих прав применительно к коренным народам был ограничен положением Декларации о том, что ничто в её тексте не может толковаться как «санкционирующее или поощряющее любые действия, направленные на расчленение или нарушение, полностью или частично, территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств» [34]. Таким образом, коренные народы получили право на самоопределение преимущественно в его внутреннем измерении – в форме автономии и самоуправления, а не в форме создания независимого государства [35]. Этот двойственный статус – народ как носитель права, но без возможности внешнего самоопределения – отражает компромиссный характер Декларации ООН о правах коренных народов от 13 сентября 2007 г., учитывающий интересы как коренных народов, так и государств в вопросах территориальной целостности.

Выводы

Таким образом, в современном международном праве понятие «народ» имеет не одно, а несколько значений. В колониальном и оккупационном контексте народом является население соответствующей территории, обладающее правом на внешнее самоопределение, включая независимость. В рамках существующего государства народом выступает население государства в целом, а самоопределение реализуется преимущественно через представительное правление и участие в политической жизни. Коренные народы признаются самостоятельными субъектами самоопределения, но главным образом в форме внутренней автономии, самоуправления и защиты традиционного образа жизни. Национальные меньшинства, как правило, не являются самостоятельными субъектами внешнего самоопределения, хотя обладают всем объёмом прав на сохранение своей идентичности, недискриминацию и участие в политической жизни государства.

Проведённый анализ показывает, что определение субъекта права на самоопределение не может опираться ни исключительно на территориальный критерий, ни исключительно на этнокультурные характеристики общности. Юридически корректным является промежуточный подход, при котором понятие «народ» сохраняет универсальный смысл, однако объём и формы реализации права на самоопределение дифференцируются в зависимости от правового статуса общности, характера её связи с территорией и историко-политического контекста.

Список источников

1. Устав Организации Объединённых Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.). Ст. 1, п. 2; ст. 55.

2. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. : вступил в силу 23 марта 1976 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых с иностранными государствами. Москва, 1978. Вып. XXXII. С. 44 – 59.

3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. : вступил в силу 3 января 1976 г. Ст. 1, п. 1.

4. Commission on Human Rights. Report to the Economic and Social Council on the eighth session of the Commission, held in New York, from 14 April to 14 June 1952. UN Doc. E/2256. Para. 41 – 43. URL: https://digitallibrary.un.org/record/220220?v=pdf

5. Barten U. Minorities, Minority Rights and Internal Self-Determination // Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe. 2015. Vol. 14. № 1. P. 1 – 25.

6. Crawford J. The Criteria for Statehood in International Law // British Yearbook of International Law. 1976-1977. Vol. 48. P. 93 – 182.

7. Murray R., Wheatley S. Groups and the African Charter on Human and Peoples' Rights // Human Rights Quarterly. 2003. Vol. 25. № 1. P. 213 – 236.

8. Nixon C.R. Self-Determination: The Nigeria/Biafra Case // World Politics. 1972. Vol. 24. № 4. P. 473 – 497.

9. Castellino J. International Law and Self-Determination. The Hague: Martinus Nijhoff, 2000. 254 p.

10. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1541 (XV) от 15 декабря 1960 г. UN Doc. A/RES/1541 (XV). URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-154128XV29

11. Kiwanuka R.N. The Meaning of "People" in the African Charter on Human and Peoples' Rights // American Journal of International Law. 1988. Vol. 82. № 1. P. 80 – 101.

12. Абашидзе А.Х. Национальные меньшинства и право на самоопределение // Этнографическое обозрение. 1995. № 2. С. 148 – 157.

13. Western Sahara. Advisory Opinion of 16 October 1975 // I.C.J. Reports. 1975. P. 12 – 80 (paras 30, 55 – 59). URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/61/061-19751016-ADV-01-00-EN.pdf

14. Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory. Advisory Opinion of 9 July 2004 // I.C.J. Reports. 2004. P. 136 – 203 (para. 118). URL: https://icj-cij.org/sites/default/files/case-related/131/131-20040709-ADV-01-00-EN.pdf

15. Thürer D., Burri T. Self-Determination // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. Oxford: Oxford University Press, 2008. Para. 19.

16. Thornberry P. The Democratic or Internal Aspect of Self-determination with Some Remarks on Federalism // Modern Law of Self-determination / ed. by C. Tomuschat. Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1993. P. 101 – 138.

17. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Волтерс Клувер, 2005. С. 317.

18. Reference re Secession of Quebec. Supreme Court of Canada. [1998] 2 S.C.R. 217. Paras 122 – 126. URL: https://decisions.scc-csc.ca/scc-csc/scc-csc/en/item/1643/index.do

19. Bayefsky A.F. Self-Determination in International Law: Quebec and Lessons Learned. The Hague: Kluwer Law International, 2000. P. 42 – 43, 57.

20. UNESCO. Final Report and Recommendations. 22 February 1990. UNESCO Doc. SHS-89/CONF.602/7. Para. 22, 24. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000085152

21. Dinstein Y. Collective Human Rights of Peoples and Minorities // International and Comparative Law Quarterly. 1976. Vol. 25. № 1. P. 102 – 120.

22. Cristescu A. The Right to Self-Determination: Historical and Current Development on the Basis of United Nations Instruments. New York: United Nations, 1981. UN Doc. E/CN.4/Sub.2/404/Rev.1. Para. 279.

23. Senaratne K. Internal Self-Determination in International Law: History, Theory, and Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 73 – 74.

24. Capotorti F. Study on the Rights of Persons Belonging to Ethnic, Religious and Linguistic Minorities. New York: United Nations, 1979. UN Doc. E/CN.4/Sub.2/384/Rev.1. Para. 568. URL: https://digitallibrary.un.org/record/134362/

25. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 47/135 от 18 декабря 1992 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml

26. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (Страсбург, 1 февраля 1995 г.). ETS № 157. URL: https://rm.coe.int/168007cdac

27. Pentassuglia G. Minorities in International Law: An Introductory Study. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2002. P. 53 – 75.

28. Conference on Yugoslavia. Arbitration Commission. Opinion No. 1 of 29 November 1991 // International Law Reports. 1993. Vol. 92. P. 162 – 166.

29. Conference on Yugoslavia. Arbitration Commission. Opinion No. 3 of 11 January 1992 // International Law Reports. 1993. Vol. 92. P. 170 – 172.

30. Pellet A. The Opinions of the Badinter Arbitration Committee: A Second Breath for the Self-Determination of Peoples // European Journal of International Law. 1992. Vol. 3. № 1. P. 178 – 185.

31. Craven M.C.R. The European Community Arbitration Commission on Yugoslavia // British Yearbook of International Law. 1995. Vol. 66. P. 333 – 413.

32. Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (Конвенция МОТ № 169): принята 27 июня 1989 г. Ст. 1. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml

33. Декларация ООН о правах коренных народов: принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 61/295 от 13 сентября 2007 г. Ст. 3-4, 46 (п. 1). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml

34. Гарипов Р.Ш. Право коренных народов на самоопределение // Московский журнал международного права. 2010. № 3. С. 18 – 34.

35. Абашидзе А.Х., Ананидзе Ф.Р. Правовой статус меньшинств и коренных народов: международно-правовой анализ: монография. Москва: Издательство РУДН, 1997. С. 6.

References

1. Charter of the United Nations (San Francisco, 26 June 1945). Art. 1, paragraph 2; Art. 55.

2. International Covenant on Civil and Political Rights: adopted by UN General Assembly resolution 2200 A (XXI) of 16 December 1966: entered into force on 23 March 1976. Collection of treaties, agreements and conventions in force with foreign states. Moscow, 1978. Issue XXXII. P. 44 – 59.

3. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights: adopted by UN General Assembly resolution 2200 A (XXI) of 16 December 1966: entered into force on 3 January 1976. Art. 1, paragraph 1.

4. Commission on Human Rights. Report to the Economic and Social Council on the eighth session of the Commission, held in New York, from 14 April to 14 June 1952. UN Doc. E/2256. Para. 41 – 43. URL: https://digitallibrary.un.org/record/220220?v=pdf

5. Barten U. Minorities, Minority Rights and Internal Self-Determination. Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe. 2015. Vol. 14. No. 1. P. 1 – 25.

6. Crawford J. The Criteria for Statehood in International Law. British Yearbook of International Law. 1976-1977. Vol. 48. P. 93 – 182.

7. Murray R., Wheatley S. Groups and the African Charter on Human and Peoples' Rights. Human Rights Quarterly. 2003. Vol. 25. No. 1. P. 213 – 236.

8. Nixon C.R. Self-Determination: The Nigeria/Biafra Case. World Politics. 1972. Vol. 24. No. 4. P. 473 – 497.

9. Castellino J. International Law and Self-Determination. The Hague: Martinus Nijhoff, 2000. 254 p.

10. UN General Assembly Resolution 1541 (XV) of 15 December 1960. UN Doc. A/RES/1541 (XV). URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-154128XV29

11. Kiwanuka R.N. The Meaning of "People" in the African Charter on Human and Peoples' Rights. American Journal of International Law. 1988. Vol. 82. No. 1. P. 80 – 101.

12. Abashidze A.Kh. National Minorities and the Right to Self-Determination. Ethnographic Review. 1995. No. 2. P. 148 – 157.

13. Western Sahara. Advisory Opinion of 16 October 1975. I.C.J. Reports. 1975. P. 12 – 80 (paras 30, 55 – 59). URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/61/061-19751016-ADV-01-00-EN.pdf

14. Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory. Advisory Opinion of 9 July 2004. I.C.J. Reports. 2004. P. 136 – 203 (para. 118). URL: https://icj-cij.org/sites/default/files/case-related/131/131-20040709-ADV-01-00-EN.pdf

15. Thürer D., Burri T. Self-Determination. Max Planck Encyclopedia of Public International Law. Oxford: Oxford University Press, 2008. Para. 19.

16. Thornberry P. The Democratic or Internal Aspect of Self-determination with Some Remarks on Federalism. Modern Law of Self-determination. ed. by C. Tomuschat. Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1993. P. 101 – 138.

17. Lukashuk I. I. International Law. General Part: Textbook for Students of Law Faculties and Universities. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Wolters Kluwer, 2005. P. 317.

18. Reference re Secession of Quebec. Supreme Court of Canada. [1998] 2 S.C.R. 217. Paras 122 – 126. URL: https://decisions.scc-csc.ca/scc-csc/scc-csc/en/item/1643/index.do

19. Bayefsky A.F. Self-Determination in International Law: Quebec and Lessons Learned. The Hague: Kluwer Law International, 2000. P. 42 – 43, 57.

20. UNESCO. Final Report and Recommendations. 22 February 1990. UNESCO Doc. SHS-89/CONF.602/7. Para. 22, 24. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000085152

21. Dinstein Y. Collective Human Rights of Peoples and Minorities. International and Comparative Law Quarterly. 1976. Vol. 25. No. 1. P. 102 – 120.

22. Cristescu A. The Right to Self-Determination: Historical and Current Development on the Basis of United Nations Instruments. New York: United Nations, 1981. UN Doc. E/CN.4/Sub.2/404/Rev.1. Para. 279.

23. Senaratne K. Internal Self-Determination in International Law: History, Theory, and Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. pp. 73 – 74.

24. Capotorti F. Study on the Rights of Persons Belonging to Ethnic, Religious and Linguistic Minorities. New York: United Nations, 1979. UN Doc. E/CN.4/Sub.2/384/Rev.1. Para. 568. URL: https://digitallibrary.un.org/record/134362/

25. Declaration on the Rights of Persons Belonging to National or Ethnic, Religious and Linguistic Minorities: UN General Assembly resolution 47/135 of 18 December 1992. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml

26. Framework Convention for the Protection of National Minorities (Strasbourg, 1 February 1995). ETS No. 157. URL: https://rm.coe.int/168007cdac

27. Pentassuglia G. Minorities in International Law: An Introductory Study. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2002. P. 53 – 75.

28. Conference on Yugoslavia. Arbitration Commission. Opinion No. 1 of 29 November 1991. International Law Reports. 1993. Vol. 92. P. 162 – 166.

28. Conference on Yugoslavia. Arbitration Commission. Opinion No. 1 of 29 November 1991. International Law Reports. 1993. Vol. 92. P. 162 – 166.

29. Conference on Yugoslavia. Arbitration Commission. Opinion No. 3 of 11 January 1992. International Law Reports. 1993. Vol. 92. P. 170 – 172.

30. Pellet A. The Opinions of the Badinter Arbitration Committee: A Second Breath for the Self-Determination of Peoples. European Journal of International Law. 1992. Vol. 3. No. 1. P. 178 – 185.

31. Craven M.C.R. The European Community Arbitration Commission on Yugoslavia. British Yearbook of International Law. 1995. Vol. 66. P. 333 – 413.

32. Convention concerning Indigenous and Tribal Peoples in Independent Countries (ILO Convention No. 169): adopted on 27 June 1989. Art. 1. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml

33. UN Declaration on the Rights of Indigenous Peoples: adopted by UN General Assembly resolution 61/295 of 13 September 2007. Art. 3-4, 46 (para. 1). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml

34. Garipov R.Sh. The Right of Indigenous Peoples to Self-Determination. Moscow Journal of International Law. 2010. No. 3. P. 18 – 34.

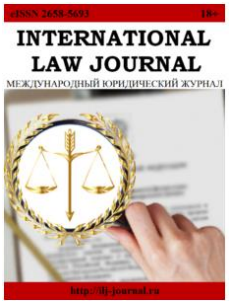
35. Abashidze A.Kh., Ananidze F.R. Legal status of minorities and indigenous peoples: international legal analysis: monograph. Moscow: RUDN University Publishing House, 1997. P. 6.

Информация об авторе

Мирова М.А., юрист, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0005-0862-6897, ООО «ГРАНДСТРОЙМИР», 107023, г. Москва, Семёновский переулок, д. 15; Московский государственный институт международных отношений, MirovaMalika@yandex.ru

© Мирова М.А., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)
УДК 341.1/8
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-144-150

Негосударственные акторы в системе международно-правового регулирования киберпространства: роль технических стандартов и модели co-regulation

[1] Башкин И.В.,
[1] Славяно-греко-латинская академия

Аннотация: *в статье исследуется роль негосударственных акторов в системе международно-правового регулирования киберпространства. Рассматриваются особенности трансформации классической модели международной правосубъектности в условиях цифровизации и усиления влияния негосударственных институтов интернет-управления. Анализируется правовая природа технических стандартов, разрабатываемых специализированными организациями и экспертными сообществами, и их значение как элементов механизма мягкого права (soft law). Особое внимание уделено деятельности ICANN и IETF как ключевых структур, формирующих архитектуру глобальной цифровой инфраструктуры. Показано, что технические стандарты приобретают фактическую нормативность вследствие технологической необходимости и сетевых эффектов, что обусловливает их влияние на национальное и международное регулирование. Обосновывается формирование гибридной модели регулирования (co-regulation), основанной на взаимодействии государств и негосударственных акторов. Сделан вывод о том, что негосударственные институты интернет-управления выступают значимыми регулятивными элементами современного киберпространства, воздействуя на процессы международного нормообразования без обладания классической международной правосубъектностью.*

Ключевые слова*: международное право, киберпространство, интернет-управление, негосударственные акторы, международная правосубъектность, технические стандарты, мягкое право, ICANN, IETF, гибридное регулирование, co-regulation, международное нормообразование, интернет-архитектура, цифровое право*

Для цитирования: Башкин И.В. Негосударственные акторы в системе международно-правового регулирования киберпространства: роль технических стандартов и модели co-regulation // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 144 – 150. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-144-150

Поступила в редакцию: 24 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 21 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

Non-state actors in the system of international legal regulation of cyberspace: the role of technical standards and the co-regulation model

[1] Bashkin I.V.,
[1] Slavic-Greek-Latin Academy

Abstract: *this article examines the role of non-state actors in the system of international legal regulation of cyberspace. It analyzes the transformation of the traditional model of international legal personality under conditions of digitalization and the increasing influence of non-state institutions of Internet governance. The legal nature of technical standards developed by specialized organizations and expert communities is considered, along with their significance as elements of soft law mechanisms. Special attention is paid to the activities of ICANN and the IETF as key structures shaping the architecture of the global digital infrastructure. It is demonstrated that technical*

standards acquire de facto normative force due to technological necessity and network effects, which in turn determines their impact on both national and international regulation. The study substantiates the emergence of a hybrid regulatory model (co-regulation) based on the interaction between states and non-state actors. It is concluded that non-state institutions of Internet governance function as significant regulatory elements of contemporary cyberspace, influencing processes of international norm-formation without possessing classical international legal personality.

Keywords: *international law, cyberspace, Internet governance, non-state actors, international legal personality, technical standards, soft law, ICANN, IETF, co-regulation, hybrid regulation, international norm-formation, Internet architecture, digital law*

For citation: Bashkin I.V. Non-state actors in the system of international legal regulation of cyberspace: the role of technical standards and the co-regulation model. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 144 – 150. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-144-150

The article was submitted: May 24, 2026; Approved after reviewing: June 21, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

Развитие цифровых технологий и формирование глобального киберпространства существенно трансформируют систему международно-правового регулирования. Интернет, изначально созданный как техническая сеть обмена данными, превратился в универсальную транснациональную среду взаимодействия государств, международных организаций, частных корпораций и физических лиц. Цифровизация общественных отношений затрагивает практически все основные направления современной государственной и международной деятельности. Она оказывает влияние на механизмы публичного управления, трансграничный экономический обмен, обеспечение информационной безопасности, а также на реализацию и защиту прав человека. По мере расширения цифровой среды возрастает и значение международно-правовых механизмов, призванных обеспечить устойчивое регулирование возникающих общественных отношений.

Вместе с тем темпы технологического развития существенно опережают процесс формирования международно-правовых норм. Подготовка и согласование международных договоров предполагают длительные переговоры и достижение согласованной позиции государств, тогда как цифровые технологии и связанные с ними общественные отношения изменяются значительно быстрее. Вследствие этого отдельные сферы цифрового взаимодействия оказываются урегулированными лишь частично либо вовсе остаются вне действия традиционных международно-правовых механизмов.

Наиболее наглядно указанная ситуация проявляется применительно к базовым элементам интернет-инфраструктуры: системе доменных имен, распределению IP-адресов, разработке сетевых протоколов и иных технических решений, обеспечивающих функционирование глобальной сети. Координация этих процессов осуществляется преимущественно не государствами, а специализированными негосударственными институтами интернет-управления, прежде всего ICANN и IETF, деятельность которых поддерживается широким кругом экспертных и профессиональных сообществ. Несмотря на отсутствие у данных организаций международной правосубъектности в классическом понимании, именно они формируют технические основы функционирования современного Интернета.

Разрабатываемые указанными институтами стандарты не относятся к числу юридически обязательных источников международного права. Однако их применение фактически является необходимым условием совместимости информационных систем и полноценного участия в глобальном информационном обмене. По этой причине обязательность таких стандартов обеспечивается не механизмами государственного принуждения, а особенностями самой цифровой инфраструктуры, что придает им выраженное регулятивное значение для участников киберпространства.

В современной международно-правовой доктрине подобное явление, как правило, рассматривается через концепцию soft law. Она объединяет нормы и правила, которые формально не создают юридически обязательных предписаний, однако способны оказывать заметное влияние на практику поведения государств и иных участников международных отношений. В цифровой среде технические стандарты становятся важным элементом формирования совместимости глобальной инфраструктуры и постепенно интегрируются в национальные правовые системы, что обусловливает их включение в расширенное понимание источников «мягкого права» в международно-правовой доктрине.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

В этой связи особую значимость приобретает исследование роли негосударственных акторов интернет-управления в формировании нормативного режима киберпространства, а также механизмов трансформации технических стандартов в элементы международного регулирования. Целью настоящей статьи является анализ их влияния на процессы международного нормообразования и обоснование модели гибридного регулирования (co-regulation), основанной на взаимодействии государств и негосударственных институтов. Научная новизна исследования заключается в доказательстве того, что данные акторы выступают самостоятельными регулятивными элементами киберпространства, формирующими его нормативную архитектуру без обладания классической международной правосубъектностью.

Материалы и методы исследований

Теоретическую основу исследования составляют положения классической доктрины международного права, концепции международной правосубъектности, а также современные научные подходы к регулированию киберпространства и Internet Governance. Эмпирическую базу составили нормативные и квазинормативные документы негосударственных акторов интернет-управления, включая ICANN и IETF, а также международные стандарты и RFC-документы.

ICANN (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers) представляет собой международную неправительственную организацию, осуществляющую координацию системы доменных имен, распределения IP-адресов и иных уникальных идентификаторов сети интернет, обеспечивая их глобальную согласованность и устойчивость функционирования.

IETF (Internet Engineering Task Force) является открытым международным экспертным сообществом, не обладающим статусом юридического лица, деятельность которого направлена на разработку технических стандартов и протоколов функционирования интернета, оформляемых в форме документов серии Request for Comments (RFC), определяющих архитектуру глобальной сетевой инфраструктуры.

Методологическая основа исследования включает системный, формально-юридический, сравнительно-правовой и институциональный методы. Системный подход позволил рассмотреть киберпространство как комплексную нормативно-техническую среду. Формально-юридический метод применялся при анализе источников международного права и правовой природы технических стандартов. Сравнительно-правовой метод использовался при сопоставлении моделей регулирования в рамках традиционного международного права и гибридной системы co-regulation.

Результаты и обсуждения

Трансформация системы субъектов международного права в цифровой среде

Традиционная доктрина международного права исходит из того, что субъектами международно-правовых отношений являются носители международной правосубъектности, обладающие способностью иметь права и обязанности и участвовать в международном нормообразовании. Исторически центральное место в данной системе занимали государства как первичные субъекты международного права, позднее дополненные межправительственными организациями и, в ограниченной степени, иными участниками международных отношений [8; 9].

В этой связи представляется необходимым разграничивать формально-юридическую правосубъектность и фактическую регулятивную значимость участников цифровой среды.

Классическая модель формировалась в условиях, когда международные отношения носили преимущественно межгосударственный характер и регулировались через договоры и обычаи. Однако развитие цифровых технологий и становление глобального киберпространства поставили под сомнение достаточность традиционного подхода к определению круга субъектов международного права. В отличие от большинства сфер международного взаимодействия цифровая среда представляет собой единую трансграничную систему, функционирование которой определяется не только юридическими нормами, но и техническими условиями её существования [1; 2; 4].

Специфика киберпространства заключается в том, что передача информации осуществляется независимо от государственных границ посредством унифицированных сетевых протоколов. Поэтому эффективность регулирования определяется не только содержанием правовых предписаний, но и особенностями архитектуры Интернета. Существенное значение имеет и децентрализованный характер сети: она не управляется единым центром, а поддерживается множеством взаимосвязанных участников, среди которых операторы связи, частные компании, разработчики программного обеспечения и специализированные институты интернет-управления [11; 12].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

В этой системе заметную роль играют такие негосударственные акторы, как ICANN, IETF и взаимодействующие с ними профессиональные сообщества. ICANN (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers) осуществляет координацию системы доменных имён и распределения уникальных интернет-идентификаторов, тогда как IETF (Internet Engineering Task Force) представляет собой открытое международное экспертное сообщество, разрабатывающее технические стандарты и протоколы функционирования сети. Хотя данные организации не обладают международной правосубъектностью и их документы не являются международными договорами, именно принимаемые ими решения во многом определяют устойчивость и совместимость глобальной цифровой инфраструктуры [11; 12; 20]. Соблюдение соответствующих стандартов продиктовано прежде всего практической необходимостью: отказ от их использования влечёт не применение юридических санкций, а невозможность полноценного взаимодействия с другими сегментами сети.

Указанное свидетельствует о том, что в цифровой среде изменяется не столько состав субъектов международного права, сколько механизм международного регулирования. Наряду с государствами всё более заметное влияние на выработку правил поведения оказывают негосударственные акторы, деятельность которых определяет технические условия функционирования глобальной сети. Представляется, что их следует рассматривать не как новых субъектов международного права, а как самостоятельных регулятивных участников системы интернет-управления, оказывающих устойчивое влияние на развитие нормативной среды. Одновременно усиливается научная дискуссия о пределах государственного суверенитета в киберпространстве, поскольку распространение подобных механизмов требует нового осмысления соотношения публичной власти и глобального управления цифровой инфраструктурой [5].

Нормативный потенциал технических стандартов
в системе источников регулирования киберпространства

Вопрос о правовой природе технических стандартов приобретает особую актуальность в условиях цифровизации международных отношений. Традиционная теория источников международного права основывается на статье 38 Статута Международного Суда ООН, согласно которой к числу основных источников относятся международный договор, международный обычай и общие принципы права [8; 9]. Однако значительная часть правил, обеспечивающих функционирование цифровой инфраструктуры, возникает вне указанных форм международного нормотворчества и разрабатывается специализированными профессиональными сообществами и негосударственными институтами интернет-управления. Их деятельность формирует особый пласт нормативного регулирования, эффективность которого обусловлена не государственным принуждением, а особенностями функционирования самой цифровой среды [3].

Наиболее показательным примером выступает деятельность IETF, в рамках которой разрабатываются документы серии RFC (Request for Comments), содержащие технические спецификации интернет-протоколов, включая TCP/IP, DNS и SMTP. Эти документы не обладают юридически обязательной силой и не проходят процедуры принятия, характерные для международных договоров [19]. Вместе с тем их применение стало фактическим условием совместимости сетевой инфраструктуры и участия в глобальном информационном обмене. По этой причине регулятивное значение технических стандартов определяется прежде всего архитектурой цифровой среды, а не механизмами государственного принуждения [10].

В международно-правовой литературе подобная форма регулирования обычно рассматривается через концепцию soft law, объединяющую нормы и рекомендации, которые не обладают обязательной юридической силой, но оказывают заметное влияние на поведение государств и иных участников международных отношений [6; 13; 14]. Применительно к цифровой среде значение таких стандартов существенно возрастает, поскольку они обеспечивают не только координацию действий различных участников, но и совместимость самой инфраструктуры Интернета. Именно поэтому их практическое воздействие во многих случаях оказывается более значительным, чем у традиционных инструментов мягкого права.

Показательным примером является система доменных имён, функционирование которой координируется ICANN. Несмотря на отсутствие у организации международно-правовой компетенции, её решения определяют функционирование глобальной системы идентификаторов [20].

Кроме того, государства при разработке законодательства в сфере кибербезопасности, защиты данных и цифровых коммуникаций объективно учитывают существующие технические стандарты, что усиливает их регулятивное воздействие [15; 16].

В результате технические стандарты начинают выполнять функцию посредника между технологической и правовой системами, формируя предпосылки для их возможной институционализации и влияния на развитие международного обычая.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Гибридная модель регулирования киберпространства

Современная система регулирования киберпространства не может быть объяснена исключительно через классическую модель международного права. Ни межгосударственное регулирование, ни концепции полного саморегулирования цифровой среды не отражают сложившуюся практику управления интернетом [1; 4; 11]. В этих условиях формируется гибридная модель регулирования (co-regulation), основанная на взаимодействии государств и негосударственных акторов [12; 16]. Суть данной модели заключается в распределении регулятивных функций: государства сохраняют полномочия по принятию юридически обязательных норм, тогда как негосударственные акторы разрабатывают технические стандарты, определяющие фактические условия функционирования цифровой среды [7; 15].

Интернет как объект регулирования представляет собой одновременно техническую инфраструктуру и глобальное пространство коммуникации, что делает невозможным его эффективное регулирование исключительно правовыми средствами. Государства объективно зависят от архитектуры, разработанной негосударственными институтами, поскольку функционирование цифровых систем требует использования единых протоколов, стандартов шифрования и механизмов идентификации пользователей [19; 20].

В то же время технические организации не обладают полномочиями нормотворчества в юридическом смысле, что исключает их превращение в полноценные субъекты международного права. Однако их влияние на структуру цифровой среды делает их значимыми регулятивными элементами глобального управления. Примером является регулирование кибербезопасности, где национальные и международные меры основываются на стандартах защиты информации, разработанных специализированными организациями [15; 18].

Таким образом, в современной доктрине подчёркивается, что формирование цифрового суверенитета не исключает, а предполагает перераспределение регулятивных функций между государствами и техническими сообществами, что позволяет по-новому интерпретировать пределы государственной власти в Интернете [17]. Современное киберпространство функционирует как система взаимозависимого регулирования, в которой юридические и технические нормы образуют единый механизм управления. Это свидетельствует о формировании новой модели международного регулирования, основанной на взаимодействии государств и негосударственных акторов интернет-управления, в рамках которой технические стандарты выступают функциональным эквивалентом нормативных регуляторов [11; 12; 16].

Выводы

Проведённое исследование позволяет заключить, что развитие цифровой среды оказывает системное воздействие на традиционные механизмы международно-правового регулирования. Формирование глобального киберпространства обусловило появление новых форм нормативного воздействия, которые выходят за рамки классической системы источников международного права и традиционного понимания международной правосубъектности.

Установлено, что цифровизация международных отношений привела к трансформации структуры участников, влияющих на процессы нормообразования. Наряду с государствами и межправительственными организациями значимую роль приобретают негосударственные акторы интернет-управления, обеспечивающие функционирование ключевых элементов глобальной цифровой инфраструктуры.

Показано, что ICANN и IETF, будучи центральными негосударственными акторами, не обладают международной правосубъектностью в классическом понимании, поскольку не наделены полномочиями по созданию юридически обязательных норм международного права. При этом ICANN осуществляет координацию системы доменных имён и распределения уникальных идентификаторов интернета, тогда как IETF разрабатывает технические стандарты функционирования сети, оформляемые в виде RFC-документов. Их деятельность оказывает существенное влияние на содержание и практику регулирования цифровых отношений.

Выявлено, что технические стандарты, разрабатываемые указанными негосударственными акторами, обладают выраженным нормативным потенциалом. Несмотря на отсутствие формально обязательной юридической силы, технические стандарты приобретают регулятивное значение благодаря объективной потребности в обеспечении совместимости цифровой инфраструктуры. Их соблюдение поддерживается не механизмами государственного принуждения, а особенностями функционирования глобальной сети, сетевыми эффектами и высокой степенью технологической взаимозависимости. В силу этого подобные стандарты могут рассматриваться как один из инструментов soft law, оказывающий реальное влияние на поведение участников цифровых отношений.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Проведённый анализ также показывает, что государства, разрабатывая национальные и международные механизмы регулирования киберпространства, неизбежно ориентируются на существующую архитектуру Интернета и технические стандарты, создаваемые негосударственными институтами интернет-управления. По этой причине правовое регулирование цифровой среды тесно связано с её технологической организацией: многие юридические решения оказываются практически реализуемыми лишь при условии их соответствия действующим техническим стандартам.

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что наиболее адекватно современную систему управления киберпространством объясняет концепция co-regulation. Её сущность заключается не в перераспределении международной правосубъектности, а в разделении регулятивных функций между различными участниками. Государства продолжают принимать юридически обязательные нормы и обеспечивают их реализацию, тогда как негосударственные институты интернет-управления разрабатывают технические решения, определяющие устойчивое функционирование цифровой инфраструктуры.

Следовательно, деятельность негосударственных акторов интернет-управления не даёт оснований рассматривать их в качестве самостоятельных субъектов международного права. Вместе с тем их влияние выходит далеко за пределы обычной технической координации, поскольку именно создаваемые ими стандарты во многом определяют параметры регулирования цифровой среды. Это позволяет говорить о формировании гибридной модели киберрегулирования, основанной на постоянном взаимодействии государств и негосударственных институтов, которое становится одним из факторов дальнейшего развития международного права в условиях цифровизации.

Список источников

1. Мажорина М.В. Киберпространство и методология международного частного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2. С. 230 – 253.

2. Красиков Д.В. Применимость международного права к поведению государств в киберпространстве: проблемы достижения консенсуса // Вестник СГЮА. 2020. №6 (137). С. 86 – 95.

3. Талапина Э.В. О возможностях правового регулирования Интернета // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 3 (55). С. 57 – 75.

4. Иванова К.А., Мылтыкбаев М.Ж., Штодина Д.Д. Понятие киберпространства в международном праве // Правоприменение. 2022. №4. С. 32 – 44.

5. Лазарь К. К. Кибербезопасность и суверенитет в киберпространстве: вызовы и перспективы международного права // Московский журнал международного права. 2025. № 1. С. 125 – 137.

6. Перевышин Н. В. Сетевая природа мягкого права // Право и государство: теория и практика. 2024. №8 (236). С. 82 – 85.

7. Лазаренкова И.Ю. Международно-правовые механизмы противодействия транснациональной киберпреступности: вызовы унификации и проблемы имплементации в национальные правовые системы // Вопросы российского и международного права. 2025. Т. 15. № 2А. С. 69 – 83.

8. Crawford J. Brownlie's Principles of Public International Law. 9th ed. Oxford: Oxford University Press. 2019. 785 p.

9. Shaw M. N. International Law. Cambridge: Cambridge University Press. 2021. 1308 p.

10. Lessig L. Code: Version 2.0. New York: Basic Books. 2006. 410 p.

11. DeNardis L. The Internet in Everything: Freedom and Security in a World with No Off Switch. New Haven: Yale University Press. 2020. 256 p.

12. Frydman B., Hennebel L., Lewkowicz G. Co-regulation and the rule of law // Governance, Regulation and Powers on the Internet. 2012. P. 133 – 150.

13. Chaisse J., Ji X. Soft Law in International Law-Making-- How Soft International Taxation Law is Reshaping International Economic Governance // Asian journal of WTO & international health law and policy. 2018. Vol. 13. P. 463 – 509.

14. Chinkin C. The Challenge of Soft Law: Development and Change in International Law // International and Comparative Law Quarterly. 1989. Vol. 38. No. 4. P. 850 – 866.

15. Coco A., Dias T. 'Cyber Due Diligence': A Patchwork of Protective Obligations in International Law // European Journal of International Law. 2021. Vol. 32 (3). P. 771 – 806.

16. De Gregorio G., Radu R. Digital constitutionalism in the new era of Internet governance // International Journal of Law and Information Technology. 2022. Vol. 30(1). P. 68 – 87.

17. Krishnamurthy V. Anchoring Digital Sovereignty // Chicago Journal of International Law. 2025. Vol. 25 (2). P. 417 – 448.

18. Malikzada T. Assessing the Role of International Law in Regulating the Fight Against Cybercrime in the Digital Environment // Futurity Economics & Law. 2026. Vol. 6. № 1. P. 4 – 18.

19. Bradner S. The Internet Standards Process – Revision 3 : RFC 2026 [Электронный ресурс] // RFC Editor. 1996. October. 69 p. URL: https://www.rfc-editor.org/rfc/rfc2026 (дата обращения: 03.05.2026)

20. Internet Corporation for Assigned Names and Numbers. ICANN Bylaws [Электронный ресурс]. Los Angeles: ICANN. 2024. URL: https://www.icann.org/resources/pages/governance/bylaws-en (дата обращения: 03.05.2026)

References

1. Majorina M.V. Cyberspace and the Methodology of Private International Law. Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020. No. 2. P. 230 – 253.

2. Krasikov D.V. Applicability of International Law to the Behavior of States in Cyberspace: Problems of Reaching Consensus. Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2020. No. 6 (137). P. 86 – 95.

3. Talapina E.V. On the Possibilities of Legal Regulation of the Internet. Transactions of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2016. No. 3 (55). P. 57 – 75.

4. Ivanova K.A., Myltykbaev M.Zh., Shtodina D.D. The Concept of Cyberspace in International Law. Law Application. 2022. No. 4. P. 32 – 44.

5. Lazar K. K. Cybersecurity and Sovereignty in Cyberspace: Challenges and Prospects of International Law. Moscow Journal of International Law. 2025. No. 1. P. 125 – 137.

6. Perevyshin N. V. Network Nature of Soft Law. Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 8 (236). P. 82 – 85.

7. Lazarenkova I. Yu. International Legal Mechanisms for Countering Transnational Cybercrime: Challenges of Unification and Problems of Implementation in National Legal Systems. Issues of Russian and International Law. 2025. Vol. 15. No. 2A. P. 69 – 83.

8. Crawford J. Brownlie's Principles of Public International Law. 9th ed. Oxford: Oxford University Press. 2019. 785 p.

9. Shaw M. N. International Law. Cambridge: Cambridge University Press. 2021. 1308 p.

10. Lessig L. Code: Version 2.0. New York: Basic Books. 2006. 410 p.

11. DeNardis L. The Internet in Everything: Freedom and Security in a World with No Off Switch. New Haven: Yale University Press. 2020. 256 p.

12. Frydman B., Hennebel L., Lewkowicz G. Co-regulation and the rule of law. Governance, Regulation and Powers on the Internet. 2012. P. 133 – 150.

13. Chaisse J., Ji X. Soft Law in International Law-Making-- How Soft International Taxation Law is Reshaping International Economic Governance. Asian journal of WTO & international health law and policy. 2018. Vol. 13. P. 463 – 509.

14. Chinkin C. The Challenge of Soft Law: Development and Change in International Law. International and Comparative Law Quarterly. 1989. Vol. 38.No. 4. P. 850 – 866.

15. Coco A., Dias T. 'Cyber Due Diligence': A Patchwork of Protective Obligations in International Law. European Journal of International Law. 2021. Vol. 32 (3). P. 771 – 806.

16. De Gregorio G., Radu R. Digital constitutionalism in the new era of Internet governance. International Journal of Law and Information Technology. 2022. Vol. 30(1). P. 68 – 87.

17. Krishnamurthy V. Anchoring Digital Sovereignty. Chicago Journal of International Law. 2025. Vol. 25 (2). P. 417 – 448.

18. Malikzada T. Assessing the Role of International Law in Regulating the Fight Against Cybercrime in the Digital Environment. Futurity Economics & Law. 2026. Vol. 6. No. 1. P. 4 – 18.

19. Bradner S. The Internet Standards Process – Revision 3: RFC 2026 [Electronic resource]. RFC Editor. 1996. October. 69 p. URL: https://www.rfc-editor.org/rfc/rfc2026 (date of access: 03.05.2026)

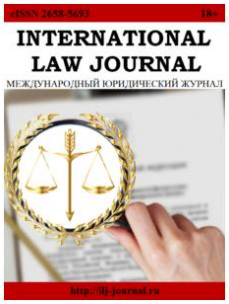
20. Internet Corporation for Assigned Names and Numbers. ICANN Bylaws [Electronic resource]. Los Angeles: ICANN. 2024. URL: https://www.icann.org/resources/pages/governance/bylaws-en (date of access: 03.05.2026)

Информация об авторе

Башкин И.В., Славяно-греко-латинская академия, 4-ch@bk.ru

© Башкин И.В., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 623.444
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-151-157

Актуальные проблемы понятийного аппарата в области криминалистического исследования холодного оружия

[1] Тервонен Н.Э.,
[1] Санкт-Петербургский университет МВД России

Аннотация: *в статье рассматриваются актуальные проблемы формирования и применения понятийного аппарата в области криминалистического исследования холодного оружия, а также вопросы его классификации с учетом особенностей правового режима отдельных категорий предметов. Автором проанализированы нормативные правовые акты, регулирующие оборот антикварного, исторического, мемориального и коллекционного холодного оружия, выявлены пробелы, несогласованность отдельных положений и противоречия, затрудняющие единообразную экспертную и правоприменительную практику. Особое внимание уделено криминалистической оценке указанных видов холодного оружия, поскольку их культурная, историческая либо коллекционная значимость не исключает необходимости установления конструктивных признаков, функционального назначения, способа изготовления и потенциальной поражающей способности. Отмечается, что смешение данных категорий может приводить к ошибкам при квалификации объекта, определении порядка его. Обосновывается необходимость разграничения правовой, историко-культурной и криминалистической характеристики исследуемых объектов, а также определения их места в общей системе классификации холодного оружия и повышения точности экспертных выводов в практике. По результатам проведенного исследования предложено авторское понятие «холодное оружие культурно-исторической ценности», отражающее совокупность юридически значимых, конструктивных, функциональных и историко-культурных признаков данной категории объектов.*

Ключевые слова: *холодное оружие, судебная экспертиза, криминалистическая оценка, антикварное, историческое, мемориальное, коллекционное, холодное оружие культурно-исторической ценности*

Для цитирования: Тервонен Н.Э. Актуальные проблемы понятийного аппарата в области криминалистического исследования холодного оружия // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 151 – 157. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-151-157

Поступила в редакцию: 25 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 22 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

Topical issues of the conceptual framework for the classification of edged weapons

[1] Tervonen N.E.,
[1] Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: *the article examines current issues related to the formation and application of the conceptual framework in the field of forensic examination of cold weapons, as well as matters of their classification, taking into account the specific features of the legal regime applicable to certain categories of objects. The author analyzes regulatory legal acts governing the circulation of antique, historical, memorial, and collectible cold weapons, and identifies terminological gaps, inconsistencies in individual provisions, and contradictions that hinder uniform expert and law enforcement practice. Particular attention is paid to the forensic assessment of the specified types of cold weapons, since their cultural, historical, or collectible significance does not exclude the need to establish their*

structural features, functional purpose, method of manufacture, and potential injurious capability. It is noted that the conflation of these categories may lead to errors in object qualification, determination of the procedure for circulation. The need to distinguish between the legal, historical-cultural, and forensic characteristics of the objects under study is substantiated, as well as to determine their place within the general classification system of cold weapons and to improve the accuracy of expert conclusions in practice. Based on the conducted research, the author proposes the concept of "cold weapons of cultural and historical value," reflecting a set of legally significant, structural, functional, and historical-cultural features of this category of objects.

Keywords: *edged weapon, forensic examination, forensic assessment, antique, historical, memorial, collectible, edged weapon of cultural and historical value*

For citation: Tervonen N.E. Topical issues of the conceptual framework for the classification of edged weapons. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 151 – 157. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-151-157

The article was submitted: May 25, 2026; Approved after reviewing: June 22, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

Криминалистическое исследование холодного оружия имеет существенное значение для экспертной и правоприменительной практики, поскольку от правильного определения признаков исследуемого объекта зависит его последующая правовая оценка. Особую сложность представляют предметы, которые одновременно обладают признаками холодного оружия и имеют культурную, историческую, мемориальную либо коллекционную ценность.

Актуальность темы обусловлена тем, что в действующем законодательстве используются различные категории оружия, однако их содержание не всегда разграничено последовательно. Это создает трудности при определении правового режима таких объектов, их классификации. Наличие у предмета историко-культурной значимости не исключает необходимости установления его конструктивных признаков, функционального назначения, способа изготовления и потенциальной поражающей способности.

Цели исследования – анализ проблем понятийного аппарата и классификации холодного оружия, обладающего культурно-исторической ценностью, а также обоснование авторского понятия данной категории объектов.

Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи:

1. рассмотреть особенности нормативного регулирования оборота антикварного, исторического, мемориального и коллекционного холодного оружия;
2. выявить пробелы, противоречия и терминологические несоответствия, возникающие при разграничении указанных категорий;
3. проанализировать соотношение правовых категорий «антикварное оружие», «историческое оружие», «мемориальное оружие» и «коллекционное оружие»;
4. определить место указанных видов холодного оружия в системе криминалистической классификации;

обосновать необходимость использования самостоятельного понятия, объединяющего холодное оружие, обладающее культурной, исторической, мемориальной либо коллекционной значимостью;

сформулировать авторское определение понятия «холодное оружие культурно-исторической ценности».

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы познания. Метод анализа использовался при изучении нормативных положений, регулирующих оборот отдельных категорий холодного оружия. Метод синтеза позволил обобщить выявленные положения и определить общие проблемы их правового и криминалистического понимания. Системный метод применялся для установления места холодного оружия культурно-исторической ценности в общей классификации холодного оружия. Формально-юридический метод использовался при исследовании содержания нормативных правовых актов и выявлении терминологических неточностей. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить категории антикварного, исторического, мемориального и коллекционного оружия, а также определить особенности их разграничения в действующем законодательстве.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении холодного оружия культурно-исторической ценности как самостоятельного вида холодного оружия в рамках его криминалистической классификации.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Эмпирическую базу исследования составили положения действующего законодательства Российской Федерации, регулирующие оборот оружия, а также отдельные нормативные источники, касающиеся антикварного, исторического, мемориального и коллекционного оружия.

Результаты и обсуждения

В музейных коллекциях Российской Федерации сосредоточены многочисленные образцы холодного оружия, выступающие в качестве важных материальных источников для изучения военной истории, технологических традиций и культурных практик различных эпох. Наряду с хранением и научной каталогизацией данных объектов в современной России распространена частная коллекционная деятельность, а также практика исторической реконструкции, обеспечивающая представление оружия как элемента материальной культуры и способствующая популяризации исторических оружиеведческих знаний. В связи с этим, в нормативных технических источниках [1] содержатся следующие понятия:

1) антикварное холодное оружие – холодное оружие, изготовленное более 50 лет тому назад;
2) историческое холодное оружие – образец холодного оружия, изготовленный до 1891 года;
3) мемориальное холодное оружие – холодное оружие, связанное с известными историческими лицами или событиями.
4) коллекционное холодное оружие – холодное оружие, являющееся (являвшееся) элементом коллекции

Предлагаем рассмотреть каждый из указанных видов с точки зрения криминалистической науки более подробно.

Как следует из изложенного выше, холодное оружие признается антикварным при условии его изготовления более пятидесяти лет назад. В связи с этим представляется актуальным выяснить, какими соображениями руководствовался законодатель при установлении указанного временного критерия. Для изучения данного вопроса предлагаем обратиться к Указу Президента РФ от 30.05.1994 № 1108 «О реализации предметов антиквариата и создании специально уполномоченного органа государственного контроля по сохранению культурных ценностей», согласно которому под предметами антиквариата следует понимать культурные ценности, созданные более 50 лет назад [2]. Примечательно, что в тексте указанного источника отсутствует какое-либо упоминание о холодном оружии.

Кроме того, указанный источник утратил силу в связи с изданием Указа Президента РФ от 18.02.2002 № 184 [3]. Также об антикварном холодном оружии упоминается в Федеральном законе «Об оружии» №150 – ФЗ (далее ФЗ «Об оружии»), согласно которому старинное (антикварное) оружие – огнестрельное, метательное и пневматическое оружие, изготовленное до конца 1899 года (за исключением огнестрельного оружия, изготовленного для стрельбы патронами), а также холодное оружие, изготовленное до конца 1945 года [4]. На лицо, нормативное правовое противоречие между дефиницией антикварного холодного оружия в ФЗ «Об оружии» (оружие, изготовленное до конца 1945 года) понятия в ГОСТ Р 51215-98 «Холодное оружие. Термины и определения». Указанная коллизия создает предпосылки для разночтений при установлении принадлежности предмета к категории антикварного оружия, что требует систематизации понятийного аппарата в целях обеспечения единообразия правоприменения. Мы полагаем, что данное понятие имеет в большей степени юридическое значение.

Так, А.Л. Пушкарев считает, что определение старинного (антикварного) оружия используется при конструировании правовых норм, регулирующих общественные отношения, связанные с присвоенностью, использованием и оборотом данного вида оружия, а также установлением ответственности за деяния, связанные с ним [5, с. 65-73].

При рассмотрении криминалистической значимости понятия «антикварное холодное оружие» необходимо подчеркнуть, что присвоение предмету статуса антикварного не влечет утраты им свойств холодного оружия (рис. 1). Конструктивные особенности и функциональные характеристики остаются неизменными и соответствуют критериям, закрепленным в ГОСТ Р 51215 98 «Холодное оружие. Термины и определения» и в методических рекомендациях. Следовательно, антикварный предмет, обладающий указанными признаками, подлежит отнесению к категории холодного оружия в рамках криминалистической оценки.

Рис. 1. Штык к винтовке Мосина обр. 1891 г.
Fig. 1. Bayonet for the Mosin rifle, model 1891.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Согласно правовым источникам под культурными ценностями следует понимать движимые предметы материального мира независимо от времени их создания, имеющие историческое, художественное, научное или культурное значение [6]. Так, в соответствии с указанным понятием, к культурной ценности, можно отнести историческое, антикварное, мемориальное холодное оружие. Автор предлагает остановится на историческом холодном оружии. Для полноты исследования предлагаем обратиться к международным нормативным актам. Так в соответствии с конвенцией «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности» культурными ценностями считаются ценности религиозного или светского характера, которые рассматриваются каждым государством как представляющие значение для археологии, доисторического периода, истории, литературы, искусства и науки [7]. Однако, одним из признаков предмета, имеющего культурную ценность, является возрастной критерий, а именно срок изготовления предмета должен составлять не менее ста лет. При этом следует отметить, что среди перечисленных предметов отсутствует понятие «оружие».

Другим видом холодного оружия является историческое (рис. 2). Напомним, что в соответствии с действующими требованиями, образец данного вида оружия должен быть изготовлен не позднее 1891 года. Предлагаем рассмотреть аналогичные требования к историческому оружию в иностранных государствах. Так, в Великобритании, в соответствии с актом «Об огнестрельном оружии» 1968 года оружие приобретает историческую ценность в случае, если оно изготовлено до 1919 года. Во Франции согласно закону «Об оружии» до 1870 года. В Республике Молдова, исходя из положений закона от 8 июля 2012 г. № 130 «О режиме оружия и боеприпасов гражданского назначения» старинное оружие – это летальное оружие, произведенное до 1877 г., или его репродукции, предназначенные для хранения в коллекциях [5].

Рис. 2. Шашка драгунская офицерская обр.1881 г. (Российская Империя).
Fig. 2. Dragoon officer's saber, model 1881 (Russian Empire).

Мемориальное холодное оружие (рис. 3), на наш взгляд является идентичным историческому холодному оружию, так как несет в себе историческую культурную ценность. Что касается коллекционного холодного оружия, то требования для отнесения образца к данному виду заключаются в его принадлежности к какой-либо коллекции (рис. 4).

Рис. 3. Сабля с ножнами гетмана И.С. Мазепы, которую он поднес царю Петру I (1689 г. Турция, сер. XVII в.).
Fig. 3. Saber with scabbard of Hetman I.S. Mazepa, which he presented to Tsar Peter I (1689, Türkiye, mid-17th century).

Рис. 4. Коллекционный кортик летчика с ножнами (СССР середина XX в.).
Fig. 4. Collectible pilot's dagger with scabbard (USSR, mid-20th century).

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Возникает вопрос, каким образом данные понятия используются в судебной системе? Для ответа на данный вопрос автор предлагает обратиться к судебной практике.

Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 17 июня 2014 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н.В. Урюпиной» фигурирует «холодное оружие, имеющее культурную (историческую) ценность...» [8].

В апелляционном определении Следственного Комитета по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 сентября 2016 г. № 41-АПУ16-13СП используется формулировка «...коллекция антикварного холодного оружия...» [9].

Выводы

В ходе анализа судебной практики, были выявлены случаи, когда в процессе судебных заседаний понятия, содержащиеся в ГОСТ, не используются, а применяются общие формулировки. Полагаем, что это связанно с избыточностью понятий и неясностью требований к данным видам холодного оружия.

Говоря о криминалистической значимости данных понятий, на наш взгляд, рассматриваемые понятия не могут оказать существенное влияние на заключение эксперта. В связи с тем, что вопросы об отнесении объекта к оружию, имеющему культурную ценность, в том числе старинному (антикварному), в рамках криминалистического исследования холодного (метательного) оружия не решаются [10, с.45]. Однако, согласно методическим рекомендациям, в классификацию холодного оружия данные виды входят. Возникает вопрос целесообразности внесения в классификацию холодного оружия данных понятий.

Исходя из вышесказанного, предлагаем собирательное понятие данных видов холодного оружия. *Холодное оружие культурно-исторической ценности – холодное оружие, имеющее значимость для изучения истории, увековечения памяти исторических событий и личностей, формирования музейных и частных коллекций, а также представляющее антикварную или художественную ценность.* Автор предлагает внести данное понятие в ГОСТ-Р 51215 98 «Холодное оружие. Термины и определения», исключив из него понятия антикварного, исторического, мемориального и коллекционного холодного оружия. Также рекомендуем исключить данные понятия из криминалистической классификации холодного оружия.

Список источников

1. Государственный Стандарт Российской Федерации. «Оружие холодное. Термины и определения». Принят и введен в действие Постановлением Госстандарта России от 17 декабря 1998 г. № 401 // docs.cntd.ru: [сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200025596?ysclid=mlwqdtqvyz957869652 (дата обращения: 14.04.2026)

2. Указ Президента РФ от 30 мая 1994 г. N 1108 «О реализации предметов антиквариата и создании специально уполномоченного органа государственного контроля по сохранению культурных ценностей» (утратил силу) // garant.univer.mvd: [сайт]. URL: http://garant.univer.mvd/#/document/103039/paragraph/16:3 (дата обращения: 14.04.2026)

3. Указ Президента РФ от 18 февраля 2002 г. N 184 «О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации по вопросам лицензирования отдельных видов деятельности и признании утратившим силу Указа Президента Российской Федерации от 30 мая 1994 г. N 1108» // garant.univer.mvd: [сайт]. URL: http://garant.univer.mvd/#/document/12126095/paragraph/8938:4 (дата обращения: 14.04.2026)

4. Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. N 150-ФЗ "Об оружии" (с изменениями и дополнениями) | Система ГАРАНТ // garant.univer.mvd: [сайт]. URL: http://garant.univer.mvd/#/document/10128024/paragraph/210378/doclist/6/3/0/0/ФЗоборужии:10 (дата обращения: 14.04.2026)

5. Пушкарев А.Л. Старинное (антикварное) оружие: проблемы определения и правового режима // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 2. С. 65 – 73. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/starinnoe-antikvarnoe-oruzhie-problemy-opredeleniya-i-pravovogo-rezhima (дата обращения: 22.04.2026)

6. Закон РФ от 15 апреля 1993 г. N 4804-I "О вывозе и ввозе культурных ценностей" (с изменени... / Система ГАРАНТ. URL: http://garant.univer.mvd/#/document/10101361/paragraph/13216/doclist/8/1/0/0/ЗаконN4804-1:4 (дата обращения: 22.04.2026)

7. Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (Париж, 14 ноября 1970 г.) // garant.univer.mvd: [сайт]. URL: http://garant.univer.mvd/#/document/2540238/paragraph/134/doclist/9/1/0/0/ (дата обращения: 22.04.2026)

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июня 2014 г. N 18-П "По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона "Об оружии" в связи с жалобой гражданки Н.В. Урюпиной" // garant.univer.mvd: [сайт]. URL: http://garant.univer.mvd/#/document/70678546/paragraph/1/doclist/14/1/0/0/ (дата обращения: 22.04.2026)

9. Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 сентября 2016 г. N 41-АПУ16-13СП // garant.univer.mvd: [сайт]. URL: http://garant.univer.mvd/#/document/71496588/paragraph/1/doclist/17/1/0/0/o (дата обращения: 22.04.2026)

10. Шведко В.Н., Синицын Е.Ю., Антропова О.Б., Родионов П.А. Криминалистическое исследование холодного оружия: Методические рекомендации. Москва: ЭКЦ МВД России, 2020. 87 с.

References

1. State Standard of the Russian Federation. "Bladed Weapons. Terms and Definitions." Adopted and put into effect by Resolution of the State Standard of Russia dated December 17, 1998, No. 401. docs.cntd.ru: [website]. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200025596?ysclid=mlwqdtqvyz957869652 (date of access: 14.04.2026)

2. Decree of the President of the Russian Federation dated May 30, 1994, No. 1108 "On the Sale of Antiques and the Creation of a Specially Authorized State Control Body for the Preservation of Cultural Values" (no longer in effect). garant.univer.mvd: [website]. URL: http://garant.univer.mvd/#/document/103039/paragraph/16:3 (date of access: 14.04.2026)

3. Decree of the President of the Russian Federation of February 18, 2002 N 184 "On Amendments to Certain Acts of the President of the Russian Federation on Licensing of Certain Types of Activities and on Recognizing as Invalid the Decree of the President of the Russian Federation of May 30, 1994 N 1108". garant.univer.mvd: [website]. URL: http://garant.univer.mvd/#/document/12126095/paragraph/8938:4 (date of access: 14.04.2026)

4. Federal Law of December 13, 1996 N 150-FZ "On Weapons" (with amendments and additions) | GARANTEE System. garant.univer.mvd: [website]. URL: http://garant.univer.mvd/#/document/10128024/paragraph/210378/doclist/6/3/0/0/ФЗобружии:10 (date of access: 14.04.2026)

5. Pushkarev A.L. Ancient (Antique) Weapons: Problems of Definition and Legal Regime. Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 2. P. 65 – 73. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/starinnoe-antikvarnoe-oruzhie-problemy-opredeleniya-i-pravovogo-rezhima (date of access: 22.04.2026)

6. Law of the Russian Federation of 15 April 1993 No. 4804-I "On the Export and Import of Cultural Property" (as amended... GARANTEE System. URL: http://garant.univer.mvd/#/document/10101361/paragraph/13216/doclist/8/1/0/0/ЗаконН4804-1:4 (date of access: 22.04.2026)

7. Convention on the Means of Prohibiting and Preventing Illegal import, export and transfer of ownership of cultural property (Paris, November 14, 1970). garant.univer.mvd: [site]. URL: http://garant.univer.mvd/#/document/2540238/paragraph/134/doclist/9/1/0/0/ (date of access: 22.04.2026)

8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 17, 2014 N 18-P "On the case of verifying the constitutionality of Part Four of Article 222 of the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 1, 3, 6, 8, 13 and 20 of the Federal Law "On Weapons" in connection with the complaint of citizen N.V. Uryupina". garant.univer.mvd: [site]. URL: http://garant.univer.mvd/#/document/70678546/paragraph/1/doclist/14/1/0/0/ (date of access: 22.04.2026)

9. Appellate ruling of the Criminal Investigative Committee of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 15, 2016 N 41-APU16-13SP. garant.univer.mvd: [site]. URL: http://garant.univer.mvd/#/document/71496588/paragraph/1/doclist/17/1/0/0/o (date of access: 22.04.2026)

10. Shvedko V.N., Sinitsyn E.Yu., Antropova O.B., Rodionov P.A. Forensic examination of bladed weapons: Methodological recommendations. Moscow: Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. 87 p.

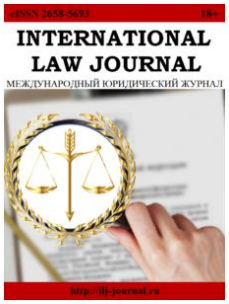
ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Информация об авторе

Тервонен Н.Э., преподаватель, Санкт-Петербургский университет МВД России, tervonen_n@mail.ru

© Тервонен Н.Э., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.772:347.132.6
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-158-163

Компенсация за нарушение исключительных прав на товарный знак и злоупотребление правом при обращении в суд

[1] Вагидов Т.Я.,
[1] Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

Аннотация: *в статье исследуется проблема соотношения института компенсации за нарушение исключительных прав на товарный знак и запрета на злоупотребление правом при обращении в суд. Актуальность темы обусловлена ростом количества исков о взыскании компенсации, в том числе подаваемых недобросовестными правообладателями с целью извлечения необоснованной выгоды. На основе анализа действующего законодательства, постановлений высших судов и доктринальных источников выделены основные формы злоупотребления правом в данной сфере. Систематизированы правовые механизмы, позволяющие суду противодействовать таким злоупотреблениям: отказ в иске, снижение размера компенсации ниже установленных пределов, возложение судебных расходов. Обоснован вывод о необходимости формирования единообразной судебной практики, основанной на оценке добросовестности поведения правообладателя, соразмерности заявленных требований характеру нарушения и цели института компенсации.*

Ключевые слова*: компенсация, товарный знак, исключительное право, злоупотребление правом, судебная защита, нарушение, добросовестность, соразмерность*

Для цитирования: Вагидов Т.Я. Компенсация за нарушение исключительных прав на товарный знак и злоупотребление правом при обращении в суд // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 158 – 163. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-158-163

Поступила в редакцию: 26 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 24 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

Compensation for infringement of exclusive rights to a trademark and abuse of right when applying to court

[1] Vagidov T.Ya.,
[1] St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

Abstract: *the article examines the problem of correlation between the institution of compensation for infringement of exclusive rights to a trademark and the prohibition of abuse of right when applying to court. The relevance of the topic is due to the increasing number of claims for compensation, including those filed by unscrupulous rightholders in order to obtain unjustified benefit. Based on the analysis of the current legislation, rulings of the highest courts and doctrinal sources, the main forms of abuse of right in this sphere have been identified. Legal mechanisms enabling the court to counteract such abuses are systematized: denial of the claim, reduction of the compensation amount below the established limits, imposition of court costs. The conclusion substantiates the necessity to form a uniform judicial practice based on the assessment of the rightholder's good faith, the proportionality of the claimed requirements to the nature of the infringement and the purpose of the compensation institution.*

Keywords: *compensation, trademark, exclusive right, abuse of right, judicial protection, infringement, good faith, proportionality*

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

For citation: Vagidov T.Ya. Compensation for infringement of exclusive rights to a trademark and abuse of right when applying to court. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 158 – 163. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-158-163

The article was submitted: May 26, 2026; Approved after reviewing: June 24, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

Институт компенсации за нарушение исключительных прав на товарный знак, закреплённый в статье 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), выступает одним из наиболее востребованных способов защиты интеллектуальной собственности. Простота применения и отсутствие необходимости доказывать точный размер причинённых убытков стимулируют правообладателей активно использовать данный механизм. Однако в последние годы в судебной практике всё более отчётливо проявляется обратная сторона этого удобного инструмента – злоупотребление правом на предъявление иска о взыскании компенсации. Недобросовестные правообладатели, включая так называемых «патентных троллей», обращаются в арбитражные суды не столько для пресечения нарушения и восстановления нарушенного права, сколько для извлечения необоснованной выгоды, что дестабилизирует гражданский оборот и подрывает доверие к правовой системе.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации» прямо указал, что при рассмотрении споров о компенсации суд должен оценивать добросовестность правообладателя и не допускать использования этого института в противоречии с его действительным назначением [11, п. 62]. Конституционный Суд РФ ещё в 2016 г. признал допустимость снижения размера компенсации ниже низшего предела при определённых условиях, подчеркнув необходимость обеспечения баланса интересов сторон [12]. Вместе с тем проблема квалификации действий правообладателя в качестве злоупотребления правом, а также процессуальные последствия такой квалификации остаются предметом острой научной дискуссии и неоднородной судебной практики. Целью настоящего исследования является системный анализ форм злоупотребления правом при обращении в суд с иском о компенсации за нарушение прав на товарный знак и обоснование критериев, позволяющих отграничить добросовестное осуществление права от противоправного поведения.

Материалы и методы исследований

Материальную основу исследования составили нормы ГК РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 23.04.2019, Обзор судебной практики по делам, связанным с защитой прав на товарный знак (утверждён Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2020) [8], правовые позиции Конституционного Суда РФ, выраженные в постановлении от 13.12.2016 № 28-П [12], а также доктринальные источники – монографические исследования, комментарии законодательства и научные статьи, посвящённые проблемам компенсации и злоупотребления правом [1-7, 9, 10].

Методологический инструментарий включает формально-юридический метод, позволивший проанализировать содержание правовых норм и разъяснений высших судов; метод системного толкования, использованный для установления взаимосвязи между положениями ст. 10 и ст. 1515 ГК РФ; сравнительно-правовой метод при сопоставлении различных подходов, выработанных в судебной практике; а также метод классификации, применённый для систематизации типовых форм злоупотребления правом. Эмпирическая часть работы опирается на обобщение доступных судебных актов арбитражных судов и Суда по интеллектуальным правам, нашедших отражение в анализируемых обзорах и научных публикациях.

Результаты и обсуждения

Право на компенсацию, предусмотренное ст. 1515 ГК РФ, носит охранительный характер и направлено на восстановление имущественного положения правообладателя, нарушенного незаконным использованием товарного знака. В отличие от взыскания убытков, для присуждения компенсации достаточно доказать факт нарушения, а её размер определяется в твёрдой сумме (от 10 тыс. до 5 млн рублей), в двукратном размере стоимости контрафактных товаров или в двукратном размере стоимости права использования, что существенно упрощает доказывание. Именно это свойство, по справедливому замечанию Л.А. Новоселовой, «делает компенсацию наиболее привлекательным способом защиты, но одновременно создаёт почву для возможных злоупотреблений» [7, с. 456].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Практика показывает, что злоупотребление правом со стороны правообладателя может приобретать различные формы, каждая из которых направлена на получение необоснованной выгоды за счёт механизма компенсации. Анализ судебной практики и доктринальных источников [1, с. 8; 4, с. 130; 5, с. 87] позволяет классифицировать данные формы следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Классификация форм злоупотребления правом при предъявлении исков о компенсации за незаконное использование товарного знака.

Table 1

Classification of forms of abuse of rights when filing claims for compensation for illegal use of a trademark.

№	Форма злоупотребления	Содержание	Примеры из судебной практики
1	Многократное предъявление однотипных исков к разным ответчикам	Правообладатель систематически подаёт иски о компенсации за незначительные нарушения (например, предложение к продаже единичных экземпляров контрафактной продукции) к субъектам малого бизнеса, извлекая доход именно из взысканных сумм, а не из использования самого товарного знака.	В Обзоре [8, с. 25] отмечены случаи, когда правообладателем в течение года подано более ста исков, каждый на сумму до 50 тыс. руб., при отсутствии у него реальной коммерческой деятельности, связанной с товарным знаком. Суды начали отказывать в исках, усматривая «промышленное взыскание».
2	Искусственное создание ситуации нарушения	Правообладатель провоцирует потенциального ответчика на использование обозначения, сходного с товарным знаком, либо не принимает мер к досудебному урегулированию, после чего обращается в суд.	Ситуации, когда правообладатель под видом тестовой закупки приобретает товар, а затем предъявляет иск, заведомо зная, что нарушение носило разовый характер [5, с. 90]. Суд отказывал, указывая на недобросовестное поведение истца.
3	Требование заведомо несоразмерной компенсации	Заявляется максимально возможная сумма компенсации (например, 5 млн руб.) за единичный случай продажи контрафакта на незначительную сумму, при отсутствии доказательств убытков, известности бренда или масштаба нарушения.	Суды применяют ст. 10 ГК РФ и снижают размер компенсации ниже низшего предела, ссылаясь на принципы разумности и справедливости, а также на правовую позицию Конституционного Суда РФ [12].
4	Использование товарного знака, зарегистрированного исключительно для целей взыскания компенсации	Регистрируется товарный знак, который фактически не используется в хозяйственной деятельности, но предъявляется иск к добросовестному лицу, применявшему сходное обозначение до даты приоритета.	Суд по интеллектуальным правам в ряде решений признавал такие действия злоупотреблением, отказывая в иске полностью [4, с. 134].
5	Злоупотребление процессуальными правами	Подача заведомо необоснованных исков, неоднократное заявление ходатайств в целях затягивания процесса, предъявление требований к ненадлежащим ответчикам.	В таких случаях суд относит на истца все судебные расходы, что служит процессуальной санкцией [9, с. 128].

Приведённая классификация не является исчерпывающей, однако демонстрирует, что злоупотребление правом может проявляться как на стадии материально-правового требования, так и в процессуальном поведении истца. Важно отметить, что судебная практика выработала несколько правовых механизмов противодействия недобросовестным действиям. Базовым является общая норма ст. 10 ГК РФ, согласно которой суд может отказать в защите принадлежащего лицу права, если оно осуществляется с намерением причинить вред другому лицу, в обход закона или заведомо недобросовестно. Применительно к искам о компенсации это означает, что при установлении факта злоупотребления суд вправе полностью отказать в удовлетворении иска, даже если нарушение формально имело место [11, п. 62].

Другим инструментом выступает снижение размера компенсации ниже минимального предела, установленного законом. Постановлением Конституционного Суда РФ № 28-П признано, что в исключительных случаях, когда нарушение не носило грубый характер, размер причинённых убытков является незначительным, а сам правообладатель не понёс ощутимых потерь, суд может уменьшить сумму компенсации до разумных пределов [12]. Следует, однако, отграничивать ситуации простой несоразмерности от собственно злоупотребления правом. Как обоснованно указывает В.О. Калятин, «снижение компенсации ниже низшего предела не должно превращаться в автоматическую реакцию на любое заявление ответчика, а требует до-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

казывания исключительных обстоятельств и отсутствия недобросовестности со стороны истца» [1, с. 11]. В то же время, если несоразмерность является следствием заведомо недобросовестного поведения истца, применяется отказ в иске, а не его частичное удовлетворение.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 62 постановления № 10 разъяснил, что суд вправе отказать в удовлетворении иска о компенсации, если установит, что правообладатель действует недобросовестно, в частности использует правовую охрану товарного знака не в соответствии с его функциями, а исключительно для создания препятствий иным лицам либо для извлечения дохода за счёт взыскания компенсации. При этом суд должен оценивать характер деятельности истца, связанность его предпринимательской активности с товарным знаком, соотношение заявленной суммы компенсации и реальных последствий нарушения. Подобный подход смещает акцент с формальной защиты исключительного права на оценку реального экономического интереса правообладателя [3, с. 5; 10, с. 31].

Значимую роль в противодействии злоупотреблениям играет распределение судебных расходов. Арбитражные суды всё чаще возлагают на истца, допустившего злоупотребление процессуальными правами, расходы ответчика независимо от исхода дела [9, с. 126]. Это снижает экономическую привлекательность подачи необоснованных исков.

Обсуждение проблематики не будет полным без обращения к вопросу о соотношении публично-правового запрета на недобросовестную конкуренцию и частноправового института злоупотребления правом. Ряд авторов полагает, что подача многократных исков о компенсации может одновременно нарушать ст. 10 ГК РФ и ст. 14 Федерального закона «О защите конкуренции», если действия правообладателя направлены на устранение конкурентов [4, с. 138; 6, с. 12]. В судебной практике такие ситуации пока не получили широкого распространения, но научная дискуссия создаёт предпосылки для более комплексной защиты ответчиков.

Следует также отметить, что и сам ответчик не лишён возможности злоупотреблять правом, например заявляя необоснованные ходатайства о снижении компенсации или затягивая рассмотрение дела. Однако фокус настоящей статьи сосредоточен именно на действиях правообладателя, поскольку именно они вызывают наибольший резонанс и требуют выработки сбалансированного подхода.

Анализ судебной практики и доктрины позволяет выделить ключевые критерии, при наличии которых обращение в суд за компенсацией может быть квалифицировано как злоупотребление правом: 1) отсутствие у правообладателя реального намерения использовать товарный знак в хозяйственной деятельности; 2) систематический характер подачи исков, свидетельствующий о том, что взыскание компенсации превратилось в самостоятельный бизнес-процесс; 3) несоразмерность заявленных требований последствиям нарушения и отсутствие доказательств убытков; 4) провокационный характер действий истца; 5) предъявление требований к заведомо слабой в процессуальном смысле стороне (например, к индивидуальному предпринимателю, не имеющему ресурсов для квалифицированной защиты). Установление хотя бы одного из этих критериев должно служить для суда сигналом к тщательной проверке добросовестности правообладателя [2, с. 82; 8, с. 28].

Выводы

Проведённое исследование подтверждает, что институт компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак, будучи по своей природе эффективным средством защиты, в условиях отсутствия чётких законодательных ограничений становится привлекательным инструментом для недобросовестных правообладателей. Основными формами злоупотребления выступают: многократное предъявление исков по незначительным нарушениям, искусственное создание ситуаций нарушения, истребование несоразмерно высокой компенсации и регистрация товарных знаков исключительно для целей взыскания. Судебная практика на уровне Верховного Суда РФ и Суда по интеллектуальным правам выработала действенные механизмы противодействия, включая полный отказ в иске на основании ст. 10 ГК РФ, снижение компенсации ниже низшего предела и перераспределение судебных расходов.

Вместе с тем, остаётся потребность в дальнейшей унификации подходов. Целесообразно на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ закрепить систему критериев, позволяющих отграничить добросовестное осуществление права на компенсацию от злоупотребления, и конкретизировать процессуальные последствия. Кроме того, перспективным представляется законодательное уточнение ст. 1515 ГК РФ в части учёта поведения правообладателя при определении размера компенсации. Только такой комплексный подход обеспечит баланс интересов правообладателей и участников гражданского оборота, укрепит правовую определённость и предотвратит использование судебной системы в ущерб её назначению.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Список источников

1. Калятин В.О. Компенсация за нарушение исключительных прав: вопросы судебной практики // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2021. № 3. С. 5 – 15.

2. Ворожевич А.С. Пределы взыскания компенсации за нарушение исключительных прав на товарный знак // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 1 (35). С. 73 – 90.

3. Гаврилов Э.П. Компенсация за нарушение исключительных прав: анализ правоприменительной практики // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2021. № 11. С. 2 – 10.

4. Синицын С.А. Злоупотребление правом в сфере интеллектуальной собственности: доктрина и практика // Вестник гражданского права. 2022. Т. 22. № 2. С. 120 – 148.

5. Добрякова Г.Э. Злоупотребление правом на судебную защиту в спорах о товарных знаках // Арбитражные споры. 2023. № 2. С. 85 – 98.

6. Павлова Е.А. Компенсация за нарушение исключительного права: тенденции и противоречия судебной практики // Хозяйство и право. 2022. № 5. С. 3–16.

7. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части четвертой (постатейный) / отв. ред. Л.А. Новоселова. М.: Статут, 2021. 928 с.

8. Обзор судебной практики по делам, связанным с защитой прав на товарный знак (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 11. С. 20 – 48.

9. Решетникова И.В. Доказывание размера компенсации в арбитражном процессе // Закон. 2023. № 7. С. 124 – 135.

10. Кузнецов М.Н. Снижение размера компенсации за незаконное использование товарного знака: критерии справедливости // Гражданское право. 2024. № 2. С. 27 – 37.

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7. С. 1 – 35.

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 1. С. 18 – 30.

References

1. Kalyatin V.O. Compensation for Violation of Exclusive Rights: Issues of Judicial Practice. Intellectual Property. Industrial Property. 2021. No. 3. P. 5 – 15.

2. Vorozhevich A.S. Limits on Recovery of Compensation for Violation of Exclusive Rights to a Trademark. Journal of the Intellectual Property Court. 2022. No. 1 (35). P. 73 – 90.

3. Gavrilov E.P. Compensation for Violation of Exclusive Rights: Analysis of Law Enforcement Practice. Patents and Licenses. Intellectual Rights. 2021. No. 11. P. 2 – 10.

4. Sinitsyn S.A. Abuse of Rights in the Sphere of Intellectual Property: Doctrine and Practice. Bulletin of Civil Law. 2022. Vol. 22. No. 2. P. 120 – 148.

5. Dobryakova G.E. Abuse of the Right to Judicial Protection in Trademark Disputes. Arbitration Disputes. 2023. No. 2. P. 85 – 98.

6. Pavlova E.A. Compensation for Violation of an Exclusive Right: Trends and Contradictions in Judicial Practice. Business and Law. 2022. No. 5. P. 3 – 16.

7. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation, Part Four (article-by-article). ed. L.A. Novoselova. Moscow: Statut, 2021. 928 p.

8. Review of judicial practice in cases related to the protection of trademark rights (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on September 23, 2020). Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020. No. 11. P. 20 – 48.

9. Reshetnikova I.V. Proving the Amount of Compensation in Arbitration Proceedings. Law. 2023. No. 7. P. 124 – 135.

10. Kuznetsov M.N. Reducing the Amount of Compensation for the Illegal Use of a Trademark: Criteria of Fairness. Civil Law. 2024. No. 2. P. 27 – 37.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 23, 2019 No. 10 "On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation". Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. No. 7. P. 1 – 35.

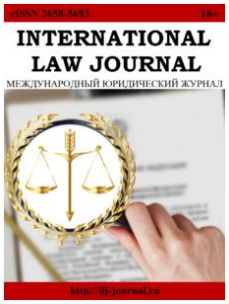
12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 13.12.2016 No. 28-P "On the case of reviewing the constitutionality of subparagraph 1 of Article 1301, subparagraph 1 of Article 1311, and subparagraph 1 of paragraph 4 of Article 1515 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the requests of the Arbitration Court of Altai Krai". Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2017. No. 1. P. 18 – 30.

Информация об авторе

Вагидов Т.Я., аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

© Вагидов Т.Я., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.77:61
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-164-169

Право интеллектуальной собственности и биопечать in situ

[1] Бессараб Н.С., [1] Макаров М.И., [1] Тюлюбаева С.А.,
[1] Тульский государственный университет

Аннотация: *в статье рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования биопринтинга в Российской Федерации, сравниваются и анализируются методы ex situ и in situ. Цель исследования состоит в выявлении пробелов в действующем законодательстве и определении правового статуса биоматериалов и результатов биопечати как объектов гражданских прав. В работе рассмотрены Федеральный закон № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» и Закон РФ № 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека», обоснована их недостаточность для регулирования технологий 3D-биопринтинга. Особое внимание уделено дискуссионным вопросам оборотоспособности биопринтных тканей и патентоспособности соответствующих технологий их создающих. При анализе научной литературы авторами выявлен что наиболее аргументированной признается квалификация отделенного от организма биоматериала и синтезированные ткани в качестве вещей. Отмечается также необходимость патентования не самих биопринтных органов, а технических средств и способов их создания. Практическая значимость работы заключается в возможности использования выводов для совершенствования законодательства и формирования единообразной правоприменительной практики в сфере регенеративной медицины и трансплантологии.*

Ключевые слова: *биопринтинг, право интеллектуальной собственности, биоматериал человека, патентоспособность, гражданский оборот, договор подряда, моральная клаузула, in situ биопечать, правовое регулирование*

Для цитирования: Бессараб Н.С., Макаров М.И., Тюлюбаева С.А. Право интеллектуальной собственности и биопечать in situ // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 164 – 169. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-164-169

Поступила в редакцию: 27 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 25 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

Intellectual property law and in situ bioprinting

[1] Bessarab N.S., [1] Makarov M.I., [1] Tyulyubaeva S.A.,
[1] Tula State University

Abstract: *the article examines current issues of legal regulation of bioprinting in the Russian Federation, comparing ex situ and in situ methods. The purpose of the study is to identify gaps in legislation and determine the legal status of biomaterials and bioprinting results as objects of civil rights. The authors analyze Federal Law No. 180-FZ "On Biomedical Cell Products" and Law No. 4180-I "On Transplantation of Human Organs and (or) Tissues", demonstrating their insufficiency for regulating 3D-bioprinting technologies. Special attention is paid to the circulation of bioprinted tissues and the patentability of the technologies used to create them. The analysis reveals that the most substantiated position is the qualification of separated biomaterial and synthesized tissues as things. The authors emphasize patenting technical means and methods of production rather than the bioprinted organs*

themselves. The practical significance lies in using the findings to improve legislation and form uniform law enforcement practice in regenerative medicine and transplantology.

Keywords: *bioprinting, intellectual property law, human biomaterial, patentability, civil circulation, work contract, moral clause, in situ bioprinting, legal regulation*

For citation: Bessarab N.S., Makarov M.I., Tyulyubaeva S.A. Intellectual property law and in situ bioprinting. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 164 – 169. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-164-169

The article was submitted: May 27, 2026; Approved after reviewing: June 25, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

Современные технологии в области биоинженерии все чаще выступают наиболее оптимальными и перспективными при решении различных медицинских задач, а указанные решения становятся более востребованными в трансплантологии, которая часто сталкивается со сложностями. Наиболее перспективной представляется разработка 3D-печати органов или биопринтинга. В области 3D-принтинга различают две основных методики: ex situ и in situ. Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием биотехнологий и отсутствием соответствующей правовой базы, способной урегулировать отношения, возникающие в связи с созданием и имплантацией биопринтных тканей.

Цель исследования – выявление пробелов в действующем законодательстве, определение квалификации биоматериалов и результатов биопечати в системе объектов гражданских прав.

Задачи – провести сравнительный анализ методов ex situ и in situ; исследовать действующее российское законодательство на предмет его применимости к биопринтингу; проанализировать доктринальные подходы к квалификации биоматериалов и биопринтных тканей; рассмотреть вопросы оборотоспособности и патентоспособности соответствующих объектов и технологий.

Гипотеза – Существующие пробелы в правовом регулировании биопринтинга in situ могут быть восполнены без принятия новых специальных законов путём применения доктринальных подходов к квалификации биоматериалов как вещей и патентования технических средств биопечати, что позволит обеспечить законный оборот биопринтных тканей и их интеллектуально-правовую охрану.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания: диалектический, методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, системно-структурный. В работе также использовались частнонаучные методы: формально-юридический, сравнение, метод толкования правовых норм и метод доктринального анализа. Эмпирическую базу исследования составили: Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс РФ, Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека», Федеральный закон от 20.05.2002 № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека», Федеральный закон от 23.06.2016 № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах», Приказы Роспатента № 87 и № 236, а также научные публикации российских и зарубежных авторов по проблематике биопринтинга и интеллектуальной собственности.

Результаты и обсуждения

Процесс реализации методики ex situ начинается с создания цифровой модели будущего органа, после чего переходят к подготовке биочернил, затем под конкретный случай выбирается технология печати, а на завершающем этапе происходит «дозревание» напечатанного органа в биореакторе-инкубаторе. На сегодняшний день такая технология может напечатать в основном органы, в которых преобладает содержание соединительной ткани: кожу, хрящи и сосуды [14]. Биоинженерная методика in situ чаще используется в экстренных ситуациях или при сложных дефектах тканей, особенно когда форма повреждения нестандартна, а время на «дозревание» отсутствует. При этом создание и имплантация объединяются в один этап, а печать биоматериалов происходит непосредственно в теле пациента, в зоне повреждения или дефекта. Первоначально с помощью встроенного 3D-сканера специалисты получают высокоточную информацию о рельефе поверхности поврежденного участка, затем на основе этих данных автоматически генерируется управляющая программа для робота-манипулятора, после чего робот послойно заполняет дефект гидрогелем с клетками [13]. Важно, что для проведения процедуры не требуется предварительного создания ста-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

тичной 3D-модели: сканирование и печать интегрированы в единый программно-аппаратный комплекс, что радикально сокращает время подготовки.

Технология in situ обладает рядом отличий по сравнению с классическим подходом ex situ. Во-первых, отсутствие этапа дозревания в биореакторе позволяет избежать рисков контаминации и потери жизнеспособности клеток, а также сокращает время до получения импланта с недель до нескольких минут. Во-вторых, печать непосредственно в раневом ложе обеспечивает идеальное анатомическое соответствие даже при сложной геометрии дефекта. В-третьих, биочернила наносятся в естественную среду организма, что способствует лучшей регенерации клеток. В-четвертых, использование изъятых клеток пациента в сочетании с биосовместимыми гидрогелями минимизирует риск иммунного отторжения.

Безусловно, внедрение биотехнологий, в частности биопечати, нуждается в правовом регулировании как объектов, используемых в ходе биопринтинга, так и самого процесса синтеза тканей. Отметим, что в РФ действует ряд законов, область действия которых пограничена с процессами биопринтинга. Так, с 23 июня 2016 года в РФ действует Федеральный закон № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах». Однако, по мнению ученых, данный закон не может быть применен для правового регулирования процесса создания и трансплантации биопринтных органов в организм пациентов, «поскольку технология 3D-печати человеческих органов представляет собой более сложную комбинацию использования не только лекарственных препаратов и медицинских изделий, но и обращения к генной инженерии для перепрограммирования стволовых клеток и проведения непосредственно хирургической операции» [8]. Также отметим, что Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека» не охватывает правоотношения в области использования биоматериала для биопечати, так как регламентирует порядок изъятия донорских органов или тканей именно для трансплантации, что не соответствует целям in situ.

Таким образом, действующее законодательство не в полной мере охватывает отношения, возникающие при биопечати. В связи с этим необходимо обратиться к доктринальному толкованию правового положения биоматериалов и результатов биопринтинга.

С точки зрения гражданского права представляется необходимым ответить на ряд актуальных вопросов. Одним из них выступает квалификация клеток, взятых у человека до их синтезирования в ткани (то есть биоматериал человека), а также тканей, полученных после синтеза клеток человека и биоматериалов (то есть результат биопринтинга) в системе объектов гражданских прав. Так, Е.С. Горбунова предлагает относить биологический материал человека к вещам [11]. Л.О. Красавчикова пишет, что биоматериалы человека следует относить к личным неимущественным благам, поскольку, хотя они и воплощены в материальных предметах, ценность их определяется не весом или количеством, а уникальностью и неповторимостью [13]. И.З. Аюшеева считает, что ткани, созданные путем биопринтинга, можно относить к личным неимущественным правам, которые воплощены в форме объектов объективной реальности [9].

На наш взгляд, биологический материал человека и ткань, созданная путём биопринтинга, являются вещью, поскольку после отделения от организма или изготовления они становятся самостоятельными материальными объектами, которым присущи свойства вещи, например, их оборотоспособность и др., однако после процесса вживления в организм искусственно синтезированного биологического материала, следует рассматривать его как ткань, неотделимую от тела человека, что находит подтверждение в ст. 1 Закона № 4180-I, в которой сказано, что органы или ткани человека не могут быть предметом купли-продажи.

Определение правового положения напрямую связано с вопросом об оборотоспособности данных объектов. В этой связи заслуживает внимания позиция о возможных негативных последствиях легального оборота биопринтных тканей. По мнению Н.В. Кравченко и А.Ю. Труфановой, это может повлечь за собой развитие преступности в сфере их незаконного оборота, что негативно отразится на развитии и функционировании 3D-биопринтинга в Российской Федерации, предопределяя его стагнацию, в то время как потребность в трансплантации органов не уменьшается [12]. Предлагается решение данной проблемы через оформление договоров подрядного типа с пациентами. Особенностями таких договоров должны стать активная множественность лиц, обязательное определение предмета договора – создание органа (в нашем случае ткани), справка-заключение из медицинского учреждения и т.д. Отметим, что данный вопрос требует множества иных уточнений, например, какова должна быть форма договора, что подразумевается под множественностью лиц, подписывающих договор, и т.д.

Наиболее дискуссионным, на наш взгляд, вопросом в научных кругах является патентоспособность биопринтных технологий. Как известно, в гражданском законодательстве РФ, как и во многих странах Европы, действует «моральная клаузула», то есть требование к изобретениям, заключающееся в том, что они не должны противоречить публичному порядку и морали. Данное требование находит свое отражение в ст. 1349 ГК РФ, которая устанавливает объекты, которые не могут быть запатентованы.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Несмотря на существующие препятствия, связанные с морально-этическим аспектом и временным запрещением клонирования человека, закрепленным в ст. 1 Федерального закона «О временном запрете на клонирование человека» № 54-ФЗ, Д.Е. Богданов пишет о том, что разрешенным в РФ остается терапевтическое клонирование, связанное, например, с получением стволовых клеток в целях их последующей трансплантации [10]. Эта позиция подтверждается и п. 2.2.2 приказа Роспатента от 27.12.2018 № 236, в котором указывается, что патентоспособными могут быть способы клонирования клеток и тканей человека, а также продукты, полученные такими способами. Патентоспособными также признаются способы получения эмбрионов и их пересадки в целях экстракорпорального оплодотворения для устранения бесплодия [6].

Однако, как пишет М.А. Ахмадова, применение патентной охраны к биопринтным технологиям связано с некоторыми противоречиями [8]. Главное из них заключается в том, что абз. 2 п. 1 ст. 1350 ГК РФ требует, чтобы изобретение являлось новым, напечатанный же орган является идентичным природному, что несколько нарушает критерий новизны. Ситуация осложняется тем, что если ранее в России действовал подход, аналогичный европейскому (патентование допускалось даже при идентичности природному объекту), то после отмены Приказа Роспатента № 87 в декабре 2018 года соответствующее положение из нового регламента исключили, и сегодня вопрос о патентоспособности биопринтных органов остается законодательно неурегулированным.

Как мы считаем, некорректно говорить о пробелах в законодательном регулировании патентоспособности технологий биопринтинга и при этом соотносить результат биопринтинга с новизной, так как речь должна идти об изобретении именно технических средств и способов биопечати, а не самого результата биопринтинга как продукта. Примером может послужить патент RU 2814949 C1 от 2024 года на изобретение, включающее роботизированную медицинскую систему, а также манипулятор для 3D-биопечати, предназначенное для полнослойного закрытия кожного дефекта (in situ биопринтинг). В данном случае был запатентован аппаратный комплекс, созданный с целью биопринтинга тканей человека. Из этого можно заключить, что объектом патентования являются не полученные путем 3D-биопринтинга ткани, а непосредственно технологии их производства.

Выводы

Технология биопринтинга, особенно ее разновидность in situ, обладает значительным потенциалом для решения актуальных задач трансплантологии, поскольку отсутствие этапа дозревания, минимизация риска иммунного отторжения и возможность идеального анатомического соответствия делают этот метод наиболее перспективным для экстренной и регенеративной медицины. Однако российское отраслевое законодательство, включая ФЗ № 180 и Закон № 4180-I, не рассчитано на регулирование биопечати, так как не учитывает ее технологической сложности, сочетающей генную инженерию, аддитивные технологии и хирургическое вмешательство. В доктрине отсутствует единство относительно правовой квалификации биоматериала и результатов биопринтинга, однако наиболее обоснованной представляется позиция, согласно которой после отделения от организма или искусственного синтеза данные объекты приобретают свойства вещей (ст. 128 ГК РФ). Дискуссионным остается и вопрос оборотоспособности биопринтных органов: несмотря на риск развития незаконного оборота, предлагается оформлять договоры подрядного типа, что, однако, требует дальнейшей детализации. Наиболее актуальной проблемой выступает неопределенность критериев патентоспособности биопринтных технологий, связанная с требованием новизны (ст. 1350 ГК РФ) и отменой Приказа Роспатента № 87, допускавшего патентование продуктов, существовавших в природе. Вместе с тем, как представляется, некорректно говорить о пробеле в регулировании, если соотносить с новизной не сам напечатанный орган, а технические средства и способы его создания, что подтверждается патентом RU 2814949 C1 2024 года на роботизированную систему и манипулятор для in situ биопечати. Таким образом, правовая неопределенность не является непреодолимым препятствием для развития биопринтинга в России и может быть разрешена путем совершенствования законодательства и через формирование соответствующей правоприменительной практики.

Список источников

1. Закон РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22.12.1992 № 4180-I // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/136366/ (дата обращения: 13.05.2026)

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/10164072/ (дата обращения: 14.05.2026)

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/10164072/ (дата обращения: 14.05.2026)

4. Федеральный закон «О временном запрете на клонирование человека» от 20.05.2002 № 54-ФЗ // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/184467/ (дата обращения: 14.05.2026)

5. Федеральный закон «О биомедицинских клеточных продуктах» от 23.06.2016 № 180-ФЗ // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/71427992/ (дата обращения: 13.05.2026)

6. Приказ Роспатента от 25.07.2011 № 87 (ред. от 14.01.2014) «О введении в действие Руководства по экспертизе заявок на изобретения» // СПС «Консультант». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_118857/ (дата обращения: 14.05.2026)

7. Приказ Федеральной службы по интеллектуальной собственности от 27.12.2018 № 236 «Об утверждении Руководства по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации изобретения и выдаче патента на изобретение, его дубликата» // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/72150308/ (дата обращения: 14.05.2026)

8. Ахмадова А.Х. Некоторые вопросы правового регулирования биопринтинга в России // Социально-политические науки. 2020. № 2. С. 67 – 71. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-pravovogo-regulirovaniya-bioprintinga-v-rossii (дата обращения: 14.05.2026)

9. Аюшеева И.З. Проблемы правового регулирования договорных отношений в сфере создания биопринтных человеческих органов // Lex Russica. 2019. № 6 (151). С. 55 – 68. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-dogovornyh-otnosheniy-v-sfere-sozdaniya-bioprintnyh-chelovecheskih-organov (дата обращения: 14.05.2026)

10. Богданов Д.Е. Влияние биопринтных технологий на развитие гражданско-правовой ответственности // Lex Russica. 2020. № 9 (166). С. 42 – 56. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-bioprintnyh-tehnologiy-na-razvitie-grazhdansko-pravovoy-otvetstvennosti (дата обращения: 14.05.2026)

11. Горбунова Е.С. Гражданско-правовой режим биологического материала человека как объекта гражданского права: российский и зарубежный опыт // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 11-4. С. 112 – 116. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovoy-rezhim-biologicheskogo-materiala-cheloveka-kak-obekta-grazhdanskogo-prava-rossiyskiy-i-zarubezhnyy-opyt (дата обращения: 14.05.2026)

12. Кравченко Н.В., Труфанова А.Ю. Правовое регулирование процесса биопринтинга: проблемы и перспективы развития в Российской Федерации // Актуальные проблемы государства и права. 2023. № 27. С. 88 – 96. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-protsessa-bioprintinga-problemy-i-perspektivy-razvitiya-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 14.05.2026)

13. Красавчикова Л.О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 1994. 199 с.

14. Левин А.А. Программно-аппаратный комплекс роботической биопечати на пациентах // Робототехника и техническая кибернетика. 2024. № 2. С. 142 – 151. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/programmno-apparatnyy-kompleks-roboticheskoy-biopechati-na-patsientah (дата обращения: 14.05.2026)

15. Хесуани Ю.Дж., Сергеева Н.С., Миронов В.А., Мустафин А.Г., Каприн А.Д. Введение в 3D-биопринтинг: история формирования направления, принципы и этапы биопечати // Гены и клетки. 2018. № 3. С. 14 – 23. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vvedenie-v-3d-bioprinting-istoriya-formirovaniya-napravleniya-printsipy-i-etapy-biopechati (дата обращения: 14.05.2026)

References

1. Law of the Russian Federation "On Transplantation of Human Organs and (or) Tissues" of 22.12.1992 No. 4180-I. SPS "Garant". URL: https://base.garant.ru/136366/ (date of access: 13.05.2026)

2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 31.07.2025, as amended on 25.03.2026). SPS "Garant". URL: https://base.garant.ru/10164072/ (date of access: 14.05.2026)

3. Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of 18.12.2006 No. 230-FZ (as amended on 23.07.2025). SPS "Garant". URL: https://base.garant.ru/10164072/ (date of access: 14.05.2026)

4. Federal Law "On the Temporary Ban on Human Cloning" of 20.05.2002 No. 54-FZ. SPS "Garant". URL: https://base.garant.ru/184467/ (date of access: 14.05.2026)

5. Federal Law "On Biomedical Cell Products" dated 23.06.2016 No. 180-FZ. SPS "Garant". URL: https://base.garant.ru/71427992/ (date of access: 13.05.2026)

6. Order of Rospatent dated 25.07.2011 No. 87 (as amended on 14.01.2014) "On the Entry into Force of the Guidelines for the Examination of Applications for Inventions". SPS "Consultant". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_118857/ (date of access: 14.05.2026)

7. Order of the Federal Service for Intellectual Property dated 27.12.2018 No. 236 "On approval of the Guidelines for the implementation of administrative procedures and actions within the framework of the provision of the public service for state registration of an invention and the issuance of a patent for an invention, its duplicate". SPS "Garant". URL: https://base.garant.ru/72150308/ (date of access: 14.05.2026)

8. Akhmadova A.Kh. Some issues of legal regulation of bioprinting in Russia. Socio-political sciences. 2020. No. 2. P. 67 – 71. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-pravovogo-regulirovaniya-bioprintinga-v-rossii (date of access: 14.05.2026)

9. Ayusheeva I.Z. Problems of legal regulation of contractual relations in the field of creation of bioprinted human organs. Lex Russica. 2019. No. 6 (151). P. 55 – 68. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-dogovornyh-otnosheniy-v-sfere-sozdaniya-bioprintnyh-chelovecheskih-organov (date of access: 14.05.2026)

10. Bogdanov D.E. The Impact of Bioprinting Technologies on the Development of Civil Liability. Lex Russica. 2020. No. 9 (166). P. 42 – 56. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-bioprintnyh-tehnologiy-na-razvitie-grazhdansko-pravovoy-otvetstvennosti (date of access: 14.05.2026)

11. Gorbunova E.S. Civil Law Regime of Human Biological Material as an Object of Civil Law: Russian and Foreign Experience. International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2020. No. 11-4. P. 112 – 116. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovoy-rezhim-biologicheskogo-materiala-cheloveka-kak-obekta-grazhdanskogo-prava-rossiyskiy-i-zarubezhnyy-opyt (date of access: 14.05.2026)

12. Kravchenko N.V., Trufanova A.Yu. Legal regulation of the bioprinting process: problems and development prospects in the Russian Federation. Actual problems of the state and law. 2023. No. 27. P. 88 – 96. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-protsessa-bioprintinga-problemy-i-perspektivy-razvitiya-v-rossiyskoy-federatsii (date of access: 14.05.2026)

13. Krasavchikova L.O. Concept and system of personal non-property rights of citizens (individuals) in the civil law of the Russian Federation. Yekaterinburg: Ural State Law Academy, 1994. 199 p.

14. Levin A.A. Software and hardware complex for robotic bioprinting on patients. Robotics and Technical Cybernetics. 2024. No. 2. P. 142 – 151. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/programmno-apparatnyy-kompleks-roboticheskoy-biopechati-na-patsientah (date of access: 14.05.2026)

15. Hesuani Yu. D., Sergeeva N. S., Mironov V. A., Mustafin A. G., Kaprin A. D. Introduction to 3D bioprinting: history of the direction formation, principles and stages of bioprinting. Genes and cells. 2018. No. 3. P. 14 – 23. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vvedenie-v-3d-bioprinting-istoriya-formirovaniya-napravleniya-printsipy-i-etapy-biopechati (date of access: 14.05.2026)

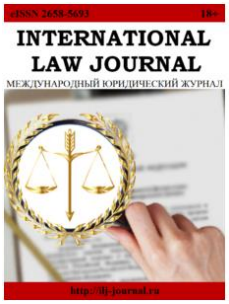
Информация об авторах

Бессараб Н.С., кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Институт права и управления, Тульский государственный университет, 300012, г. Тула, пр. Ленина, д. 92, bessarab@tsu.tula.ru

Макаров М.И., Институт права и управления, Тульский государственный университет, 300012, г. Тула, пр. Ленина, д. 92, m.makarov@stud.tsu.tula.ru

Тюлюбаева С.А., Институт права и управления, Тульский государственный университет, 300012, г. Тула, пр. Ленина, д. 92, s.tyulyubaeva@stud.tsu.tula.ru

© Бессараб Н.С., Макаров М.И., Тюлюбаева С.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.242.1
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-170-175

Свойство следования за вещью как признак вещных прав

[1] Порошков В.А.,
[1] Тульский государственный университет

Аннотация: *в статье исследуется свойство следования за вещью как признак вещных прав.Проводится анализ свойства следования применительно к вещным и обязательственным правам, свойство следования за вещью как признак вещных прав сопоставляется с правом следования, принадлежащего автору.*

Определяется, что свойство следования за вещью изначально как свойство только вещных прав сейчас используется законодателем для усиления некоторых обязательственных прав, что не знаменует появление новых вещных прав, а свидетельствует о сближении вещных и обязательственных прав.

Выявляется тенденция расширения свойства следования не только за вещами как материальными объектами, но и за бестелесными вещами и возможно в перспективе за иными объектами гражданских прав.

Ключевые слова: *гражданское законодательство, защита вещных прав, признаки вещных прав, вещи и иные объекты гражданских прав, вещное право, обязательственное право, свойство следования за вещью*

Для цитирования: Порошков В.А. Свойство следования за вещью как признак вещных прав // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 170 – 175. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-170-175

Поступила в редакцию: 28 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 26 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

The property of following a thing as a feature of property rights

[1] Poroshkov V.A.,
[1] Tula State University

Abstract: *the article examines the right of pursuit (ius persequendi) as a characteristic feature of real (property) rights. It analyses the right of pursuit in relation to both real rights and obligations (contractual rights), and compares the right of pursuit inherent in real rights with the artist's resale right (droit de suite).*

The study concludes that the legislator to strengthen certain obligatory (contractual) rights now uses the right of pursuit, originally exclusive to real rights. This development does not indicate the emergence of new real rights, but rather reflects a convergence between real and obligatory rights.

The article also identifies a trend towards extending the right of pursuit not only to tangible things but also to incorporeal property, and potentially, in the future, to other objects of civil rights.

Keywords: *civil legislation, protection of property rights, signs of property rights, things and other objects of civil rights, property law, compulsory law, property of following a thing*

For citation: Poroshkov V.A. The property of following a thing as a feature of property rights. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 170 – 175. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-170-175

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

The article was submitted: May 28, 2026; Approved after reviewing: June 26, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что набор признаков позволяет определить явление и отделить его от схожих категорий. Одним из ключевых признаков вещных прав, особенно в их сопоставлении с правами обязательственными, является свойство следования.

Свойство следования как признак вещных прав можно определить, как возможность субъекта вещного права сохранять такое право при смене владельца вещи.

Значение такого свойства выражается в демонстрации превалирования вещных прав над правами обязательственными. Свойство следования «за вещью» у субъективных вещных прав противопоставляется свойству следования «за лицом» в правах обязательственных. Так, изменение владельца вещи при смене ее собственника не является основанием для прекращения, например, сервитута, установленного в отношении вещи. И, напротив, при продаже, например, квартиры, долги по коммунальным платежам, следуя за лицом, а не за вещью, обременяют прежнего собственника (продавца квартиры), но не ее покупателя – взыскание таких долгов с нового собственника неправомерно и необоснованно.

Автор не поддерживает мнение о том, что следование за вещью может быть, как самостоятельным субъективным правом [8] так и свойством. Не всякая возможность, предоставленная законом субъекту, сразу является подтверждением существования субъективного права лица. Многие характерные черты и тем более правомочия, определяющие то или иное субъективное право, остаются признаками или частью целого без обретения качеств субъективного права. Являясь одной из характерных черт субъективных вещных прав, свойство следования за вещью не образует самостоятельного субъективного права, ровно так же, как, например, пользование вещью является лишь правомочием значительного числа действительно субъективных прав – права собственности, прав арендатора или прав нанимателя. Упоминание свойства следования как права следования определяет не понятийное значение, а лишь указывает на возможность, определяющую суть свойства следования [11].

Совершенно обособленно следует рассматривать право следования, установленное статьей 1293 ГК РФ [1] – право автора на получение вознаграждения от продавца оригинала произведения, является именно субъективным правом, правовая природа которого отлична от исследуемого в этой работе свойства следования за вещью. Во-первых, иные интеллектуальные права, к каковым законодатель относит и названное право следования, своим объектом имеют не вещи, а результаты интеллектуальной деятельности. И даже в примере со статьей 1293 ГК РФ, хотя оригинал произведения, относительно которого и существует следование, одновременно и может иметь свойства и качества вещи (например, картина), но очевидно, что законодатель все-таки имел в виду произведение именно в качестве результата творческой деятельности, обличенного в материальный носитель. То есть следование определено не за вещью или за лицом, а за результатом интеллектуальной деятельности. Во-вторых, право на получение вознаграждения, предусмотренное статьей 1293 ГК РФ, как раз обладает качествами субъективного права, как по прямому указанию законодателя (статья 1225 ГК РФ), так и в силу наличия юридических фактов его возникновения и прекращения.

Цель исследования – теоретическое обоснование свойства следования как конститутивного (определяющего) признака субъективного вещного права, отграничение его от смежных правовых явлений (обязательственных прав и интеллектуальных прав) и анализ современных тенденций законодательного расширения этого свойства.

Задачи – раскрыть правовую природу свойства следования, определив его как возможность сохранения вещного права при смене владельца вещи, и доказать, что оно является квалифицирующим признаком вещных прав, а не самостоятельным субъективным правом. Провести разграничение между свойствами следования в вещном и обязательственном праве («за вещью» против «за лицом») на конкретных примерах гражданского оборота. Исследовать специфику интеллектуального «права следования» (ст. 1293 ГК РФ) и аргументированно отделить его от исследуемого гражданско-правового свойства следования за вещью. Обосновать императивный характер свойства следования, доказав невозможность его установления, изменения или отмены соглашением сторон договора.

Гипотеза – свойство следования за вещью представляет собой сущностную характеристику исключительно абсолютных (вещных) правоотношений, которая не может быть сконструирована волей частных лиц (через договор) и не способна существовать в качестве самостоятельного субъективного права. Любое распространение законодателем этого свойства на относительные (обязательственные) права носит временный, преференциальный характер и свидетельствует лишь о процессе сближения (конвергенции) двух пра-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

вовых режимов, но не превращает обязательство в вещное право. При этом механический перенос конструкции «следования» в сферу интеллектуальной собственности методологически ошибочен ввиду различия объектов гражданских прав.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены методы сравнительного анализа, синтеза и формально-юридического толкования норм Гражданского кодекса РФ. Эмпирическую базу составили положения действующего законодательства, материалы судебной практики и доктринальные источники цивилистики.

Результаты и обсуждения

Примечательно, что свойство следования за вещью наиболее наглядно проявляется в примерах с правами на чужие вещи (jura in re aliena), которые следуют за вещью и обременяют ее, хотя и сохранение права собственности при передаче вещи во владение и пользование арендатору также является воплощением изучаемого свойства. В любом случае свойство следования за вещью реализуется, имеет перспективы практического воплощения, лишь при обороте вещей. При статическом имущественном отношении, когда вещь находится во владении самого субъекта вещного права, свойство следования за вещью присутствует как данность, свойственная такому вещному праву.

Свойство следования за вещью, изначально присутствующее только как характеристика вещных прав, сейчас используется законодателем и для усиления некоторых обязательственных прав. Так, свойством следования наделены такие вполне себе обязательственные права как право аренды (статья 617 ГК РФ) [2], право удержания (пункт 2 статьи 359 ГК РФ) [3] или право на взыскание расходов на капитальный ремонт общего имущества (пункт 3 статьи 158 ЖК РФ) [4]. Однако наделение таких обязательственных прав свойством следования за вещью не знаменует появление новых вещных прав, а следует рассматривать как некие законодательные преференции для отдельных прав, демонстрирующий постепенный процесс сближения, конвергенции вещного права и права обязательственного.

В этой связи нельзя не упомянуть и об обратном примере – уникальном случае, когда законодатель «забрал» свойство следования у такого субъективного вещного права как право пользования жилым помещением члена семьи собственника (статья 292 ГК РФ) – внесение изменений в указанную статью в 2004 году (устранение частички «не»!) явилось первым и пока единственным случаем законодательного изъятия свойства следования за вещью у субъективного вещного права[6].

Свойство следования за вещью (или его отсутствие) устанавливается императивно и не может быть установлено, изменено или отменено по усмотрению субъектов. Обусловлено это тем, что любое субъективное вещное право, а значит и его свойство следования за вещью, является правом абсолютным, то есть возлагает определенные обязанности на всех других субъектов гражданского права – уважай, признавай, не нарушай! Возложение хотя бы и пассивных обязанностей на всех окружающих, подчиняется требованиям законодателя о том, что гражданские права могут быть ограничены только на основании федерального закона (пункт 3 статьи 1 ГК РФ). Именно поэтому и круг вещных прав всегда ограничен законом – нельзя придумать себе субъективное вещное право, можно только выбрать из числа имеющихся, ну либо смоделированное тобой субъективное право не будет вещным, а значит и не будет обладать свойством следования за вещью.

Так, отсутствие в действующем законодательстве права застройки как вещного права порождает известные проблемы востребованных «обходных вариантов» – заключение последовательных договоров аренды земельных участков – сначала для постройки объекта, а затем для эксплуатации построенного объекта с последующим выкупом земельного участка. При этом такие договорные взаимоотношения даже при свойстве следования права аренды за вещью (за земельным участком), не дают гарантий возникновения прав на здания и сооружения, построенные на арендованном земельном участке [9].

Попытки компенсировать отсутствие требуемых законодательных норм путем реализации принципа свободы договора неизбежно упрутся в доктринальную и законодательную стену пункта 3 статьи 308 ГК РФ – обязательства не создают обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон. Поэтому свойство следования за вещью, порождающее в силу закона обязанность всех окружающих исходить из факта такого следования, не может быть установлено (или отменено!) усмотрением сторон договора.

Будучи характерной особенностью субъективного вещного права, свойство следования за вещью возникает и прекращается вместе с таким вещным правом. При этом юридические факты, с которыми связан переход владения вещью от субъекта вещного права к другому лицу, изменяет субъективное вещное право (например, уменьшает объем правомочий), но не является точкой возникновения свойства следования.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Прекращение субъективного вещного права (например, гибель вещи) прекращает и свойство следования за вещью, а вот переход вещного права от одного лица к другому предполагает и переход свойства следования за вещью к новому субъекту вещного права. Отсутствие самостоятельных юридических фактов, лежащих в основании возникновения и прекращения свойства следования за вещью, подтверждает зависимость данного явления от субъективного вещного права, то есть его качество как признака такого права [5].

Нарушение свойства следования за вещью, например, отказ нового собственника от исполнения обязанностей залогодателя, перешедших к нему вместе с приобретенной вещью, является основанием для реализации субъектом вещного права (залогодержателем в этом конкретном случае) способов защиты вещных прав, одним из аспектов которых и будет использование правил о свойстве следования за вещью как подтверждение обоснованности исковых требований, будь то требование о признании права или об обязании нарушителя к совершению каких-либо действий и т.д. Отсутствие самостоятельной защиты собственного самого свойства следования является еще одним подтверждением отсутствия у такого явления качества субъективного права [7].

Возможность существования свойства следования в отношении бестелесных вещей представляется проблематичным, ровно настолько, насколько в принципе можно представить осуществление правомочия владения в отношении таких объектов гражданских прав. Впрочем, само появление и расширение категории бестелесных вещей явилось следствием прагматичного подхода – практическая необходимость возобладала над теоретическими догмами. Как следствие, возможность залога, например, бездокументарных ценных бумаг (пункт 3 статьи 149.2 ГК РФ), а значит и следование залога за таким объектом при смене собственника, подтверждают работоспособность свойства следования за вещью и для бестелесных вещей. Вместе с тем, объективно существующие ограничения в отношении бестелесных вещей и имущественных прав, а именно невозможность передачи таких объектов во владение в отрыве от самих этих объектов сужает сферу их оборота, а значит и реализацию свойства следования за вещью. Так, например, передача акций в аренду, то есть во временное владение и пользование, действующим законодательством не предусмотрена, что вытекает из пункта 1 статьи 149.2 ГК РФ.

В римском частном праве, откуда родом все или большая часть нынешних свойств субъективных вещных прав, включая свойство следования, не были известны права на результаты интеллектуальной деятельности. Свойство следования применительно к вещным и обязательственным правам так (за вещью) или иначе (за лицом) предполагало изначальную направленность правового регулирования обращения вещей. Значит, говорить о существовании свойства следования в отношениях интеллектуальной собственности как минимум некорректно. Если законодатель и создает схожие нормы права в интеллектуальной собственности, то это лишь процесс заимствования удобного и полезного правового инструмента (свойства следования), но это вовсе не означает наличие идентичности в таких свойствах для вещных прав и прав на результаты интеллектуальной деятельности [10].

Возможно, в перспективе свойство следования за вещью трансформируется в более широкое свойство следования за объектом, что и позволит унифицировать понятия и правила применения такого свойства.

При этом различия в правой природе видов интеллектуальных прав позволяет говорить о том, что в свойстве следования нуждаются лишь некоторые из них. Так, личные неимущественные права заведомо сохраняются при любом переходе результата интеллектуальной деятельности, а исключительные права, напротив, всегда переходят в порядке правопреемства. Иные права, в том числе упомянутое выше право следования (статья 1293 ГК РФ) или право доступа (статья 1292 ГК РФ) понятийно построены на таком свойстве – права движутся за результатом интеллектуальной деятельности при каждом переходе исключительных прав на него к новому субъекту.

Наследственные права и корпоративные права на имущество, выделяемые наряду и отдельно от вещных и обязательственных прав, но только по основанию соответственно наследственного правопреемства или членства в корпорации, не порождают особого интереса в использовании свойства следования именно в рамках таких прав, поскольку такие отношения порождают особых прав, которые нуждались бы в свойстве следования за вещью. Свойство следования как характеристики вещных и обязательственных прав все равно остается работоспособным, даже при наследовании или в корпоративных отношениях, включая реорганизацию, которая одновременно с процессом прекращения/создания юридического лица одновременно может являться и способом возникновения (перехода) права собственности и (или) иных вещных прав, а значит и основанием реализации свойства следования за вещью [12].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Выводы

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что свойство следования за вещью, имея многовековую историю существования, в настоящее время является актуальным свойством вещных прав с возможностью расширения объектного состава и сферы использования: закрепленное с целью подтверждения и реализации абсолютного характера вещных прав и способов их защиты.

Свойство следования за вещью представляет собой сущностную характеристику исключительно абсолютных (вещных) правоотношений. Оно служит юридическим инструментом реализации приоритета вещного права над правом нового собственника вещи. В ходе исследования подтвердилась авторская позиция о том, что следование не образует самостоятельного субъективного права, оставаясь квалифицирующим признаком, аналогичным правомочию пользования в структуре права собственности.

Свойство следования (или его отсутствие) носит строго императивный характер. Поскольку любое вещное право возлагает обязанности на неопределенный круг лиц (*erga omnes*), возможность участников оборота самостоятельно моделировать данное свойство через принцип свободы договора ограничена пунктом 3 статьи 308 ГК РФ. Это подтверждает вывод о невозможности создания новых вещных прав вне установленного законом перечня.

Современная законодательная политика демонстрирует процесс сближения вещного и обязательственного права. Примеры наделения свойством следования аренды (ст. 617 ГК РФ) или удержания (ст. 359 ГК РФ) следует трактовать не как появление новых вещных прав, а как специальные законодательные преференции для обеспечения стабильности гражданского оборота. При этом уникальным исключением остается изъятие данного свойства у права пользования жилым помещением члена семьи собственника (ст. 292 ГК РФ) в 2004 году.

Механический перенос конструкции «следования» в сферу интеллектуальной собственности методологически ошибочен. Несмотря на внешнее сходство норм, право автора на вознаграждение (ст. 1293 ГК РФ) следует за результатом творческой деятельности, а не за физической вещью. Аналогичные ограничения выявлены при анализе бестелесных вещей: невозможность передачи объекта во владение сужает реализацию свойства следования, хотя залог бездокументарных ценных бумаг (ст. 149.2 ГК РФ) подтверждает работоспособность механизма в цифровой среде.

Будучи производным от самого вещного права, свойство следования возникает и прекращается вместе с ним. Его нарушение (например, отказ правопреемника исполнять обязанности залогодателя) служит основанием для активации механизмов защиты именно вещного права. Таким образом, актуальность свойства следования сохраняется: оно закреплено с целью подтверждения абсолютного характера вещных прав и обеспечения эффективности их защиты в условиях динамичного имущественного оборота.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 25.12.2006. N 52 (1 ч.). ст. 5496.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. N 5. ст. 410.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. N 32. ст. 3301.

4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 02.05.2026) // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005. N 1 (часть 1). ст. 14.

5. Алексеева В.А. Свойство следования, обременение недвижимой вещи и система прав на недвижимость // Закон. № 8. август. 2022 С. 82 – 92.

6. Корщикова М.В. Проблемы реализации права следования // Актуальные проблемы российской науки и практики в условиях глобально меняющегося мира: Сборник научных трудов Всероссийской научно-теоретической конференции в рамках Всероссийского фестиваля науки, спорта и творчества среди обучающихся ведомственных образовательных организаций "Любите Россию! Служите России! Храните Россию!", Санкт-Петербург – Пушкин, 07-11 октября 2024 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 87 – 88.

7. Кузьмина И.Д. Ограниченные вещные права и особенности их гражданско-правовой защиты // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 50. С. 148 – 165.

8. Курбатов А.Я. Право и свойство следования: критерии разграничения, правовая сущность и основания возникновения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 5. С. 78 – 83.

9. Носова Т.П. Стратегии улучшения эффективности деятельности участников финансового рынка // Кластерные инициативы в формировании прогрессивной структуры национальной экономики и финансов: Сборник научных статей 9-й Международной научно-практической конференции с международным участием, Курск, 07 апреля 2026 года. Курск: ЗАО «Университетская книга». 2026. С. 245 – 249.

10. Рябзин Р.А. К вопросу об отграничении обязательственных прав от вещных: в поисках универсальных критериев // Государственная служба и кадры. 2026. № 1. С. 188 – 196.

11. Семякин М.Н. Методологические проблемы понимания вещного права, его значение в контексте современного реформирования гражданского законодательства РФ // Вестник Гуманитарного университета. 2021. № 3 (34). С. 45 – 56.

12. Темурзиев Р.Б. Диспозитивность в вещных правах: открытый перечень явно и неявно // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 10. С. 146 – 197.

References

1. Part Four of the Civil Code of the Russian Federation dated 18.12.2006 N 230-FZ (as amended on 23.07.2025) (as amended and supplemented, entered into force on 04.01.2026). Collected Legislation of the Russian Federation. 25.12.2006. N 52 (part 1). Art. 5496.

2. Part Two of the Civil Code of the Russian Federation dated 26.01.1996 N 14-FZ (as amended on 24.06.2025, as amended on 09.06.2026). Collected Legislation of the Russian Federation. 29.01.1996. N 5. Art. 410.

3. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on June 10, 2026). Collected Legislation of the Russian Federation. December 5, 1994. N 32. Art. 3301.

4. Housing Code of the Russian Federation of December 29, 2004 N 188-FZ (as amended on May 2, 2026). Collected Legislation of the Russian Federation. January 3, 2005. N 1 (Part 1). Art. 14.

5. Alekseeva V.A. The Property of Succession, Encumbrance of Immovable Property and the System of Rights to Immovable Property. Law. No. 8. August. 2022. P. 82 – 92.

6. Korshchikova M.V. Problems of Implementing the Right of Resale. Actual Problems of Russian Science and Practice in a Globally Changing World: Collection of Scientific Papers of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference within the Framework of the All-Russian Festival of Science, Sports and Creativity among Students of Departmental Educational Organizations "Love Russia! Serve Russia! Protect Russia!", St. Petersburg – Pushkin, October 7-11, 2024. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service, 2024. P. 87 – 88.

7. Kuzmina I.D. Limited Property Rights and Features of Their Civil Law Protection. Bulletin of Tomsk State University. Law. 2023. No. 50. P. 148 – 165.

8. Kurbatov A.Ya. The Right and Property of Resale: Delimitation Criteria, Legal Essence and Grounds for Emergence. Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2022. No. 5. P. 78 – 83.

9. Nosova T.P. Strategies for Improving the Efficiency of Financial Market Participants. Cluster Initiatives in Forming a Progressive Structure of the National Economy and Finance: Collection of Scientific Articles of the 9th International Scientific and Practical Conference with International Participation, Kursk, April 7, 2026. Kursk: ZAO "Universitetskaya Kniga". 2026. P. 245 – 249.

10. Ryabzin R.A. On the Issue of Distinction between Obligatory Rights and Real Rights: In Search of Universal Criteria. Civil Service and Personnel. 2026. No. 1. P. 188 – 196.

11. Semyakin M.N. Methodological Problems of Understanding Real Law, Its Significance in the Context of Modern Reform of Civil Legislation of the Russian Federation. Bulletin of the Humanitarian University. 2021. No. 3 (34). P. 45 – 56.

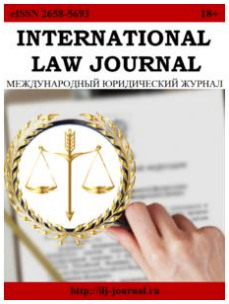
12. Temurziev R.B. Dispositiveness in Property Rights: An Open List, Explicitly and Implicitly. Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2021. No. 10. P. 146 – 197.

Информация об авторе

Порошков В.А., кандидат юридических наук, доцент, Институт права и управления, Тульский государственный университет, Benata2704@bk.ru

© Порошков В.А., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 34.037
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-176-185

Юридическая ответственность как инструмент правоового воздействия

[1] Пустомолотов И.И.,
[1] Тульский государственный университет

Аннотация: *юридическая ответственность рассматривается в статье как средство, направленное на восстановление общественного правопорядка, нарушенного в результате противоправного действия. При этом критикуется представление о ней как о мере превентивно-карательного назначения, задача которой состоит в недопущении (профилактике) правонарушения. Поскольку областью воздействия юридической ответственности является личность правонарушителя, то ее основная задача заключается в социальной реабилитации (восстановлении личностной сферы) данного лица. Подобное воздействие служит, не только возвращению в социальную среду полноценной личности, но и формированию в обществе адекватного отношения к праву как к высшей форме проявления справедливости. Исходя из того, что общие начала правовой защиты едины для всех отраслей права, подобная трактовка правовой природы и направленности воздействия юридической ответственности применима, как для частного, так и для публичного права.*

Ключевые слова: *меры правовой защиты, понятие и свойства юридической ответственности, восстановительная направленность юридической ответственности, превентивно-карательная направленность, реабилитация личности правонарушителя*

Для цитирования: Пустомолотов И.И. Юридическая ответственность как инструмент правоового воздействия // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 176 – 185. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-176-185

Поступила в редакцию: 1 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 28 июля 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

Legal liability as an instrument of legal influence

[1] Pustomolotov I.I.,
[1] Tula State University

Abstract: *legal liability is considered in the article as a means aimed at restoring public order, violated as a result of an illegal action. At the same time, the idea of it as a preventive and punitive measure is criticized, the task of which is to prevent (prevent) offenses. Since the area of legal responsibility is the personality of the offender, its main task is the social rehabilitation (restoration of the personal sphere) of this person. Such an impact serves not only to return a full-fledged personality to the social environment, but also to form an adequate attitude towards law as the highest form of justice in society. Based on the fact that the general principles of legal protection are the same for all branches of law, such an interpretation of the legal nature and focus of legal liability is applicable to both private and public law.*

Keywords: *legal protection measures, the concept and properties of legal responsibility, restorative orientation of legal responsibility, preventive and punitive orientation, rehabilitation of the violator's personality*

For citation: Pustomolotov I.I. Legal liability as an instrument of legal influence. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 176 – 185. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-176-185

The article was submitted: July 1, 2026; Approved after reviewing: July 28, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Только слабые совершают преступления: сильному и счастливому они ни к чему
(Вольтер)
Целью сильного должно быть не наказание слабого, а помощь ему
(Это непременно будет сказано)

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что основным средством правовой защиты законности и правопорядка в обществе принято считать юридическую ответственность. Несмотря на то, что в праве существуют иные меры защиты, именно ответственность, поскольку она наиболее полно и эффективно выполняет эту важнейшую правовую задачу, избрана наукой общая теория права в качестве обобщающего средства защиты, как для всего права в целом, так и для отдельных его отраслей: уголовная, административная, гражданско-правовая, дисциплинарная, материальная и иные виды ответственности. Но, несмотря на значимость, а также на то, что эта важнейшая правовая категория на протяжении длительного времени пристально изучалась юридической наукой, до сих пор нет единой трактовки ее природы и свойств, задач и механизма действия. Следует отметить, что разногласия во взглядах исследователей касаются не каких-то второстепенных свойств ответственности, а ключевых понятийных аспектов данного правового явления.

Мнения ученых разнятся в зависимости от того, к какой отрасли права обращается тот или иной автор (уголовному, гражданскому, административному, трудовому), а также от целей, которые он ставит перед собой, касаясь различных сторон изучаемого объекта [13]. Исходя из обстоятельств, юридическая ответственность предстает: или как мера государственного принуждения, применяемая вследствие правонарушения (О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский) [9]; или как дополнительное обязательство (Б.С. Антимонов) [3]; или как результат реализации санкции нормы (О.Э. Лейст) [11]; или как неблагоприятные для нарушителя последствия имущественного или личного характера (С.С. Алексеев) [1]. Такое разнообразие взглядов на одну из фундаментальных категорий права не может не вызывать к ней интереса, а также стремления все же разобраться в истинной природе этого сложнейшего правового явления.

Цель исследования – разработка теоретического подхода к пониманию юридической ответственности как многофункционального правового института, сочетающего карательное, превентивное и восстановительное начала, посредством которых обеспечиваются коррекция поведения правонарушителя и компенсация последствий причинённого вреда.

Задачи – осуществить анализ ограничений и противоречий превентивно-карательной модели юридической ответственности, выявив её недостаточную эффективность в части восстановления нарушенных общественных отношений и ресоциализации личности правонарушителя. Исследовать право, как элемент самоорганизующейся социальной системы, раскрыть его роль в обеспечении динамического равновесия, адаптации и восстановления общественных связей.

Гипотеза – переход от традиционной репрессивно-карательной парадигмы противодействия преступности к восстановительной модели юридической ответственности позволит повысить эффективность правового регулирования и защиты общественных отношений за счёт развития механизмов ресоциализации правонарушителя, компенсации причинённого вреда и восстановления нарушенного правопорядка без расширения исключительно карательных инструментов государственного воздействия.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: сравнительный анализ, синтез, аналогия, эмпирические методы: проведен анализ научных документов. Проведен сравнительный анализ полученных данных, выявлены зависимости и закономерности.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научная и правовая литература.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Результаты и обсуждения

1. Если исходить из того, что ответственность представляет собой некий специализированный правовой инструмент, созданный и предназначенный исключительно для выполнения определенных задач, обусловленных конкретной правовой необходимостью[6], то ее сущность, как инструмента, будет определяться теми задачами, ради которых данный инструмент был создан. Кроме того, не только правовая природа, но и структура, а также механизм действия ответственности тоже будут подчинены инструментальному ее назначению и стоящим перед этим инструментом задачам. Таким образом, юридическая ответственность (как специализированный правовой инструмент), может быть представлена через ее предназначение в праве и через круг возлагаемых на нее задач. Возможно, такой подход поможет подобрать ключ к трактовке единой правовой природы и общих свойств различных видов юридической ответственности.

Несомненно, основным предназначением юридической ответственности как охранительного средства выступает реализация общеправовой задачи – защита законности и правопорядка в обществе. Однако, достижение данной цели возможно различными путями, каждый из которых ставит перед соответствующим охранительным средством свой круг задач и, по-разному, формирует способы их выполнения. Проблема ответственности состоит в том, что практически все предлагаемые концепции о ее природе, несмотря на разнообразие взглядов их авторов, единодушны в существовании лишь одного приемлемого пути ее использования. По их общему мнению, защита законности и правопорядка может быть обеспечена лишь посредством борьбы права (при помощи ответственности как специализированного средства) с самой возможностью существования правонарушения. Предполагается, что итогом такой борьбы должно быть недопущение (предотвращение) нарушений, т.е. конечная цель использования мер ответственности - победа над правонарушением как действием. Очевидно, что данная цель может быть достигнута лишь одним способом: «обрушить» на правонарушителя различного рода лишения, дополнительные негативные возложения личного или имущественного характера [4]. Другими словами, различные взгляды на правовую природу юридической ответственности сходятся на том, что ее назначение состоит в наказании (каре) нарушителя за совершенное противоправное деяние, что должно стимулировать его воздерживаться от нарушений в будущем [12].

«Война» с правонарушителями и правонарушениями до полного их искоренения, или хотя бы сдерживания в более или менее приемлемых рамках, ведется правом (как и любая война) посредством использования агрессивного силового воздействия (некоего правового террора) [16], направленного исключительно на причинение вреда личности нарушителя. Цель – превенция (специальная). Одновременно с этим, подобная демонстрация силы, с той же целью, выступает и угрозой любому лицу, а также всему обществу (общая превенция). Таким образом, в понимании юридической ответственности давно сложилась «железная» схема, признанная непререкаемой «на все времена»: цель – защита правопорядка; задача – недопущение нарушения; механизм реализации задачи – наказание в случае правонарушения; в иных случаях, угроза наказания для предотвращения возможного правонарушения. Другими словами, юридическая ответственность есть средство устрашения, понуждающее под угрозой наказания воздержаться (отказаться) от правонарушения. Особенно наглядно превентивно-карательная направленность представлена в уголовной и административной ответственности. Но, такое же ее восприятие существует и в частном праве. Для того чтобы какое-либо из средств гражданско-правовой защиты могло считаться мерой юридической ответственности, оно должно содержать в себе свойства кары (наказания), а также принуждения, влекущее имущественные или неимущественные потери для нарушителя. Если же, данное средство не содержит в себе указанных свойств, то оно не признается ответственностью и вынуждено быть отнесенным к иным мерам гражданско-правовой защиты [14].

2. Однако, именно в понимании ответственности как средства, направленного на недопущение нарушения посредством угрозы наказания, кроется тот логический изъян, который не дает до конца уяснить природу этого правового явления. Особенно наглядно он проявляется в современном праве. Изъян состоит в том, что невозможно объяснить тот факт, что в обществе, где провозглашена защита прав и интересов всех без исключения его членов, используются меры карательного назначения, причем, как указывается, ради блага того же общества. Как осознать то, что посредством страха воспитывается в членах общества стремление к правопорядку и уважение к закону – символу и причине того же страха? Хотелось бы считать, что желание подобным образом «заботится» о стабильности и безопасности общества, есть лишь дань строй, пришедшей из глубины веков, традиции, именно так (расправами и угрозами) реагировать на возникающие в обществе трудности и проблемы. В противном случае, напрашивается предположение, что это не дань устаревшей традиции, а проявление признаков закостеневшего и неспособного к дальнейшему развитию общества, и потому так болезненно реагирующего на различные внутренние и внешние обстоятельства,

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

воспринимаемые им как угрозу «обрушения» всей системы общественного устройства. Ведь в «здоровом» обществе, напротив, всякое нарушение воспринимается не как угроза, а лишь как сигнал о некоем «системном сбое», устранение которого есть непременное условие дальнейшего общественного развития и совершенствования. Если провести аналогию с медициной, то правонарушение можно назвать «симптомом недомогания общества», игнорирование которого или борьба с проявлениями которого, не устраняет, а лишь загоняет болезнь внутрь. Бороться же необходимо не проявлениями, а с причинами болезни, иначе это забота лишь о «внешнем виде», а не о внутреннем благополучии «пациента».

В прежние времена, в античных, средневековых, иных, предшествовавших демократическим, сообществах, назначение репрессивных мер было объяснимо: общество не знало иного инструмента управления, обеспечивающего порядок среди подвластного населения, поэтому узаконенным механизмом реализации указанной задачи было культивирование страха наказания. С гуманистической точки зрения, такое положение никак нельзя назвать правом, а меры, его обеспечивающие, правовыми. Это меры понуждения и репрессий, бесправия и произвола. Но именно в них наиболее полно проявляются черты, так легко узнаваемые в современных мерах правовой защиты – угроза (превенция), насилие (принуждение), кара (наказание). Такое понимание ответственности, как реакции на нарушение, оказалось настолько живучим, что до сих пор воспринимается правом как устоявшаяся традиция, якобы, многократно проверенная временем. И, хотя общие черты и правила подобной реакции на нарушение были сформированы еще во времена кровной мести, они и сегодня привычно присутствуют в средствах правовой защиты практически в первородном виде. Оказалось, что и сейчас, также как в прежние времена, у юридической ответственности, а равно у тех, кто ее устанавливает и применяет, та же рудиментарная задача – обеспечить порядок любой ценой.

Конечно, можно оправдывать существование подобных мер в современном праве тем, что они, хотя и «базируются» на правовых традициях предшествующих эпох, но не утратили своей эффективности и поныне. Однако, в этом случае неминуемо возникает вопрос, может ли право, со всеми его средствами и способами, гарантировано обеспечить предотвращение нарушений законности и общественного правопорядка? Ответ на этот вопрос дает время. За всю историю существования права этого не удавалось достичь никогда. Но, даже если теоретически предположить то, что возможно довести карательное воздействие мер принуждения до абсолюта, то как жить в таком обществе, построенном на страхе и правовом насилии? Возможно, следование традициям и использование проверенных временем категорий, для других областях права вполне можно считать благом. Но в отношении охранительных мер такая «преемственность» недопустима – соединение современного назначения права с архаичным пониманием мер правовой защиты, порождает логический абсурд, где термины «защитить» и «покарать» воспринимаются как синонимы.

Исходя из вышеизложенного, следует констатировать, что создание общества без правонарушений не может являться задачей современного права, а назначение мер правовой защиты не есть борьба с правонарушениями путем их недопущения под угрозой насилия. Не следует возлагать на право то, что ему не свойственно и ему непосильно. По этой причине, превенция и кара никак не могут выражать сущность юридической ответственности. Хотя в данном случае, все же, необходимо внести некоторое уточнение: конечно же, средства правовой защиты, в том числе, меры юридической ответственности, вне всякого сомнения, осуществляют карательное и профилактическое воздействие, и, в этом смысле, способствуют предотвращению правонарушений. Но это лишь попутно достигаемый результат, присущий всем средствам права без исключения. Например, профилактике нарушений способствуют: и все право в целом, и любая его норма, и даже не связанные с правом нормы морали и нравственности. Тем не менее, предотвращение (недопущение) правонарушений не является основной задачей всех вышеперечисленных явлений. В том числе, это не может являться основной задачей мер ответственности, как и иных мер правовой защиты.

3. Инструментарный подход (метод) предполагает начинать изучение любого средства права с исследования области его использования, т.е. с объекта, к которому предполагается применить данный правовой инструмент. Соответственно, прежде чем характеризовать то, как будут меры юридической ответственности воздействовать на нарушителя (наказание), следует обратиться к характеристике защищаемого ею объекта[11]. Такой подход, не только позволит увидеть цель применения ответственности, но и поможет разобраться в общих правилах «построения» правовой защиты. К тому же, с точки зрения логики, противоправное деяние имеет прямую причинно-следственную связь не с наказанием нарушителя, а с вредоносными (негативными) последствиями его совершения, т.е. с объектом, который испытывает на себе эти последствия. Кроме того, «привязка» к объекту своей защиты позволит ответственности обрести обоснованность, «твердую почву» своего существования, и не выглядеть как обезличенное средство наказания, применяемое случайной волей в неопределенных ситуациях.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

При характеристике объекта, защищаемого юридической ответственностью (в широком его понимании), каковым является отдельное человеческое сообщество, ключевое значение имеет то, что любое социальное или экономическое сообщество представляет собой некую цельную систему (социальный организм), функционирующую по определенным правилам, которые, в свою очередь, согласуются с общими законами, отражающими функционирование любых существующих систем [8]. Согласно этим правилам и законам, подобная система (социально-экономические системы относятся к типу самоорганизующихся и развивающихся систем), если она обладает достаточной устойчивостью, включает в себя, наряду с другими составными элементами, и механизм собственной защиты от внешних и внутренних факторов, угрожающих ее целостности и стабильности функционирования. Особо следует отметить, что речь не идет о стабильности (в смысле, неизменяемости) самой системы как таковой. Подобная «стабильность» (неизменяемость) ведет к закостенелости (застою), в то время как функционирующей («живой») системе требуется развитие и совершенствование. Стимулом же к подобному движению, как раз и является воздействие на нее различных сторонних факторов.

Именно по этой причине, защита самоорганизующихся, развивающихся систем не может быть обеспечена мерами, которые направлены на недопущение (исключение) стороннего влияния на ее функционирование. Во-первых, подобная цель никогда не может быть достигнута, поскольку исключить стороннее воздействие на систему в принципе невозможно: заранее невозможно предвидеть, ни время, ни характер, ни область такого воздействия, а значить и защититься от него. Во-вторых, даже если предположить (хотя бы теоретически), что существуют средства, с помощью которых можно поставить под контроль постороннее влияние на функционирующую систему, то такая «защита» принесла бы больше вреда, чем пользы, поскольку создала бы для самой системы «тепличные условия» и лишила ее стимулов к развитию и совершенствованию. Таким образом, целью защиты самоорганизующейся развивающейся системы никак не может быть искоренение сторонних факторов, угрожающих ее целостности и стабильности.

В чем же тогда состоит суть возможной, в подобных условиях, защиты? Поскольку заранее предвидеть и предотвратить нарушение не представляется невозможным, то у претерпевшей вред системы остается единственный выход: испытать подобное воздействие, а потом устранить негативные последствия произошедшего нарушения и, тем самым, обеспечить собственное восстановление. Причем восстановленная система не приобретает прежний вид, а несколько изменяется, учитывая опыт произошедшего нарушения. Таким образом, именно в устранении последствий вредоносного воздействия, а также в дальнейшем восстановлении, заключается механизм защиты системы от стороннего негативного влияния. Кроме того, поскольку восстановление сопровождается некоторыми изменениями в структуре восстановленной системы, то подобная реакция на нарушение является еще и частью механизма ее совершенствования (развития).

Учитывая вышеизложенное, следует констатировать, что назначение юридической ответственности состоит вовсе не предотвращении правонарушения: меры ответственности, напротив, самим фактом своего существования признают неизбежность присутствия в жизни общества правонарушений и преступлений. Защита же может быть осуществлена лишь посредством ликвидации последствий совершенного деяния, что приводит к восстановлению нарушенной общественной сферы до прежнего состояния. Именно такой видится основная задача юридической ответственности. Причем, поскольку восстановление осуществляется с учетом опыта произошедшего правонарушения, то на правовую ответственность возлагается обязанность не только устранить последствия, но и вскрыть причину правонарушения для того, чтобы исправить несовершенства (системные сбои) общественного устройства, приведшие к вредоносным последствиям.

Подобная (восстановительная) трактовка юридической ответственности более привычна частному праву, поскольку именно там восстановление проявляется наиболее наглядно [2]. Гражданско-правовая ответственность направлена на возмещение имущественного и неимущественного вреда, причиненного правонарушением. При этом, в ее задачу, помимо реализации интересов претерпевшего вред лица, входит и защита нарушителя от излишнего воздействия, которое ограничивается размером вреда, причиненного объекту правовой защиты (имуществу потерпевшего). Строгое следование «факту причинения» свидетельствует о восстановлении баланса в обществе и о достижении мерами ответственности своей цели. Но, как ни парадоксально, именно в гражданском праве истинная восстановительная природа юридической ответственности «затеняется» ее способностью быть, не только инструментом воздействия на нарушителя, но и средством управления движением фактических имущественных благ в хозяйственной сфере. В гражданском праве экономическая задача ответственности (восстановить имущественную сферу потерпевшего лица) затмевает истинное (правовое) ее предназначение – воздействовать на нарушителя с целью корректировки его личности в связи с правонарушением. В строгом же понимании истинной природы юридической ответственности, возмещение имущественного вреда никак не может быть ее основной задачей, поскольку

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

она изначально предназначена воздействовать на ответственное лицо, хотя характер такого воздействия конечно же зависит от свойств защищаемого объекта (параметры негативного возложения на причинителя зависят от размера и характера причиненного вреда). При этом, помощь потерпевшему, есть лишь следствие исполнения ответственностью основной своей задачи – восстановительного воздействия на личность нарушителя.

В публичном праве (уголовном, административном) восстановительная направленность мер ответственности проявляется в «чистом виде», демонстрируя прямое воздействие на личность ответственного лица, которое не затмевается сторонними задачами имущественного характера [7]. Тем не менее, в публичной сфере, несмотря на укоренившуюся традицию трактовать, особенно уголовные меры, исключительно как средства наказания преступников, также необходимо увидеть то, что ключевым содержанием публично-правовой ответственности является именно ее восстановительная природа. Объектом восстановления в данном случае выступает, не нарушенная сфера частного лица, а затронутый правонарушением (преступлением) общественный правопорядок. Поскольку общественный правопорядок напрямую связан с системой социального устройства общества, то его нарушение неминуемо следует воспринимать как нарушение указанной системы. Конечно, возникшее нарушение в этом смысле уже не предотвратимо, но сам факт его существования дает сигнал о неблагополучии в той или иной области социальной или экономической сферы. Устранение «сбоя в системе», приведшего к правонарушению или преступлению, а значит и ее восстановление, это не задача права, тем более уголовного или административного. Решение этой проблемы обеспечивается комплексным воздействием всех доступных обществу средств защиты (политических, экономических, идеологических, воспитательных и прочих). Роль права в этом процессе невелика. Вероятно, она ограничивается лишь нормативным закреплением проводимых мероприятий.

4. Однако, есть область, где именно право может устранить «сбой» в социальной системе, приведшей к правонарушению, а, значит, способствовать восстановлению общественного правопорядка. Речь идет о воздействии на личность нарушителя, в результате которого обществу будет возвращен полноценный его член, уважающий закон и общественные устои. Поскольку средства традиционного воспитания (семейного, школьного, общественного) в данном случае, по факту противоправного поведения, не возымели должного воздействия, то к такому лицу следует применить меры специального коррекционно-восстановительного характера, разработанные правом для правонарушителей. И это не демонстрация обществом своего гнева, обращенного на правонарушителя и воплощенного в превентивно-карательных мерах; так воспитывать могут только Бог или мать (в силу безграничной любви к своим чадам). У общества или государства нет никаких оснований присваивать себе подобного рода функции, поэтому необходимое правовое воздействие базируется на иных, не менее рациональных и гуманных принципах.

Прежде всего, действие данных мер должно учитывает то, что он (нарушитель) является одновременно и причиной, и жертвой своего вредоносного поведения. Он есть жертва как член того же общества, которое пострадало от нарушения, поскольку, во-первых, как и всем остальным, ему предстоит жить в дестабилизированном обществе под угрозой стать объектом подобного или иного правонарушения (преступления). Во-вторых, совершивший правонарушение, тем самым, преступивший против устоев общества, рискует испытать на себе месть этого общества. При отсутствии механизмов сдерживания со стороны права, реакция разгневанного общества на личность правонарушителя может быть самой непредсказуемой и жестокой (от самосуда и кровной мести до погромов и этнических чисток). В этом случае, задачей права является не просто «перевод» стихийного всеобщего возмущения в цивилизованные и управляемые рамки, а трансформация наказания-мести в принуждение-восстановление.

Правонарушитель, не только как жертва, но и как причина вредоносного действия, также должен иметь возможность рассчитывать на правовое участие. Особо следует отметить то, что правовое воздействие в данном случае непременно должно иметь вид именно «правового участия», поскольку не только общество нуждается в исправлении нарушенного правопорядка, но и сам нарушитель нуждается в подобном же правовом попечении. Право должно оказать человеку помощь в выработке адекватной реакции на существующие в повседневной жизни трудности и несовершенства, которые следует преодолевать, не прибегая к правонарушению. Несовершенства в общественном устройстве присутствуют всегда, но реакция человека на них зависит от внутренних свойств его личности, от его субъективного отношения к законности, правопорядку, нравственности и иным институтам, обеспечивающим стабильность социального уклада и безопасность граждан. Факт совершения правонарушения предполагает применение специальных мер и приемов социальной адаптации, содержащихся исключительно в средствах юридической ответственности, корректирующие отношение лица к общественным ценностям, в частности, в духе уважения к законности и правопорядку.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Подобная трактовка юридической ответственности (как восстановительного, а не карательного средства) согласуется с представлением о ней, ранее существовавшем в советском праве, которое ставило себе задачей обеспечить защиту каждого советского человека и, тем самым, добиться единения всего общества на его пути в будущее [17]. Советская традиция воспитательной роли юридической ответственности уже воспринята современным правом: ответственность служит инструментом обеспечения надлежащего поведения в целях стабильности и безопасности всего общества (ст. 2 УК РФ) [1]. Однако, нужно идти дальше, заменяя страх перед законом уважением к нему как «высшей форме проявления социальной целесообразности». Следует защищать, не абстрактные государственные интересы, якобы выражающие интересы всех граждан страны, а действительные, фактические интересы каждого отдельного лица, дабы посредством такой защиты обеспечить интересы всего общества. При таком понимании назначения юридической ответственности, ее свойства по-прежнему могут трактоваться как: последствие осуждаемого обществом противоправного деяния; обладающее механизмом государственного принуждения; который при его применении влечет негативные последствия для нарушителя. Но в новом понимании эти качества приобретают совершенно иную направленность и смысл. Они уже не связаны с безнадежным страхом того, кто преступил закон, в ожидании «клейма» изгнанного из общества человека, брошенного в «резервацию» мест лишения свободы. И даже правовое «возмездие» будет означать уже не месть государства своему врагу (преступнику), а лишь проявление объективного и беспристрастного закона причин-следствий, что дает правонарушителю надежду на возврат в нормальную жизнь.

Конкретные механизмы отдельных мер юридической ответственности по реализации задачи социальной адаптации личности правонарушителя и возвращения обществу добропорядочного его члена, в настоящее время не совсем ясны и, тем более, не отработаны на практике. Их воздействие пока может быть представлено лишь в самом общем виде. В дальнейшем, когда отношение к данным мерам со стороны правоохранительных и судебных органов достаточно прочно сменится с карательно-превентивного на восстановительно-реабилитационное, возможно будет конкретизировать и систематизировать применяемые средства и способы. Сейчас же можно лишь сформулировать некоторые предположения[10].

Человек, как социальное и коллективное существо, ни коем образом не желает чувствовать себя изгоем общества. (Достаточно вспомнить, какое воздействие оказывало на личность нарушителя решение о его изгнании из коллектива в первобытных сообществах.) Потребность как можно быстрее выбраться из этого противоестественного для личности состояния, пробуждает в нем стремление восстановить свою социальную адекватность. В этом смысле, поскольку основной задачей ответственности является реабилитация правонарушителя, то действия соответствующих правовых мер, прежде всего, следует сориентировать на объект противоправного посягательства и оценить нанесенный ему вред. Однако, полученные данные будут необходимы не для назначения наказания, а для того, чтобы продемонстрировать нарушителю (а за одно и всему обществу) объективную связь между его действиями, наступившими вредоносными последствиями и объемом (мерой) возлагаемых на него обременений, достаточных для устранения последствий содеянного. Без такой демонстрации объективной связи всех элементов восстановительного процесса, меры ответственности не смогут быть оценены как адекватные и справедливые, ни со стороны нарушителя, ни со стороны иных членов общества. Следовательно, без этого вряд ли появится осознание необходимости исправить нанесенный обществу вред, а, значит, не возникнет внутренняя потребность изменить свое отношение к обществу.

Другим непременным условием реабилитации нарушителя является привлечение его к процессу устранения причиненного им вреда. Само по себе стремление лица вернуть уважение общества, утраченное в результате правонарушения, сочетается здесь с естественной потребностью любого человека как части общества, быть полезным этому обществу, участвовать в деятельности, одобряемой обществом и сопровождаемой благодарностью за проделанную работу. Конечно, участие в восстановлении тобой же нарушенного правопорядка, используя свой труд или возмещая причиненный вред, не приносит того изначального удовлетворения как добровольная сопричастность общественному созиданию. К тому же такое участие, как правило, сопровождается силовым принуждением. Но даже на таких условиях привлечение нарушителя к восстановлению будет восприниматься им как справедливое воздаяние, и, даже не встречая благодарности со стороны пострадавшего общества, все равно не вызовет у него внутреннего отторжения и озлобления. Обязанность устранить причиненный вред должно восприниматься нарушителем как полезный, хотя и негативный опыт, демонстрирующий связь совершенных им действий (правомерных или противоправных, экономически обоснованных или нет) с неминуемо наступающими за эти действия последствиями.

Таким образом, мерам ответственности необходимо ориентироваться не на культивировании страха наказания, а на стремление устранить причины и последствия противоправных действий, учитывая то, как

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

восстановительный процесс будут способствовать реабилитации нарушителя, а также учитывая то, какое воздействие это окажет на других членов общества. Механизм привлечения ответственного лица к восстановлению разрушенного им правопорядка, так же пока еще недостаточно понятен. Разработать его видимо предстоит соответствующим отраслям права (уголовному, административному).

Выводы

Возможно, подобный взгляд на природу и задачи юридической ответственности, в то время, когда в современном обществе господствуют злостные нарушения и циничные преступления, выглядит наивно и утопично. Кажется, что только ожидание жестокой расправы отделяет хрупкий порядок и безопасность в обществе от хаоса и насилия. Как говорится, время сейчас такое: суровые времена требуют суровых мер. Но, во-первых, смогли ли жестокие меры наказания искоренить преступность (не говоря уже об остальных правонарушениях) хотя бы в какой-нибудь исторический период существования права? Так неужели невозможен иной взгляд на природу правового воздействия? Тем более, что современный уровень развития общества предоставляет возможность отказаться от устаревших представлений о взаимоотношениях права и личности.

Во-вторых, подобная трактовка правовой защиты проистекает из восприятия ее с позиции методик и инструментария, разработанных в недрах частного права. Это взгляд, согласующийся с принципами равенства, свободы и общественного единения, т.е. с категориями, не существовавшими в предыдущие эпохи, во времена зарождения и становления традиционных средств и методов воздаяния за нарушения. К тому же, понятие защиты более привычно частному праву, чем публичному, поскольку именно здесь применение правовых мер изначально связано с интересами личности, и настоятельной необходимостью обеспечения баланса функционирования общества как самоорганизующейся и развивающейся системы. Так же следует учесть, что частноправовой инструментарий более разнообразен и детальнее разработан, чем подобные средства в уголовном или административном праве, чему способствовали более широкий круг охваченных частным правом отношений, и необходимость чаще обращаться к правовой защите. Если исходить из того, что общие начала юридической защиты едины для всех отраслей права, то что мешает богатейший опыт, приобретенный частным правом в этой области, распространить на все право в целом, как, в настоящее время, на публично-правовых началах построено общетеоретическое понимание юридической ответственности.

В-третьих, предлагаемая трактовка юридической ответственности как средства восстановления нарушенного правопорядка, является лишь теоретической моделью (идеей), возможно целью, к достижению которой следует стремиться всем правоохранительным системам, какой бы суровый характер в настоящем они не носили. В конце концов, данной концепции не противоречит ни принуждение, ни дополнительно-обременительное возложение на нарушителя, но такое воздействие непременно должно иметь восстановительную направленность, и лишь тогда принуждение и обременение приобретут общественно-позитивный характер.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 10.06.2026, с изм. от 29.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. ст. 2954.

2. Алексеев С.С. Теория права. М.: Изд. Бек, 1995. 320 с.

3. Амичба Л.Р. К вопросу о первоначальных способах приобретения права собственности // Моя профессиональная карьера. 2025. Т. 2. № 70. С. 316 – 321.

4. Антимонов Б.С. Основания договорной ответственности социалистических организаций. М.: Госюриздат, 1962. 175 с.

5. Атаева Н.М. Функции и цели применения юридической ответственности государства // Юридический вестник ДГУ. 2024. Т. 52. № 4 (72). С. 67 – 73.

6. Бабаев В.К. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. В.К. Бабаева. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2026. 620 с.

7. Волкова В.Н., Денисов А.А. Теория систем и системный анализ: учебник для вузов. 3-е изд. Москва: Издательство Юрайт, 2021. 562 с.

8. Дроздова А.А., Луговец В.Я. Место административно-восстановительных мер в системе мер административного принуждения // Вестник науки. 2026. № 1 (94). С. 222 – 228.

9. Иналкаева К.С., Байбатыров М.-Б.А-Х. Юридическая ответственность: современные реалии и понятия // Современное право. 2024. № 2. С. 40 – 43.

10. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М.: Юрид. лит., 1961. 381 с.

11. Кушнир И.В. Ограничительная функция юридической ответственности и пределы ее действия сквозь призму принципа соразмерности // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 400 – 411.

12. Лейст О.Э. Санкции в советском праве. М.: Госюриздат, 1962. 238 с.

13. Малько А.В., Липинский Д.А., Маркунин Р.С. Юридическая ответственность как средство предупреждения правонарушений: актуальные проблемы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 4. С. 4 – 24.

14. Осина Д.М. Актуальные проблемы формирования и классификации отраслей современного российского права // Теория и практика общественного развития. 2026. № 3. С. 193 – 198.

15. Российское гражданское право: учебник: в 2-х т. Т. I. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2023. 785с.

16. Цветков В.Ж. Как можно оценить формы и масштабы "красного террора" и "белого террора"? // Советская эпоха: актуальные взгляды, оценки и события: учебное пособие. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2024. С. 109 – 113.

17. Черемушкин С.М. Юридическая идентификация объектов правоотношений // Диалог. 2025. № 20 (50). С. 29 – 31.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on June 10, 2026, as amended on June 29, 2026). Collected Legislation of the Russian Federation. June 17, 1996. No. 25. Article 2954.

2. Alekseev S.S. Theory of Law. Moscow: Bek Publishing House, 1995. 320 p.

3. Amichba L.R. On the Initial Methods of Acquiring Ownership Rights. My Professional Career. 2025. Vol. 2. No. 70. P. 316 – 321.

4. Antimonov B.S. Grounds for Contractual Liability of Socialist Organizations. Moscow: Go-Syurizdat, 1962. 175 p.

5. Ataeva N.M. Functions and purposes of applying the legal liability of the state. Legal Bulletin of DSU. 2024. Vol. 52. No. 4 (72). P. 67 – 73.

6. Babaev V.K. Theory of State and Law: textbook for universities. edited by V.K. Babaev. 5th ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait, 2026. 620 p.

7. Volkova V.N., Denisov A.A. Systems Theory and Systems Analysis: textbook for universities. 3rd ed. Moscow: Yurait Publishing House, 2021. 562 p.

8. Drozdova A.A., Lugovets V.Ya. The Place of Administrative-Restorative Measures in the System of Administrative Coercion Measures. Science Bulletin. 2026. No. 1 (94). P. 222 – 228.

9. Inalkaeva K.S., Baibatyrov M.-B.A.-Kh. Legal Liability: Modern Realities and Concepts. Modern Law. 2024. No. 2. P. 40 – 43.

10. Ioffe O.S., Shargorodsky M.D. Questions of the Theory of Law. Moscow: Legal Literature, 1961. 381 p.

11. Kushnir I.V. The Restrictive Function of Legal Liability and the Limits of Its Application through the Prism of the Principle of Proportionality. Actual Problems of State and Law. 2021. Vol. 5. No. 19. P. 400 – 411.

12. Leist O.E. Sanctions in Soviet Law. Moscow: Gosyurizdat, 1962. 238 p.

13. Malko A.V., Lipinsky D.A., Markunin R.S. Legal liability as a means of preventing offenses: current issues. Law. Journal of the Higher School of Economics. 2021. No. 4. P. 4 – 24.

14. Osina D.M. Current issues of the formation and classification of branches of modern Russian law. Theory and practice of social development. 2026. No. 3. P. 193 – 198.

15. Russian civil law: textbook: in 2 volumes. Vol. I. General part. Property law. Inheritance law. Intellectual rights. Personal non-property rights. Ed. E.A. Sukhanov. Moscow: Statut, 2023. 785 p.

16. Tsvetkov V.Zh. How can we assess the forms and scale of the "Red Terror" and the "White Terror"? The Soviet Era: Current Views, Assessments, and Events: A Study Guide. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2024. P. 109 – 113.

17. Cheremushkin S.M. Legal Identification of Objects of Legal Relations. Dialogue. 2025. No. 20 (50). P. 29 – 31.

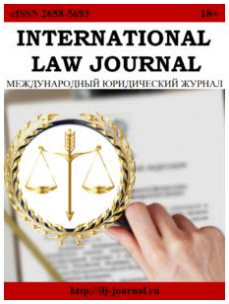
ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Информация об авторе

Пустомолотов И.И., кандидат юридических наук, доцент, Институт права и управления, Тульский государственный университет, Benata2704@bk.ru

© Пустомолотов И.И., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 658.71
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-186-192

Проблемы правового регулирования и функционирования закупок по части 12 статьи 93 Федерального закона № 44-ФЗ при недостаточности характеристик в КТРУ

[1] Тимошин Д.И., [1] Подъячева А.А.,
[1] Тульский государственный университет

Аннотация: *в статье анализируются проблемы применения части 12 статьи 93 Федерального закона № 44-ФЗ, регламентирующей проведение «электронной малой закупки» у единственного поставщика. Основной проблемный фактор – ситуация недостаточности или отсутствия описания характеристик товара в Каталоге товаров, работ, услуг (КТРУ). Цель исследования – выявление системных противоречий между формальными требованиями законодательства и потребностями заказчиков, а также разработка направлений совершенствования правового регулирования. В работе использованы методы анализа нормативных правовых актов, разъяснений контролирующих органов, судебной практики и сравнительно-правовой метод. На основе анализа разъяснений Минфина России, ФАС России и правоприменительной практики выявлены системные противоречия между формальными требованиями законодательства и потребностями заказчиков. Предложены направления совершенствования правового регулирования, включая легализацию дополнительного описания с обоснованием, установление лимита на дополнительные характеристики и создание механизма оперативного дополнения КТРУ. Результаты исследования могут быть использованы в правотворческой деятельности для совершенствования законодательства о контрактной системе, а также в практической деятельности заказчиков и контролирующих органов.*

Ключевые слова: *контрактная система, единственный поставщик, КТРУ, описание объекта закупки, товар, Федеральный закон № 44-ФЗ, электронная малая закупка, правовое регулирование*

Для цитирования: Тимошин Д.И., Подъячева А.А. Проблемы правового регулирования и функционирования закупок по части 12 статьи 93 Федерального закона № 44-ФЗ при недостаточности характеристик в КТРУ // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 186 – 192. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-186-192

Поступила в редакцию: 29 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 27 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

Problems of legal regulation and functioning of purchases under Part 12 of Article 93 of Federal law No. 44-FZ in case of insufficient characteristics in the CGWS

[1] Timoshin D.I., [1] Podyacheva A.A.,
[1] Tula State University

Abstract: *the article analyzes the problems of applying Part 12 of Article 93 of Federal Law №. 44-FL, which regulates the conduct of «electronic small procurements» from a single supplier. The main problematic factor is the situation of insufficient or missing description of product characteristics in the Catalog of Goods, Works, and Services (CGWS). The aim of the study is to identify systemic contradictions between the formal requirements of legislation and the needs of customers, as well as to develop directions for improving legal regulation. The work uses methods of analysis of normative legal acts, clarifications of regulatory authorities, judicial practice and the comparative legal method. Based on an analysis of clarifications from the Ministry of Finance of Russia, the Federal Antimonopoly Service of Russia, and law enforcement practice, systemic contradictions between the formal*

requirements of legislation and the needs of customers are identified. Directions for improving legal regulation are proposed, including the legalization of additional description with justification, establishing a limit on additional characteristics and creating a mechanism for promptly supplementing the CGWS. The results of the study can be used in law-making activities to improve legislation on the contract system, as well as in the practical activities of customers and regulatory authorities.

Keywords: *contract system, single supplier, CGWS, description of the procurement object, goods, Federal Law № 44-FL, electronic small procurement, legal regulation*

For citation: Timoshin D.I., Podyacheva A.A. Problems of legal regulation and functioning of purchases under Part 12 of Article 93 of Federal law No. 44-FZ in case of insufficient characteristics in the CGWS. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 186 – 192. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-186-192

The article was submitted: May 29, 2026; Approved after reviewing: June 27, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

Институт «электронной малой закупки», введенный в Федеральный закон № 44-ФЗ и предусмотренный частью 12 статьи 93, позиционировался законодателем как упрощенный механизм приобретения товаров незначительного объема. Данная процедура позволяет заказчику осуществить закупку у единственного поставщика в электронной форме при соблюдении ряда условий: цена контракта не превышает 5 миллионов рублей на одну закупку, а годовой объем таких закупок не должен превышать 100 миллионов рублей [12]. Ключевым объектом закупки по данной процедуре является товар, а также права на использование программ для ЭВМ и баз данных, которые в соответствии с разъяснениями Минфина России от 2 марта 2026 года также относятся к категории «товар» [1].

Предполагалось, что цифровая инфраструктура КТРУ позволит поставщикам направлять предварительные предложения, а заказчикам быстро и без излишней бюрократии описывать свои потребности. Однако правоприменительная практика выявляет ряд проблем реализации данной процедуры, ключевая из которых связана с недостаточностью характеристик товара в КТРУ. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разрешения системных противоречий между формальными требованиями законодательства и потребностями заказчиков в приобретении товаров надлежащего качества.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие методы: анализ нормативных правовых актов (Федеральный закон № 44-ФЗ, Постановление Правительства РФ № 145), анализ разъяснений Минфина России и ФАС России, анализ судебной практики и решений контролирующих органов, сравнительно-правовой метод (сравнение наполнения карточек КТРУ для различных видов товаров), метод системного анализа, метод обобщения и синтеза. Эмпирическую базу исследования составили: письма Минфина России от 02.03.2026 № 24-06-09/15861, от 10.08.2023 № 24-03-06/75075, совместное письмо Минфина России и ФАС России от 19.09.2025 № 24-06-06/91154, Постановление Правительства РФ от 08.02.2017 № 145, решения УФАС по Забайкальскому краю по делам № А78-9118/2024 и № А78-1915/2024, решение Краснодарского УФАС от 19.06.2025 № 402/2025, решение Кировского УФАС от 24.12.2025, а также научные публикации по проблематике контрактной системы.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научная, правовая литература.

Результаты и обсуждения

Общие правила использования КТРУ установлены Постановлением Правительства РФ от 08.02.2017 № 145 (далее – Постановление №145) [2]. Согласно п. 5 Правил использования каталога заказчик вправе указать в извещении дополнительную информацию и потребительские свойства (функциональные, технические, качественные, эксплуатационные характеристики), не предусмотренные позицией каталога. При наличии описания в позиции п. 6 Правил обязывает заказчика обосновать необходимость такой дополнительной информации. Если позиция в каталоге отсутствует, п. 7 Правил позволяет заказчику описать объект закупки самостоятельно по правилам ст. 33 Закона № 44-ФЗ.

Однако принципиальная особенность закупки по ч. 12 ст. 93 в том, что описание объекта осуществляется исключительно по КТРУ, причем заказчик лишен права дополнять его даже в порядке, предусмотренном

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

п. 5-6 Правил использования КТРУ, что подтверждено совместным письмом Минфина России и ФАС России от 19.09.2025 № 24-06-06/91154 [3]. Это обусловлено тем, что предварительные предложения отбираются оператором площадки автоматическим сопоставлением параметров извещения с параметрами предложения участника [11]. Появление в извещении или проекте контракта дополнительных требований, не зафиксированных в КТРУ, нарушает установленный для данной процедуры порядок.

Если заказчик включает в приложении к проекту контракта дополнительные требования, не предусмотренные КТРУ, участник вправе обжаловать действия заказчика в период определения поставщика, поскольку это нарушает порядок, установленный для такого вида закупок, и квалифицируется контролирующими органами как грубое нарушение, влекущее административную ответственность по части 1.4 статьи 7.30 КоАП РФ [4].

При этом анализ практики позволяет выявить две проблемы: системную и функциональную.

1. Наполнение КТРУ не отвечает потребностям заказчиков: карточки содержат либо минимальные общие характеристики, либо характеристики достаточно формализированные или вовсе отсутствуют в каталоге.

Сравнительный анализ наполнения карточек КТРУ для различных видов товаров демонстрирует проблему недостаточности характеристик. Так, в отношении компьютерной техники каталог содержит детализированные и структурированные позиции. Анализ позиции КТРУ 26.20.15.000-00000039 демонстрирует высокую степень детализации и жесткого нормативного контроля. Позиция включает как обязательные характеристики, так и значительный массив необязательных – более 30 параметров, позволяющих точно описать технически сложный товар: объем и тип оперативной памяти, количество ядер и тактовая частота процессора, объем и интерфейс накопителей, характеристики экрана, наличие оптического привода, порты USB, беспроводная связь, модуль доверенной загрузки, сканер отпечатка пальцев, комплектация клавиатурой и мышью. Такая система обеспечивает высокую точность при определении технических требований и позволяет более подробно описать этот объект.

Совершенно иная ситуация складывается с позициями категории «кровати». Карточки для обычных кроватей в открытых источниках практически отсутствуют, а имеющиеся содержат лишь общие характеристики без функционального наполнения. Например, детская кровать с деревянным каркасом (КТРУ 31.09.10.000-00000038): уровень детализации крайне низок. Обязательных параметров всего 6 (тип каркаса, тип по возрасту, вид, габаритные размеры с дискретными значениями). Необязательные добавляют лишь количество ярусов, тип основания, комплектацию, высоту изголовья/изножья и материал фасада. Таким образом, карточка КТРУ для кровати неполна и не содержит развернутого описания, позволяющего идентифицировать конкретную модель под потребности заказчика.

Из чего получается следующий вывод: если для компьютера заказчик получает в КТРУ готовый структурированный перечень характеристик, который можно использовать без изменений, то для кровати заказчик сталкивается с недостаточностью характеристик для качественного описания товара. Неравномерное наполнение КТРУ в таком случае создает для заказчиков неравные условия при закупке разных видов товаров по упрощенной процедуре, заложенной в ч. 12 ст. 93 44-ФЗ, и тогда заказчик, действующий добросовестно, вынужден или нарушать закон, включая дополнительные требования, чтобы получить товар надлежащего качества, или нести повышенный риск получения товара ненадлежащего качества.

Решением данной проблемы может послужить внедрение механизма оперативного дополнения недостающих характеристик в КТРУ. Сейчас процедура внесения изменений в каталог является длительной и имеет административные барьеры в виде отсутствия возможности у участника закупки оперативного направления предложения о внесении недостающей характеристики в уполномоченный орган, занимающийся наполнением, содержанием и обновлением КТРУ.

Контролирующие органы (ФАС, Минфин) в своих разъяснениях делают акцент на том, что описание должно строго соответствовать КТРУ. Они не рассматривают ситуацию, когда КТРУ не имеет необходимого набора характеристик. Это создает нормативную коллизию: закон предъявляет требование, но не дает инструмента, если КТРУ неполон. Но готовность рассмотрения таковых запросов и включения востребованных характеристик в каталог контролирующими органами, тем не менее, присутствует и озвучивается [5].

Целесообразно принять к рассмотрению создание упрощенного порядка направления заказчиками предложений о дополнении карточек КТРУ с обязательным сроком рассмотрения, например, 10 рабочих дней и приоритетным рассмотрением предложений, поступивших в связи с планированием закупки по части 12 статьи 93. Это позволит заказчикам инициировать актуализацию каталога в разумные сроки, не отказываясь от использования упрощенной процедуры. Для наиболее часто закупаемых товаров разработать иерар-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

хические карточки КТРУ, содержащие обязательные неизменяемые, рекомендуемые (с обоснованием) и опциональные по усмотрению заказчика характеристики.

Также рационально нормативно закрепить права заказчика на указание дополнительных характеристик, внеся изменения в пункт 3 части 12 статьи 93 Закона № 44-ФЗ, предусмотрев право заказчика указывать дополнительные характеристики товара при условии их надлежащего обоснования. Такое обоснование должно включать: указание на недостаточность характеристик КТРУ для идентификации товара, соответствующего потребностям заказчика; функциональное назначение каждой дополнительной характеристики; обоснование того, что дополнительные характеристики не противоречат характеристикам, указанным в КТРУ, и не отменяют их.

Другим направлением решения проблемы может стать изменение Постановления № 145, закрепляющее право заказчика указывать дополнительные потребительские свойства товара при их надлежащем обосновании, которые будут иметь и нормативное регулирование обязательного применения. Также в правила ведения КТРУ целесообразно ввести четкие критерии недостаточности характеристик позиций каталога и закрытый перечень товаров, по которым включение дополнительных характеристик не допускается. Дополнительно арбитражным судам рекомендуется отойти от формального толкования Постановления № 145 и при рассмотрении споров оценивать добросовестность заказчика, отсутствие ограничения конкуренции, нарушений прав участников и реальную возможность исполнения контракта.

2. Отсутствие возможности указания существенных условий исполнения контракта при закупке по ч. 12 ст. 93 ФЗ-44.

Наиболее острая проблема возникает, когда позиция КТРУ формально существует, но «Описание объекта закупки» в данной позиции КТРУ отсутствует. Минфин России в письме от 10.08.2023 № 24-03-06/75075 указал: если описание не сформировано, возможность закупки по части 12 статьи 93 отсутствует. Заказчик физически не может исполнить требование подпункта «в» пункта 3 части 12 статьи 93, а попытка провести закупку влечет административную ответственность [5].

Осложняет ситуацию и то, что, когда характеристики в КТРУ присутствуют, но их объем недостаточен для идентификации товара, соответствующего потребностям заказчика, заказчик сталкивается с дилеммой: либо ограничиться минимальным набором характеристик, тем самым увеличив риски получить товар, не отвечающий потребностям, либо дополнить описание в проекте контракта, что является неправомерным.

Многие заказчики ошибочно полагают, что, указав формальные характеристики из КТРУ, можно детализировать требования далее в приложении к проекту контракта. Контролирующие органы квалифицируют такие действия как нарушение пункта 7 части 12 статьи 93 Закона № 44-ФЗ, поскольку участник закупки ориентируется исключительно на структурированные характеристики из извещения и не может знать о дополнительных требованиях [6].

УФАС по Забайкальскому краю также в своем разъяснении от 28.11.2024 указало на наличие сложившейся судебной практики по данному вопросу в конкретных делах № А78-9118/2024 [7] и № А78-1915/2024 [8]. В рамках этих дел суды подтвердили, что проведение закупки по части 12 статьи 93 при отсутствии в КТРУ описания товара является неправомерным. Таким образом, заказчики, столкнувшиеся с недостаточным описанием объекта в КТРУ, вынуждены отказываться от упрощенной процедуры.

Данная позиция означает, что формальное следование минимальным характеристикам КТРУ создает риски не только неполучения качественного товара, но и антимонопольных претензий. Заказчик, пытающийся раскрыть описание через дополнительные приложения или требования в проекте контракта, автоматически попадает в зону риска, а его действия могут быть квалифицированы как сговор.

Краснодарское УФАС признало жалобу обоснованной и передало материалы для возбуждения дела по ч. 7 ст. 7.30.1 КоАП РФ. Заказчик по ч. 12 ст. 93 закупал стулья, но отклонил заявку ООО «К», полностью соответствующую извещению. Установлено, что заказчику требовалась еще и установка кресел, что недопустимо при данной процедуре. Осознав противоречие, он попытался исправить его необоснованным отклонением формально верной заявки [9].

Соответственно, объектом закупки по части 12 статьи 93 может являться исключительно товар, без выполнения сопутствующих работ (монтажа, установки и т.п.). Как указало и Кировское УФАС России в решении от 24.12.2025, включение в проект контракта требования об установке кондиционера признано нарушением [10].

Анализ правоприменения выявляет системную противоречивость. Контролирующие органы трактуют ч. 12 ст. 93 ограничительно: контракт не может включать ничего кроме поставки (монтаж, шефмонтаж, выездное обслуживание). Однако ч. 1 ст. 94 44-ФЗ определяет исполнение контракта шире — как комплекс действий, обеспечивающих качество и пригодность товара. Заказчик, лишенный права заложить мини-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

мальные условия для ввода товара в эксплуатацию, получает формально законный, но фактически бессмысленный контракт. Цель закупки не достигается. Таким образом, узкая процедура ч. 12 ст. 93 вступает в прямой конфликт с принципом результативности и эффективности, закрепленным в ст. 94 44-ФЗ.

Предлагается для решения данной проблемы внедрить на электронных площадках функционал «галочек» для фиксации дополнительных условий исполнения контракта, правовой статус которого в настоящее время не определен, что создает правовую неопределенность. Механизм предполагает: заказчик в структурированной форме извещения посредством «флажков» указывает дополнительные условия, не изменяющие существа товара по КТРУ (порядок доставки, сроки гарантии, перечень документов при поставке и т.п.), а поставщик при подаче предварительного предложения через «галочки» в личном кабинете подтверждает или отклоняет согласие с ними. Это позволит учесть условия, существенные для надлежащего исполнения контракта, но не влияющие на автоматическое сопоставление цен и базовых характеристик. При этом дополнительные условия не должны подменять описание товара и противоречить характеристикам КТРУ, а функционал «галочек» обязан обеспечивать машиночитаемый и проверяемый характер фиксации. Реализация возможна через внесение изменений в Правила функционирования электронных площадок и разъяснения Минфина России.

Для предотвращения злоупотреблений и сохранения упрощенного характера процедуры предлагается ограничить количество дополнительных характеристик (например, не более 3-5 параметров) в извещении или предложении. Это позволит уточнить существенные характеристики, не превращая закупку в полноценное техзадание. Также предлагается дополнить примечание к ст. 7.30 КоАП РФ положением о том, что указание дополнительных характеристик или условий исполнения при закупке по ч. 12 ст. 93 44-ФЗ не является нарушением, если они обоснованы и не противоречат КТРУ.

Ключевым условием реализации данного права является то, что дополнительные характеристики должны включаться в структурированное машиночитаемое извещение, а не в приложение к контракту, поскольку отбор предварительных предложений осуществляется автоматическим сопоставлением параметров. В связи с этим предлагается уточнить п. 7 ч. 12 ст. 93: проект контракта может содержать только те требования, которые идентичны дополнительным характеристикам из извещения. Запрет на включение иных требований исключит правовую неопределенность и риск обжалования, так как участник будет осведомлен обо всех условиях закупки с момента ознакомления с извещением.

Выводы

Таким образом, институт закупок по части 12 статьи 93 Закона № 44-ФЗ в условиях недостаточного наполнения КТРУ создает нормативный тупик. Заказчик вынужден выбирать между риском административной ответственности и закупкой товара, не отвечающего потребностям. Предложенные направления совершенствования данной нормы в виде легализации дополнительного описания с обоснованием, установления лимита на дополнительные характеристики, дифференциации ответственности, создания механизма оперативного дополнения КТРУ и формирования иерархических карточек позволят разрешить существующие противоречия, сохранив баланс между упрощением процедуры и предотвращением злоупотреблений.

Цель исследования достигнута: выявлены системные противоречия между формальными требованиями законодательства и потребностями заказчиков, разработаны направления совершенствования правового регулирования. Задачи исследования решены: проведен анализ нормативных правовых актов и правоприменительной практики, выявлены две основные проблемы (системная и функциональная), предложены механизмы их решения. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования предложенных рекомендаций в правотворческой деятельности для совершенствования законодательства о контрактной системе, а также в практической деятельности заказчиков и контролирующих органов.

Список источников

1. Письмо Минфина России от 02.03.2026 № 24-06-09/15861 «О применении части 12 статьи 93 Федерального закона № 44-ФЗ» [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412675327/

2. Постановление Правительства РФ от 08.02.2017 N 145 (ред. от 23.12.2024) «Об утверждении Правил формирования и ведения в единой информационной системе в сфере закупок каталога товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и Правил использования каталога товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/71606930/

3. Письмо Минфина России от 19.09.2025 № 24-06-06/91154 (совместно с ФАС России) «О порядке описания объекта закупки при осуществлении закупки у единственного поставщика по части 12 статьи 93 Федерального закона № 44-ФЗ» [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412675327/?ysclid=mnol4lk1ah562834946

4. Постановление АС Уральского округа от 29.03.2023 №Ф09-835/2023 по делу №А60-25355/2022 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/BHntQcDC4VZY/

5. Письмо Минфина от 10 августа 2023 г. N 24-03-06/75075 «О возможности осуществления закупки у единственного поставщика по части 12 статьи 93 Закона № 44-ФЗ» [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407443513/

6. Решение УФАС по Ульяновской области от 01.03.2024 № 073/06/106-118/2024// [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/481128481/

7. Постановление от 9 июля 2025 г. по делу № А78-9118/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/cekO8xwCO9QT/.

8. Решение от 12 июня 2024 г. по делу № А78-1915/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/3WRXX5Qa5PWN/

9. Решение Краснодарского УФАС России от 19.06.2025 N 402/2025 по делу N 023/06/93-2617/2025

10. Решение Кировского УФАС по закупке № 0140200004325000031 от 24.12.2025 г. [Электронный ресурс]. URL: https://kirov.fas.gov.ru/news/17174

11. Чиранова И.П., Полежайкин А.А. Особенности заключения, изменения и расторжения государственных (муниципальных) контрактов с единственным поставщиком (исполнителем, подрядчиком) // Аграрное и земельное право. 2024. № 1 (229). С. 167 – 170.

12. Шереметьева А.К., Галиева В.Д. Исключительность неконкурентных процедур как форма защиты публичных интересов // Право и государство: теория и практика. 2023. № 2 (218). С. 172 – 174.

References

1. Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 02.03.2026 No. 24-06-09/15861 "On the Application of Part 12 of Article 93 of Federal Law No. 44-FZ" [Electronic resource]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412675327/

2. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 08.02.2017 No. 145 (as amended on 23.12.2024) "On Approval of the Rules for the Formation and Maintenance of a Catalog of Goods, Works, and Services to Meet State and Municipal Needs in the Unified Information System for Procurement and the Rules for Using the Catalog of Goods, Works, and Services to Meet State and Municipal Needs" [Electronic resource]. URL: https://base.garant.ru/71606930/

3. Letter of the Ministry of Finance of Russia dated September 19, 2025 No. 24-06-06/91154 (jointly with the FAS Russia) "On the procedure for describing the procurement object when purchasing from a single supplier under Part 12 of Article 93 of Federal Law No. 44-FZ" [Electronic resource]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412675327/?ysclid=mnol4lk1ah562834946

4. Resolution of the Ural District Arbitration Court dated March 29, 2023 No. F09-835/2023 in case No. A60-25355/2022 [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/BHntQcDC4VZY/

5. Letter of the Ministry of Finance dated August 10, 2023 No. 24-03-06/75075 "On the Possibility of Making Purchases from a Single Supplier under Part 12 of Article 93 of Law No. 44-FZ". [Electronic resource]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407443513/

6. Decision of the Federal Antimonopoly Service for the Ulyanovsk Region dated March 1, 2024 No. 073/06/106-118/2024// [Electronic resource]. URL: https://base.garant.ru/481128481/

7. Resolution of July 9, 2025 in case No. A78-9118/2024 [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/cekO8xwCO9QT/.

8. Decision of June 12, 2024 in case No. A78-1915/2024 [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/3WRXX5Qa5PWN/

9. Decision of the Krasnodar UFAS of Russia dated June 19, 2025 No. 402/2025 in case No. 023/06/93-2617/2025

10. Decision of the Kirov UFAS on procurement No. 0140200004325000031 dated December 24, 2025 [Electronic resource]. URL: https://kirov.fas.gov.ru/news/17174

11. Chiranova I.P., Polezhaikin A.A. Features of concluding, amending and terminating state (municipal) contracts with a single supplier (performer, contractor). Agrarian and land law. 2024. No. 1 (229). P. 167 – 170.
12. Sheremetyeva A.K., Galiyeva V.D. Exclusivity of Non-Competitive Procedures as a Form of Protecting Public Interests. Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 2 (218). P. 172 – 174.

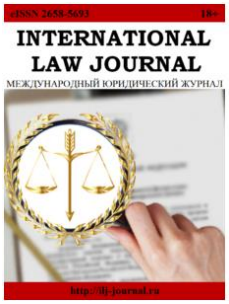
Информация об авторах

Тимошин Д.И., кандидат технических наук, старший преподаватель, Тульский государственный университет, 300012, г. Тула, проспект Ленина, д. 92, den71ru@yandex.ru

Подъячева А.А., Тульский государственный университет, 300041, г. Тула, ул. Советская, д. 23 «В», оф. 2, podyacheva2005@mail.ru

© Тимошин Д.И., Подъячева А.А., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.73
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-193-200

Многомерная природа цифровых финансовых активов как фактор совершенствования правового регулирования

[1] Джулакян А.Ю., [1] Литвинова С.Ф.,
[1] Владивостокский государственный университет

Аннотация: *статья посвящена комплексному исследованию правовой природы цифровых финансовых активов (ЦФА) как нового объекта гражданского оборота в условиях глобальной цифровизации. Актуальность исследования обусловлена высокими рисками правовой неопределенности для участников оборота в следствии отсутствия единой доктринальной позиции относительно сущности ЦФА. Многомерная природа ЦФА является фактором, требующим актуализации правового регулирования. В статье ставится задача: доказать, что эффективное материальное и коллизионное регулирование ЦФА невозможно без учета их технологической природы. Для этого в работе рассматриваются три взаимосвязанных аспекта сущности ЦФА: экономический, юридический и технологический. На базе системного, формально-юридического и сравнительно-правового анализа ГК РФ, ФЗ № 259 и Принципов УНИДРУА 2023 г. установлено, что традиционное деление прав на «вещные» и «обязательственные» устарело. Российский формально-юридический подход оказывается менее гибким по сравнению с предлагаемыми унифицированными международными правилами, где доминирует концепция криптографического «контроля» и адаптированные коллизионные правила. В работе предлагается совершенствование российского гражданского права: легализовать «контроль» как аналог владения, разрешить разделенный контроль и разработать специальные коллизионные привязки для определения применимого права к отношениям, объектом которых являются ЦФА.*

Ключевые слова: *цифровые финансовые активы, цифровые права, Принципы УНИДРУА, институт контроля, коллизионные нормы, технология распределенного реестра, гражданский оборот*

Для цитирования: Джулакян А.Ю., Литвинова С.Ф. Многомерная природа цифровых финансовых активов как фактор совершенствования правового регулирования // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 193 – 200. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-193-200

Поступила в редакцию: 29 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 27 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

The multidimensional nature of digital financial assets as a factor in improving their legal regulation

[1] Dzhulakyan A.Yu., [1] Litvinova S.F.,
[1] Vladivostok State University

Abstract: *the article is devoted to a comprehensive study of the legal nature of digital financial assets (DFAs) as a new object of civil turnover in the context of global digitalization. The relevance of the study is due to the high risks of legal uncertainty for civil circulation participants as a consequence of the lack of a common doctrinal position regarding the essence of DFAs. The multidimensional nature of digital financial assets is a factor necessitating an update to their legal regulation. The article aims to demonstrate that effective substantive and conflict-of-laws regulation of DFAs is impossible without accounting for their technological nature. Based on a systematic, formal-legal, and comparative-legal analysis of the Civil Code of the Russian Federation, Federal Law No. 259, and the*

UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law (2023), it has been established that the traditional division of rights into "rights in rem" and "rights in personam" is outdated. The formal-legal approach of Russian legislation proves to be less flexible compared to the proposed unified international rules, which are anchored in the concept of cryptographic "control" and adapted conflict-of-laws rules. The article proposes improvements to Russian civil law: to legalize "control" as an analogue of possession, to allow for divided control, and to develop specialized conflict-of-laws connecting factors for determining the applicable law to relations concerning DFAs.

Keywords: *digital financial assets, digital rights, UNIDROIT principles, the institution of control, conflict rules, distributed ledger technology, civil turnover*

For citation: Dzhulakyan A.Yu., Litvinova S.F. The multidimensional nature of digital financial assets as a factor in improving their legal regulation. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 193 – 200. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-193-200

The article was submitted: May 29, 2026; Approved after reviewing: June 27, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

Многомерность цифровых финансовых активов (их одновременная роль как экономического инструмента, технологического продукта и объекта гражданского оборота) создает фундаментальную проблему: традиционное право, регулирующее вещные и обязательственные отношения, не способно эффективно регулировать их, когда их объектом являются ЦФА. В связи с этим цель работы – обосновать необходимость такого правового регулирования, которое соответствует сущности ЦФА, обеспечивая правовую определенность без торможения технологического и экономического развития».

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и специально-юридических методов. Системный метод и метод анализа и синтеза позволили раскрыть многомерную природу ЦФА, охватывающую экономические, технологические и правовые аспекты. Формально-юридический метод был применен для догматического анализа норм ГК РФ и ФЗ № 259. Сравнительно-правовой метод обеспечил сопоставление российского формально-юридического подхода с функциональным подходом Принципов УНИДРУА. Для обоснования направлений совершенствования законодательства использовались экономико-правовой метод и метод правового моделирования.

В данной статье продемонстрирован авторский подход к изучению цифровых явлений (цифровых активов, цифровой валюты и т.п.) для совершенствования материального и коллизионного правового регулирования их оборота.

Результаты и обсуждения

Одной из особенностей цифровой экономики являются цифровые объекты. По мнению А.Г. Шипикова в состав экономических цифровых объектов входят цифровые активы и другие объекты, например, аккаунты в социальных сетях, аккаунты электронной почты» [1, с. 67]. Цифровые активы формируют новый класс экономических объектов, ценность которых базируется на способности формализовать и обеспечивать оборот имущественных прав в цифровой среде Экономическая сущность данных объектов проявляется в трансформации процессов создания стоимости, обмена и распределения рисков, что диктует необходимость пересмотра традиционных регуляторных подходов для минимизации правовых и экономических рисков.

Экономическая сущность цифровых активов проявляется в новых возможностях привлечения капитала и обращения прав, которые реализуются посредством специфических цифровых инструментов в информационных системах. К основным видам ЦА относятся: токенизированные финансовые инструменты; обеспеченные стейблкоины, сохраняющие ценность за счет привязки к фиатным деньгам, драгоценным металлам [2, с. 5]; цифровые финансовые активы (ЦФА), виртуальное цифровое имущество, большие данные, в том числе персональные и др. [3].

Выпуск, учет и обращение ЦФА как экономических цифровых объектов регулируется ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ФЗ № 259). В этом законе дается и определение ЦФА [4, п. 2 ст.1 ФЗ № 259]. ЦФА – это строго регламентированные законом цифровые права на определенные финан-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

совые требования или действия, существование и оборот которых технологически гарантированы записями в распределенном реестре или иных информационных системах. Экономическое содержание ЦФА также прослеживается в п.2 ч.1 ст. 2 ФЗ «О цифровой валюте и цифровых правах».

Выпускать ЦФА вправе исключительно юридические лица (коммерческие и некоммерческие) и индивидуальные предприниматели (ИП). Физические лица (граждане) не могут быть эмитентами (ч. 3 ст. 2 ФЗ № 259). Такие выпускаемые цифровые права могут включать: денежные требования; права по эмиссионным ценным бумагам; права участия в капитале непубличного АО; право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг (ч. 2 ст. 1 ФЗ № 259). Вид и объем прав жестко определяются решением о выпуске ЦФА, которое принимается эмитентом и содержит обязательные сведения (ч. 2 ст. 2, ст. 3 ФЗ № 259). В рамках выпуска могут создаваться цифровые права, включающие одновременно ЦФА и иные цифровые права (ч. 6 ст. 1 ФЗ № 259). Особенности выпуска долговых ЦФА являются: включают исключительно денежные требования; оплата при выпуске допускается только денежными средствами (фиатом); выпуск осуществляется только после полной оплаты цены их приобретения (ч. 2.1, 2.2 ст. 1 ФЗ № 259).

Закон прямо запрещает признавать ЦФА безналичными деньгами, электронными деньгами или традиционными бездокументарными ценными бумагами (ч. 11 ст. 1 ФЗ № 259). В отличие от криптовалюты, у ЦФА всегда есть обязанное лицо (эмитент) (ч. 3 ст. 1 ФЗ № 259).

Как экономический объект ЦФА являются объектом налогообложения в соответствии со ст. 214.11 Налогового кодекса РФ.

Экономическое значение ЦФА является масштабным и многогранным. ЦФА кардинально трансформируют мировой рынок капитала, обеспечивая прозрачность, безопасность и высокую скорость транзакций за счет технологий блокчейна и смарт-контрактов. Они существенно снижают издержки и устраняют лишних посредников, демократизируя доступ к инвестициям и упрощая привлечение финансирования для бизнеса. ЦФА становятся более дешевой и быстрой альтернативой традиционным облигациям [4, с. 22]. Кроме того, ЦФА приобретают важнейшее значение для России, позволяя осуществлять независимые трансграничные расчеты в обход традиционных финансовых ограничений и санкций [4, с. 21]. С. В. Харинов рассматривает ЦФА как способ сделать мировую экономическую систему более «справедливой», снизив монопольное влияние доллара США и евро, которые используются для политического давления и санкций [5].

Таким образом, экономическое содержание ЦФА заключается в том, что это гибридный финансовый инструмент, который сочетает в себе технологическую эффективность цифровой экономики (скорость, низкие издержки, автоматизация) с правовой определенностью традиционных рынков (наличие эмитента, строгая регламентация прав, налогооблагаемая база). ЦФА не просто оцифровывают существующие активы, а создают новый шаблон обращения прав, способствуя оптимизации рынка капитала и укреплению финансовой независимости государства.

Определение юридической сущности цифровых активов представляет собой одну из наиболее сложных и дискуссионных проблем современного частного права. На это обращают внимание и ученые и практики [6; 7]. Их нематериальная природа и существование исключительно в цифровой среде ставят под сомнение возможность применения к ним классических институтов гражданского права, в частности, института права собственности и наследственного права. В этой связи невозможно не согласиться с тем, что в современном обществе повышается роль государства как гаранта права на цифровые активы [8].

В российской правовой системе законодатель предпринял попытку к легализации цифровых объектов. С 1 октября 2019 года Гражданский кодекс РФ был дополнен статьей 141.1 «Цифровые права». Статья вошла в Подраздел 3 «Объекты гражданских прав» части 1 ГК РФ. После этого был принят ФЗ № 259, который конкретизировал правовой режим отдельных видов ЦФА.

ГК РФ не дает определение цифровых прав, в нем закрепляется только содержание таких прав: «обязательственные и иные права». Это означает, что ГК РФ сам по себе не создает конкретные виды цифровых прав, а лишь разрешает их существование, если какой-либо специальный федеральный закон их вводит. ФЗ № 259 является специальным законом, который относит цифровые активы, в том числе ЦФА к цифровым правам.

Гражданско-правовое содержание ЦФА напрямую вытекает из ст. 141.1 ГК РФ:

- они признаются обязательственными и иными правами;

- содержание и условия осуществления ЦФА определяются не традиционным бумажным документом, а правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам;

- любые юридически значимые действия с ЦФА (осуществление, передача, залог, обременение или ограничение распоряжения) возможны исключительно внутри этой информационной системы и без обращения к третьему лицу;

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

- обладателем ЦФА по общему правилу признается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом (например, располагающее средствами криптографической подписи);

- переход ЦФА на основании сделки не требует согласия лица, обязанного по такому цифровому праву.

Таким образом, можно отметить, что юридическое содержание ЦФА на основе данной статьи ГК РФ сводится к тому, что это самостоятельный объект гражданских прав, существующий исключительно в цифровой форме. Это дает основание для дискуссии о соответствии термина «цифровое право»: одни авторы считают его удачным, другие предлагают его заменить [9, с. 256; 10, с. 11].

В этом контексте особое значение приобретают Принципы УНИДРУА о цифровых активах и частном праве (DAPL Principles, 2023). Принципы рассматривают гражданско-правовое содержание ЦФА следующим образом:

1. ЦФА рассматривается как объект вещных прав (право собственности).

2. Поскольку физическое владение неприменимо к цифровым объектам, вводится институт контроля как цифровой аналог владения. Контроль функционально эквивалентен фактическому владению движимым имуществом. При этом владение рассматривается как фактическое состояние (власть над вещью), а не как юридическое право.

3. Лицо считается владеющим (контролирующим) ЦФА, если протокол/система предоставляют ему:

1) правомочие пользования: возможность получать практически все выгоды от актива;

2) правомочие владения/удержания: исключительную возможность препятствовать другим лицам в получении этих выгод;

3) правомочие распоряжения: исключительную возможность передавать эти права третьим лицам (смена контроля).

Контролер должен иметь техническую (протокольную) возможность идентифицировать себя как субъекта этих прав (например, через владение приватным ключом). Контроль не обязательно должен быть единоличным. Он может быть разделен, если это заложено в протоколе или является результатом соглашения сторон (аналог общей долевой собственности или сервитутов).

4. Сделки с ЦФА подчиняются общим принципам договорного права. Принципы УНИДРУА снижают транзакционные издержки, устраняя правовые риски, связанные с неопределенностью статуса токенов. В Принципах установлено, что ко всем вопросам, не урегулированным в них (например, деликтоспособность, наследование, корпоративные права), применяется национальное законодательство.

5. ЦФА признаются полноценным объектом гражданских прав, который может выступать в качестве обеспечения (залога) по обязательствам. Это расширяет (финансирование) и кредитование под залог цифровых активов. Если ЦФА является цифровым слепком (токенизацией) другого традиционного актива (например, токенизированная акция или товарный сертификат), то режим обеспечения регулируется национальным правом страны, где находится (или чьим правом регулируется) этот базовый актив.

6. Принципы предлагают революционный для частного международного права подход, отказываясь от традиционной привязки lex rei sitae (закон места нахождения вещи), которая невозможна для распределенных реестров. Вопросы вещных прав (собственности, залога, перехода контроля) предлагается регулировать по новым «цифровым привязкам»:

Lex in token: Внутренним правом государства, прямо указанного в самом цифровом активе (например, в коде смарт-контракта или метаданных токена). Рабочая группа по цифровым активам и частному праву УНИДРУА в начале разработки рассматриваемых принципов отмечала, что подход, основанный на автономии сторон, при котором стороны могут выбирать применимое законодательство, был бы целесообразен для договорных аспектов, особенно условий, внутреннего функционирования и управления цифровыми активами [11, п. 80]. Также в докладе утверждалось, что в соответствии с общепринятыми принципами международного частного права большинство судов первой инстанции согласились бы с таким определением с учетом любых соображений государственной политики, имеющих первостепенное значение [11, п. 80].

Lex platformae: Внутренним правом государства, прямо указанного в правилах системы или платформы, где зарегистрирован актив.

Lex sedis emittentis: В отношении цифрового актива, у которого есть эмитент, включая цифровые активы то же описание, в котором указан эмитент, соответствует внутреннему законодательству государства, в котором эмитент имеет свое официальное местонахождение, при условии, что его официальное местонахождение легко устанавливается общественностью.

Lex fori: Если ни один из вышеуказанных подпунктов не применяется:

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Гражданско-правовое содержание ЦФА по Принципам УНИДРУА сводится к созданию универсального вещно-правового статуса. ЦФА наделяются иммунитетом собственности, защищаются через механизм фактического криптографического/протокольного «контроля» (аналога владения), свободно обращаются и могут служить залогом. При этом Принципы выступают как основа, которая унифицирует трансграничный оборот, позволяя национальным законодательствам сохранять свою догматику, но обеспечивая глобальную предсказуемость для участников рынка.

Различие в подходах определения гражданско-правового содержания ЦФА можно рассматривать как основание для совершенствования законодательства России, в частности внедрить функциональный подход к защите, легализация «контроля» и разделенного владения, а также введение специальных коллизионных норм. Но эта тема другого исследования.

Сравнительно-правовое исследование юридического содержания ЦФА, закрепленного в ГК РФ и Принципах УНИДРУА показали, что российский подход – формально-юридический, а подход УНИДРУА – функциональный.

Понимание технологической природы цифровых активов является необходимым условием для выработки адекватного правового регулирования. Их существование неразрывно связано с использованием специальных цифровых технологий. Фундаментальной характеристикой, определяющей технологическую сущность цифровых активов, является их нематериальная (информационно-цифровая) природа

В.К. Спильниченко в результате проведенного им анализа определяет ЦФА как «совокупность цифровых токенов, созданных с использованием технологии блокчейн и обладающих различными финансовыми правами для их владельцев» [12, с. 111]. О.В. Лосева дает следующее определение технологического содержания цифрового актива: «это вид экономического актива, имеющий нематериальную природу и цифровую форму, созданный с помощью цифровой технологии, проявляющий свою ценность (стоимость) в информационной системе и способный к гражданскому (имущественному) обороту» [13, с. 50]. Л.Ю. Василевская отмечает, что возникновение цифровых прав связано с информационными системами, использующими блокчейн-технологии – программы (алгоритмы) с децентрализованным хранилищем базы данных в цифровом формате [14, с. 112].

Все определения не противоречат, а взаимно дополняют друг друга, раскрывая дуализм природы цифровых финансовых активов: В.К. Спильниченко определяет технологическую природу ЦФА и их значение для владельца (финансовые права). О.В. Лосева отражает экономическую сущность ЦФА и способность к гражданскому обороту. Для комплексного научного или практического понимания ЦФА оптимальным является синтез этих подходов: признание ЦФА экономическим активом, существующим в цифровой форме, который чаще всего реализуется через технологию блокчейн в виде токенов, удостоверяющих финансовые права. Л.Ю. Василевская дает строго техно-юридическое определение, которое дополняет два предыдущих, связывает ЦФА с технологией блокчейна.

Технологическим фундаментом подавляющего большинства цифровых активов является блокчейн, который представляет децентрализованную базу данных, которая синхронизирована и распределена между множеством узлов (компьютеров) в сети.

Технологическим фундаментом подавляющего большинства ЦФА является технология распределенного реестра, которая представляет собой децентрализованную, синхронизированную базу данных, распределенную между множеством узлов сети. Именно эта архитектурная особенность порождает три фундаментальных препятствия для применения института права собственности и владения в его классическом римско-германском понимании:

1. Отсутствие физического существования и пространственной локализации. Невозможно «владеть» записью в базе данных так же, как владеют автомобилем или деньгами. Более того, в децентрализованной сети копия реестра хранится одновременно на тысячах узлов по всему миру, что делает бессмысленным определение «места нахождения» актива (lex rei sitae), которое является краеугольным камнем вещного права.

2. Невозможность фактического господства. В цифровой среде «удержание» актива невозможно. ЦФА не хранятся в кошельке пользователя в виде файла; кошелек хранит лишь криптографические ключи (пару приватный/публичный ключ), которые дают доступ к записи в блокчейне. Это различие требует замены категории «владение» на категорию «контроль».

3. В отличие от традиционных прав, реализация которых зависит от волеизъявления сторон и государственного принуждения, оборот ЦФА регулируется смарт-контрактами – программными алгоритмами, исполняемыми автоматически.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Именно вышеописанные технологические характеристики диктуют необходимость введения института криптографического контроля, который функционально замещает институт владения в цифровой среде.

Субъективное право контроля может содержать три правомочия: на исключительный доступ, правомочие на передачу другому лицу путем подписания транзакции перевода и правомочие на неизменность со стороны третьих лиц.

Таким образом, технологическая природа ЦФА – это не просто «использование блокчейна», а качественно новый способ фиксации и передачи прав. Это делает невозможным применение традиционных вещно-правовых конструкций и требует признания контроля как самостоятельного института гражданского права.

Выводы

На основе проведенного исследования многомерной сущности ЦФА, можно сформулировать ряд ключевых выводов.

Во-первых, анализ экономического содержания ЦФА показал, что они представляют собой не просто оцифрованную форму традиционных финансовых инструментов, а качественно новый актив.

Во-вторых, технологическая природа ЦФА, базирующаяся на технологиях распределенного реестра (блокчейн) и смарт-контрактах обеспечивает автономность оборота, криптографический контроль и отсутствие необходимости в традиционных институтах посредничества. Особенность технологической природы определяет необходимость изменения правового регулирования ЦФА.

В-третьих, исследование юридического содержания ЦФА в российской правовой системе (на основе ст. 141.1 ГК РФ и ФЗ № 259) продемонстрировало, что отечественный законодатель избрал формально-юридический подход, рассматривая ЦФА как разновидность обязательственных и иных прав, жизненный цикл которых опосредован правилами информационной системы. Несмотря на безусловные достоинства такого подхода в части правовой определенности, он оказывается недостаточным для полноценного охвата многомерной природы ЦФА, особенно в части трансграничного оборота и вещно-правовой защиты.

В-четвертых, сравнительно-правовой анализ выявил принципиальное расхождение между российским подходом и подходом Принципов УНИДРУА (DAPL Principles, 2023) к определению содержания ЦФА. Международный подход, придающий ЦФА функциональную эквивалентность объектам вещных прав через институт «контроля» как цифрового аналога владения и вводящий специальные коллизионные привязки (lex in token, lex platformae), может оказаться более гибким инструментом для регулирования глобального оборота цифровых активов. Необходимо согласиться с мнением, что коллизионное регулирование должно меняться (или не меняться) только после принятия источников материального регулирования ЦФА [15, с. 608-609].

Таким образом, многомерность ЦФА, охватывающая одновременно экономическую ценность, технологический базис и юридическую специфику, объективно диктует необходимость пересмотра и совершенствования правового регулирования. Традиционное право, оперирующее дихотомией «вещь – обязательственное право», не способно адекватно опосредовать объект, существующий на стыке этих измерений.

В связи с этим обоснована необходимость следующих направлений совершенствования российского законодательства:

- внедрение элементов функционального подхода к защите ЦФА, включая легализацию института «контроля» как цифрового аналога владения;
- признание возможности разделенного контроля как аналога общей долевой собственности;
- разработка специальных коллизионных норм для регулирования трансграничного оборота ЦФА с учетом технологической природы распределенных реестров;
- дальнейшая гармонизация российского подхода с международными стандартами (Принципами УНИДРУА) при сохранении догматических основ отечественного гражданского права.

Только такое многомерное правовое регулирование, учитывающее экономическую, технологическую и юридическую природу ЦФА, способно обеспечить баланс между правовой определенностью, безопасностью оборота и стимулирующим воздействием на развитие цифровой экономики, а также укрепить финансовый суверенитет государства в условиях глобальной цифровой трансформации.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Список источников

1. Шипикова А.Г. Подходы к определению цифрового объекта и цифрового актива // Digital Law Journal. Law. Technology. Reseach. 2024. Т. 5. № 2. С. 53 – 58. DOI: https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-2-1

2. Развитие рынка цифровых активов в Российской Федерации: Доклад для общественных консультаций / Банк России. 022. URL: https://cbr.ru/press/event/?id=14281 (дата обращения: 12.05.2026)

3. Лосева О.В. Виды и классификация цифровых активов для целей стоимостной оценки // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 2 (245). С. 45 – 57.

4. Бузулуцкая М.В., Беспалова В.В., Симонова В.А., Филатов В.В. Влияние цифровых финансовых активов на инновационное развитие мирового рынка капитала в условиях глобализации экономики и применения блокчейн-технологий // Прикладные экономические исследования. 2026. № 5. С. 17 – 26. DOI: 10.47576/2949-1908.2026.5.5.002

5. Харинов С.В., Иванов В.В. Цифровые финансовые активы на рынке международного движения капитала // Банковское дело. 2023. № 8. С. 6 – 15. URL: https://www.bankdelo.ru/fingram/press-center/pub/9079 (дата обращения: 12.05.2026)

6. Эйтсма О.Н. Современные проблемы правового регулирования цифровых активов // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2024. № 9-1. С. 60 – 68.

7. Суворов А. Цифровой актив // Юридическая компания «Суворов Лигал» [сайт]. URL: https://suvorov.legal/tsifrovoj-aktiv/ (дата обращения: 19.05.2026)

8. Даниленко И.М. Пользовательские соглашения цифровых платформ и их роль в наследовании объектов цифрового права // Юридические исследования. 2026. № 3. С. 31 – 43. DOI: 10.25136/2409-7136.2026.3.78664 EDN: FPLLLI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=78664 (дата обращения: 19.05.2026)

9. Федоров Д.А. Цифровые права как объект гражданских прав // Теория и практика общественного развития. 2026. № 1. С. 253 – 257. DOI: https://doi.org/10.24158/tipor.2026.1.33

10. Садков В.А. Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав и их оборот: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2022. 29 с.

11. UNIDROIT 2020. Study LXXXII – W.G.1 Doc. 2: Issues Paper // Unidroit.org [сайт]. URL: https://www.unidroit.org/english/documents/2020/study82/wg01/s-82-wg01-02-e.pdf (дата обращения: 19.05.2026)

12. Спильниченко В.К. Теоретико-практический анализ российских цифровых финансовых активов // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2023. № 2. С. 102 – 117. DOI: 10.28995/2073-6304-2023-2-102-117

13. Лосева О.В. Цифровые активы: экономический, юридический и технологический контексты // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 11 (242). С. 42 – 51. DOI: 10.24412/2072-4098-2021-11-42-51

14. Василевская Л.Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 5 (102). С. 111 – 119.

15. Леанович Е.Б. Цифровые активы в международном частном праве: новая разработка УНИДРУА. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/330209/1/606-610.pdf (дата обращения: 19.05.2026)

References

1. Shipikova A.G. Approaches to Defining a Digital Object and a Digital Asset. Digital Law Journal. Law. Technology. Research. 2024. Vol. 5. No. 2. P. 53 – 58. DOI: https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-2-1

2. Development of the Digital Asset Market in the Russian Federation: Report for Public Consultations. Bank of Russia. 2022. URL: https://cbr.ru/press/event/?id=14281 (date of access: 12.05.2026)

3. Loseva O.V. Types and Classification of Digital Assets for Valuation Purposes. Property Relations in the Russian Federation. 2022. No. 2 (245). P. 45 – 57.

4. Buzulutskaya M.V., Bespalova V.V., Simonova V.A., Filatov V.V. The Impact of Digital Financial Assets on the Innovative Development of the World Capital Market in the Context of Economic Globalization and the Application of Blockchain Technologies. Applied Economic Research. 2026. No. 5. P. 17 – 26. DOI: 10.47576/2949-1908.2026.5.5.002

5. Kharinov S.V., Ivanov V.V. Digital Financial Assets in the International Capital Market. Banking. 2023. No. 8. P. 6 – 15. URL: https://www.bankdelo.ru/fingram/press-center/pub/9079 (date of access: 12.05.2026)

6. Eitsma O.N. Modern problems of legal regulation of digital assets. International scientific journal "Innovation Science". 2024. No. 9-1. P. 60 – 68.

7. Suvorov A. Digital asset. Law firm "Suvorov Legal" [website]. URL: https://suvorov.legal/tsifrovoj-aktiv/ (date of access: 19.05.2026)

8. Danilenko I.M. User agreements of digital platforms and their role in the inheritance of digital law objects. Legal research. 2026. No. 3. P. 31 – 43. DOI: 10.25136/2409-7136.2026.3.78664 EDN: FPLLLI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=78664 (date of access: 19.05.2026)

9. Fedorov D.A. Digital rights as an object of civil rights. Theory and practice of social development. 2026. No. 1. P. 253 – 257. DOI: https://doi.org/10.24158/tipor.2026.1.33

10. Sadkov V.A. Digital financial assets as objects of civil rights and their turnover: author's abstract. dis. … cand. sciences (law). Volgograd, 2022. 29 p.

11. UNIDROIT 2020. Study LXXXII – W.G.1 Doc. 2: Issues Paper. Unidroit.org [website]. URL: https://www.unidroit.org/english/documents/2020/study82/wg01/s-82-wg01-02-e.pdf (date of access: 19.05.2026)

12. Spilnichenko V.K. Theoretical and practical analysis of Russian digital financial assets. Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Economics. Management. Law". 2023. No. 2. P. 102 – 117. DOI: 10.28995/2073-6304-2023-2-102-117

13. Loseva O.V. Digital assets: economic, legal, and technological contexts. Property relations in the Russian Federation. 2021. No. 11 (242). P. 42 – 51. DOI: 10.24412/2072-4098-2021-11-42-51

14. Vasilevskaya L.Yu. Token as a new object of civil rights: problems of legal qualification of digital law. Actual problems of Russian law. 2021. No. 5 (102). P. 111 – 119.

15. Leanovich E.B. Digital assets in international private law: new development of UNIDROIT. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/330209/1/606-610.pdf (date of access: 19.05.2026)

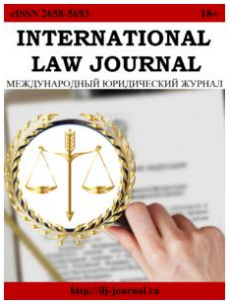
Информация об авторах

Джулакян А.Ю., Владивостокский государственный университет

Литвинова С.Ф., кандидат юридических наук, доцент, Владивостокский государственный университет

© Джулакян А.Ю., Литвинова С.Ф., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)
УДК 340.12:37.014.5
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-201-206

Школа правовых знаний как инструмент преодоления правового инфантилизма детей и молодежи

[1] Магомедова Е.А., [1] Еремичева А.С., [1] Печенцова Е.С., [2] Зайцева М.А.,
[1] Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
[2] Калужский институт, филиал Московского гуманитарно-экономического университета

Аннотация: *статья посвящена исследованию деятельности Школы правовых знаний как одного из эффективных инструментов преодоления правового инфантилизма у детей и молодежи. Авторы рассматривают правовой инфантилизм как начальную стадию деформации правосознания, обусловленную недостаточностью правовых знаний, несформированностью правовых установок и слабой включенностью личности в систему правовых ценностей. На примере практики Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского показано, что системное правовое просвещение школьников способствует формированию у них правовой грамотности, развитию правового мышления и повышению правовой активности. Особое внимание уделено содержанию, формам и методам работы Школы правовых знаний, включая тематические мероприятия, интерактивные занятия, просветительские встречи, а также использование социальных сетей как канала правового информирования. Подчеркивается, что сочетание правового, духовно-нравственного и патриотического компонентов усиливает воспитательный эффект просветительской деятельности и создает предпосылки для преодоления правового инфантилизма у детей и молодежи.*

Ключевые слова: *правовой инфантилизм, правосознание, правовое просвещение, правовая грамотность, студенческое волонтёрство, школа правовых знаний, правовое мышление, внеучебная работа*

Для цитирования: Магомедова Е.А., Еремичева А.С., Печенцова Е.С., Зайцева М.А. Школа правовых знаний как инструмент преодоления правового инфантилизма детей и молодежи // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 201 – 206. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-201-206

Поступила в редакцию: 29 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 27 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

The School of Legal Knowledge as a tool to overcome legal infantilism among children and youth

[1] Magomedova E.A., [1] Yeremicheva A.S., [1] Pechentsova E.S., [2] Zaitseva M.A.,
[1] Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky,
[2] Kaluga Institute (branch) Moscow Humanitarian Economic University

Abstract: *this article examines the activities of the School of Legal Knowledge as an effective tool for overcoming legal infantilism among children and young people. The authors treat legal infantilism as an initial stage in the deformation of legal consciousness caused by insufficient legal knowledge, underdeveloped legal attitudes, and weak personal engagement with the system of legal values. Using the practice of Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky as an example, the article demonstrates that systematic legal education for schoolchildren contributes to the development of legal literacy, the formation of legal thinking, and an increase in legal activity. Particular attention is paid to the content, forms, and methods of the School's work, including thematic events, interactive lessons, educational meetings, and the use of social networks as a channel for legal information. It is em-*

phasized that the combination of legal, spiritual-moral, and patriotic components enhances the educational effect of outreach activities and creates prerequisites for overcoming legal infantilism among children and youth.

Keywords: *legal infantilism, legal consciousness, legal education, legal literacy, student volunteering, School of Legal Knowledge, legal thinking, extracurricular activities*

For citation: Magomedova E.A., Yeremicheva A.S., Pechentsova E.S., Zaitseva M.A. The School of Legal Knowledge as a tool to overcome legal infantilism among children and youth. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 201 – 206. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-201-206

The article was submitted: May 29, 2026; Approved after reviewing: June 27, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

Вопросы правосознания, правовой культуры, правового мышления, правового просвещения, правового воспитания являются частью предмета юридической науки и не утрачивают исследовательского интереса со стороны ученых-юристов и специалистов-практиков. Кроме того, обозначенные вопросы в последнее время все чаще попадают в сегмент повышенного академического внимания со стороны представителей философского, социологического, педагогического знания. Представляется, что довольно весомым аргументом в пользу повышенного исследовательского интереса ко всем этим вопросам в целом и правосознания в частности является усложнение российской правовой действительности. Действительно, под воздействием множества факторов, – таких, как научно-технологический прогресс, геополитический вызовы, экологические кризисные явления, цифровизация общественные отношения, образующие сферу правового регулирования, усложняются. А ведь правосознание является своеобразным фильтром, через который пропускаются все социальные процессы, лежащие в правовой плоскости. Недаром Е.А. Лукашова в свое время говорила: «правосознание, отражая объективные условия общественного развития, направляет, регулирует и координирует социальную практическую деятельность людей, преобразуясь в ходе этой деятельности, наполняясь новым содержанием» [7, с. 5].

Материалы и методы исследований

Материалами исследования послужили научные публикации по проблемам правосознания, его деформаций, правового воспитания и правового просвещения, а также фактические материалы о деятельности Школы правовых знаний Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. В качестве эмпирической базы использованы сведения о тематике, формах и результатах просветительских мероприятий, проводимых студентами-будущими юристами со школьниками, а также материалы, размещаемые на странице Школы в социальной сети ВКонтакте.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы познания: анализ, синтез, обобщение, систематизация, сравнение и описание. Применялся теоретико-правовой подход, позволивший раскрыть сущность правового инфантилизма как деформации правосознания и определить роль правового просвещения в его преодолении у детей и молодежи. Использование описательного и сравнительного методов дало возможность охарактеризовать формы и содержание деятельности Школы правовых знаний, а также выявить ее воспитательный и просветительский потенциал. Системный подход обеспечил рассмотрение правопросветительской работы как комплекса взаимосвязанных мероприятий, направленных на формирование правовой грамотности, правового мышления и правовой активности детей и молодежи.

Результаты и обсуждения

С учетом заявленной темы научной статьи, представляется целесообразным сосредоточить исследовательский потенциал именно на правосознании. Следует отметить, что сложившаяся в отечественной доктрине права теория правосознания включает в себя вопросы понятия, структуры, уровней, видов, типов правосознания, а также его деформаций. Причем целесообразно обозначить, что наиболее важными и сложными элементами этой теории являются вопросы его деформации, которые выстроились в самостоятельный научный сегмент, имеющий фундаментальное практическое значение. В этом плане необходимо констатировать, что в современной научной литературе выделяют такие основные виды деформации правосознания, как правовой инфантилизм, правовой дилентантизм, правовой нигилизм, правовой идеализм, правовой романтизм, правовой фетишизм, перерождение правосознания. Как справедливо отмечают А.В.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Малько, А.Н. Зрячкин, А.А. Мусаткина, начальной стадией искажения правосознания является правовой инфантилизм [4, с. 52]. Причем за основу авторских рассуждений стоит взять дефиницию данного правового феномена П.П. Баранова, который определяет данную деформацию правосознания как его несформированность, обусловленная недостаточностью правовых знаний, отсутствием четких правовых установок [1, с. 482]. Обозначенное искажение правосознания в большей степени свойственно детям, поскольку живущие в сложном по своему содержанию мире они больше других возрастных категорий зависят от культивируемых в обществе норм и ценностей.

Для полноты рассуждений в рамках данного исследования стоит признать, что инфантилизм, в том числе правовую её составляющую, довольно сложно распознать на начальных этапах жизни. В детстве и подростковом возрасте людям свойственно жить эмоциями, давать волю своим фантазиям и желаниям. Ребенку, особенно в условиях современного информационного общества, сложно постигать реальную действительность. Поэтому он больше погружен в мир игр и сказок. Но если по мере взросления не корректировать его мировоззрение и стереотипы поведения, то они могут переноситься во взрослую жизнь, создавая массу проблем по восприятию социальных норм в целом и правовых норм в частности. В этом плане следует обратиться к позиции В.И. Добренькова, который отмечает, что «социальные нормы и ценности действительно придают системный характер социальным отношениям, формируя систему координат для различения социально одобряемого и социально порицаемого поведения» [3, с. 11]. Развивая авторскую линию рассуждений, необходимо подчеркнуть, что именно в детском возрасте закладывается шкала жизненных ценностей человека, поэтому взросление и становление личности должно происходить в том числе под воздействием достоверной информации о процессе социального и правового регулирования. В этом ключе стоит обратиться к опыту Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, в рамках которого уже на протяжении 10 лет действует Школа правовых знаний [8, с. 315]. Это сообщество студентов, основной целью функционирования которого является повышение уровня правовой грамотности и уровня правосознания школьников и молодежи Калуги и Калужской области. За десятилетие деятельности этого сообщества проведено очень большое количество мероприятий по правовому просвещению школьников региона. Темы, формы, методы, инструменты проведения встреч со школьниками – самые разные, но все они сфокусированы на правовом контенте. Следует согласиться с учеными, которые считают, что в условиях, когда объективная реальность замещается медиатизированной, информационные технологии увеличивают возможность манипулятивного воздействия на сознание, а исходящая от публичных структур информация у большинства граждан не верифицируется и воспринимается как правда [10, с. 68; 5, с. 115]. Деятельность по правовому просвещению детей является мощным инструментом по преодолению правового инфантилизма. В этой связи необходимо отметить, что мероприятия Школы правовых знаний готовятся студентами юридических направлений подготовки под чутким руководством доцентов кафедры юриспруденции. Примечательно, что студенты уже вышли из социальной группы «дети» и перешли в разряд молодежи. Но несмотря на это тоже порой страдают правовым инфантилизмом. В этом контексте они нуждаются в определенном правовом воздействии и правовом воспитании со стороны руководителей Школы правовых знаний. Именно поэтому представители профессорско-преподавательского состава кафедры Юриспруденции, генерируя идеи мероприятий и руководя студентами в процессе подготовки сценариев, проводят порой незримую системную работу по преодолению правового инфантилизма в молодежной среде. В рамках данной работы у студентов – будущих юристов формируется и развивается правовое мышление. Стоит согласиться с Гуляихиным В.Н. и Широ С.В., которые абсолютно обоснованно отмечают, что «правовое мышление находится в генетической зависимости от правосознания личности, по сути являясь основным механизмом его ценностно-смысловой компоненты» [2, с. 33]. В процессе подготовки мероприятий для школьников студенты многократно обращаются к содержанию различных концепций правопонимания, анализируют принципы права, их реализацию в правоприменительной деятельности, глубоко исследуют различные функции права, его регулятивный потенциал в контексте всей системы социального регулирования. Кроме того, очень часто при проработке правовой материи студенты затрагивают и сопряженные плоскости, обращаются к исследованию духовно-нравственных ценностей, проводя в том числе их ретроспективный анализ в формате российской социальной действительности. Указанные методические подходы способствуют развитию правового мышления студентов с опорой на высокие морально-нравственные идеалы, что предопределяет адекватную оценку права студенческой молодежью и формирует предпосылки преодоления правового инфантилизма.

Обращаясь к вопросам правового инфантилизма школьников, считаем возможным постулировать, что во многом корни данной деформации правосознания лежат в локальной правовой среде ребенка, которая сложилась в его семье, в его близком социальном окружении. Как верно отмечает С.А. Лошкова, «в про-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

цессе правовой социализации человек усваивает установки, нормы и ценности социума, которые могут быть как «писаными» и формализованными, так и неписаными, порой отличающимися довольно смутным содержанием» [6, с. 40]. Последние из обозначенных установок, безусловно, не исходят от образовательной сферы, их истоками являются родители, сверстники, друзья, неформальные общественные объединения. При таком положении вещей весьма важно, какие ребенок сделает умозаключения по вопросам «черное-белое», «хорошо-плохо», «правомерно-противоправно» и т.д. Считаем, что в условиях, когда в программе средней школы снижается объем часов по обществознанию и данную дисциплину школьники теперь изучают только начиная с 10-го класса, крайне важным становится правовое просвещение детей в рамках внеучебной работы, которое в том числе ведет к преодолению правового инфантилизма. Недаром Школой правовых знаний проводятся такие мероприятия, как «Путешествие в страну права», «Хочу все знать о праве», «Справедливость в праве» и т.п. Именно в рамках содержательного наполнения встреч школьников со студентами на указанные темы у подростков формируется понимание права как эффективного социального регулятора, инструмента упорядочения общественных отношений, а также средства установления в обществе режима законности и правопорядка. Как правило, мероприятия строятся так, что в начале идет повествование по выбранной теме, которое сопровождается красочной слайд-презентацией, а затем проводится интерактив, направленный на закрепление полученных школьниками знаний. Важным показателем, отражающим повышение уровня знаний школьников о праве, правовой действительности, юридической деятельности является тот факт, что с каждой последующей встречей интерес ребят к правовой материи возрастает. В контексте живого общения между студентами и школьниками формируется понимание того, что у последних не только повышается уровень правовых знаний, но и появляется интерес к новой информации о правовом регулировании в обществе и складывается представление о значении права на современном этапе государственно-правового строительства в России. Для фундаментализации знаний, транслируемых студентами-волонтерами в адрес школьников, затрагиваются темы духовно-нравственных начал и патриотизма. Так, в рамках мероприятий «От семейных ценностей к правовым нормам» акцент был сделан на значении семьи в жизни каждого человека и общества в целом. Контент данного мероприятия отправляет школьников к истокам семьи в историческом контексте через народный фольклор, произведения художественной литературы и высказывания выдающихся мыслителей о данном социальном институте. Далее в ходе мероприятия выстраивается логическая цепочка, выводящая слушателей на нормы семейного права и конституционное закрепление института семьи. Тем самым у школьников формируется понимание значение права в регулировании семейных отношений, а, следовательно, формируется платформа для преодоления правового инфантилизма. Еще одним показательным примером симбиоза правового и патриотического начал в мероприятиях правовой направленности являются темы Великой Победы и защиты Отечества. В рамках циклов встреч «Правовые страницы Великой Победы» и «Защитником быть – Родине служить» проводились две параллельные линии – патриотизм как любовь к Родине и правовое отражение исторических событий, связанных с этими темами в национальном законодательстве. В такой подаче материала школьникам было легче понять значение закона в формате государственно-правового воздействия на общество на различных этапах социального развития.

По мнению авторов преодоление правового инфантилизма в детской и молодежной среде возможно только при использовании комплексного инструментария с обязательной ориентацией на интересы данных социальных групп. В этой связи Школа правовых знаний уже более пяти лет активно использует возможности социальных сетей для повышения уровня правовой грамотности целевой аудитории. На своей страничке ВКонтакте школа правовых знаний не только освещает проведенные мероприятия, но и систематически информирует подписчиков и гостей о значимых правовых и государственных датах календаря, о проведении социально-правовых акций и тематических конкурсов. Представляется, что подобная практика обладает мощным мотивационным и воспитательным воздействием в силу ряда причин. Прежде всего, у подписчиков имеется возможность отслеживать правовой аспект государственных праздников и памятных дат, увидеть себя на фото с проведенных мероприятий, а также стать участником какого-то конкурса или акции. Также значимым является системность и разнообразие наполнения страницы, что не позволяет её подписчикам утратить интерес к размещаемому правовому материалу. Представляется, что посредством данного направления деятельности Школы правовых знаний не только формируется основа преодоления правового инфантилизма, но и в определенной степени формируется правовая активность личности – как тех, кто наполняет данную страницу, то есть студентов – активистов данного сообщества, так и тех, кому адресована данная информация – то есть школьников. В этом контексте следует согласиться с А.А. Паршиной, которая отмечает, что «благодаря своему постоянно развивающемуся правовому сознанию, фиксиру-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ющему все значимые особенности правовой действительности, личность получает реальную возможность становиться уверенным и активным субъектом конкретных правовых отношений» [9, с. 51].

Выводы

Правовой инфантилизм представляет собой значимую деформацию правосознания, преодоление которой требует целенаправленной и системной правопросветительской работы с детьми и молодежью. Деятельность Школы правовых знаний демонстрирует, что внеучебные формы правового просвещения способны эффективно повышать правовую грамотность школьников и формировать у них интерес к правовой тематике. Участие студентов в подготовке и проведении мероприятий имеет двойной результат: с одной стороны, оно способствует правовому воспитанию школьников, с другой – развивает у будущих юристов правовое мышление, коммуникативные и просветительские навыки. Наибольший воспитательный эффект достигается при сочетании правового содержания с духовно-нравственными и патриотическими ценностями, а также при использовании современных цифровых коммуникационных каналов. Опыт Школы правовых знаний, действующей при кафедре юриспруденции Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского подтверждает, что комплексный подход к правовому просвещению является действенным механизмом формирования правовой культуры, правовой активности и устойчивых правовых установок у подрастающего поколения.

Список источников

1. Баранов П.П. Правосознание и правовое воспитание // Общая теория права: курс лекций / под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. 494 с.

2. Гуляихин В.Н., Широ С.В. Правовое мышление как регулятор социального поведения // Юридическое образование и наука. 2015. № 3. С. 31 – 35.

3. Добреньков В.И. Преступление и наказание: криминализация России как социально-политическое явление: Материалы дискуссии. М.: Альфа-М, 2004 (серия «Научные семинары. Круглые столы. Дискуссии»). Вып. 3. 78 с.

4. Зрячкин А.Н., Малько А.В., Мусаткина А.А. Искаженное правосознание и традиционные российские духовно- нравственные ценности // Государство и право. 2025. № 10. С. 50 – 59.

5. Касавин И.Т., Лекторский В.А., Швырев В.С. Старый и новый рационализм // Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты. Москва, 2005. 230 с.

6. Лошакова С.А. О сущности воспитательной функции права // Юридический мир. 2014. № 6. С. 39 – 41.

7. Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. 344 с.

8. Магомедова Е.А., Короткова О.А., Воробьева М.О. Школа правовых знаний как форма повышения правосознания детей // Современный ученый. 2021. № 6. С. 314 – 317.

9. Паршина А.А. Влияние ценностей права на особенности развития правосознания личности // Юристъ-Правоведъ. 2024. № 3 (110). С. 48 – 54.

10. Поворова Е.А. Медиальный поворот в эпоху постправды и судебная власть // Российская юстиция. 2025. № 2. С. 66 – 74.

References

1. Baranov P.P. Legal Awareness and Legal Education. General Theory of Law: Lecture Course. edited by V.K. Babaev. N. Novgorod, 1993. 494 p.

2. Gulyaikhin V.N., Shiro S.V. Legal Thinking as a Regulator of Social Behavior. Legal Education and Science. 2015. No. 3. P. 31 – 35.

3. Dobrenkov V.I. Crime and Punishment: Criminalization of Russia as a Socio-Political Phenomenon: Discussion Materials. Moscow: Alfa-M, 2004 (series “Scientific Seminars. Round Tables. Discussions”). Issue 3. 78 p.

4. Zryachkin A.N., Malko A.V., Musatkina A.A. Distorted Legal Awareness and Traditional Russian Spiritual and Moral Values. State and Law. 2025. No. 10. P. 50 – 59.

5. Kasavin I.T., Lektorsky V.A., Shvyrev V.S. Old and New Rationalism. Dialogue of Cultures in a Globalizing World: Ideological Aspects. Moscow, 2005. 230 p.

6. Loshakova S.A. On the Essence of the Educational Function of Law. Legal World. 2014. No. 6. P. 39 – 41.

7. Lukasheva E.A. Socialist Legal Awareness and Legality. Moscow, 1973. 344 p.

8. Magomedova E.A., Korotkova O.A., Vorobyova M.O. School of Legal Knowledge as a Form of Raising Children's Legal Awareness. Sovremennyy Scientist. 2021. No. 6. P. 314 – 317.

9. Parshina A.A. The Influence of Legal Values on the Development of Individual Legal Awareness. Jurist-Pravoved. 2024. No. 3 (110). P. 48 – 54.

10. Povorova E.A. Media Turn in the Post-Truth Era and the Judicial Authority. Russian Justice. 2025. No. 2. P. 66 – 74.

Информация об авторах

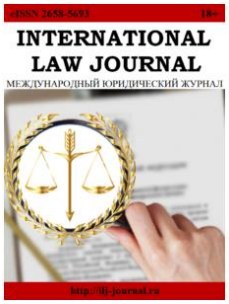
Магомедова Е.А., кандидат юридических наук, доцент, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Elena-magomedova@yandex.ru

Еремичева А.С., Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Печенцова Е.С., Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Зайцева М.А., преподаватель, Калужский институт, филиал Московского гуманитарно-экономического университета

© Магомедова Е.А., Еремичева А.С., Печенцова Е.С., Зайцева М.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 341.637
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-207-212

Пределы усмотрения третейского суда при проведении письменного разбирательства

[1] Осина А.А.,
[1] Отдел сравнительного и международного частного права,
Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева

Аннотация: *настоящее исследование посвящено анализу и раскрытию содержания условий проведения третейского разбирательства в письменной форме. Цель работы заключается в определении пределов усмотрения третейского суда при проведении разбирательства «только на основе документов». В ходе исследования решаются следующие задачи: исследование доктринальных подходов применительно к данному вопросу; анализ примеров из практики государственных и третейских судов, раскрывающих условия проведения третейского разбирательства в письменной форме; раскрытие пределов усмотрения третейского суда. Особое внимание уделяется разумной возможности стороны изложить свою позицию в ходе третейского разбительства в письменной форме. Результаты исследования позволят определить критерии, препятствующие «паранойе надлежащего процесса» при подаче заявления об отмене или отказе в признании и приведении в исполнение арбитражного решения, вынесенного в результате проведения письменного разбирательства.*

Ключевые слова*: международный коммерческий арбитраж, право на равное отношение, право быть заслушанным, пределы усмотрения третейского суда, только на основе документов*

Для цитирования: Осина А.А. Пределы усмотрения третейского суда при проведении письменного разбирательства // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 207 – 212. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-207-212

Поступила в редакцию: 29 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 27 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

The limits of arbitral tribunal's discretion to conduct proceedings in writing

[1] Osina A.A.,
[1] Department of Private International Law,
Private Law Research Center named after S.S. Alexeev

Abstract: *this study is focused on the analysis and content disclosure of the conditions of arbitration proceedings in writing. The research aims to determine the limits of arbitral tribunal's discretion in documents-only arbitration. This study pursues the following objectives: exploring of the doctrinal approaches in relation to this issue; analysis of the practical examples of state and arbitration courts that disclose conditions of arbitration proceedings in writing; disclosure of the limits of arbitral tribunal's discretion. Particular attention is paid to the reasonable opportunity of the party to present its case during the arbitration proceedings in writing. The research findings allow to identify criteria that prevent "due process paranoia" in case of applying for the setting aside or refusal to recognize and enforce an arbitral award rendered after conduction proceedings in writing.*

Keywords: *international commercial arbitration, equal treatment, right to be heard, limits of arbitral tribunal's discretion, documents-only*

For citation: Osina A.A. The limits of arbitral tribunal's discretion to conduct proceedings in writing. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 207 – 212. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-207-212

The article was submitted: May 29, 2026; Approved after reviewing: June 27, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

В ходе третейского разбирательства сторонам гарантируются право на равное отношение (*equal treatment, der Gleichbehandlung, l'égalité*) и право быть заслушанными (*right to be heard, das rechtliches Gehör, la contradiction*).

«Право быть заслушанной» раскрывается через разумную возможность стороны изложить свою позицию при условии, которое не ставит ее в существенно невыгодное положение по сравнению с оппонентом [1]. «Право на равное отношение» предполагает, что стороны обладают одинаковым уровнем информации о предмете разбирательства и могут комментировать доводы и доказательства в опровержение [2]. При этом отказ третейского суда в принятии доказательств, представленных той или иной стороной [3], или неинформирование стороны, представившей документы, о их недостаточности для установления фактов по делу [4] не влекут нарушения данных принципов.

Рядом стран на законодательном уровне закладывается возможность проведения третейского разбирательства в письменной форме (§ 598 ГПК Австрии, § 1047(1) ГПК Германии, ст. 24(1) Закона о МКА РФ). Это полномочие третейского суда предусмотрено и различными арбитражными правилами (ст. 42 Арбитражных правил 2024 г. Гонконгского международного арбитражного центра, правило 39(1) Арбитражных правил 2025 г. Сингапурского международного арбитражного центра, ст. 30(1) Правил арбитража и медиации 2021 г. Венского международного арбитражного центра, ст. 29(1) Арбитражных правил 2018 г. Немецкого института арбитража, § 33 Правил арбитража международных коммерческих споров 2017 г. МКАС при ТПП РФ).

Общими условиями проведения разбирательства в письменной форме являются соглашение сторон или усмотрение третейского суда. Усмотрение последнего прекращается в тот момент, когда сторона запрашивает о проведении устного слушания, которое проводится арбитрами на надлежащей стадии разбирательства. Однако, как мы заметим в дальнейшем, содержание условий проведения третейского разбирательства «только на основе документов» (*documents-only*), которые обеспечивают соблюдение «надлежащей правовой процедуры», раскрывается на уровне доктрины и в большей степени правоприменительной практики.

Целью данного исследования является определение пределов усмотрения третейского суда при проведении письменного разбирательства.

Для достижения этой цели поставлены следующие **задачи**:

исследовать доктринальные подходы к проведению третейского разбирательства «только на основе документов»;

проанализировать примеры из практики государственных и третейских судов, раскрывающие условия проведения третейского разбирательства в письменной форме;

раскрыть пределы усмотрения третейского суда при проведении разбирательства «только на основе документов».

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: формально-логический, формально-юридический, методы анализа, синтеза, обобщения, индукции и дедукции.

Эмпирическая база исследования: нормативные правовые акты, арбитражная и судебная практика, правовая литература.

Результаты и обсуждения

В случае наличия намерения отказаться от проведения устного слушания, арбитры должны своевременно уведомить об этом стороны. В отсутствие соглашения сторон о процедуре разбирательства, арбитры могут определить ее по своему усмотрению, приспосабливая к обстоятельствам дела [5]. Возможность проведения третейского разбирательства в письменной форме предполагается при отсутствии соответствующих ограничений на уровне права места арбитража (lex arbitri), поскольку данная форма разбирательства отли-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

чается экономичностью и эффективностью ввиду снижения размера арбитражных расходов и ускоренности самой процедуры.

Верховный суд Австрии в одном из дел 2010 г. сделал два основополагающих вывода по применению § 598 ГПК Австрии. Во-первых, заинтересованной стороне следует заявить о необходимости проведения устного слушания до наступления стадии вынесения арбитражного решения. Во-вторых, соблюдение права стороны быть заслушанной не исчерпывается возможностью подачи письменных пояснений [6].

В 2025 г. Баварский высший региональный суд отметил, что нет необходимости проводить все третейское разбирательство в устной форме (§ 1047(1) ГПК Германии). Сам факт непроведения устного слушания и перехода к разбирательству в письменной форме не является нарушением «права быть заслушанным» со стороны третейского суда. В частности, в случае если сторонам было предоставлено несколько возможностей представить письменные аргументы в ходе третейского разбирательства [7].

Российская арбитражная практика также раскрыла условия проведения третейского разбирательства в письменной форме при запросе истца, к которым можно отнести: (i) своевременное получение повестки ответчиком и отсутствие ходатайства об отложении слушания дела по уважительной причине [8]; (ii) отсутствие оспаривания со стороны ответчика представленных истцом документов и расчетов [9]. Таким образом, третейский суд вправе отказаться от проведения устных слушаний, если его решение, основанное на других доказательствах, является обоснованным и не является в корне несправедливым [10].

Не вызывает сомнений ситуация, при которой стороны соглашаются на разбирательство в письменной форме после инициирования третейского разбирательства, однако существуют сомнения о силе такой договоренности сторон до возникновения самого спора. Вопрос о том, имеет ли место нарушение положений ст. 18 Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 г. (далее – Типовой закон), имплементированных в нормативно-правовое регулирование в том числе ранее упомянутых нами правопорядков, будет зависеть от того, сможет ли сторона доказать, что отказ от проведения устного слушания привел к лишению ее разумной возможности изложить свою позицию [11]. Важно, чтобы стороны прямо подтвердили свое согласие на третейское разбирательство «только на основе документов» при формировании третейского суда. По общему правилу данное решение участников спора фиксируется арбитрами в процессуальных документах с предложением совершения сторонами необходимых «процессуальных шагов» для рассмотрения и разрешения спора [12].

Подробно вопрос о предоставлении стороне разумной возможности изложить свою позицию был рассмотрен в деле Vitol Asia Pte Ltd v. Machlogic Singapore Pte Ltd [13]. Спор между сторонами возник в рамках контракта, в соответствии с которым ответчик обязался продать истцу значительную партию дизельного топлива. Стороны по-разному оценивали фактические обстоятельства, поскольку, по мнению ответчика, от его имени с истцом заключило контракт лицо, не являющееся его сотрудником с целью получения личной выгоды. Инициирование третейского разбирательства произошло после направления истцом уведомления о расторжения контракта в связи с неисполнением ответчиком, возложенных на него обязательств.

После того, как был сформирован третейский суд, истец предложил провести третейское разбирательство в письменной форме, так как, по его мнению, ответчик не мог убедительно оспорить возникновение ответственности по контракту и единственным обстоятельством, требующим установления, являются убытки. Истец предложил процессуальный график с учетом приобщения к материалам дела исключительно экспертных заключений о возмещении убытков. В электронном письме, оставленном ответчиком без ответа, единоличный арбитр предложил последнему выразить свою позицию относительно проведения третейского разбирательства в письменной форме и предложенного истцом процессуального графика. С учетом молчания ответчика единоличный арбитр установил предложенный истцом график обмена состязательными документами и письменными доказательствами (с октября по декабрь 2018 г.), но предложил сторонам обсудить вопрос о проведении третейского разбирательства в письменной форме после завершения обмена состязательными документами. В ноябре 2018 г. ответчик единожды выразил свое мнение в электронном письме относительно позиции истца.

В январе 2019 г., после истечения предельного срока, установленного для представления доказательств сторонами, единоличный арбитр перешел к проведению разбирательства в письменной форме, предусмотрев возможность сторон представить любые фактические свидетельские показания, если таковые имеются или если это необходимо. В феврале 2019 г. единоличный арбитр вынес арбитражное решение, в котором подтвердил существование между сторонами действующего и обязательного к исполнению контракта и пришел к выводу, что ответчик не доказал, что лицо, заключившее контракт от имени ответчика, не было наделено соответствующими полномочиями.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Доводы ответчика о невозможности представления своей позиции по делу заключались в том, что единоличный арбитр не учел, что обвинения в мошенничестве и коррупции, выдвинутые в электронном письме ответчика, требовали перекрестного допроса свидетелей в ходе устного слушания. Кроме того, ответчик плохо владеет английским языком.

Высокий суд Сингапура констатировал, что у единоличного арбитра не было оснований полагать, что ответчик не осознавал последствия, которые повлечет за собой третейское разбирательство «только на основе документов», а также учитывать ожидания ответчика относительно проведения устного слушания. Высокий суд Сингапура также отметил, что широта процессуальных полномочий арбитров по ведению третейского разбирательства в письменной форме в соответствии со ст. 19 Типового закона прямо определяется соглашением сторон и любым обязательным положением lex arbitri.

Сторона, требующая проведения устного слушания, может «наложить вето» на любое предложение о проведении третейского разбирательства «только на основе документов». Тем самым возражающая сторона должна не только не соглашаться с тем, что устные слушания не должны проводиться, но и решительно заявить о необходимости их проведения. По мнению Высокого суда Сингапура, даже если предположить, что молчание ответчика после единожды направленного электронного письма не означает подразумеваемого согласия, ответчик фактически ни разу не обращался с просьбой о проведении устного слушания.

В деле Wan Sern Metal Industries Pte Ltd v Hua Tian Engineering Pte Ltd [14] Апелляционный суд Сингапура рассмотрел вопрос о соблюдении процедуры при проведении разбирательства в письменной форме. Сторонами был заключен договор субподряда, в рамках которого истец нанял ответчика для проведения монтажных работ. Спустя несколько лет истец утверждал, что работы, проведенные ответчиком, оказались некачественными, по результату которых истец был вынужден понести расходы на привлечение субподрядчиков и работников. После уведомления ответчика о дефектах истец направил уведомление о расторжении договора. Ответчик ссылался на неправомерное расторжение договора со стороны истца и требовал возмещения реального ущерба исходя из стоимости выполненных и не оплаченных истцом работ.

В мае 2023 г. ответчик в своей письменной позиции заявил в качестве альтернативного требования возмещение упущенной выгоды исходя из стоимости как выполненных, так и невыполненных работ по договору субподряда, которые он ожидал выполнить по договору при его заключении (истец неправомерно поручил выполнить работы сторонним субподрядчикам).

Единоличный арбитр пришел к выводу, что истец не представил доказательств того, что нарушение ответчиком условий договора субподряда давало ему право требовать расторжения договора. Единоличный арбитр также отклонил требования истца и удовлетворил большинство встречных требований ответчика, в том числе присудив ответчику возмещение упущенной выгоды, рассчитав стоимость как выполненных, так и невыполненных работ по договору субподряда, вычтя те суммы, которые были ранее выплачены ответчику.

Апелляционный суд Сингапура отметил, что в том случае, когда третейское разбирательство ускорено и проводится в письменной форме, состязательные документы являются решающим фактором, обеспечивающим полное ознакомление третейского суда с положением дел сторон. В частности, такие документы служат отправной точкой для определения того, какие вопросы стороны договорились передать на рассмотрение третейского суда; кроме того, они помогают установить, затронули ли стороны эти вопросы в своих письменных позициях или отошли от них при определении истинной природы аргументов сторон. Если заинтересованной стороной был поднят вопрос, не затронутый в состязательных документах, третейскому суду следует запросить позицию оппонента и обеспечить право сторон быть заслушанными по этому вопросу. Сторона, желающая выдвинуть аргументы по вопросу, не затронутому в состязательных документах, должна предпринять меры для внесения в эти документы соответствующих изменений.

Апелляционный суд Сингапура заключил, что единоличный арбитр действовал в нарушение согласованной процедуры разбирательства, поскольку принял решение по вопросу, который не входил в согласованный перечень вопросов, в частности относительно возмещения истцом упущенной выгоды ответчику.

Выводы

Как нами ранее отмечалось, третейское разбирательство «только на основе документов» может быть проведено как по соглашению сторон, так и по усмотрению единоличного арбитра. При необходимости проведения устного слушания стороне следует явным образом выразить данное намерение третейскому суду до перехода к стадии вынесения арбитражного решения.

При принятии решения о проведении разбирательства в письменной форме третейский суд должен своевременно уведомить об этом стороны путем закрепления в процессуальном постановлении процедуры,

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

в частности видов относимых, допустимых и значимых доказательств по делу и срок их предоставления, а также определения перечня вопросов, подлежащих рассмотрению и разрешению в рамках спора, с учетом представленных в материалы дела состязательных документов.

Пределы усмотрения третейского суда воплощаются в соблюдении права сторон на равное отношение и права быть заслушанными, в частности разумной возможности неоднократного письменного выражения стороной своей позиции по тому или иному вопросу, имеющему правовое значение исходя из определенных единоличным арбитром и сторонами фактических обстоятельств и предмета спора до перехода к проведению письменного разбирательства.

Финансирование

Настоящее исследование подготовлено в рамках выполнения государственного задания, утвержденного Исследовательским центром частного права им. С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации в ЕГИСУ НИОКТР 126021717461-2

Список источников

1. Kotuby Jr. Ch.T. Right to be heard. Elgar concise encyclopedia of international commercial arbitration / ed. by F. Ferrari, F. Rosenfeld. Edward Elgar Publishing, 2025. P. 362.
2. Kotuby Jr. Ch.T. Right to equal treatment. Elgar concise encyclopedia of international commercial arbitration / ed. by F. Ferrari, F. Rosenfeld. Edward Elgar Publishing, 2025. P. 364.
3. Austrian Supreme Court, 31 March 2005, Castello. A Contribution by the ITA Board of Reporters.
4. Federal Supreme Court, 9 January 2008. A Contribution by the ITA Board of Reporters.
5. Kommentar zu den Zivilprozeßgesetzen §§ 577 bis 618 ZPO / herausgeg. von H.W. Fasching, A. Konesny, bearb. von Ch. Hausmaninger. Manzsche Verlags- und Universitätsbuchhandlung, 2007. P. 513-515.
6. OGH 30.06.2010, 7Ob111/10i.
7. BayObLG 07.05.2025, 101 Sch 25/23.
8. Решение МКАС при ТПП РФ от 22 августа 2007 г. по делу № 93/2006 // Практика МКАС при ТПП РФ за 2004-2016 гг. / Науч. ред. и сост.: А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. Москва: Ассоциация исследователей международного частного и сравнительного права. 2017. С. 447.
9. Решение коллегии арбитров МКАС при ТПП РФ от 23 октября 2020 г. по делу № М-11/2020.
10. British Insurance Co. of Cayman v. Water Street Ins. Co. (93 F. Supp. 2d 506 (S.D.N.Y. 2000)).
11. China Machine New Energy Corp v Jaguar Energy Guatemala LLC and another [2020] 1 SLR 695.
12. Handbook of evidence in international commercial arbitration: key issues and concepts / ed. by F. Ferrari, F. Rosenfeld. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2022. P. 247-250.
13. Vitol Asia Pte Ltd v. Machlogic Singapore Pte Ltd [2020] SGHC 209.
14. Wan Sern Metal Industries Pte Ltd v Hua Tian Engineering Pte Ltd [2025] SGCA 5.

References

1. Kotuby Jr. Ch.T. Right to be heard. Elgar concise encyclopedia of international commercial arbitration. ed. by F. Ferrari, F. Rosenfeld. Edward Elgar Publishing, 2025. P. 362.
2. Kotuby Jr. Ch.T. Right to equal treatment. Elgar concise encyclopedia of international commercial arbitration. ed. by F. Ferrari, F. Rosenfeld. Edward Elgar Publishing, 2025. P. 364.
3. Austrian Supreme Court, 31 March 2005, Castello. A Contribution by the ITA Board of Reporters.
4. Federal Supreme Court, 9 January 2008. A Contribution by the ITA Board of Reporters.
5. Comment on Civil Procedure Code §§ 577 to 618 ZPO / herausgeg. von H.W. Fasching, A. Konesny, bearb. von Ch. Hausmaninger. Manzsche Verlags- und Universitätsbuchhandlung, 2007. P. 513-515.
6. OGH 30.06.2010, 7Ob111/10i.
7. BayObLG 07.05.2025, 101 Sch 25/23.
8. Decision of the ICAC at the RF CCI dated August 22, 2007 in case No. 93/2006. Practice of the ICAC at the RF CCI for 2004-2016. Nauch. Edited and compiled by A.N. Zhiltsov, A.I. Muranov. Moscow: Association of Researchers of Private International and Comparative Law. 2017. P. 447.
9. Decision of the Panel of Arbitrators of the ICAC at the Russian Chamber of Commerce and Industry of October 23, 2020, in Case No. M-11/2020.
10. British Insurance Co. of Cayman v. Water Street Ins. Co. (93 F. Supp. 2d 506 (S.D.N.Y. 2000)).
11. China Machine New Energy Corp v. Jaguar Energy Guatemala LLC and another [2020] 1 SLR 695.

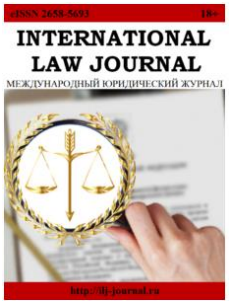
12. Handbook of Evidence in International Commercial Arbitration: Key Issues and Concepts. ed. by F. Ferrari, F. Rosenfeld. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2022. P. 247 – 250.
13. Vitol Asia Pte Ltd v. Machlogic Singapore Pte Ltd [2020] SGHC 209.
14. Wan Sern Metal Industries Pte Ltd v Hua Tian Engineering Pte Ltd [2025] SGCA 5.

Информация об авторе

Осина А.А., ведущий специалист, ORCID ID https://orcid.org/0009-0002-5939-7607, Отдел сравнительного и международного частного права, Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева, osina.mid@yandex.ru

© Осина А.А., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)
УДК 340.1
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-213-218

Философия права в воззрениях славянофилов: самобытный взгляд на юриспруденцию

[1] Скопа В.А.,
[1] Алтайский государственный педагогический университет

Аннотация: *славянофильское течение выработало уникальную концепцию правопонимания, резко контрастирующую с западноевропейскими доктринами. Представители этого направления – Хомяков, братья Аксаковы, Самарин и Киреевский, которые создали оригинальную систему взглядов на природу юридических норм. Славянофилы различали две формы социального регулирования: внутренняя правда – нравственные устои, базирующиеся на православной вере и совести; формальная законность – письменные установления, характерные для Запада. Центральным понятием стала идея соборности – добровольного духовного единения людей. Это противопоставлялось западному юридическому индивидуализму, где личность изолирована и защищается законами. Крестьянская община представлялась идеальной формой организации, где решения принимаются коллективно; отсутствует жёсткая регламентация; преобладают обычаи над писаными нормами. Мыслители-славянофилы отвергали рационалистический подход Европы к праву. Их учение о праве существенно повлияло на споры о судебных реформах XIX столетия, дискуссии о роли обычного права и сохранении традиционных институтов русского общества. Славянофильская правовая мысль предложила альтернативу позитивизму, делая акцент на духовно-нравственной основе юриспруденции вместо механического применения разработанных норм.*

Ключевые слова: *теории государства и права, философия права, славянофильство, справедливость, мораль*

Для цитирования: Скопа В.А. Философия права в воззрениях славянофилов: самобытный взгляд на юриспруденцию // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 213 – 218. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-213-218

Поступила в редакцию: 30 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 28 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

Philosophy of law in the views of slavophiles: a distinctive view of jurisprudence

[1] Skopa V.A.,
[1] Altai State Pedagogical University

Abstract: *the Slavophile movement developed a unique concept of legal understanding, sharply contrasting with Western European doctrines. Representatives of this movement included Khomyakov, the Aksakov brothers, Samarin, and Kireevsky, who created an original system of views on the nature of legal norms. The Slavophiles distinguished two forms of social regulation: internal truth – moral principles based on Orthodox faith and conscience; and formal legality – written regulations characteristic of the West. The central concept was the idea of sobornost – the voluntary spiritual unity of people. This was contrasted with Western legal individualism, where the individual is isolated and protected by laws. The peasant commune was presented as the ideal form of organization, where decisions are made collectively; rigid regulations are absent; and customs prevail over written norms. Slavophile thinkers rejected the rationalistic approach to law in Europe. Their legal doctrine significantly influenced debates over judicial reforms in the 19th century, discussions about the role of customary law, and the*

preservation of traditional institutions in Russian society. Slavophile legal thought offered an alternative to positivism, emphasizing the spiritual and moral foundations of jurisprudence rather than the mechanical application of established norms.

***Keywords**: theories of state and law, legal philosophy, Slavophilism, justice, morality*

For citation: Skopa V.A. Philosophy of law in the views of slavophiles: a distinctive view of jurisprudence. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 213 – 218. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-213-218

The article was submitted: May 30, 2026; Approved after reviewing: June 28, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

Современная Россия перманентно пребывает в процессе формирования правового государства, опираясь преимущественно на общепризнанные международные образцы. Однако подлинная эффективность государственной системы зависит не столько от её внешней оболочки, сколько от внутреннего наполнения – культурного фундамента, определяющего отношение граждан к юридическим установлениям и политическим механизмам. Изучение русской философии права открывает возможность обнаружить глубинные культурные основания, формирующие особенности современной общественной реальности. Понимание этих оснований критически важно для адекватной оценки происходящих процессов. Среди различных направлений отечественной философии права славянофильская традиция заслуживает особого внимания. Её представители глубоко анализировали уникальные черты российского правосознания; особенности взаимодействия общества с законодательной системой; отличия русского восприятия юридических норм от западноевропейского [3, 5, 10].

Обращение к славянофильскому интеллектуальному наследию помогает выявить культурные барьеры в восприятии правовых реформ; понять причины расхождения между формальными установлениями и реальной практикой, а также учесть национальную специфику при модернизации правовой системы. Таким образом, философско-правовые концепции славянофилов остаются актуальным инструментом для осмысления современных трансформаций российского государства и общества. Разграничение понятий права, законодательства и нравственности в их культурно-исторических измерениях стало центральной темой трудов выдающихся мыслителей славянофильского направления, из которых можно выделить А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, Ю.Ф. Самарина, К.С. Аксакова [1, 7, 13].

Рассматривая славянофильскую философию права через призму современного гуманитарного знания, можно определить её как самостоятельную концепцию, противостоящую двум господствующим парадигмам: либеральной доктрине правового государства с её акцентом на универсальных принципах и формальном равенстве и консервативной концепции исторической школы права, настаивающей на постепенной эволюции юридических институтов.

Славянофильский подход формулирует принципиально иную стратегию, которая отвергает механическое копирование европейских образцов; призывает к глубокому изучению отличительных черт отечественной правовой традиции и предлагает развитие юридической системы на основе национальных культурных оснований. Такая позиция открывает возможность для создания оригинальной модели правопонимания, укоренённой в российской культурной почве и учитывающей особенности народного правосознания, что делает её актуальной для современных дискуссий о путях развития правовой системы.

Материалы и методы исследований

Теоретический базис анализа философии права славянофильского направления опирается на труды отечественных исследователей, посвятивших значительное внимание данной проблематике. При изучении своеобразия славянофильского подхода к юриспруденции применяется комплекс методологических приёмов:

- исторический метод позволил рассмотреть формирование правовых идей славянофилов в контексте эпохи, выявить влияние социально-политических условий XIX столетия на развитие их концепций;

- компаративный (сравнительный) анализ дал возможность сопоставить славянофильские воззрения с западноевропейскими юридическими доктринами, либеральными и консервативными течениями отечественной мысли;

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

- герменевтический подход обеспечил углублённое толкование текстов мыслителей-славянофилов, раскрытие смысловых пластов их философско-правовых построений;

- культурологический анализ позволил выявить связь правовых идей с общекультурными ценностями, религиозными убеждениями и национальными традициями.

Такое методологическое разнообразие обеспечило всестороннее постижение уникальности славянофильского правопонимания.

Результаты и обсуждения

В концепции славянофилов юридические воззрения занимали ключевую позицию в структуре их представлений об идеальном государственном устройстве. В середине позапрошлого столетия славянофильское видение правовой системы базировалось на естественном соборно-общинном укладе российской государственности и социума, гармоничном взаимодействии власти и населения, главенстве духовно-религиозных принципов, укоренённых традиций, обычного права, честности, морального сознания и «сердечной» истины [8]. Славянофильское учение определяло церковные институты, общинное устройство, семейные узы, нравственное чувство, «душевную» правду и обычно-правовые нормы как главные инструменты упорядочивания социальных взаимосвязей. Согласно славянофильским убеждениям, законодательство исполняет вспомогательную (субсидиарную) роль исключительно в ситуациях, когда альтернативными методами невозможно обеспечить государственную и социальную стабильность.

Мыслители славянофильского течения отдавали приоритет духовной истине (совесть, моральность, подлинность) перед формальным правом (законодательными установлениями). Они переосмысливали правовую сферу как нравственное обязательство, божественный зов, добровольное самоограничение [8]. По их воззрению, российская государственная система опирается не на законодательство (формальное право), присущее западноевропейским монархиям, а на духовную истину. Под духовной истиной славянофилы понимали аутентичность, провиденциальный замысел, нравственное совершенство, единство помыслов и поступков верующего человека [9]. Церковная институция (в её православном воплощении) и народное сообщество выступают в роли хранителей духовной истины. С позиции славянофилов, законодательные нормы (формальное право) исходят от государственного аппарата (отстранённой от народа «верховной» структуры) и предназначены исключительно для регулирования внешних параметров социального взаимодействия, защиты общества от внешних угроз [1, 13].

Идеолог славянофилов К.С. Аксаков настаивал на том, что подлинная нравственность человека определяется его внутренним миром – духовными убеждениями, свободой выбора и чувством собственного достоинства. Он противопоставлял два подхода: «Внутренний нравственный закон прежде всего требует, чтобы сам человек обладал нравственностью, а его действия вытекали из свободного проявления его моральных качеств – иначе эти действия обесцениваются. Внешний же, формальный закон заботится лишь о том, чтобы поступок соответствовал правовым нормам, совершенно игнорируя внутреннее состояние человека и истинные мотивы его поведения» [2, с. 152-155]. Аксаков подчёркивал: «Моральный поступок должен совершаться по моральным побуждениям, без вмешательства внешнего принуждения» [2, с. 184].

Славянофильские мыслители полагали, что бездушная казённость и давление формального законодательства губят врождённые качества человека и подрывают социальный организм. Человеческая природа изначально несовершенна, уязвима и слаба, однако юридические установления неспособны искоренить мировое зло или предупредить его проявления. Отсюда вытекает их вывод: подлинное избавление индивида и его духа кроется в постоянном нравственном возвышении, осмыслении высших истин, усвоении евангельских норм и духовных ценностей, духовном сближении людей, их взаимной привязанности, преодолении страстей и порочности. Истинный способ выхода из нравственного упадка общества заключается в его духовном оздоровлении посредством воспитания совести, при условии, что государство, община и каждый индивид проявляют попечение о просвещении, культурном развитии и духовном совершенствовании личности [4].

Выдающийся представитель славянофильства А.С. Хомяков трактовал внутреннюю правду как внутренний закон, моральный долг, который стоит выше внешней правды [11, 12]. Концепция долга «напрямую связана с общим представлением человека о всечеловеческой или универсальной нравственной истине, а разумное понимание права может строиться исключительно на признанных основах всемирного знания или веры» [12, с. 224]. В своём послании к славянским народам выдающийся отечественный философ обращался к соотечественникам с призывом сосредоточиться на вопросах совести, морального долга и исторических правовых норм, решительно пресекать судебные конфликты, противоречащие согласию и братской привязанности [11].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Формулируя отношение славянофилов к праву (закону), И.С. Аксаков писал: «Мы стремились лишь, с одной стороны, выразить своё несогласие с провозглашённой теорией, безразлично требующей духовного поклонения любой подписанной норме закона независимо от его содержания и духовно порабощающей перед внешним условным, принудительным началом; а с другой – указать на это мёртвое отношение так называемой науки к пробуждающимся запросам современной русской и европейской действительности» [2, 144]. По сути он дал исключительную характеристику закона, его связи с правом (справедливостью), предвосхитив своими заключениями множество тезисов последующих учёных-юристов: «Закон – не абсолютная истина, не безошибочное изречение оракула, неподвластное переменам: его значение ограниченно и временно, и бессмысленен закон, претендующий уловить в свои узкие рамки свободную мощь постоянно творящей и разрушающей жизни! Само «право» не существует само по себе и для себя: неспособное выразить полноту жизни и правды, оно должно знать свои границы и находиться, так сказать, в подчинённом отношении к жизни и к идее высшей нравственной справедливости» [2, с. 296].

Исследователь А.А. Васильев подчёркивает, что славянофильское понимание права питает духовную жизнь, раскрывает его смысл, обеспечивает общественный порядок, гармонию и справедливость без задействования репрессивного государственного аппарата [3]. Представители славянофильского направления не исключали полностью роль законодательных норм, однако рассматривали их как вынужденную и дополнительную систему общественного упорядочения. При этом они акцентировали внимание на приоритете религиозных и нравственно-духовных ценностей. По их взглядам, юридические установления призваны подчиняться высшим духовным целям и защищать культурно-духовное наследие народа [4].

Заслуживает пристального изучения юридическая концепция видного представителя славянофильского движения И.В. Киреевского. В его представлении западная цивилизация базируется на формально-правовых конструкциях, индивидуализме и культе частного владения, в то время как отечественное право строится на принципах общинности и коллективного начала. Киреевский И. В. был убеждён, что нормативная база Древней Руси не должна носить искусственно-юридический характер: подлинное право призвано воплощать внутреннюю нравственность, а не внешние формальности, возвышать справедливость над техническим толкованием норм, чтить преемственность культурных ценностей вместо рационалистических построений, ставить моральные императивы выше материальных интересов [7].

Мыслитель опередил своё время в понимании природы правовых явлений. Он обнаружил органическую взаимосвязь между социальным укладом и системой законодательного регулирования.

Идеолог неославянофильского движения А.А. Киреев трактовал русскую правовую систему как синтез формальной справедливости и высшей нравственности [6]. Разделяя принцип верховенства закона, Киреев отстаивал позицию, согласно которой монарх и население государства должны следовать государственным установлениям [6]. Хотя государь и обладает прерогативой отмены действующих норм или введения новых, во время действия конкретного закона он не вправе игнорировать его — под угрозой быть квалифицированным как враг существующего строя и узурпатор власти. Иными словами, монарх уступает законодательству подобно рядовым подданным.

Наиболее глубокий анализ правовой проблематики предложил выдающийся общественный деятель и литератор Д.Н. Шипов [14]. Согласно его концепции, право функционирует как средство охраны социума от нарушений его материального и духовного благополучия. Будучи преходящим феноменом, право отражает неизменный нравственный идеал. Право стремится к установлению абсолютной справедливости и гармонии в человеческих отношениях. По мере реализации этого стремления потребность в правовом регулировании исчезает, уступая место внутренней справедливости – нравственному самоограничению, соответствующему моральным принципам [14]. Усилив охранительный характер формального правового порядка, Шипов вместе с тем упростил его концептуальную модель, исключив правовые традиции. Между тем в славянофильской мысли они занимали важное промежуточное звено между внешним правовым регулированием и внутренней нравственностью. Шипов считал необходимым основывать государственное устройство на двух ключевых началах – правовом и властном [14].

Философская позиция Шипова основывалась на убеждении, что государственный аппарат и юридическая система глубоко коренятся в духовно-нравственном и общественном просвещении народа. Согласно его учению, право следует трактовать как исторически подвижное явление, которое зеркально отражает уровень общественного мировосприятия, ориентированного на незыблемый моральный принцип Божественного Провидения [14]. Шипов полагал, что юриспруденция должна постоянно устремляться к достижению абсолютной справедливости и человеческой благодетели, являясь выражением духовного и религиозного самопознания индивида. По его воззрению, право служит не только инструментом управления государственными процессами, но и средством нравственного совершенствования граждан и всего общества.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Государство, функционируя как правовая система, призвано организовывать свою работу таким образом, чтобы юридические нормы постепенно направляли его к торжеству правды, справедливости, гармоничного взаимодействия и братской любви [14]. Конечная цель мировой истории виделась Шипову в воцарении истины, добра и абсолютной справедливости – основ всякого прогресса и разумного смысла бытия. Шипов Д. Н. так же отстаивал конституционное утверждение свободы вероисповедания, убеждений, высказываний и общественного голоса. Он считал подобные законодательные защиты необходимым условием для независимого формирования общественной позиции и надлежащего учёта чаяний и потребностей населения [14]. Вместе с тем мыслитель признавал легитимность частного имущества, включая земельные владения, не видя в этом противоречия основополагающим принципам человеческого сосуществования. Однако он предполагал, что по мере нравственного совершенствования человечества и углублённого понимания абсолютной правды земельная собственность и капиталистический строй в целом постепенно трансформируются в иные социальные структуры.

Представители почвеннического направления сыграли значительную роль в формировании учения о правовом гуманизме, утверждении обоснованных подходов к определению и реализации уголовных наказаний, а также в исследовании нравственного преобразования личности. Примечательно, что Ф.М. Достоевский – крупнейший русский писатель, философ и гуманист постигал российскую судебную, пенитенциарную и правоохранительную системы не только умозрительно, но и через призму собственного жизненного пути. Его философия русского народа как носителя стремления к справедливости развивалась под воздействием православного мировоззрения, богатого наследия русской культуры, а также впечатлений от каторжных работ и тщательного анализа происходящих в обществе процессов [4]. Аналогичные взгляды отстаивал и видный критик-почвенник А.А. Григорьев [5]. В основе его подхода лежал принцип: любая нация как самобытный исторический субъект имеет естественное право определять свою жизнь в соответствии с собственными историческими традициями и национальным характером.

Выводы

Подводя итог политико-правовым концепциям славянофильской традиции и её идеологических наследников, следует признать, что отечественные философы обогатили как национальную, так и глобальную юридическую науку существенными интеллектуальными достижениями. Их рассуждения о сущности, содержании, формах и назначении права позволили по-новому осмыслить связь юридических норм с нравственностью, религиозным сознанием, общественным развитием и идеей справедливости. Во многом их идейные воззрения оказали существенное влияние как на теорию права, так и практическую основу, что в последствии было отражено в судебной реформе С.И. Зарудного.

Список источников

1. Аксаков И.С. Доктрина и органическая жизнь. Санкт-Петербург: Лань, 2013. 4 с.
2. Аксаков К.С. Полн. собр. соч.: в 3 т. М., 1889. Т. 1. 352 с.
3. Васильев А.А. Консервативная правовая доктрина России: общетеоретические аспекты. М., 2012. 440 с.
4. Васильев А.А. Очерки истории русской консервативной правовой мысли в XIX в. (славянофильство и почвенничество). М., 2011. 256 с.
5. Григорьев А.А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства. Посвящено А Н. Майкову // Апология почвенничества. М., 2008. С. 251 – 287.
6. Киреев А.А. Учение славянофилов. М., 2012. 640 с.
7. Киреевский И.В. В ответ А.С. Хомякову // Киреевский И.В., Киреевский П.В. Полн. собр. соч.: в 4 т. Т. 1. Философские и историко-публицистические работы. Калуга, 2006. 391 с.
8. Таубе М.Ф. Познаниеведение (гносеология) по славянофильству. СПб., 1912. 230 с.
9. Таубе М.Ф. Триединство как основа соборности и духовности. СПб., 1910. 303 с.
10. Холодный В.И. Идея соборности в славянофильстве. Проблема соборной гносеологии. М., 1994. 113 с.
11. Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России // Полн. собр. соч.: в 5 т. М., 1900. Т. 1. 291 с.
12. Хомяков А.С. О старом и новом. М., 1988. 461 с.
13. Хомяков Д.А. Самодержавие (опыт схематического построения этого понятия) // Православие. Самодержавие. Народность. М., 2011. 568 с.
14. Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 2007. 446 с.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

References

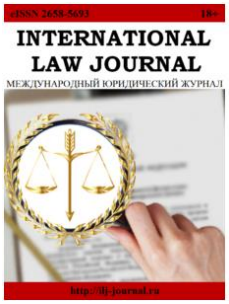
1. Aksakov I.S. Doctrine and Organic Life. St. Petersburg: Lan, 2013. 4 p.
2. Aksakov K.S. Complete Works: in 3 volumes. Moscow, 1889. Vol. 1. 352 p.
3. Vasiliev A.A. Conservative Legal Doctrine of Russia: General Theoretical Aspects. Moscow, 2012. 440 p.
4. Vasiliev A.A. Essays on the History of Russian Conservative Legal Thought in the 19th Century (Slavophilism and Pochvennichestvo). Moscow, 2011. 256 p.
5. Grigoriev A.A. A Critical Look at the Foundations, Significance, and Techniques of Contemporary Art Criticism. Dedicated to A.N. Maikov. Apology of Pochvennichestvo. M., 2008. P. 251 – 287.
6. Kireev A.A. The teaching of the Slavophiles. M., 2012. 640 p.
7. Kireevsky I.V. In response to A.S. Khomyakov. Kireevsky I.V., Kireevsky P.V. Full collection cit.: in 4 volumes. T. 1. Philosophical and historical-journalistic works. Kaluga, 2006. 391 p.
8. Taube M.F. Cognitive science (epistemology) on Slavophilism. St. Petersburg, 1912. 230 p.
9. Taube M.F. Trinity as the basis of conciliarity and spirituality. St. Petersburg, 1910. 303 p.
10. Kholodny V.I. The Idea of Sobornost in Slavophilism. The Problem of Sobornoy Epistemology. Moscow, 1994. 113 p.
11. Khomyakov A.S. The Opinion of Foreigners about Russia. Complete Collected Works: in 5 volumes. Moscow, 1900. Vol. 1. 291 p.
12. Khomyakov A.S. On the Old and the New. Moscow, 1988. 461 p.
13. Khomyakov D.A. Autocracy (an attempt at a schematic construction of this concept). Orthodoxy. Autocracy. Nationality. Moscow, 2011. 568 p.
14. Shipov D.N. Memories and Thoughts on the Experienced. Moscow, 2007. 446 p.

Информация об авторе

Скопа В.А., доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, sverhtitan@rambler.ru

© Скопа В.А., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)
УДК 341.1/8
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-219-223

Правовые последствия инцидента с рейсом KE007: трансформация принципа суверенитета в международном воздушном праве

[1] Васильев А.А., [1] Пономарева Е.В.,
[1] Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева

***Аннотация*:** *статья посвящена анализу международно-правовых и технологических последствий катастрофы южнокорейского авиалайнера (рейс KE007), произошедшей 1 сентября 1983 года и принятию статьи 3 bis Чикагской конвенции о международной гражданской авиации в 1984 г. Трагедия прошлого когда-то вызвала мировой скандал, повышение международного напряжения и даже экономический спад. Но и по сей день она отзывается как в попытках установить истину о произошедшем, так и в спорах в правовой науке, тем более что инциденты подобного рода, хотя и являются исключительно редкими, как правило, приводят к большему числу жертв, чем инциденты гражданского характера. Целью исследования является оценка эффективности статьи 3 bis в контексте соотношения государственного суверенитета над воздушным пространством и обеспечения безопасности гражданского воздухоплавания. На основе системного и сравнительно-правового анализа доктринальных источников, материалов ИКАО и международно-правовых источников рассмотрена правовая природа запрета на применение силы против гражданских воздушных судов. Сделан вывод о том, что статья 3 bis, вопреки скептическим оценкам о ее исключительно политическом характере, в сочетании со стандартами Приложения 2 к Чикагской конвенции и внедрением технологий спутниковой навигации (GPS) сформировала эффективный нормативно-технический комплекс мер, который трансформировал поведение государств, переведя процедуру перехвата в строго регламентированное правовое русло.*

***Ключевые слова*:** *международное воздушное право, Чикагская конвенция 1944 г., суверенитет над воздушным пространством, ИКАО, применение силы, безопасность гражданской авиации, перехват воздушных судов, рейс KE007, GPS*

Для цитирования: Васильев А.А., Пономарева Е.В. Правовые последствия инцидента с рейсом KE007: трансформация принципа суверенитета в международном воздушном праве // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 219 – 223. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-219-223

Поступила в редакцию: 30 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 28 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

Legal consequences of the Flight KE007 incident: transformation of the sovereignty principle in international air law

[1] Vasiliev A.A., [1] Ponomareva E.V.,
[1] North-West branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

Abstract: *the article addresses the international legal consequences of the Korean Air Lines Flight 007 disaster on September 1, 1983, and the adoption of Article 3 bis of the 1944 Chicago Convention on International Civil Aviation. This past tragedy once sparked a global scandal, heightened international tensions, and even an econom-*

ic downturn. But to this day, it reverberates both in attempts to establish the truth about what happened and in legal debates, especially since incidents of this kind, although extremely rare, typically result in a higher number of casualties than civilian incidents. The research aims to evaluate the effectiveness of Article 3 bis in balancing state sovereignty over airspace with the safety of civil aviation. Utilizing systemic and comparative legal methodologies to examine academic scholarship and international legal acts, the authors examine the legal nature of the prohibition on the use of force against civil aircrafts. The study concludes that Article 3 bis, despite critical views regarding its purely political nature, together with standards in Annex 2 to the Chicago Convention and the introduction of satellite navigation, established an effective regulatory and technical framework. This combination transformed state behavior by placing interception procedures within a strict legal framework and reducing the risks of force being used by state actors.

Keywords: *international air law, Chicago Convention of 1944, airspace sovereignty, ICAO, use of force, civil aviation safety, aircraft interception, flight KE007, GPS*

For citation: Vasiliev A.A., Ponomareva E.V. Legal consequences of the Flight KE007 incident: transformation of the sovereignty principle in international air law. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 219 – 223. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-219-223

The article was submitted: May 30, 2026; Approved after reviewing: June 28, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

Регулирование воздушного пространства исторически сопряжено с поиском баланса между обеспечением национальной безопасности суверенных государств и защитой жизней пассажиров международных авиарейсов. Традиционно в данной сфере доминировала доктрина абсолютного государственного суверенитета над воздушным пространством [1, с. 183]. Вслед за Парижской конвенцией о регулировании воздушной навигации 1919 года [2] она была закреплена в статье 1 Чикагской Конвенции о международной гражданской авиации [3].

Принцип полного и исключительного суверенитета наделил государства безусловным правом предписывать изменения курса, требовать снижения или посадки в отношении любого воздушного судна, нарушившего государственную границу. Однако абсолютизация суверенитета в условиях военно-политического противостояния создала институциональную уязвимость, связанную с риском атак государства против гражданских воздушных судов [4, с. 105].

Самым печальным примером такой ситуации стала катастрофа 1 сентября 1983 г., когда южнокорейский лайнер Boeing 747-230B (рейс Korean Air Lines 007), отклонившийся от установленного маршрута и зашедший в закрытое воздушное пространство СССР, был сбит советским истребителем Су-15 над Сахалином, что привело к гибели 269 человек.

Данное событие вызвало мощный международный резонанс и послужило катализатором реформирования нормативной базы ИКАО, итогом чего стало принятие статьи 3 bis Чикагской конвенции. В то же время в академической литературе до сих пор сохраняется дискуссия относительно юридической природы этой нормы, ее квалификации в качестве международного обычая и реальной эффективности.

Цель настоящего исследования – определить степень эффективности статьи 3 bis Чикагской конвенции 1944 г., для чего авторами поставлены задачи проведения анализа исторических обстоятельств ее принятия, доктринальных правовых трактовок, а также изучения динамики изменения государственного поведения и аварийности в сфере гражданской авиации. Авторами выдвигается **гипотеза** о том, что новая норма воздушного права оказалась относительно эффективной и сдвинула баланс регулирования в более конструктивную сторону.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и специальных юридических методов, среди которых формально-догматический метод использовался при анализе положений Чикагской конвенции. Социально-правовой и историко-правовой методы позволили сопоставить режим охраны суверенитета в эпоху Холодной войны и современную систему координации ИКАО. Метод системного анализа применен для оценки совокупного воздействия нормативно-правовых новелл и технологических инноваций на уровень безопасности международных полетов. В работе исследованы доктринальные позиции спе-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

циалистов в области международного воздушного права, проанализированы Парижская конвенция о регулировании воздушной навигации 1919 года и Чикагская Конвенция о международной гражданской авиации с протоколами к ней, а также исследованы статистические данные ИКАО по безопасности гражданской авиации.

Результаты и обсуждения

В начале 1980-х гг. проблемы насилия в отношении гражданской авиации находились на периферии внимания Международной организации гражданской авиации (ИКАО). Вопросы применения оружия не включались в основные повестки дня 23-й (1980 г.) и 24-й (1983 г.) сессий Ассамблеи ИКАО [5, p. 113]. Однако инцидент с рейсом KE007 кардинально изменил институциональные приоритеты.

Трагедия 1983 г. нанесла тяжелый удар по мировой авиационной индустрии. Страх пассажиров перед полетами в зонах потенциальных конфликтов повлек за собой экономический спад в смежных областях, включая международный туризм. Так, туриндустрия Италии и Греции понесла убытки в размере около 800 млн и 100 млн долларов США соответственно; ведущие американские перевозчики Pan Am и TWA столкнулись с миллионными убытками и отменяли трансконтинентальные рейсы, возросла и стоимость страхования для пассажиров [5, p. 122].

Официальное расследование ИКАО, проведенное в два этапа (в 1983 г. и повторно в 1993 г. после передачи Россией бортовых самописцев), установило, что катастрофа стала результатом цепочки ошибок: непреднамеренного уклонения экипажа от курса из-за несовершенства режима автопилота и ошибочной идентификации судна войсками ПВО СССР как военного разведчика RC-135 [6, с. 154].

Реагируя на международный политический кризис, ИКАО созвала 25-ю (чрезвычайную) сессию Ассамблеи в Монреале 10 мая 1984 г., на которой был принят Протокол, дополнивший Чикагскую конвенцию статьей 3 bis. В тексте документа было подчеркнуто, что применение оружия против гражданских воздушных судов «несовместимо с элементарными соображениями гуманности» [3].

Статья 3 bis закрепила ряд ключевых обязательств. Во-первых, государства-участники обязывались воздерживаться от применения оружия против гражданских воздушных судов в полете. Во-вторых, отныне, при осуществлении суверенитета государства были вправе требовать посадки гражданского судна, совершающего полёт без разрешения или используемого в целях, несовместимых с Конвенцией, а также давать иные обязательные указания, соразмерные нормам международного права. В-третьих, государства обязаны публиковать правила перехвата, обеспечивать их исполнение через национальное законодательство, устанавливать строгие санкции за невыполнение указаний о посадке и передавать дела компетентным органам. Наконец, дополнительно была введена превентивная обязанность предотвращать преднамеренное использование гражданских воздушных судов в противоречащих Конвенции целях. Таким образом, была сформирована многоуровневая система обеспечения безопасности, от предупреждения нарушений до механизмов оперативного реагирования и юридической ответственности.

Катастрофа 1983 г. до сих пор вызывает к жизни более или менее обоснованные теории о ее причинах и истинной судьбе воздушного судна [7, с. 32]. Спорной оказалась и правовая природа статьи 3 bis. Нами было выделено три основных подхода к ее оценке. Так, М.А. Жентил рассматривает статью 3 bis как политический демарш эпохи Холодной войны, обладавший слабым нормативным эффектом. В качестве аргумента в пользу позиции Жентил, которую мы обозначим как критико-политическую, можно привести тот факт, что США долгое время не ратифицировали протокол, а СССР голосовал против принятия новой нормы [5, p. 116].

Е.К. Логинова и И.И. Синякин поддерживают позицию, согласно которой статья 3 bis явилась не созданием новой нормы, а кодификацией уже существующего международно-правового обычая – запрета применения силы. [8, с. 82] В свою очередь, А.А. Баталов оппонирует концепции обычно-правовой природы данной нормы, доказывая, что запрет на применение оружия против гражданской авиации существует только в договорной форме и связывает лишь государства, ратифицировавшие Протокол, вступивший в силу только в 1998 г. [9, с. 73].

Факт отказа ведущих держав от поддержки данной нормы, казалось бы, должен подтверждать правоту А.А. Баталова, а также свидетельствовать о том, что введение статьи 3 bis не изменило баланса в соотношении государственного суверенитета и безопасности гражданской авиации. Однако для более полного ответа на этот вопрос, представляется важным обратить внимание на практику государств и динамику авиационной безопасности.

Во-первых, отметим, что правила перехвата, сформулированные в Приложении 2 к Чикагской конвенции, вошли в стандартную практику государств по всему миру. Отклонения от этих процедур случаются, в

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

основном, по геополитическим причинам. Статистика авиационных инцидентов свидетельствует об изменении характера угроз для гражданской авиации с конца XX века. Так, случаи намеренного уничтожения гражданских судов истребителями ПВО государств после 1984 г. сократились, а подавляющее большинство последовавших трагических инцидентов было вызвано применением зенитно-ракетных комплексов наземного базирования [10]. Изменился и субъектный состав нарушителей – как правило, речь шла не о действиях государств, а о действиях негосударственных акторов, получившихся контроль над вооружениями в зонах локальных конфликтов. Помимо введения технических стандартов перехвата, большую роль в повышении безопасности сыграло, вызванное трагедией 1983 г., решение руководства США открыть систему GPS для гражданской авиации – особенно заметным улучшение навигации благодаря этой технологии и внедрение через ИКАО иных передовых технологий стало в двухтысячные годы [11]. Таким образом, комбинация юридического запрета и навигационной точности устранила первопричину кризиса 80-х годов.

Выводы

Таким образом, анализируя правовую эволюцию, которую прошло международное авиационное право после трагедии рейса KE007, необходимо констатировать, что данный инцидент оказался точкой бифуркации, которая трансформировала доктрину абсолютного суверенитета в систему сбалансированных гарантий безопасности гражданского судоходства. Введение статьи 3 bis Чикагской конвенции закрепило правовой императив, согласно которому обеспечение суверенитета над воздушным пространством должно осуществляться исключительно мерами, не подвергающими опасности жизнь людей на борту гражданского судна. Итак, вопреки скептическим оценкам, статья 3 bis все же продемонстрировала практическую эффективность. В сочетании со стандартами Приложения 2 к Чикагской конвенции и внедрением спутниковой навигации она сформировала нормативно-технические рамки, изменившие поведение государств и сократившие вероятность повторения трагических ошибок прошлого.

Список источников

1. Абашидзе А.Х., Травников А.И. Старые, но современные проблемы международного воздушного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 181 – 202.

2. Конвенция о регулировании воздушных передвижений, подписанная в Париже 13 октября 1919 года [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. https://docs.cntd.ru/document/901976800

3. Конвенция о международной гражданской авиации (с изменениями на 26 октября 1990 года [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. https://docs.cntd.ru/document/1902240

4. Юрьев С.С. Правовое регулирование пресечения полета воздушного судна, используемого как орудие преступления // Евразийская адвокатура. 2016. № 6 (25). С. 104 – 108.

5. Gentil M.A. ICAO’s securitization of civil aviation: a 1961-2020 historical analysis. PhD thesis. University of St. Andrews. 2025. https://research-repository.st-andrews.ac.uk/bitstream/handle/10023/31828/Thesis-Maria-Alejandra-Gentil-complete-version.pdf

6. Кирдяев А.В., Миронов А.Н., Яковец П.Н. Катастрофа Боинг-747 над Сахалином // Развитие юридической науки и проблема преодоления пробелов в праве: Сборник научных статей по итогам работы одиннадцатого международного круглого стола. Шахты, 30 декабря 2019 года. Т. 2. Шахты: ООО «Конверт», 2019. С. 154 – 159.

7. Левин С.Ф. Катастрофический феномен «1985-1986»: пролог // Метрология. Контрольно-измерительные приборы и системы. 2010. № 5. С. 31 – 36.

8. Логинова Е.К., Синякин И.И. Проблемы правомерности применения оружия в отношении гражданских воздушных судов // Академия права. 2024. № 3(6). С. 81 – 86.

9. Баталов А.А. Источники международного воздушного права: актуальные вопрос теории и практики // Московский журнал международного права. 2020. № 3. С. 64 – 90.

10. The Ground Wins: 21st Century Aircraft Attrition and the Empirical Case for Ground-Based Air Defence // Norsk Luftvern. https://norskluftvern.com/2026/03/24/the-ground-wins-21st-century-aircraft-attrition-and-the-empirical-case-for-ground-based-air-defence

11. State of Global Aviation Safety. Canada, Montreal: ICAO, 2025. 78 p.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

References

1. Abashidze A.Kh., Travnikov A.I. Old but modern problems of international air law. Law. Journal of the Higher School of Economics. 2019. No. 3. P. 181 – 202.

2. Convention on the Regulation of Air Traffic, signed in Paris on 13 October 1919 [Electronic resource]. Electronic fund of legal and regulatory documents. https://docs.cntd.ru/document/901976800

3. Convention on International Civil Aviation (as amended on October 26, 1990 [Electronic resource]. Electronic fund of legal and normative-technical documents. https://docs.cntd.ru/document/1902240

4. Yuryev S.S. Legal regulation of the suppression of the flight of an aircraft used as a weapon of crime. Eurasian Advocacy. 2016. No. 6 (25). P. 104 – 108.

5. Gentil M.A. ICAO's securitization of civil aviation: a 1961-2020 historical analysis. PhD thesis. University of St. Andrews. 2025. https://research-repository.st-andrews.ac.uk/bitstream/handle/10023/31828/Thesis-Maria-Alejandra-Gentil-complete-version.pdf

6. Kirdyaev A.V., Mironov A.N., Yakovets P.N. The Crash of the Boeing 747 over Sakhalin. The Development of Legal Science and the Problem of Overcoming Gaps in the Law: Collection of Scientific Articles Based on the Results of the Eleventh International Round Table. Shakhty, December 30, 2019. Vol. 2. Shakhty: OOO Konvert, 2019. P. 154 – 159.

7. Levin S.F. The Catastrophic Phenomenon of 1985-1986: Prologue. Metrology. Measuring Instruments and Systems. 2010. No. 5. P. 31 – 36.

8. Loginova E.K., Sinyakin I.I. Problems of the Legality of the Use of Weapons against Civil Aircraft. Academy of Law. 2024. No. 3(6). P. 81 – 86.

9. Batalov A.A. Sources of International Air Law: Current Issues of Theory and Practice. Moscow Journal of International Law. 2020. No. 3. P. 64 – 90.

10. The Ground Wins: 21st Century Aircraft Attrition and the Empirical Case for Ground-Based Air Defense. Norsk Luftvern. https://norskluftvern.com/2026/03/24/the-ground-wins-21st-century-aircraft-attrition-and-the-empirical-case-for-ground-based-air-defence

11. State of Global Aviation Safety. Canada, Montreal: ICAO, 2025. 78 p.

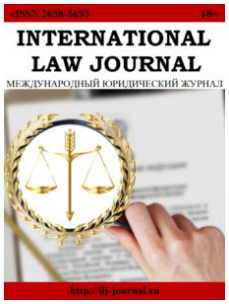
Информация об авторах

Васильев А.А., Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5, fine.vas1ljew@yandex.ru

Пономарева Е.В., старший преподаватель, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5, ponomareva.ev@gmail.com

© Васильев А.А., Пономарева Е.В., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.4
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-224-230

Концессионное соглашение как предпринимательский договор

[1] Порохин В.И.,
[1] Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева

Аннотация: *в статье отмечается отсутствие единой позиции в отношении правовой природы концессионного соглашения и указывается два основных подхода, в соответствии с которыми такое соглашение рассматривается как административный договор или как гражданско-правовой договор. Далее приводятся основные доводы сторонников каждой из указанных выше позиций и отмечается, что если придерживаться какой-либо одной позиции, то упускаются ключевые признаки такого концессионного соглашения, сочетающего в себе частноправовые и публично-правовые элементы. Для решения этого вопроса предлагается рассмотреть такое соглашение в качестве предпринимательского договора. Отмечаются основные позиции в отношении правовой природы предпринимательского договора, по одной из которых такой договор рассматривается в качестве комплексного межотраслевого института. Далее определяются основные признаки предпринимательского договора и отмечается соответствие концессионного соглашения таким признакам.*

Ключевые слова*: результаты социологического исследования, авторитет руководителя органов внутренних дел (ОВД), полиция, доверие населения, общественное сознание, образ успешного руководителя ОВД, профессиональная деятельность, средства массовой информации (СМИ), общественное мнение, показатели оценки имиджа*

Для цитирования: Порохин В.И. Концессионное соглашение как предпринимательский договор // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 224 – 230. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-224-230

Поступила в редакцию: 31 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 29 июня 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

Concession agreement as a commercial contract

[1] Porokhin V.I.,
[1] Lebedev Russian State University of Justice

Abstract: *the article notes the lack of a unified position on the legal nature of a concession agreement and points out two main approaches, according to which such an agreement is viewed either as an administrative contract or as a civil contract. It further presents the main arguments of the proponents of each position and points out that adhering to either perspective overlooks the key features of a concession agreement, which combines private-law and public-law elements. To resolve this issue, the article proposes considering such an agreement as a commercial contract. It outlines the main positions regarding the legal nature of a commercial contract, one of which views it as a complex cross-sectoral institution. Finally, the article defines the primary features of a commercial contract and highlights how a concession agreement aligns with these characteristics.*

Keywords: *the results of sociological research, the authority of the head of the internal affairs bodies (IAB), the police, public confidence, public consciousness, the image of a successful head of the IAB, professional activity, mass media, public opinion, image assessment indicators*

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

For citation: Porokhin V.I. Concession agreement as a commercial contract. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 224 – 230. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-224-230

The article was submitted: May 31, 2026; Approved after reviewing: June 29, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

В последнее время можно наблюдать резкий рост числа концессионных проектов, вызванный потребностью вложения частных инвестиций в инфраструктуру страны и активным применением концессионного соглашения как формы реализации инфраструктурных проектов в различных мерах государственной поддержки и государственных программах. Следствием такого роста стало и активное развитие судебной практики, рассматривающей соответствующие правоотношения. Однако научных исследований в отношении ряда вопросов по концессионным соглашениям, учитывающих сложившуюся практику реализации таких проектов и масштабные изменения концессионного законодательства, произошедшие в последние годы, представляется недостаточным.

В частности, нерешенным остается вопрос касательно правовой природы концессионного соглашения, так как в существующих научных исследованиях, посвященных концессионным соглашениям и государственно-частному партнерству, можно встретить прямо противоположные позиции по данному вопросу, в соответствии с которыми концессионное соглашение рассматривается или как административный договор [7], или как исключительно гражданско-правовой договор [16]. Не дает однозначного ответа на данный вопрос и законодательство. Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (далее – Закон о концессионных соглашениях) рассматривает концессионное соглашение в качестве договора, содержащего элементы различных договоров, предусмотренных законодательством, к которому применяются правила гражданского законодательства о таких договорах. Однако это правило применяется, если иное не установлено самим Законом о концессионных соглашениях или не вытекает из существа соглашения (часть 2 статьи 3). Данная оговорка о приоритете Закона о концессионных соглашениях и существе концессионного соглашения вносит неопределенность, на которую также указывал Конституционный Суд Российской Федерации, так как «законодатель не прояснил, относится оно к сфере частного или публичного права» . Такая неопределенность, среди прочего, ведет к отсутствию четкого понимания объема прав публичной стороны и степени защищенности инвестора в соответствующих правоотношениях, что может оказывать негативное влияние на инвестиционную привлекательность таких проектов.

Материалы и методы исследований

В настоящем исследовании предлагается рассмотреть две ключевые позиции в отечественной литературе по этому вопросу, в соответствии с которыми концессионное соглашение является или административным договором, или гражданско-правовым договором, и привести основные аргументы их сторонников. По результатам такого анализа автор приходит к выводу о наличии недостатков в строгой квалификации концессионного соглашения в соответствии с каким-либо из предлагаемых выше подходов. В связи с этим предлагается рассмотреть альтернативный подход по квалификации концессионного соглашения в качестве предпринимательского договора.

В соответствии с первой позицией концессионное соглашение является административным или публично-правовым договором. Таким образом, в рамках данного подхода на первый план выступают публично-правовые особенности данного соглашения, которые, по мнению ряда ученых, не позволяют отнести его к гражданско-правовому договору. Как отмечает С.А. Сосна, такая позиция исходит из традиционного понимания концессионного договора, основанием для заключения которого является властный акт публичной стороны и который характеризуется неравноправным характером отношений его сторон [14]. Ключевые аргументы в пользу этой позиции были выделены А.Н. Лукиной [7, с. 12].

Результаты и обсуждения

Во-первых, вне зависимости от способа заключения концессионного соглашения основанием для возникновения концессионных правоотношений является не свободная воля сторон, а правовой акт государственного органа, который в Законе о концессионных соглашениях именуется решением о заключении концессионного соглашения. Таким образом, концедент в решении о заключении концессионного соглашения в одностороннем порядке определяет существенные и иные основные условия концессионного согла-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

шения (статья 22 Закона о концессионных соглашениях), которые в последующем могут быть изменены только также на основании акта такого государственного органа (часть 3 статьи 13 Закона о концессионных соглашениях). Как отмечает А.Н. Лукина, условия, закрепленные в решении о заключении концессионного соглашения, «не формируются путем совместной работы» [7, с. 78]. Данный тезис стоит рассматривать с некоторыми оговорками при заключении концессионного соглашения в порядке направления предложения частного лица о заключении концессионного соглашения (части 4.1-4.12 статьи 37 Закона о концессионных соглашениях), так как в нем может присутствовать этап переговоров в отношении всего концессионного соглашения, в том числе его существенных условий. Однако последнее слово все равно остается за концедентом, который утверждает такие условия решением о заключении концессионного соглашения после прохождения стадий переговоров и публикации согласованного предложения частного инвестора (часть 4.10 статьи 37 Закона о концессионных соглашениях).

Во-вторых, целью концессионного соглашения как одной из форм государственно-частного партнерства является, по мнению А.Н. Лукиной, «достижение определенного социально значимого результата для реализации публичного интереса» [7, с. 30]. При реализации концессионного соглашения концедент в рамках своих полномочий возлагает на концессионера осуществление своих обязанностей через передачу концессионеру права использования государственного или муниципального имущества с обязательством по оказанию услуг потребителям, которые в отсутствие такого концессионного соглашения осуществлялись бы государственными или муниципальным органами или подведомственными ими организациями. О публичном интересе концессионного соглашения говорит и С.А. Сосна, проводя различие между концессионным соглашением и гражданско-правовым договором на основании наличия такого интереса [13]. При этом направленность договора на удовлетворение публичных интересов признается в качестве одного из основополагающих признаков административного договора [12, с. 10].

В-третьих, Закон о концессионных соглашениях содержит императивные требования в отношении состава сторон концессионного соглашения, среди которых всегда должно быть публично-правовое образование, за исключением строго определенных законодательством случаев, когда полномочия концедента осуществляют отдельные государственные компании или корпорации.

В-четвертых, в Законе о концессионных соглашениях содержится детальная регламентация порядка заключения такого соглашения. Однако следует отметить, что данный тезис в основном относится к проведению конкурса. В отношении заключения концессионного соглашения в порядке частной концессионной инициативы Закон о концессионных соглашениях содержит гораздо меньший объем требований, а в отношении, например, заключения такого соглашения на основании решения Правительства Российской Федерации содержит всего несколько пунктов.

В соответствии со вторым подходом концессионное соглашение рассматривается в качестве гражданско-правового договора. Как отмечает С.Н. Широков, гражданско-правовой характер концессионного соглашения обуславливается прежде всего необходимостью создания наиболее благоприятных условий для частных инвесторов, устраняя влияние административных факторов [16, с. 47]. Более того, учитывая долгосрочный характер концессионных соглашений, такие договоры, как подмечает Л.М. Буслаева, должны создавать «анклавы стабильности в условиях нестабильной среды» [1], что будет сложно достичь при отношениях власти и подчинения, присущих административным договорам. Можно выделить следующие ключевые аргументы сторонников данного подхода.

Во-первых, концессионное соглашение заключается между равноправными субъектами с обособленным имуществом и автономией воли. Концедент в качестве стороны концессионного соглашения выступает как частноправовой субъект, осуществляющий полномочия собственника в отношении своего имущества, на равных началась с концессионером в силу положений статьи 124 ГК РФ. Таким образом, действия концедента по концессионному соглашению будут регулироваться нормами гражданского права [16, с. 47].

Во-вторых, стороны заключают концессионное соглашение по своей воле и в своих интересах, так как у концессионера отсутствует обязательство заключить концессионное соглашение. При этом определение концедентом существенных условий концессионного соглашения не должно являться квалифицирующим признаком, отграничивающим данный договор от гражданско-правовых договоров, так как в гражданском законодательстве встречаются случаи одностороннего определения условий договоров, например, в случае договоров присоединения (статья 428 ГК РФ). Как отмечает С.Н. Широков, властное решение концедента только относится к имуществу, в отношении которого заключается концессионное соглашение, но не в отношении выбора лица, с которым подлежит заключению концессионное соглашение [16, с. 48]. Стоит оговориться, что при заключении концессионного соглашения в порядке частной концессионной инициативы или по решению Правительства Российской Федерации в решении о заключении указывается конкретное

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

лицо, с которым подлежит заключению концессионное соглашение, однако и в этих случаях такое соглашение не может быть заключено в отсутствие волеизъявления концессионера на его заключение на устраивающих его условиях.

В-третьих, стороны концессионного соглашения принимают в рамках этого договора взаимные права и обязанности [8], а у концедента, как правило, отсутствуют какие-либо властные полномочия по одностороннему прекращению или изменению концессионного соглашения [6]. Обязательства сторон по концессионному соглашению содержатся в статье 8 Закона о концессионных соглашениях, которая носит соответствующее название «права и обязанности концессионера и концедента», и в иных статьях указанного федерального закона, а в части 2 статьи 8 прямо предусмотрена возможность установления и иных обязательств сторон, не противоречащих законодательству.

В отношении порядка изменения концессионного соглашения Закон о концессионных соглашениях прямо предусматривает необходимость соглашения сторон, в том числе в отношении изменения тех условиях, которые закреплены решением о заключении концессионного соглашения (часть 3 статьи 13). Таким образом, одностороннее изменение концедентом решения о заключении концессионного соглашения не будет порождать каких-либо новых прав или обязанностей для сторон концессионного соглашения до момента внесения соответствующих изменений в концессионное соглашение. Порядок досрочного прекращения концессионного соглашения также не отличается от обычного порядка досрочного прекращения гражданско-правового договора за одним исключением. Закон о концессионных соглашениях предусматривает право концедента в одностороннем порядке прекратить концессионное соглашение на основании решения уполномоченного органа в случае, если неисполнение концессионером обязательств по такому соглашению привели к причинению вреда жизни или здоровью людей или привело к возникновению угрозы возникновения такого вреда (пункт 4 части 4 статьи 13). Однако даже в этом случае законодатель использует формулировку «в предусмотренном концессионном соглашением случае», что говорит о том, что стороны концессионного соглашения могут исключить применение данного основания соглашением сторон или установить какие-либо его ограничения.

В-четвертых, концессионное соглашение носит возмездный характер [8]. Концессионер привлекает инвестиции и осуществляет создание объекта концессионного соглашения в собственность концедента, а концедент предоставляет концессионеру эксклюзивное право по эксплуатации такого объекта и взиманию платы с пользователей. По общему правилу доходы, полученные концессионером от такой деятельности, являются его собственностью (часть 7 статьи 3 Закона о концессионных соглашениях). Более того, в зависимости от коммерческих договоренностей сторон концессионное соглашение может предусматривать условия о выплате концессионером концессионной платы (статья 7 Закона о концессионных соглашениях) или о выплате концедентом капитального гранта, платы концедента или минимального гарантированного дохода (статья 10.1 Закона о концессионных соглашениях).

В-пятых, при нарушении концессионного соглашения стороны такого соглашения несут гражданско-правовую ответственность, предусмотренную гражданским законодательством, что прямо предусмотрено статьей 16 Закона о концессионных соглашениях. Как верно отмечает И.Г. Майор, включение в такое соглашение условий о каких-либо иных видах ответственности (административной, налоговой или уголовной) не ведет к каким-либо правовым последствиям, так как такая ответственность вытекает из соответствующих кодексов и не может регулироваться концессионным соглашением [8].

В-шестых, споры между сторонами концессионного соглашения в силу прямого указания статьи 17 Закона о концессионных соглашениях разрешаются в третейских судах или арбитражных судах в порядке арбитражного, а не административного судопроизводства, что также является характерным признаком гражданско-правового договора.

При анализе указанных выше позиций ученых касательно природы концессионного соглашения можно прийти к выводу, что в концессионном соглашении сочетаются как частноправовые, так и публично-правовые элементы. Таким образом, строгая квалификация концессионного соглашения в качестве административного договора или гражданско-правового договора приведет к игнорированию или обесцениванию важных признаков такого соглашения. Полагаем, что для решения этой задачи требуется найти комплексный подход, где будут учитываться как публично-правовые, так и частноправовые начала рассматриваемого явления. В связи с этим мы предлагаем рассмотреть концессионное соглашение в качестве предпринимательского договора.

В законодательстве отсутствует определение предпринимательского договора, однако оно активно используется как в учебной, так и научной литературе [10, с. 353]. При этом так же, как и в отношении концессионного соглашения, у ученых нет единого мнения касательно правовой природы предпринимательского

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ского договора. Ряд ученых, например, В.Ф. Яковлев [17], М.К. Сулейменов [15], В.В. Витрянский [2], рассматривают такой договор в качестве одного из видов гражданско-правового договора. Для целей настоящего исследования при такой квалификации предпринимательского договора концессионное соглашение также будет определяться в качестве гражданско-правового договора, что не приведет к решению поставленного нами вопроса.

В связи с этим мы предлагаем обратить внимание на иную позицию в отношении предпринимательского договора, отмеченную, например, В.С. Белых, в соответствии с которой «предпринимательский договор – комплексный правовой институт, сочетающий нормы частноправовых и публичных начал» [10, с. 362]. Как отмечает Н.В. Рубцова, «именно в предпринимательских договорах ярко проявляется взаимодействие публично-правовых и частноправовых начал» [11, с. 292]. Аналогичного мнения придерживается и С.А. Паращук, отмечая, что предпринимательский договор предполагает наличие как частных, так и публичных интересов, которые, среди прочего, выражаются в необходимости соблюдения предпринимателем целого ряда требований публично-правового характера при заключении и исполнении им договоров [9, с. 184]. По мнению С.С. Занковского, предпринимательские договоры «соединяют две стороны – публично-правовую и частную, находящиеся в органическом единстве» [5, с. 26]. Таким образом, как отмечает А.Г. Демиева, предпринимательские договоры подпадают под регулирование не только гражданского права, но и иных отраслей права [3]. Данный тезис можно наглядно увидеть на примере концессионного соглашения, где, среди прочего, правоотношения по предоставлению земельных участков подлежат регулированию земельным законодательством (часть 1 статьи 11 Закона о концессионных отношениях), платежные обязательства концедента принимаются в соответствии с бюджетным законодательством (часть 6 статьи 10.1 Закона о концессионных соглашениях), а в зависимости от вида объекта концессионного соглашения подлежит применению отраслевое законодательство. Неслучайно В.С. Белых в качестве примера предпринимательского договора отмечал именно концессионное соглашение в связи с его межотраслевым характером [10, с. 362].

В литературе отмечают ряд признаков предпринимательского договора, среди которых можно выделить: особую цель – осуществление предпринимательской деятельности, возмездность, особый правовой режим, применяемый к предпринимателям, рассмотрение споров в арбитражных и третейских судах и особый субъектный состав [9, с. 184-190]. В отношении первых четырех признаков не должно возникать вопросов при оценке концессионного соглашения. Концессионер заключает концессионное соглашение для целей получения прибыли от эксплуатации объекта концессионного соглашения, и к нему будут применяться нормы ГК РФ, регулирующую деятельность лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность [8], что неоднократно отмечалось в судебной практике [18]. Более того, как мы отмечали ранее, концессионное соглашение является возмездным договором, споры по которому разрешаются в порядке арбитражного судопроизводства или в рамках третейского разбирательства.

Однако отдельное внимание следует уделить такому признаку предпринимательского договора как его особый субъектный состав. У ученых нет единой позиции в отношении того, должны ли обе стороны договора быть лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность (например, В.С. Белых [10, с. 360], С.С. Занковский [5, с. 9], Н.В. Рубцова [11, с. 297]), или достаточно, чтобы таким лицом была только одна из сторон (например, С.А. Паращук [9, с. 185], В.Ф. Яковлев [4], А.Г. Демиева [3]), для целей квалификации такого договора в предпринимательский. Концессионное соглашение заключается между концессионером, как правило являющимся лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, и концедентом, в лице которого выступает публично-правовое образование. С одной стороны, есть достаточно однозначная позиция Конституционного Суда РФ, например в Определении Конституционного Суда РФ от 1 октября 1998 года № 168-О [19], о невозможности осуществления публично-правовыми образованиями предпринимательской деятельности. С другой стороны, существует судебная практика, в частности, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 10.07.2025 №09АП-25788/2025 по делу № А40-312831/2024 [20], где апелляционный суд отметил, что уполномоченный орган концедента при участии в концессионном соглашении реализует не публичные функции, а «участвует в гражданско-правовой, возмездной сделке на коммерческой основе», и в связи с этим суд признал допустимым применение к концеденту пункта 3 статьи 401 ГК РФ. Таким образом, вопрос о возможности применения к концеденту норм ГК РФ, применяемых к лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность, является дискуссионным. Тем не менее, возвращаясь к позициям ученых в отношении предпринимательского договора, стоит отметить, что зачастую эти позиции не сходятся именно в отношении квалификации договоров предпринимателей с потребителями, где к сторонам договора применяется разный правовой режим. В отношении договоров предпринимателей с публично-правовыми образованиями даже у сторонников позиции, что в предпринимательских договорах обе стороны должны быть предпринимателями, встречается мнение, что

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

такие договоры остаются предпринимательскими. Как отмечает, Н.В. Рубцова, при участии публично-правовых образований «не меняется сущность предпринимательского договора как особого договорного вида» [11, с. 298]. В связи с этим полагаем, что участие публично-правового образования в качестве стороны концессионного соглашения не должно влиять на возможность квалификации такого договора в качестве предпринимательского.

Выводы

Таким образом, представляется, что рассмотрение концессионного соглашения исключительно в качестве гражданско-правового договора или административного договора не будет отвечать сущности складывающихся правоотношений. Концессионное соглашение предполагает сочетание как публично-правовых, так и частноправовых начал и регулируется самыми различными отраслями права. В связи с этим полагаем более корректным рассматривать такое соглашение в качестве предпринимательского договора с позиции тех ученых, которые рассматривают его как комплексный институт, сочетающий в себе нормы частного и публичного права. Квалификация концессионного соглашения как предпринимательского договора позволит продолжить научное изучение данного соглашения с учетом всех его сущностных признаков и может оказать положительное влияние на ожидания сторон концессионного соглашения в отношении правового режима, подлежащего применению к такому соглашению.

Список источников

1. Буслаева Л.М. Правовая природа концессионного соглашения // Современное право. 2013. № 9. С. 57 – 60.
2. Витрянский В.В. Особенности ответственности за нарушение «предпринимательского» договора // Журнал российского права. 2008. № 1. С. 20 – 26.
3. Демиева А.Г. Предпринимательская деятельность без образования юридического лица. Москва: Статут, 2016. 112 с.
4. Беляева О.А. и др. Договоры в предпринимательской деятельности / отв. ред.: Е.А. Павлодский, Т.Л. Левшина. Москва: Стаут, 2008. 507 с.
5. Занковский С.С. Предпринимательские договоры в России. Проблемы теории и законодательства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2004. 56 с.
6. Засыпкин Д.Ю. Понятие и признаки концессионного соглашения // Российский юридический журнал. 2011. № 2. С. 177 – 184.
7. Лукина А.Н. Административно-правовое регулирование государственно-частного партнерства в России: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2016. 214 с.
8. Майор И.Г. Концессионный договор в гражданском праве России // Власть Закона. 2015. № 4. С. 141 – 149.
9. Предпринимательское право Российской Федерации учебник: в 2 т. / отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024. Т. 1. 808 с.
10. Предпринимательское право: современный взгляд: монография, коллектив авторов / МГУ имени М.В. Ломоносова / отв. ред. С.А. Карелина, П.Г. Лахно, И.С. Шиткина. Москва: Юстицинформ, 2019. 600 с.
11. Рубцова Н.В. Механизм правового регулирования предпринимательской деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2023. 477 с.
12. Синдеева И.Ю. Административный договор как институт административного права: автореф. дисс...канд. юрид. наук. Москва, 2009. 25 с.
13. Сосна С. А. Концессионное соглашение – новый вид договора в российском праве // Журнал российского права. 2003. № 2. С. 14 – 24.
14. Сосна С.А. Концессионные договоры с иностранными инвесторами // Правовое регулирование иностранных инвестиций в России. Москва: Изд-во ИГиП РАН, 1995. С. 66 – 76.
15. Сулейменов М.К. Предпринимательский договор как комплексный институт гражданского права // Журнал российского права. 2008. № 1. С. 10 – 20.
16. Широков С.Н. Правовая сущность концессионного соглашения: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. 221 с.
17. Яковлев В.Ф. Понятие предпринимательского договора в российском праве // Журнал российского права. 2008. № 1. С. 3 – 9.

18. Определение Верховного Суда РФ от 17.12.2021 № 308-ЭС21-23563 по делу № А61-5267/2019 // СПС «КонсультантПлюс; Определение Верховного Суда РФ от 04.10.2023 № 303-ЭС23-17948 по делу № А59-2843/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

19. Определение Конституционного Суда РФ от 1 октября 1998 г. № 168-О «По запросу Администрации Московской области о проверке конституционности части первой пункта 1 и пункта 2 статьи 1015 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

20. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 10.07.2025 №09АП-25788/2025 по делу № А40-312831/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Buslaeva L.M. Legal Nature of the Concession Agreement. Modern Law. 2013. No. 9. P. 57 – 60.

2. Vitryansky V.V. Features of Liability for Violation of an "Entrepreneurial" Agreement. Journal of Russian Law. 2008. No. 1. P. 20 – 26.

3. Demieva A.G. Entrepreneurial Activity Without Forming a Legal Entity. Moscow: Statut, 2016. 112 p.

4. Belyaeva O.A. et al. Agreements in Entrepreneurial Activity. eds.: E.A. Pavlodsky, T.L. Levshina. Moscow: Staut, 2008. 507 p.

5. Zankovsky S.S. Entrepreneurial Agreements in Russia. Problems of Theory and Legislation: Abstract of a Cand. Sci. (Law) ... Doctor of Law. Moscow, 2004. 56 p.

6. Zasypkin D.Yu. Concept and Features of a Concession Agreement. Russian Law Journal. 2011. No. 2. P. 177 – 184.

7. Lukina A.N. Administrative and Legal Regulation of Public-Private Partnerships in Russia: Diss. ... Cand. of Law. Moscow, 2016. 214 p.

8. Major I.G. Concession Agreement in the Civil Law of Russia. Power of Law. 2015. No. 4. P. 141 – 149.

9. Entrepreneurial Law of the Russian Federation textbook: in 2 volumes. ed. E.P. Gubin, P.G. Lakhno. 4th ed., revised and enlarged. Moscow: Norma: INFRA-M, 2024. T. 1. 808 p.

10. Business law: a modern view: monograph, team of authors. Moscow State University named after M.V. Lomonosov. rep. ed. S.A. Karelina, P.G. Lakhno, I.S. Shitkina. Moscow: Justitsinform, 2019. 600 p.

11. Rubtsova N.V. Mechanism of legal regulation of entrepreneurial activity: dis. ... Doctor of Law. Sci. Ekaterinburg, 2023. 477 p.

12. Sindeeva I.Yu. Administrative contract as an institution of administrative law: abstract. diss...cand. legal Sci. Moscow, 2009. 25 p.

13. Sosna S.A. Concession Agreement – a New Type of Contract in Russian Law. Journal of Russian Law. 2003. No. 2. P. 14 – 24.

14. Sosna S.A. Concession Agreements with Foreign Investors. Legal Regulation of Foreign Investments in Russia. Moscow: Publishing House of the Institute of Law and Political Science of the Russian Academy of Sciences, 1995. P. 66 – 76.

15. Suleimenov M.K. Entrepreneurial Agreement as a Complex Institution of Civil Law. Journal of Russian Law. 2008. No. 1. P. 10 – 20.

16. Shirokov S.N. Legal Essence of the Concession Agreement: Dis. ... Cand. of Law. Chelyabinsk, 2011. 221 pp.

17. Yakovlev V.F. The Concept of a Business Agreement in Russian Law. Journal of Russian Law. 2008. No. 1. P. 3 – 9.

18. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 17, 2021 No. 308-ES21-23563 in Case No. A61-5267/2019. SPS ConsultantPlus; Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 4, 2023 No. 303-ES23-17948 in Case No. A59-2843/2022. SPS ConsultantPlus.

19. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 1, 1998 No. 168-O "At the request of the Moscow Region Administration to verify the constitutionality of Part One of Clause 1 and Clause 2 of Article 1015 of the Civil Code of the Russian Federation". SPS "ConsultantPlus".

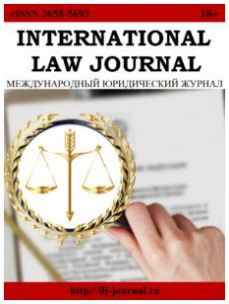
20. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal of July 10, 2025 No. 09AP-25788/2025 in case No. A40-312831/2024. SPS "ConsultantPlus".

Информация об авторе

Порохин В.И., аспирант, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, vl.porokhin91@gmail.com

© Порохин В.И., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.34
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-231-236

Проблемы квалификации преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: соотношение специальных и общих норм

[1] Середа С.П.,
[1] Вологодский институт права и экономики ФСИН России

Аннотация: *в работе рассматриваются сложности уголовно-правовой оценки деяний, совершаемых с применением информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ), в части, касающейся соотношения общих и специальных норм уголовного закона. На основе анализа существующих научных подходов, современной судебной практики и актуальных статистических данных автором выявлены ключевые проблемы правоприменения в рассматриваемой области: отсутствие единого понятийного аппарата, бессистемная рассредоточенность норм о киберпреступлениях в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), непоследовательность судебной практики при разграничении смежных составов и проблемы подтверждения их квалифицирующих признаков. Основное внимание уделено конкуренции уголовно-правовых норм глав 21 и 28 УК РФ и проблемах вменения деяний, опосредованных искусственным интеллектом, а также на территориальном аспекте квалификации. Сформулированы отдельные предложения по совершенствованию уголовного законодательства и правоприменительной практики в рассматриваемой области, включая унификацию понятийного аппарата, разработку критериев разграничения смежных составов и внесение изменений в УК РФ и постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.*

Ключевые слова*: киберпреступность, конкуренция норм, квалификация преступлений, специальная норма, общая норма, мошенничество, информационно-телекоммуникационные технологии, кража, судебная практика*

Для цитирования: Середа С.П. Проблемы квалификации преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: соотношение специальных и общих норм // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 231 – 236. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-231-236

Поступила в редакцию: 3 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 1 июля 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

Problems of qualification of crimes committed using information and telecommunication technologies: the ratio of special and general norms

[1] Sereda S.P.,
[1] Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia

Abstract: *this paper examines the difficulties in establishing criminal liability for acts carried out via information and telecommunication technologies (hereinafter – ITT), focusing specifically on the interplay between general and special provisions of the criminal statute. Drawing on a synthesis of doctrinal perspectives, contemporary judicial practice, and relevant statistical data, the author identifies the core enforcement challenges in this field: the absence of a unified conceptual framework, the haphazard distribution of cybercrime norms within the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter – CC RF), inconsistent jurisprudence*

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

when delineating adjacent offences, and evidentiary hurdles in substantiating their qualifying elements. The analysis foregrounds the normative conflict between the provisions of Chapters 21 and 28 of the Russian Criminal Code, the difficulties of imputing criminal responsibility for acts mediated by artificial intelligence, and the jurisdictional aspects of offence categorization. The paper formulates targeted proposals for the improvement of both criminal legislation and law-enforcement practice in the area under examination, including harmonisation of terminology, development of criteria for distinguishing contiguous criminal offences, and amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the rulings of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: *cyber-delinquency, norm concurrence, crime classification, lex specialis, lex generalis, swindling, info-communication technologies, larceny, case law*

For citation: Sereda S.P. Problems of qualification of crimes committed using information and telecommunication technologies: the ratio of special and general norms. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 231 – 236. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-231-236

The article was submitted: June 3, 2026; Approved after reviewing: July 1, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

Значимость избранной проблематики продиктована стремительным ростом числа преступлений с использованием ИТТ (в 2025 г. зарегистрировано 675,4 тыс., или 38,1% всей учтённой преступности), который сопровождается неразрешёнными проблемами их уголовно-правовой оценки. При этом раскрываемость таких преступлений не превышает 26,6% [1]. Указанные показатели свидетельствуют о сложностях, с которыми сталкиваются правоприменители при квалификации и расследовании преступлений.

Цифровая трансформация общественных отношений, проникновение ИТТ во все сферы жизнедеятельности породили новые формы противоправного поведения, многие из которых не имеют аналогов в традиционной преступности. Законодатель, реагируя на вызовы времени, последовательно вводит в УК РФ новые составы преступлений и квалифицирующие признаки, учитывающие использование ИТТ. Однако, как справедливо отмечает В.С. Соловьев, такая работа далеко не всегда отличается последовательностью и не всегда учитывает целесообразность применения различных нормативных конструкций, служащих индикатором повышения общественной опасности содеянного [2]. Как следствие, правоприменитель сталкивается с непростым выбором между общей и специальной нормой, между конкурирующими специальными нормами, а также между квалифицирующим признаком применения информационно-телекоммуникационных технологий и другими квалифицирующими признаками. Неправильный выбор нормы влечёт необоснованное ужесточение либо смягчение ответственности, нарушение принципа справедливости, а также способствует формированию неединообразной судебной практики.

Цель исследования: Настоящая работа нацелена на всестороннее изучение сложностей уголовно-правовой оценки деяний, совершённых с применением ИТТ, сквозь призму соотношения общих и специальных предписаний, а также на разработку доктринально обоснованных мер по совершенствованию уголовного закона и правоприменительной деятельности.

Материалы и методы исследований

Познавательный инструментарий работы – совокупность универсальных и отраслевых приёмов: диалектика, системный анализ, юридико-догматический, компаративистский методы и метод правового моделирования.

В качестве эмпирической опоры привлечены: массивы статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ за трёхлетний период (2023-2025); официальные учётные сведения МВД России за полный 2025 календарный год; интерпретационные акты высшей судебной инстанции; выборка материалов казуальной практики, опубликованные в научных источниках и правовых базах; научные труды российских учёных-криминалистов.

Результаты и обсуждения

Одной из ключевых проблем квалификации преступлений, совершаемых с использованием ИТТ, является отсутствие в уголовном законе единого понятийного аппарата. Как обоснованно указывает П.И. Фетисов, цифровые коммуникационные платформы рассматриваются в качестве инструментария для

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

совершения деяний, охватываемых разделом VII УК РФ [4, с. 127]. Вместе с тем эта позиция нуждается в конкретизации с учётом специфики различных групп преступлений.

В отечественном уголовном законе отсутствуют легальные определения «киберпреступлений» и «преступлений с использованием ИТТ»; гл. 28 именуется «преступления в сфере компьютерной информации» без расшифровки этого понятия, а примечание 1 к ст. 272 раскрывает лишь «компьютерную информацию», не затрагивая сами преступные деяния. Отсутствует единый легальный понятийный аппарат.

К.А. Щербаков и Г.В. Баласян выделяют два основных подхода к определению киберпреступлений: узкий, отождествляющий их с преступлениями только главы 28 УК РФ, и широкий, охватывающий любые деяния, где информационные технологии используются как средство [3].

Особой напряжённости коллизия общих и специальных предписаний достигает при уголовно-правовой оценке хищений, опосредованных ИТТ. УК РФ закрепляет ряд специальных составов хищений, опосредованных цифровыми технологиями: кража с банковского счёта (п. «г» ч. 3 ст. 158), мошенничество с электронными платёжными средствами (ст. 159.3) и компьютерное мошенничество (ст. 159.6). Общие нормы о краже и мошенничестве также могут применяться к деяниям, совершённым с использованием ИТТ, если отсутствуют признаки специальных составов.

Статистические данные свидетельствуют о существенных различиях в применении указанных норм. В 2024 году применение п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ повлекло осуждение 34 028 лиц; норма ст. 159.3 УК РФ была реализована в отношении всего 35 лиц (по всем частям), по ст. 159.6 УК РФ – 17 лиц (по всем частям) [5]. Столь значительная диспропорция не может быть объяснена только различиями в распространённости соответствующих деяний. Она свидетельствует о сложностях квалификации и выборе привычных и понятных норм.

В.Ф. Щепельков обоснованно критикует тенденцию развития законодательства об ответственности за компьютерные преступления – включение в УК РФ специальных «компьютерных» составов за рамками главы 28 УК РФ. По его мнению, это порождает избыточность уголовного закона, искусственное дробление диспозиций вне логики градации наказания и, в конечном счёте, затрудняет квалификацию [6, с. 11]. Он апеллирует к ст. 159.6 УК РФ как к примеру специального предписания, корреспондирующего с общей нормой ст. 159 УК РФ, которая создаёт сложности при определении, когда деяние следует квалифицировать по одной, а когда - по другой статье.

С.С. Волков предлагает конкретные критерии для разграничения преступлений против собственности и преступлений гл. 28 УК РФ: 1) направленность умысла; 2) характер воздействия; 3) механизм причинения ущерба [7]. Данные критерии, хотя и требуют дальнейшей конкретизации, могут быть полезны для правоприменителя.

Серьёзные квалификационные затруднения порождает необходимость разграничения двух смежных составов: хищения с банковского счёта (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК) и обмана с использованием электронных платёжных инструментов (ст. 159.3 УК). Т.А. Табункина подчёркивает, что в судебной практике решающим фактором выступает момент подключения информационно-телекоммуникационных сетей к реализации преступного замысла [8, с. 550]. Признак использования сетей может быть вменён даже на этапе подготовки к деянию. Однако для оконченного состава требуется интеграция сетей на всех этапах деяния - от подготовки до исполнения, обеспечивая «непрерывность» объективной стороны [8, с. 550]. Применительно к краже с банковского счёта это означает, что использование сети должно быть не просто эпизодическим, а существенным элементом механизма хищения.

Новые вызовы для уголовно-правовой квалификации создаёт развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ). К.Н. Евдокимов предлагает расширить перечень отягчающих обстоятельств, закреплённый в ст. 63 УК РФ, новым пунктом: «совершение преступления с применением технологий искусственного интеллекта» [10, с. 107]. Аргументация автора строится на том, что использование ИИ существенно облегчает совершение преступного деяния (подделка документов, голоса, фото и видео), позволяет злоумышленникам оставаться анонимными и уничтожать цифровые следы, что повышает латентность преступлений [10]. Е.В. Зотина, разделяя эту позицию, считает целесообразным дополнение норм о мошенничестве отягчающим обстоятельством «использование ИИ» в связи с тем, что ИИ-технологии качественно меняют природу атак с применением социальной инженерии, делая их более вредоносными, масштабными и таргетированными [11, с. 79].

Предложения по введению квалифицирующего признака использования ИИ не лишены недостатков. Во-первых, отсутствует легальное определение использования технологий ИИ. Как показывает практика, грань между обычным программированием и ИИ может быть размытой [10, с. 105-106]. Во-вторых, не ре-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

шён вопрос о соотношении предлагаемого признака с уже существующими квалифицирующими признаками. В-третьих, не проработан механизм доказывания использования ИИ.

Экстерриториальная сущность многих киберпреступлений усложняет привязку деяния к конкретной юрисдикции и выбор уголовно-правовой нормы. К.А. Щербаков и Г.В. Баласян указывают, что в цифровой среде стираются государственные границы, а это требует от правоприменительных органов гибкой, но строго формализованной оценки обстоятельств дела [3, с. 437].

Р.А. Руфуллаев справедливо указывает, что место совершения преступления является обязательным признаком объективной стороны, а не факультативным [12, с. 150-151]. Автор прослеживает эволюцию позиции Пленума Верховного Суда РФ по вопросу о месте совершения кражи с банковского счёта, кульминацией которой стало закрепление в Постановлении № 38 от 15.12.2022 правила определять его исходя из особенностей предмета и способа преступления; как правило, таковым признаётся место осуществления лицом действий, направленных на неправомерное изъятие денежных средств [12, с. 152].

Однако, как справедливо отмечает Р.А. Руфуллаев, разъяснения Пленума ВС РФ касаются только кражи с банковского счёта и не распространяются на иные виды хищений [12]. Это порождает правоприменительную неопределённость. Автор обоснованно выступает за единый подход: местом хищения с использованием ИТТ во всех случаях следует признавать фактическое местонахождение виновного лица в момент совершения им действий, направленных на завладение чужим имуществом [12, с. 154]. Однако требуется учёт практических сложностей – как установить место нахождения субъекта, если он использует анонимизирующие инструмнты.

Особую сложность представляет квалификация деяний, которые одновременно содержат признаки преступлений глава 28 УК РФ и иных преступленых деяний. С.Н. Титов обращает внимание на то, что объекты интеллектуальной собственности всё чаще облекаются в форму компьютерной информации, и любые несанкционированные операции с ней ставят перед правоприменителем дилемму выбора нормы. Пленум Верховного Суда РФ сформулировал позицию: когда посягательства в сфере компьютерной информации выполняли функцию способа нарушения прав на результаты интеллектуальной деятельности, они подлежат самостоятельной юридической оценке, что влечёт квалификацию по совокупности [9, с. 153-154].

Однако, как справедливо отмечают К.А. Щербаков и Г.В. Баласян, правоприменители часто неправильно определяют соотношение норм, когда деяние содержит признаки как преступления в сфере компьютерной информации, так и иного [3]. Необходима разработка ясных критериев отграничения.

В доктрине предлагается дифференцировать ответственность в зависимости от характера угрозы, создаваемой копированием компьютерных данных. Копирование, угрожающее целостности и безопасности компьютерных систем (например, компрометация аутентификационных данных), требует вменения ст. 272 УК РФ. Напротив, при копировании информации, индифферентной к состоянию компьютерной защищённости, уголовно-правовое реагирование, обусловленное наличием достаточной общественной опасности, должно осуществляться через нормы, расположенные за пределами гл. 28 УК РФ [6, с. 12-13]. Данный подход представляется обоснованным, поскольку позволяет учитывать основной объект посягательства.

А.В. Пейзак и Р.И. Пейзак обращают внимание на проблему применения института малозначительности (ч. 2 ст. 14 УК РФ) к преступлениям главы 28 УК РФ. Авторы отмечают, что на практике следователи сталкиваются с проблемой квалификации таких деяний как малозначительных из-за отсутствия чётких критериев, установленных законодателем [13, с. 206-207].

Проведённый нами анализ судебной статистики позволяет выявить ряд тенденций, имеющих значение для исследования проблем квалификации. Во-первых, наблюдается устойчивый рост числа осуждённых по статьям главы 28 УК РФ [6]. Однако в абсолютном выражении это число остаётся незначительным по сравнению с масштабами киберпреступности, что свидетельствует о высокой латентности и сложностях доказывания. Во-вторых, среди преступлений с использованием ИТТ доминируют хищения. В 2025 году почти две трети (63,5%) таких преступлений совершены путём кражи или мошенничества – 429,0 тыс. [1]. В-третьих, анализ дел, приведённых в научных источниках, показывает неоднородность судебной практики. А.А. Бессонов приводит примеры, когда один и тот же суд по сходным фактическим обстоятельствам принимал противоположные решения о наличии признаков организованной группы [14, с. 111-112].

Выводы

На основе проведённого анализа представляется возможным сформулировать следующие предложения по совершенствованию уголовного законодательства и правоприменительной практики в рассматриваемой области.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Во-первых, первоочередным шагом выступает преодоление терминологической размытости путём легализации в УК РФ дефиниции «преступления с применением ИТТ/цифровых технологий» в примечаниях к ст. 272 в качестве обобщающей категории для компьютерных деликтов (гл. 28) и любых иных деяний, совершаемых с использованием цифровых, электронных или компьютерных средств.

Во-вторых, целесообразно более подробно и полно уточнить и раскрыть в действующих интерпретационных актах Пленума Верховного Суда РФ (от 30.11.2017 № 48, от 15.12.2022 № 37, от 27.12.2002 № 29) развёрнутые индикаторы для демаркации смежных составов ИТТ-преступлений.

В-третьих, необходимо установить единообразное правило территориальной привязки преступлений, совершённых с использованием ИТТ, основанное на физическом местонахождении виновного в момент деяния.

В-четвёртых, любое дополнение квалифицирующих признаков, опосредованных ИТТ или машинным интеллектом, должно сообразовываться с уже существующими признаками во избежание конкуренции норм, а также влияние на степень общественной опасности деяния.

В-пятых, требует решения проблема конкуренции основного состава мошенничества с его специальными видами. Возможным решением могло бы стать объединение всех форм мошенничества с использованием ИТТ в одной статье с дифференциацией ответственности в зависимости от способа совершения.

В-шестых, необходимо совершенствовать механизмы доказывания квалифицирующих признаков, связанных с использованием ИТТ и ИИ. Требуется развития технических возможностей правоохранительных органов и совершенствования процессуальных механизмов получения и закрепления цифровых доказательств.

Список источников

1. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2025 года: статистический сборник / Министерство внутренних дел Российской Федерации, Главный информационно-аналитический центр. Москва, 2025. 64 с.

2. Соловьев В.С. Перспективы модернизации институциональных основ уголовного права в условиях цифровизации общества // Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летнему юбилею профессора В.П. Коняхина: Сборник материалов международной научно-практической конференции. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2024. С. 350 – 358.

3. Щербаков К.А., Баласян Г.В. Проблемы уголовно-правовой квалификации киберпреступлений в условиях цифровизации общества // Вестник науки. 2025. Т. 4. № 12-1 (93). Ч. 1. С. 428 – 443.

4. Фетисов П.И. Преступления против личности, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (включая сеть Интернет) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14. № 2. С. 119 – 130.

5. Отчёт о числе осуждённых по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2024 года (форма № 10-а) // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 01.06.2026)

6. Щепельков В.Ф. Перспективы уголовно-правового противодействия компьютерным преступлениям // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3 (70). С. 9 – 14.

7. Волков С.С. Уголовно-правовая характеристика экономических преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий // Полицейская и следственная деятельность. 2026. № 1. С. 200 – 213. DOI: 10.25136/2409-7810.2026.1.78259

8. Табункина Т.А. К вопросу о нюансах в квалификации преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // Аграрное и земельное право. 2025. № 12. С. 548 – 551.

9. Титов С.Н. Может ли использование информационных технологий быть квалифицирующим признаком преступлений против интеллектуальной собственности? // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (101). С. 151 – 159.

10. Евдокимов К.Н. К вопросу совершенствования российского уголовного законодательства в контексте противодействия криминальному использованию технологий искусственного интеллекта // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 6 (104). С. 102 – 108.

11. Зотина Е.В. Уголовно-правовой аспект предупреждения мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и приемов социальной инженерии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 3 (57). С. 72 – 82.

12. Руфуллаев Р.А. Хищения с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (сетей): территориальный аспект // Евразийская адвокатура. 2024. № 6 (71). С. 149 – 154.

13. Пейзак А.В., Пейзак Р.И. Малозначительность в уголовных делах о преступлениях в сфере компьютерной информации // Юридическая мысль. 2024. № 3 (135). С. 205 – 216.

14. Бессонов А.А. Проблемные вопросы установления признаков организованной группы по преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Журнал российского права. 2024 Т. 28. № 1. С. 108 – 119.

References

1. The state of crime in the Russian Federation for January-December 2025: statistical digest. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Main Information and Analytical Center. Moscow, 2025. 64 p.

2. Soloviev V.S. Prospects for modernizing the institutional foundations of criminal law in the context of the digitalization of society. Institutional foundations of criminal law of the Russian Federation: on the 70th anniversary of Professor V.P. Konyakhin: Collection of materials from the international scientific and practical conference. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. P. 350 – 358.

3. Shcherbakov K.A., Balasyan G.V. Problems of criminal-legal qualification of cybercrimes in the context of the digitalization of society. Science Bulletin. 2025. Vol. 4. No. 12-1 (93). Part 1. P. 428 – 443.

4. Fetisov P.I. Crimes against the Person Committed with the Use of Information and Telecommunication Technologies (Including the Internet). Bulletin of the Southwestern State University. Series: History and Law. 2024. Vol. 14. No. 2. P. 119 – 130.

5. Report on the Number of Persons Convicted of All Crimes under the Criminal Code of the Russian Federation and Other Persons Against Whom Court Decisions on Criminal Cases Have Been Issued for the 12 Months of 2024 (Form No. 10-a). Official Website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. URL: http://www.cdep.ru (date of access: 01.06.2026)

6. Shchepelkov, V.F. Prospects for Criminal-Legal Counteraction to Computer Crimes. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3 (70). P. 9 – 14.

7. Volkov S.S. Criminal-Legal Characteristics of Economic Crimes Committed with the Use of Digital Technologies. Police and Investigative Activity. 2026. No. 1. P. 200 – 213. DOI: 10.25136/2409-7810.2026.1.78259

8. Tabunkina T.A. On the Issue of the Nuances in the Qualification of Crimes Committed with the Use of Information and Telecommunication Networks, Including the Internet. Agrarian and Land Law. 2025. No. 12. P. 548 – 551.

9. Titov S.N. Can the Use of Information Technologies Be a Qualifying Feature of Crimes against Intellectual Property? Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 1 (101). P. 151 – 159.

10. Evdokimov K.N. On the Issue of Improving Russian Criminal Legislation in the Context of Counteracting the Criminal Use of Artificial Intelligence Technologies. Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2024. No. 6 (104). P. 102 – 108.

11. Zotina E.V. Criminal-Legal Aspect of Preventing Fraud Using Information and Telecommunication Technologies and Social Engineering Techniques. Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. Vol. 15. No. 3 (57). P. 72 – 82.

12. Rufullaev R.A. Thefts with the Use of Information and Telecommunication Technologies (Networks): Territorial Aspect. Eurasian Advocacy. 2024. No. 6 (71). P. 149 – 154.

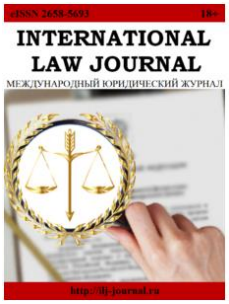
13. Peyzak A.V., Peyzak R.I. Insignificance in Criminal Cases of Crimes in the Sphere of Computer Information. Legal Thought. 2024. No. 3 (135). P. 205 – 216.

14. Bessonov A.A. Problematic Issues of Establishing Features of an Organized Group for Crimes Committed with the Use of Information and Telecommunication Technologies. Journal of Russian Law. 2024. Vol. 28. No. 1. P. 108 – 119.

Информация об авторе

Середа С.П., доцент, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, sta-sereda2006@yandex.ru

© Середа С.П., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 342.3+338.2
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-237-246

Экспериментальный правовой режим в обеспечении технологического суверенитета Российской Федерации

[1] Арташина И.А., [2] Дудина В.Ю., [2] Жулькова Ю.Н.,
[1] Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
[2] Нижегородский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Аннотация: *целью работы является исследование проблем установления и реализации экспериментального правого режима. Степень согласованности приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации в системе публичного и корпоративного управления предопределяет развитие организационно-правовой методологии обеспечения технологического суверенитета страны. Для этого целесообразно максимально полно и оперативно задействовать ресурсный потенциал права и нивелировать накопившиеся регуляторные проблемы, тормозящие процессы стимулирования интеллектуально-творческой деятельности и научно-технологического развития. Авторами изучены научно-практические взгляды исследователей на комплекс организационно-правовых факторов, процедурных составляющих и перспективных мер развития правого режима как инструмента обеспечения технологического суверенитета РФ. На базе результатов анализа нормативно-правовых актов, регулирующих правоотношения при реализации экспериментального правого режима, выявлены риски, определены направления и сформулированы рекомендации по совершенствованию процесса установления и мониторинга эффективности специальных условий регулирования в рамках экспериментального правового режима тестирования и внедрения технологических инноваций. Решение исследовательских задач, поставленных авторами в контексте складывающегося теоретико-практического дискурса по поиску мер совершенствования экспериментального правого режима, позволяет сделать вывод о том, что в текущий исторический период трансформации национальной экономики право становится инструментом реформирования общественных отношений в системе публичного управления, структурные изменения и целеполагание стратегического развития которой должны основываться на принципах интеграции научно-исследовательских и производственных процессов промышленной модернизации страны.*

Ключевые слова: *экспериментальный правовой режим, правовой эксперимент, технологический суверенитет, технологическая политика, технологические инновации*

Для цитирования: Арташина И.А., Дудина В.Ю., Жулькова Ю.Н. Экспериментальный правовой режим в обеспечении технологического суверенитета Российской Федерации // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 237 – 246. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-237-246

Поступила в редакцию: 4 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июля 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Experimental legal regime for ensuring the technological sovereignty of the Russian Federation

[1] Artashina I.A. [2] DudinaV.Yu., [2] Zhul'kova Yu.N.,
[1] National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
[2] Nizhny Novgorod Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract: *the purpose of the work is to study the problems of establishing and implementing an experimental right-wing regime. The degree of consistency of the priorities of scientific and technological development of the Russian Federation in the system of public and corporate governance determines the development of organizational and legal methodology for ensuring the technological sovereignty of the country. To do this, it is advisable to use the resource potential of law as fully and promptly as possible and to level out the accumulated regulatory problems that slow down the processes of stimulating intellectual and creative activity and scientific and technological development. The authors have studied the scientific and practical views of researchers on the complex of organizational and legal factors, procedural components and promising measures for the development of the right-wing regime as a tool to ensure the technological sovereignty of the Russian Federation. Based on the results of the analysis of regulatory legal acts regulating legal relations in the implementation of the experimental legal regime, risks have been identified, directions have been identified and recommendations have been formulated to improve the process of establishing and monitoring the effectiveness of special regulatory conditions within the framework of the experimental legal regime for testing and introducing technological innovations. The solution of the research tasks set by the authors in the context of the emerging theoretical and practical discourse on the search for measures to improve the experimental legal regime allows us to conclude that in the current historical period of transformation of the national economy, law is becoming an instrument for reforming public relations in the public administration system, structural changes and strategic development goals of which should be based on the principles of integration of scientific andresearch and production processes of industrial modernization of the country.*

Keywords: *experimental legal regime, legal experiment, technological sovereignty, technological policy, technological innovations*

For citation: Artashina I.A., Dudina V.Yu., Zhul'kova Yu.N. Iexperimental legal regime for ensuring the technological sovereignty of the Russian Federation. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 237 – 246. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-237-246

The article was submitted: June 4, 2026; Approved after reviewing: July 2, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

Современная геополитическая ситуация характеризуется усилением конкуренции между государствами, включая научно-техническое и технологическое соперничество. Для сохранения своей самостоятельности и защиты национальных интересов Россия должна развивать собственные технологии, снижая зависимость от зарубежных разработок. Технологический суверенитет является необходимым условием существования российской государственности. В сложившейся системе факторов смены научно-технической парадигмы и перспектив развития национальной экономики в контуре шестого технологического уклада, основываясь на целеполагании преодоления технологического отставания российского общества в долгосрочном горизонте планирования, важным является вопрос о том, насколько быстро и результативно наше государство не только адаптирует свои технологии к текущим и стратегическим трендам, но и создает соответствующую законодательную базу для обеспечения эффективности данных процессов с учетом высокой степени динамичности взаимодействия участвующих в них субъектов.

Государственная политика обеспечения технологического суверенитета направлена на укрепление независимости страны в технологической сфере, снижение рисков зависимости от внешних факторов и повышение уровня национальной безопасности и экономической устойчивости. При этом структурные элементы формируют единый механизм, включающий следующие направления ее реализации:

- развитие собственной научно-технической базы;
- импортозамещение критически важных технологий;
- поддержка отечественных производителей высокотехнологичной продукции;
- подготовка высококвалифицированных кадров;

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

– защита интеллектуальной собственности;
– формирование цифровой инфраструктуры;
– регулирование и контроль экспорта высоких технологий;
– развитие инновационной инфраструктуры.

В контексте задач исследования авторы отмечают нарастание динамики научно-экспертного дискурса, отражающего пересмотр общественных представлений о роли науки и научно-технологической независимости России и призывающего к обсуждению концептуальных основ обновления законодательства в контексте целеполагания, которое должно обеспечить сбалансированность использования регуляторных, программно-целевых, проектных и экспериментальных правовых конструкций, оптимальное сочетание которых позволит создать стратегический потенциал формирования самодостаточной технологической базы реального сектора экономики и обеспечить опережающее научно-технологическое развитие системообразующих отраслей (в соответствии с национальными приоритетами РФ).

Исходя из степени сложности и методологического многообразия данных подходов, организационно-правовой механизм обеспечения технологического суверенитета представляет собой многоуровневую, с многообразием элементов и связей между ними, структуру, сочетающую принципы централизованного государственного управления с инструментами проектного менеджмента и стимулирования инновационных процессов субъектов экосистемы технологического развития, что позволяет преодолевать разрыв между научными исследованиями и коммерциализацией их результатов для достижения соответствующих экономических и рыночных эффектов.

В условиях роста технологической зависимости и обострения глобальной конкуренции важным является оперативность внедрения инновационных и высокотехнологических решений, формирующих научно-технологическую основу развития отраслей и промышленных производств. Решая данную задачу, экспериментальный правовой режим (далее – ЭПР), минимизирует зависимость отечественной экономики от иностранных поставщиков технологий и создает условия для внедрения и тестирования производства высокотехнологической продукции.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования использовались результаты анализа и эмпирические данные, представленные в научных статьях, статистическая информация федеральных органов исполнительной власти, нормативные правовые акты, содержащие нормы, регулирующие правоотношения при реализации экспериментальных правовых режимов. Общенаучные методы системного и комплексного анализа, формально-юридический метод и междисциплинарный подход, сочетающий современные научные представления о взаимной связи и обусловленности права и экономики, составили методологическую основу исследования.

Результаты и обсуждения

Необходимым условием обеспечения социального благополучия и устойчивости национальной экономики является формирование эффективного механизма публичного управления и системы регулирования правоотношений в научно-технологической сфере, создающих условия для ускорения технологического роста российской промышленности. Решение задачи технологического рывка становится неотъемлемой составляющей новой экономической политики при том, что Россия обладает всеми достаточными для этого возможностями: высокий уровень образования населения, природные ресурсы, большая емкость и платежеспособность внутреннего рынка, стратегически важный геополитический ресурс для формирования и развития новых транспортно-логистических коридоров.

Стратегический характер организационно-правовых инструментов публичного управления, реализующих переход к долгосрочному стратегическому планированию при сочетании структурной трансформации и диверсификации экономики (с соответствующей настройкой бюджетной и денежно-кредитной систем), придает решающее значение качеству системы публичного управления и генерации импульса глубоких новаций в правовой сфере для обеспечении технологического суверенитета РФ. Комплекс указанных факторов позволяет сделать заключение, что право должно являться не только реактивным регулятором, а становиться фундаментальной конструкцией развития прогностического нормотворческого потенциала, формирующего быстроразвивающуюся производственную базу по выпуску необходимой номенклатуры высокотехнологичной продукции, что позволит экономической системе адаптироваться к негативному влиянию внешних факторов и неопределенности глобальных трендов.

Обеспечение технологического суверенитета является необходимым условием для национальной безопасности РФ, успешного преодоления последствий мирового кризиса и готовности перехода российской

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

экономики к шестому технологическому укладу, то есть включения в сложный процесс трансформации экономической системы, связанный с широким внедрением современных технологий, изменениями в структуре занятости и потребления, а также необходимостью адаптации к новым условиям глобальной конкуренции и экологических ограничений. Государственная политика обеспечения технологического суверенитета РФ реализуется на системной и комплексной основе, характеризуется активными процессами совершенствования подходов к правовому обеспечению формирования технологической политики, выработки новых идей, решений, организационно-правовых средств и мер, образующих централизованный механизм государственного управления в современных условиях глобальной трансформации геополитического и геоэкономического пространства.

Технологический суверенитет подразумевает независимость, что означает отсутствие зависимости от иностранных технологий, контроль над ключевыми производственными цепочками и возможность оперативного реагирования на технологические угрозы. На сегодня сформировались предпосылки трансформации институтов правового регулирования общественных отношений, складывающихся в процессе обеспечения технологического суверенитета РФ и развития институциональной среды в части совершенствования системы построения государственно-управленческих отношений, характеризующихся усилением адаптивности и практикой правоприменения, соотносящихся как с общими и ситуационными принципами организации, так и с принципами комплексного стимулирования инновационной деятельности участников технологической политики. В этой связи отдельного внимания заслуживает рассмотрение проблематики применения ЭПР в качестве инструмента обеспечения технологической независимости Российской Федерации.

ЭПР – современный институт публичного управления, методологической основой формирования которого является понятие «правовой эксперимент», заключающийся в практике апробации перспективных нормотворческих новаций с учетом ограничения сферы применения для проверки эффективности и обоснования возможности их дальнейшего использования в системе общего регулирования.

Теоретико-практическая дефиниция «правовой режим» достаточно давно используется в юриспруденции и изучается в научных трудах С.С. Алексеева, Г.С. Беляевой, В.А. Горленко, В.Б. Исакова, А.В. Малько, О.С. Родионова и других. Вместе с тем такие авторы как А.А. Ефремов, М.А. Коваленко, И.С. Сухильников, Ю.С. Харитонова, М.Л. Давыдова, Л.Н. Сморчкова, И.А. Черешнева и М.В. Дегтярев исследуют организационно-правовые проблемы применения экспериментальных правовых режимов в РФ.

В контексте исследования важно мнение М.В. Дегтярева о том, что реализация «экспериментального законодательства позволяет ... с минимальными затратами обкатать вызывающие сомнения ..., но объективно безальтернативные ... правотворческие новации…». Также отмечается, что внедрение «принципиально нового нормативного подхода или режима позволяет... преодолеть ригидность и невосприимчивость к назревшим трансформациям в праве ...» [7, с. 153-154]

Следует отметить, что правовой эксперимент широко применялся в советский период развития нашего государства. Новая система планирования, включающая механизм стимулирования предприятий к развитию научно-производственных процессов, была внедрена в соответствии с Постановлением ЦК КПСС Совета министров СССР от 4 октября 1965 г. №729 «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства», целью принятия которого было «Повысить роль перспективных планов развития народного хозяйства как важнейшего условия непрерывного роста и совершенствования производства, широкого внедрения достижений науки и техники, более полного обеспечения пропорциональности в развитии отраслей народного хозяйства и районов страны» [5].

На современном этапе развития России ЭПР (наряду с другими сферами) применяется для процесса тестирования и внедрения технологических инноваций в качестве правового инструмента форсирования реализации проектов технологического лидерства. В России правовое регулирование ЭПР осуществляется Федеральным законом от 31.07.2020 №258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации», который позволяет отступать от общих норм законодательства (актов общего регулирования – федеральных законов, актов Президента РФ, Правительства РФ, федеральных органов исполнительной власти, государственных корпораций и нормативных актов Банка России) для апробации новых решений в реальных условиях на определенное время. Применение ЭПР в качестве гибкого инструмента правового регулирования свидетельствует о значительном числе нормативных барьеров для развития технологий в РФ. С позиции публичного управления ЭПР представляет собой разрешение государства на применение инновационных технологий в ограниченном масштабе.

Определение ЭПР в указанном выше законе установлено п. 1 ст. 2: «Экспериментальный правовой режим в сфере цифровых и технологических инноваций ... – применение в отношении участников экспериментального правового режима в течение определенного периода времени специального регулирования по

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

направлениям разработки, апробации и внедрения цифровых и технологических инноваций ...» [2]. Закон определяет цели и принципы ЭПР, круг участников, регулирует правоотношения, связанные с их установлением и реализацией, в том числе изменением, приостановлением, прекращением, мониторингом, оценкой их эффективности и результативности.

Первоначально №258-ФЗ регулировал правоотношения по установлению и реализации ЭПР в области применения информационных технологий по определённым сферам действия закона. Впоследствии, с учетом актуализации и совершенствования законодательства в области научно-технологического развития и принятием Федерального закона от 28 декабря 2024 г. №523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», включающего в ст.3. п.12 определение понятия «технологические инновации» [1], в Федеральный закон от 31.07.2020 №258-ФЗ внесены 31.07.2025 г. изменения, расширяющие сферу действия закона дополнением технологических инноваций.

С учетом воздействия экономико-технологических факторов структурной трансформации промышленного потенциала Российской Федерации, своевременность правовых решений по актуализации законодательства в части совершенствования регулирования правоотношений при реализации ЭПР определяется степенью значимости достигаемого в данном случае эффекта повышения качества механизма функционирования ЭПР как на уровне системы публичного управления, так и на уровне организации его внедрения хозяйствующими субъектами. Здесь укажем на точку зрения М.А. Коваленко о том, что важно признать ЭПР «специальной контролируемой и управляемой площадкой (средой, пространством) для опытной апробации технологических, организационных, правовых, экономических возможностей внедрения в гражданский оборот цифровых и технологических инноваций» [7, с. 64].

В материалах Коллегии Министерства экономического развития РФ за период 2020-2024 гг. представлены следующие статистические показатели применения ЭПР за 2024 г.: «количество граждан, получивших услуги в рамках ЭПР – более 100 тыс.; количество снятых административных барьеров – более 150; количество участников ЭПР – более 190; количество установленных ЭПР – 17. С 2021 г. установлено 19 ЭПР, из них 11 – в отношении беспилотных авиационных систем, 4 – наземного высокоавтоматизированного транспорта, 2 – медицины, 2 – предоставления государственных и муниципальных услуг» [10].

Реализация ЭПР связана с определённой степенью вероятности наступления рисков, которые подлежат анализу экономическими субъектами и уполномоченным государственным органом. Основные риски систематизированы авторами и отражены в табл. 1.

Таблица 1

Риски применения ЭПР.

Table 1

The risks of applying an ELR.

Риски применения ЭПР	Содержание риска применения ЭПР
1. Риски причинения вреда	Нарушение прав и свобод человека и гражданина; причинение вреда жизни, здоровью или имуществу человека либо имуществу юридического лица; ущерб интересам государства, включая оборону и безопасность государства
2. Нарушение функционирования критической инфраструктуры	Нарушение устойчивого функционирования объектов обеспечения жизнедеятельности населения, транспортной инфраструктуры, электроэнергетической системы, сетей связи и критической информационной инфраструктуры. Не всегда могут быть устранены субъектом ЭПР в течение срока действия режима
3. Необходимость страхования ответственности	Дополнительные финансовые обязательства для участников ЭПР. Участники ЭПР, являющиеся юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями, обязаны страховать свою гражданскую ответственность за причинение вреда третьим лицам в результате реализации ЭПР, включая использование технологий искусственного интеллекта
4. Неопределенность правового регулирования	Высокая вероятность юридических споров. ЭПР предполагает временное отступление от общего регулирования, и участники могут столкнуться с неопределенностью в правовом статусе своих действий и возможных последствиях
5. Риски, связанные с инновациями	Вероятность технических сбоев, недостаточная проработанность инновационных решений, возможные негативные последствия для общества в целом
6. Возможность прекращения ЭПР	Досрочное прекращение действия ЭПР вследствие выявленных серьезных нарушений и рисков, которые не могут быть устранены

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Несмотря на наличие указанных рисков, следует принимать во внимание, что успех рассматриваемой системы регулирования напрямую связан с установлением баланса между её достоинствами и сопряженными неудобствами. Логично указать, что чем более весомы выгоды, предложенные в рамках определенного типа режима, тем более приемлемыми для его возможного субъекта окажутся сопутствующие ограничения.

Процесс реализации ЭПР подлежит контролю и мониторингу в соответствии с положениями Постановления Правительства РФ [3, 4]. Редакция Федерального закона №258-ФЗ от 31.07.2025 г., предусматривающая применение ЭПР в сфере технологических инноваций и производства высокотехнологичной продукции (п.8.1), требует актуализации указанных нормативных актов с учетом данной сферы действия закона.

ЭПР имеют важное практическое значение в процессе обеспечения технологического суверенитета РФ, так как позволяет выбрать наиболее результативный с точки зрения влияния институциональных факторов подход к решению острых и сложных научно-технологических задач развития инновационного производства и промышленности, применение которого было бы невозможно в условиях общего правового регулирования. Специальное регулирование позволяет внедрять инновации быстрее, чем это возможно в рамках общего законодательства, снижать бюрократические и юридические барьеры, обеспечивать гибкость и оперативность обратной связи в управлении проектами, уменьшать риски для бизнеса и государства при тестировании новых технологических решений. В данном случает фактор правовой определенности приобретает стратегически важное значение с точки зрения развития инновационного потенциала организации. Так, по мнению И.А. Черешневой именно «промежуточное место ЭПР между опережающим правовым регулированием и отсрочкой правового регулирования» показывает динамику правовой определенности [9, с. 32].

Стоит отметить, что незначительный опыт применения ЭПР обусловливает и наличие ряда существенных правовых пробелов и проблем, требующих решения в части совершенствования правового регулирования применения ЭПР в области разработки и внедрения технологических инноваций, производства высокотехнологичной продукции по четырем направлениям: 1) нормативно-правовое регулирование порядка установления ЭПР; 2) определение уполномоченных должностных лиц и органов, принимающих решения об установлении ЭПР; 3) порядок установления ЭПР; 4) мониторинг ЭПР и оценка его эффективности и результативности. Практический инструментарий совершенствования регулирования правоотношений при реализации ЭПР по указанным направлениям представлен в табл. 2.

Таблица 2

Направления совершенствования регулирования правоотношений при реализации ЭПР.

Table 2

Directions for improving the regulation of legal relations during the implementation of ELR.

Направления совершенствования регулирования правоотношений	Инструменты совершенствования
Направления совершенствования регулирования правоотношений	Недопустимость использования ЭПР в неправомерных целях обхода критически важных ограничений Нивелирование субъективной целесообразности без ответственности (восприятие нормальности бесперспективных ЭПР) Достаточная степень аргументации субъективной обоснованности отмены защитных правовых механизмов для обеспечения прогрессивных нововведений
Определение уполномоченных должностных лиц и органов, принимающих решения об установлении ЭПР	Определение пределов компетенции и обоснованности оценки условий установления ЭПР уполномоченными органами и возможности оспаривания данной оценки
Порядок установления ЭПР	Достижение баланса между правами и обязанностями уполномоченных органов и лиц, инициирующих предложение по установлению ЭПР Соблюдение гарантий прав третьих лиц, в том числе возмещения причиненного ущерба Детализация административных процедур

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

Мониторинг ЭПР и оценка его эффективности и результативности	Недопустимость смыслового сдвига содержания правовой нормы к регулированию не реального эффекта, а отчетного (индикативного) бюрократического результата Минимизация уровня вероятности, что право регулирует отчетность об инновациях, а не фактическое технологическое приращение Минимизация лингвистической неопределенности формулировки показателей оценки эффективности Внесение изменений в «Правила мониторинга ..» (№2011 от 03.12.2020) по мониторингу в сфере технологических инноваций и производства высокотехнологичной продукции

Так, на основании изложенного выше можно определить ряд тенденций развития ЭПР, к которым в первую очередь отнесем соответствие с развитием технологической политики государства в части ее правового регулирования, с цифровизацией и внедрением искусственного интеллекта, с возможностью установления общего правового режима на основе предварительной критической оценки эффективности подобного эксперимента и получения высоких положительных результатов.

Кроме того, также считаем важным согласиться с мнением Л.Н. Сморчковой и тем самым «отметим усиление защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства от рисков» [8, с. 65], к которым могут привести действия и непосредственно установление ЭПР, а также с позицией И.А. Черешневой в части возможности рассмотрения ЭПР «в качестве эффективного средства преодоления эффекта запаздывания законодательства только в том случае, когда законность не подменяется целесообразностью» [9, с. 34].

Анализ практики применения ЭПР показал, что становится стратегически необходимым максимально полное и оперативное задействование системообразующего потенциала права, выполняющего не просто задачи регулятивных механизмов, решающих накопившиеся проблемы в наукоемких отраслях, а являющегося источником стимулирования интеллектуально-творческой деятельности и научно-технологического развития государства. При этом необходимо учитывать формирующуюся тенденцию усиления степени интеграции норм права вследствие усложнения объекта правового регулирования, увеличения числа и темпа преобразования внутрисистемных связей и достижения единства структуры публичного управления процессом обеспечения технологического суверенитета РФ. Точность установления и полнота учета факторов, определяющих правовую регламентацию научно-технологического развития, напрямую влияет на эффективность законодательного процесса и ставит задачу проведения оценки системности экспертно-аналитического сопровождения законотворчества и согласованности нормативно-правового обеспечения технологического суверенитета РФ.

Дальнейшее совершенствование механизма ЭПР должно быть ориентировано на преодоление страной существующего уровня зависимости и не сбалансированной с позиции российской стороны степени интегрированности научно-технологического потенциала в структуре производственных цепочек, системе международного разделения труда и трансфера технологий в качестве субъекта с низкой восприимчивостью к инновациям, ориентирующегося на заимствование технологических достижений западных стран. Применение ЭПР, являясь одним из элементов формирования правовых основ управления технологическим переходом к шестому укладу (включающему высокотехнологичную медицину и фармацевтику, генеративный искусственный интеллект, новые транспортные средства, высокоточную робототехнику, аддитивные технологии, биоэкономику, биотехнологии, нанотехнологии), имеет стратегическое значение обеспечения технологического суверенитета в качестве гарантированного условия защиты основных интересов общества и государства.

Процесс развития механизма экспериментального правового режима с учетом прогнозов стратегического планирования научно-технологического развития должен встраиваться в централизованную систему совершенствования правового обеспечения технологического суверенитета РФ, характеризующуюся активными процессами принятия системных законодательных решений по вопросам технологического суверенитета, технологического лидерства и технологической политики, выработкой новых идей, организационно-правовых средств и мер, образующих единый механизм, способный реагировать (преодолевать инертность) и стратегически ориентировать систему органов исполнительной власти на повышение эффективности государственного управления по обеспечению технологического суверенитета РФ.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Выводы

В текущий исторический период развития национальной экономики право становится инструментом реформирования общественных отношений в системе публичного управления, качественные изменения которых сопряжены с переориентацией экономической политики на приоритеты технологического лидерства и выстраивание процессов достижения научно-технической когерентности исследовательского и производственного потенциала страны. Роль права при этом выступает особым детерминантом совершенствования экономических институтов и качественных изменений экономических отношений в соответствии с принципами прогнозирования мировых и национальных трендов технологического развития. В этой связи первостепенной становится задача преодоления инерционности регуляторных ограничений, исходящих от правовых норм, процедур, регламентов и институтов, и обогащения системы государственного регулирования экономической системы особыми инструментами и механизмами, способными обеспечить стратегически выстроенное сочетание организационно-правовых инструментов реализации «догоняющей» и «опережающей» модернизации в рамках единой логики достижения технологического суверенитета.

Достижение цели обеспечения технологической независимости РФ закономерно ведет к усложнению модели организационно-технологической архитектуры экономической системы общества. Очевидным становится усиление тенденций к централизации и концентрации регулирующих функций государства в управлении социально-экономическими процессами и рост весомости фактора политико-правового влияния с преобладанием логики и принципов государственного планирования в части разработки и реализации мер технологической политики.

Международная технологическая конкуренция, как и предопределённость перехода России к шестому технологическому укладу – процессы объективные, поэтому задача органов государственной власти – минимизировать риски снижения эффективности инновационных процессов и исключить возможность недооценки фактора ускоряющегося темпа развития кризисных военно-политических и финансово-экономических явлений в стране, выражающейся в том числе в ограничивающих адаптивность и не отвечающим остроте запроса на технологические преобразования выборе юридических средств нормативной основы правового регулирования обеспечения технологического суверенитета РФ. Стоящие в текущем моменте и в перспективе задачи обеспечения глубины внедрения новых технологий и наукоемких промышленных проектов технологического лидерства предопределяют системность и оперативность принятия мер по совершенствованию регулирования отношений, складывающихся в сфере реализации технологической политики и соответствующих динамике меняющихся социально-экономических условий.

Таким образом, ЭПР в сфере технологических инноваций и производства высокотехнологичной продукции становится эффективным инструментом поддержки высокотехнологического бизнеса и достижения целей обеспечения технологического суверенитета РФ, находящийся на этапе становления и совершенствования нормативно-правовой основы своего развития, позволяющий внедрять передовые технологии с минимальными юридическими и административными барьерами в условиях позитивного влияния фактора времени и ускорения этапов реализации инновационных проектов.

Список источников

1. Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 30.12.2024, N 53 (Часть I), ст. 8533.

2. Федеральный закон от 31 июля 2020 №258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 03.08.2020, N 31 (часть I), ст. 5017.

3. Постановление Правительства РФ от 3 декабря 2020 года №2011 «Об утверждении Правил мониторинга экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, оценки эффективности и результативности реализации экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, общественного обсуждения вопросов эффективности и результативности реализации экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и подготовки предложения о внесении изменений в общее регулирование» (с изменениями от 28 ноября 2024 года) // Собрание законодательства РФ, 14.12.2020, N 50 (часть IV), ст. 8217.

4. Постановление Правительства РФ от 18.12.2024 №1813 «Об утверждении Правил подготовки и распространения, в том числе опубликования, ежегодного государственного доклада о деятельности, осуществляемой в рамках реализации экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций» // Собрание законодательства РФ, 23.12.2024 г., N 52, ст. 8351.

5. Постановление Центрального комитета КПСС Совета министров СССР от 4 октября 1965 г. № 729 «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 21.06.2026)

6. Дегтярев М.В. Обоснованность и цели применения экспериментальных правовых режимов //Аграрное и земельное право. 2020. № 12 (192). С. 152 – 155.

7. Коваленко М.А. Экспериментальный правовой режим: текущее состояние и проблемы // Legal Concept = Правовая парадигма. 2025. Т. 24. № 4. С. 61 – 67. DOI https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.8

8. Сморчкова Л.Н. Экспериментальный правовой режим в цифровой сфере: новации и тенденции развития // Право и практика. 2026. № 1. С. 63 – 66.

9. Черешнева И.А. Экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций: к вопросу об обеспечении правовой определенности // Право и политика. 2023. № 12. С. 27 – 34. DOI: 10.7256/2454-0706.2023.12.69354 EDN:HJYXLO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69354

10. АО «Коммерсантъ» // сайт. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8590083 (дата обращения: 10.10.2025)

References

1. Federal Law of December 28, 2024 No. 523-FZ "On Technological Policy in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation, December 30, 2024, No. 53 (Part I), Article 8533.

2. Federal Law of July 31, 2020 No. 258-FZ "On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital and Technological Innovations in the Russian Federation" (as amended on July 31, 2025). Collected Legislation of the Russian Federation, August 3, 2020, No. 31 (Part I), Article 5017.

3. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 3, 2020 No. 2011 "On approval of the Rules for monitoring the experimental legal regime in the field of digital innovation, assessing the effectiveness and efficiency of the implementation of the experimental legal regime in the field of digital innovation, public discussion of issues of the effectiveness and efficiency of the implementation of the experimental legal regime in the field of digital innovation and preparing a proposal to amend the general regulation" (as amended on November 28, 2024). Collected Legislation of the Russian Federation, December 14, 2020, No. 50 (Part IV), Art. 8217.

4. Resolution of the Government of the Russian Federation of 18.12.2024 No. 1813 "On Approval of the Rules for the Preparation and Dissemination, Including Publication, of the Annual State Report on Activities Carried out within the Framework of the Implementation of Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital Innovations". Collected Legislation of the Russian Federation, 23.12.2024, No. 52, Art. 8351.

5. Resolution of the Central Committee of the CPSU Council of Ministers of the USSR of October 4, 1965 No. 729 "On Improving Planning and Strengthening Economic Incentives for Industrial Production" [Electronic resource]. Access: SPS "Consultant Plus Prof" (date of access: 21.06.2026)

6. Degtyarev M.V. Validity and Purposes of Applying Experimental Legal Regimes. Agrarian and Land Law. 2020. No. 12 (192). P. 152 – 155.

7. Kovalenko M.A. Experimental Legal Regime: Current Status and Problems. Legal Concept = Legal Paradigm. 2025. Vol. 24. No. 4. P. 61 – 67. DOI https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.8

8. Smorchkova L.N. Experimental Legal Regime in the Digital Sphere: Innovations and Development Trends. Law and Practice. 2026. No. 1. P. 63 – 66.

9. Chereshneva I.A. Experimental Legal Regime in the Sphere of Digital Innovations: On the Issue of Ensuring Legal Certainty. Law and Politics. 2023. No. 12. P. 27 – 34. DOI: 10.7256/2454-0706.2023.12.69354 EDN:HJYXLO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69354

10. Kommersant JSC // website. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8590083 (date of access: 10.10.2025)

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

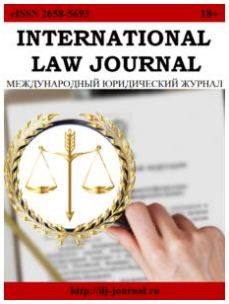
Информация об авторах

Арташина И.А., кандидат экономических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2693-6857, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23, artashina@mail.ru

Дудина В.Ю., кандидат экономических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9452-0677, Нижегородский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 46, v.tsyganova@mail.ru

Жулькова Ю.Н., кандидат экономических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9016-920X, Нижегородский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 46, zhulkova@mail.ru

© Арташина И.А., Дудина В.Ю., Жулькова Ю.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)
УДК 341.018
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-247-252

Отдельные аспекты правоприменения исключений статьи 12h Регламента Совета (ЕС) № 833/2014

[1] Кузнецов А.Н., [2] Шукри Д.С.,
[1] АО «Росатом автоматизированные системы управления»,
[2] Группа компаний «Автоприбор»

Аннотация: *в статье рассматриваются проблемы правоприменения статьи 12h Регламента Совета (ЕС) № 833/2014 в отношениях с участием российских лиц. Проанализированы цели введения рассматриваемой нормы, а также проблемы толкования при реализации исключений из санкционного режима. Особое внимание уделено вопросам определения объема разрешенной деятельности, соотношения статьи 12h с иными положениями Регламента Совета (ЕС) № 833/2014, в том числе со статьями 11 и 2a, а также определению круга лиц, на которых распространяется действие предусмотренных исключений. Проанализированы существующие правовые коллизии, способные повлиять на реализацию трансграничных проектов в сфере гражданской атомной энергетики, включая вопросы применения банковских гарантий, исполнения договорных обязательств и взаимодействия с лицами, в отношении которых действуют специальные ограничения. Сделан вывод о том, что наличие недостатков юридической техники и неоднозначность отдельных положений статьи 12h создают значительную правовую неопределенность для участников проекта. Обосновывается необходимость формирования единообразного подхода к толкованию рассматриваемой нормы посредством официальных разъяснений институтов Европейского союза и дальнейшего развития судебной практики Суда Европейского союза.*

Ключевые слова*: ограничительные меры экономического характера, санкционный комплаенс, право Европейского Союза, проект Паки-2, энергетическое право, ядерное право, толкование правовых норм, правовая неопределенность, уведомительный порядок*

Для цитирования: Кузнецов А.Н., Шукри Д.С. Отдельные аспекты правоприменения исключений статьи 12h Регламента Совета (ЕС) № 833/2014 // International Law Journal. 2026. Том 9. № 5. С. 247 – 252. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-247-252

Поступила в редакцию: 6 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июля 2026 г.; Принята к публикации: 4 августа 2026 г.

Selected aspects of the enforcement of derogations under Article 12h of the Council Regulation (EU) № 833/2014

[1] Kuznetsov A.N., [2] Shukri D.S.,
[1] Rosatom Automated Control Systems,
[2] Avtopribor Group

Abstract: *this article examines issues related to the enforcement of Article 12h Council Regulation (EU) № 833/2014 in relations involving Russian entities. It analyzes the objectives behind the introduction of this provision, as well as interpretation challenges arising from the implementation of exemptions from the sanction's regime. Particular attention is paid to determining the scope of permitted activities, the relationship between Article 12h and other provisions of Council Regulation (EU) № 833/2014 including Articles 11 and 2a as well as defining the*

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

group of persons to whom the provided exemptions apply. The article examines existing legal inconsistencies that may affect the implementation of cross-border projects in the field of civilian nuclear energy, including issues relating to bank guarantees, contractual performance, and cooperation with persons subject to specific restrictive measures. It is concluded that shortcomings in legislative drafting and ambiguities in the wording of Article 12h create a significant degree of legal uncertainty for participants in the project. The authors argue that a consistent approach to the interpretation of this provision should be developed through official guidance issued by the institutions of the European Union and the further evolution of the case law of the Court of Justice of the European Union.

Keywords: *economic restrictions, sanction compliance, EU law, Paks-2 project, energy law, nuclear law, interpretation of legal provisions, legal uncertainty, the notification procedure*

For citation: Kuznetsov A.N., Shukri D.S. Selected aspects of the enforcement of derogations under Article 12h of the Council Regulation (EU) № 833/2014. International Law Journal. 2026. 9 (5). P. 247 – 252. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-247-252

The article was submitted: June 6, 2026; Approved after reviewing: July 3, 2026; Accepted for publication: August 4, 2026.

Введение

Усиление санкционного режима оказало прямое влияние на международные энергетические потоки [7]. На этапе формирования основных секторальных ограничительных мер экономического характера (далее – санкции) со стороны Европейского союза (далее – ЕС) в отношении Российской Федерации в рамках Регламента Совета (ЕС) № 833/2014 (далее – Регламент № 833/2014) в 2022 году был сформирован широкий перечень запретов и ограничений в части торговли, финансов, энергетики, транспорта, технологий, оказания услуг и иных видов экономической деятельности [3].

Регламентом № 833/2014 также был предусмотрен перечень исключений (derogations), который предполагает снятие режима ограничений в отношении отдельных категорий экономической деятельности. В частности, в отдельную категорию исключений (derogations) было выделено сотрудничество в ядерной сфере, что предполагало продолжение коммерческого сотрудничества между компаниями ядерной отрасли Российской Федерации и государств-членов ЕС в части поставки товаров, финансового взаимодействия в рамках реализации как действующих, так и запланированных ранее проектов при условии получения разрешений со стороны национальных регуляторов государств-членов ЕС [6].

Цель исследования – выявление и анализ правовых коллизий, возникающих при применении исключений (derogations), предусмотренных статьей 12h Регламента № 833/2014, в контексте реализации проекта АЭС Пакш-2 (Венгрия), а также определение перспектив формирования единообразного подхода к толкованию данной нормы судебными органами ЕС и национальными регуляторами государств-членов ЕС [1].

Задачи – исследовать проблемы буквального и широкого толкования объема разрешенной деятельности, подпадающей под действие статьи 12h Регламента № 833/2014, определить круг лиц, на которых распространяется действие исключений, и оценить риски, связанные с участием в проекте лиц, включенных в приложение IV Регламента № 833/2014, а также спрогнозировать возможные подходы Суда Европейского союза (далее – Суд ЕС) к толкованию анализируемой нормы при отсутствии сформировавшейся судебной практики.

Гипотеза – несмотря на формальное закрепление в статье 12h Регламента № 833/2014 полного освобождения проекта «Пакш-2» от санкционных ограничений с заменой разрешительного порядка на уведомительный, существующие дефекты юридической техники и наличие противоречий с другими положениями Регламента № 833/2014 создают высокую степень правовой неопределенности. В отсутствие официальных разъяснений регуляторов государств-членов ЕС и правоприменительной практики существует значительный риск того, что Суд ЕС обратится к ограничительному (рестриктивному) толкованию нормы, что может существенно сузить фактический объем разрешенной деятельности и ограничить круг участников проекта.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: формально-юридический (догматический) метод для анализа формулировок норм Регламента № 833/2014, системно-структурный метод для выявления коллизий и взаимосвязей между статьями 12h, 11 и 2a, герменевтический метод для оценки воз-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

можных вариантов правоприменения, метод правового прогнозирования для оценки потенциальных рисков и вероятных позиций Суда ЕС.

Эмпирическая база исследования: нормативные правовые акты Европейского Союза, научная литература по вопросам санкционного комплаенса, международного и европейского энергетического права, доктринальные источники по проблематике толкования ограничительных мер [1, 2].

Результаты и обсуждения

24 июня 2024 года в соответствии с решением Регламента Совета (ЕС) № 2024/1745 (далее – Регламент № 2024/1745) вступила в силу статья 12h Регламента № 833/2014. В преамбуле Регламента № 2024/1745 были разъяснены основания для введения новой статьи 12h: «Союз привержен предотвращению угроз ядерной безопасности и физической ядерной безопасности. Соответственно, меры, предусмотренные настоящим Регламентом, не направлены на подрыв планирования, строительства и инженерного сопровождения, ввода в эксплуатацию, технического обслуживания или поставок ядерного топлива для строящегося проекта «Пакш-2». По этой причине Решение (CFSP) 2024/1745 вводит горизонтальное исключение из запретов, установленных настоящим Регламентом, в отношении проекта «Пакш-2» при условии выполнения обязанности по уведомлению о соответствующей деятельности» [1,2].

Обоснование решения ЕС исключить проект Пакш-2 из-под действия санкций также отражено в статье 1(u) Регламента № 833/2014, согласно которой деятельность, связанная с использованием атомной энергии в гражданских целях, включая проект Пакш-2, не подпадает под понятие «энергетический сектор» и, следовательно, пользуется особым режимом регулирования. Правовой анализ статьи 12h Регламента № 833/2014 показал, что статья исключает из-под действия санкций отдельные виды деятельности, связанные с реализацией проекта Пакш-2 [1].

В Регламенте № 833/2014 в редакции от 24 апреля 2026 года статья 12h изложена следующим образом: «В отношении проекта «Пакш-2» запреты, установленные настоящим Регламентом, не применяются к деятельности, необходимой для создания, эксплуатации, технического обслуживания, поставок топлива, переработки топлива и обеспечения безопасности объектов гражданской ядерной энергетики, а также для продолжения проектирования, строительства, ввода в эксплуатацию, завершения строительства объектов гражданской ядерной инфраструктуры, при условии, что физические или юридические лица уведомили о такой деятельности компетентные органы государства-члена ЕС, в котором они проживают, расположены, учреждены или зарегистрированы, в течение двух недель с момента начала такой деятельности. Соответствующее государство-член обязано в течение двух недель с момента получения такого уведомления проинформировать остальные государства-члены и Европейскую комиссию о полученной информации» [1].

Таким образом, фактически проект «Пакш-2» был выведен из ограничений Регламента № 833/2014, а значит необходимость получения разрешений национальных регуляторов государств-членов ЕС была заменена на уведомительный порядок.

На этапе вступления в силу статьи 12h Регламента № 833/2014 возникали опасения, что преамбула Регламента № 2024/1745 определенным образом ограничит сферу применения статьи 12h Регламента № 833/2014. При буквальном толковании можно было сделать вывод о том, что разрешена деятельность, которая направлена исключительно на предотвращение угроз ядерной безопасности и физической ядерной безопасности в части завершения строительства проекта Пакш-2, а любая другая (к примеру, договорная, финансовая и др.) деятельность в рамках проекта все еще требует получения необходимых лицензий и согласований у национальных европейских регуляторов.

Более того, сама статья 12h Регламента № 833/2014 также была сформулирована неоднозначно. По состоянию на июль 2026 года не опубликовано официальных разъяснений Европейской комиссии, Bundesamt für Wirtschaft und Ausfuhrkontrolle (BAFA, Федеративная Республика Германия), Service des biens à double usage (SBDU, Французская Республика) либо иных компетентных органов государств-членов Европейского союза, посвященных толкованию статьи 12h Регламента № 833/2014. Несмотря на наличие широких дискреционных полномочий со стороны Совета ЕС так же не было получено каких-либо дополнительных разъяснений [8].

Ввиду продолжения проекта Пакш-2 национальные европейские регуляторы рассматривают применение статьи 12h Регламента № 833/2014 отдельно по каждому случаю (case by case) и, исходя из практики, склонны «широко» толковать положения рассматриваемой статьи. Тем не менее по состоянию на 2026 год, продолжает существовать риск того, что Суд ЕС может буквально истолковывать статью 12h Регламента № 833/2014 [10]. Эта негативная оценка неопределенности применения санкционных актов звучит и со стороны европейского научного сообщества [4].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

В соответствии с вышеизложенным, например, деятельность, которая не связана напрямую с деятельностью «необходимой для создания, эксплуатации, технического обслуживания, поставок топлива, переработки топлива и обеспечения безопасности объектов гражданской ядерной энергетики, а также продолжения проектирования, строительства и ввода в эксплуатацию, необходимых для завершения строительства объектов гражданской ядерной инфраструктуры» не попадает под действие разрешений статьи 12h Регламента № 833/2014 [1]. К такой деятельности можно отнести вопросы, связанные с получениями банковских гарантий для проекта, вопросы возврата денежных средств по банковским гарантиям и др.

На данном этапе необходимо обратить внимание на то, что еще в 2023 году до вступления в силу статьи 12h, положения, касающиеся гражданской атомной сферы Регламента 833/2014, подверглись критике ввиду «неясности» и «неоднозначности» формулировок в исследовании итальянских ученых Р. Григолли (R. Grigolli) и Г. Пьясентини (G.Piacentini) [9].

Отдельно следует выделить проблемы в части взаимосвязи положений статьи 12h с другими положениями Регламента № 833/2014. Так, в соответствии со статьей 11(1) (b) Регламента № 833/2014 не принимаются к рассмотрению требования, связанные с каким-либо договором или сделкой, исполнение которых было затронуто, прямо или косвенно, полностью или частично, мерами, введенными в соответствии с Регламентом, включая требования о возмещении убытков или любые другие требования подобного рода, такие как требования о компенсации или требования по гарантии. В частности, претензии о продлении срока действия или выплате по облигациям, гарантиям или возмещению убытков, в особенности финансовой гарантии или финансового возмещения убытков, независимо от формы, удовлетворяются, если они предъявляются российскими лицами [1].

Следовательно, неясно, допускается ли, к примеру, исполнение требований российского лица по банковским гарантиям, выданным банками-резидентами ЕС в рамках проекта Пакш-2.

С одной стороны, в соответствии статьей 11(1) (b) Регламента № 833/2014 удовлетворение такого требования (claim under a guarantee) запрещено, с другой стороны, при широком толковании статьи 12h Регламента № 833/2014, можно прийти к обратному выводу о том, что требование может быть удовлетворено, так как такая деятельность способствует достижению цели предотвращения угроз ядерной безопасности и физической ядерной безопасности.

В связи с вышеизложенным, полагаем, что предпочтительно сделать выбор в пользу широкого толкования статьи 12h Регламента № 833/2014. Однако, как уже было отмечено ранее, ввиду отсутствия правоприменительной практики в виде опубликованных судебных решений, с учетом неоднозначных формулировок Регламента 833/2014, основываясь на общем принципе толкования санкционных норм, при наличии сомнений есть риск, что Суд ЕС, вероятнее всего, предпочтёт ограничительное (рестриктивное) толкование рассматриваемой статьи [11].

Еще один вопрос, возникающий при правоприменении статьи 12h Регламента № 833/2014, касается круга лиц, на которых распространяется действие данной нормы. Статья 12h Регламента № 833/2014 не содержит положений, определяющих круг лиц, которым разрешено принимать участие в реализации проекта Пакш-2.

Регламент № 833/2014 содержит определенный перечень ограничений в отношении лиц, включенных в приложение IV Регламента № 833/2014. Так, в соответствии с пп. 7 (i) статьи 2a Регламента № 833/2014 лицам, включенным в приложение IV Регламента № 833/2014, устанавливается запрет на предоставление финансирования или финансовой помощи и поставку товаров по перечню приложения VII Регламента № 833/2014. Любые исключения (derogations) в рамках атомной отрасли не могут быть применены для взаимодействия с этими лицам [1].

Проведенный анализ показал, что в рамках одного регламента сформированы положения, которые находятся в противоречии друг с другом. С одной стороны существует полное освобождение проекта Пакш-2 от ограничений Регламента № 833/2014 в рамках статьи 12h Регламента № 833/2014, с другой стороны существуют положения, которые прямо предусматривают нераспространение исключений (derogations) для атомной отрасли в отношении определенного перечня лиц.

Ввиду отсутствия действующей коммерческой практики по вопросу привлечения лиц из приложения IV Регламента № 833/2014 к участию в проекте Пакш-2 нельзя однозначно сказать, какое положение регламента на практике будет иметь преимущественную силу.

Полагаем, что Суд ЕС скорее предпочтет ограничительное толкование положения Регламента № 833/2014, предусматривающее распространение действия статьи 12h только на деятельность, которая связана с предотвращением угроз ядерной безопасности и физической ядерной безопасности.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

В условиях такой правовой неопределенности и риску ограничительного толкования со стороны Суда ЕС в будущем участникам проекта целесообразно на этапе согласования контрактов анализировать и оценивать последствия влияния такого решения на проект в части получения банковских гарантий, последствий реализации форс-мажора, страхования и т.д. [3]. Также большое значение имеет оценка необходимости внедрения процедур санкционного комплаенса в организации на этапе принятия решения об участии в проекте [5].

Выводы

Анализ статьи 12h Регламента № 833/2014 позволяет сделать вывод о наличии существенных недочетов в части юридической техники при составлении положений рассматриваемого Регламента.

Наиболее существенные проблемы связаны с определением объема разрешенной деятельности, соотношением статьи 12h с иными ограничительными положениями Регламента № 833/2014, в том числе статьями 11 и 2a, а также в части определения круга лиц, которые вправе пользоваться предусмотренными исключениями (derogations). Отсутствие официальных разъяснений со стороны уполномоченных институтов ЕС, а также сформировавшейся судебной практики, создает положение правовой неопределенности для участников рассматриваемых трансграничных правоотношений.

Представляется, что в дальнейшем определяющее значение для формирования единообразного подхода к применению статьи 12h Регламента № 833/2014 будет иметь развитие судебной практики и опубликование официальных разъяснений уполномоченных институтов ЕС [12].

Список источников

1. Регламент Совета (ЕС) № 833/2014 от 31 июля 2014 г. об ограничительных мерах в связи с действиями России, дестабилизирующими ситуацию на Украине (Council Regulation (EU) № 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine) // Official Journal of the European Union. 2014. L 229. P. 1 – 11. CELEX: 32014R0833. ELI: reg/2014/833/oj.

2. Регламент Совета (ЕС) 2024/1745 от 24 июня 2024 г. о внесении изменений в Регламент Совета (ЕС) № 833/2014 об ограничительных мерах в связи с действиями России, дестабилизирующими ситуацию на Украине (Council Regulation (EU) 2024/1745 of 24 June 2024 amending Regulation (EU) № 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine) // Official Journal of the European Union. 2024. L. 2024/1745. 24 June 2024. CELEX: 32024R1745. ELI: reg/2024/1745/oj.

3. Будкин В.О., Будкин О.О. Правовая квалификация геополитических санкций в контексте международного частного права // Образование и право. 2022. № 3. С. 22–26. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-3-22-26.

4. Геррейро А. 2025. Соответствуют ли «санкции» Европейского союза против России международному праву? // Московский журнал международного права. 2025. Т. 28. № 3. С. 6 – 23. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-6-23

5. Дарадонов К.В. Санкционный комплаенс: вопросы достаточности нормативного обеспечения // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 2 (55). С. 263 – 268. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.55.280

6. Лизикова М.С. Политико-правовые аспекты смены парадигмы развития атомной энергетики в ЕС // Государство и право. 2023. № 9. С. 147 – 157. DOI: 10.31857/S102694520027659-5

7. Моттаева А.Б. Институциональные основы взаимодействия внутреннего и внешнего рынков атомной энергетики Российской Федерации // Управление. 2025. Т. 13. № 3. С. 64 – 77. https://doi.org/10.26425/2309-3633-2025-13-3-64-77

8. Свиридова Е.А. Односторонние санкции и контрмеры в международном праве: проблемы легитимности и соразмерности // Проблемы экономики и юридической практики. 2025. Т. 21. № 6. С. 180 – 186. DOI: 10.33693/2541-8025-2025-21-6-180-186

9. Craig P., de Búrca G. EU Law: Text, Cases, and Materials. 8th ed. Oxford University Press, 2024.

10. Grigolli R., Piacentini G. The Role of Nuclear Activities for Civil Purposes in the Context of the EU Sanctions Against Russia // Institute of Nuclear Materials Management: Annual Meeting Proceedings. 2023. URL: https://resources.inmm.org/annual-meeting-proceedings/role-nuclear-activities-civil-purposes-context-eu-sanctions-against (дата обращения: 27.05.2026)

11. Judgment of the Court of Justice of the European Union of 21 December 2011 in Case C-72/11 Afrasiabi and Others. ECLI:EU:C:2011:874.

12. Tridimas T. The General Principles of EU Law. 4th ed. Oxford University Press, 2020.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

References

1. Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. Official Journal of the European Union. 2014. L 229. P. 1 – 11. CELEX: 32014R0833. ELI: reg/2014/833/oj.

2. Council Regulation (EU) 2024/1745 of 24 June 2024 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilizing the situation in Ukraine // Official Journal of the European Union. 2024. L. 2024/1745. 24 June 2024. CELEX: 32024R1745. ELI: reg/2024/1745/oj.

3. Budkin V.O., Budkin O.O. Legal Qualification of Geopolitical Sanctions in the Context of International Private Law. Education and Law. 2022. No. 3. P. 22 – 26. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-3-22-26.

4. Guerreiro A. 2025. Do the European Union's "Sanctions" against Russia Comply with International Law? Moscow Journal of International Law. 2025. Vol. 28. No. 3. P. 6 – 23. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-6-23

5. Daradonov K.V. Sanctions Compliance: Issues of Sufficiency of Regulatory Support. Business. Education. Law. 2021. No. 2 (55). P. 263 – 268. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.55.280

6. Lizikova M.S. Political and legal aspects of the paradigm shift in the development of nuclear energy in the EU. State and Law. 2023. No. 9. P. 147 – 157. DOI: 10.31857/S102694520027659-5

7. Mottaeva A.B. Institutional foundations for the interaction of the domestic and foreign markets of nuclear energy in the Russian Federation. Management. 2025. Vol. 13. No. 3. P. 64 – 77. https://doi.org/10.26425/2309-3633-2025-13-3-64-77

8. Sviridova E.A. Unilateral Sanctions and Countermeasures in International Law: Issues of Legitimacy and Proportionality. Problems of Economics and Legal Practice. 2025. Vol. 21. No. 6. P. 180 – 186. DOI: 10.33693/2541-8025-2025-21-6-180-186

9. Craig P., de Búrca G. EU Law: Text, Cases, and Materials. 8th ed. Oxford University Press, 2024.

10. Grigolli R., Piacentini G. The Role of Nuclear Activities for Civil Purposes in the Context of the EU Sanctions Against Russia. Institute of Nuclear Materials Management: Annual Meeting Proceedings. 2023. URL: https://resources.inmm.org/annual-meeting-proceedings/role-nuclear-activities-civil-purposes-context-eu-sanctions-against (date of access: 05/27/2026)

11. Judgment of the Court of Justice of the European Union of 21 December 2011 in Case C-72/11 Afrasiabi and Others. ECLI:EU:C:2011:874.

12. Tridimas T. The General Principles of EU Law. 4th ed. Oxford University Press, 2020.

Информация об авторах

Кузнецов А.Н., руководитель направления Отдела правового сопровождения внешнеэкономической деятельности и санкционного комплаенса АО «Росатом автоматизированные системы управления» ORCID ID: https://orcid.org/0009-0004-7609-7758, kuznetsov.a.n@my.mgimo.ru

Шукри Д.С., юрист по сопровождению международных проектов ГК «Автоприбор», ORCID ID: https://orcid.org/0009-0004-0289-4981, dshucri@gmail.com

© Кузнецов А.Н., Шукри Д.С., 2026